

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

2

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах: контент-анализ публикаций 6

Заварзина Ю.В. Оценка инвестиционной политики государства: качественный анализ 12

Маслодудова Н.В. Эффективность реализации государственной программы «информационное общество»: экспертная оценка 20

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Кокорева М.Е. Семья как агент социализации в комплексной реабилитации детей с инвалидностью 27

Суховская Д.Н., Маркова Д.К. Креативность в образовательном пространстве: социокультурные и институциональные аспекты 32

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Вельмисова Д.В. Развитие ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников современных предприятий в процессе коллективного взаимодействия и сотрудничества 40

Гусакова О.С. Формирование имиджа России во Франции: контент-анализ статей французских универсальных энциклопедий 45

Косарев И.В. Влияние инноваций на социальные технологии предоставления услуг в банковской сфере России 55

Павлова М.П. Формирования инновационного поведения как основа для прогрессивного развития территории: вторичный анализ 59

Пушкарева Н.Н., Киселёв М.С., Гуров Г.А. Социологический анализ вклада Российских студенческих отрядов в социально-экономическое развитие страны: результаты и перспективы 64

Сюзфэн Дай. Правовое регулирование развития цифрового управления крупными городами Китая: аспекты преодоления «цифрового неравенства» 72

Удинкан В.А. Факторы и закономерности развития пригородов Хабаровска в контексте глобальных типов субурбанизации 77

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ананичева С.Р. Роль патриотизма в жизни российского общества 84

Кравченко А.И. Замкадьё, или Есть ли жизнь за МКАДом? 90

Тагаков Н.Е., Логунова Л.Ю. Проблемы управления сферой массового спорта и физической культуры 96

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.: (495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организации и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силасте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Гральных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзущев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 28.02.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ОНТОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Бакин С.А.* Особенности дискурса научной рациональности в современной китайской философии 106
- Галимбекова Ф.С.* Концепция аксиологического конструктивизма как необходимое условие формирования компетенций студентов вузов..... 111
- Гао Хань.* Анализ идей научного реализма Николааса Решера..... 116
- Максимова К.С.* Движущие факторы развития науки: противоречие и парадокс в формализованных системах рассуждения 121

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Вэй Хунюй.* Современный путь интеграции науки, техники и культуры с точки зрения научно-технической инженерии 126
- Мартынова Н.Д.* Интроспективность гедонизма..... 132
- Пахомова А.М.* Основные черты образа макары в иконографии и храмовой архитектуре индуизма..... 137
- Семенчук С.С.* Перспективы эксплуатации искусственного интеллекта в образовательном процессе: к постановке философско-антропологической проблематики 144

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА, ЛОГИКА

- Сиверцев Е.Ю., Орлова Т.С.* К вопросу о логическом соотношении понятий «истинность» и «убедительность» 153

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Денисов А.А.* Социальные функции старчества: философский взгляд..... 159
- Зыщик Е.Б.* Смена технологических укладов как фактор социальных трансформаций в динамике техногенной цивилизации 163
- Тылик А.Ю.* Образовательная политика классического утилитаризма: исторический и теоретический аспекты..... 171
- Хуссейн К.Х.А.* Онтогенез и филогенез сознания: анализ египетской культурно-исторической парадигмы 178

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Лю Айхуа.* Логика формирования, ценностный смысл и практический путь изучения истории партии и воспитания членов партии в новую эпоху 185
- Саликов Р.Р.* Технологии и забота: новые возможности и вызовы 192
- Черненко Ф.О., Пушкарев А.Б., Колузанов Ф.Э.* Применение больших данных в финансовом секторе: теоретический анализ..... 196

TABLE OF CONTENTS

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Mass murders in schools: content analysis of publications 6

Zavarzina Yu.V. Assessment of the state investment policy: qualitative analysis 12

Maslodudova N.V. The effectiveness of the implementation of the state program “Information Society”: Expert assessment 20

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

Kokoreva M.E. The family as an agent of socialization in the comprehensive rehabilitation of children with disabilities 27

Sukhovskaya D.N., Markova D.K. Creativity in the educational space: socio-cultural and institutional aspects ... 32

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Velmisova D.V. Development of value-motivational meanings of the activities of modern enterprises employees in the process of collective interaction and cooperation 40

Gusakova O.S. The formation of Russia’s image in France: a content analysis of articles in french universal encyclopedias 45

Kosarev I.V. The impact of innovations on social technologies of service provision in the Russian banking sector 55

Pavlova M.P. Formation of innovative behavior as a basis for the progressive development of the territory: secondary analysis 59

Pushkareva N.N., Kiselyov M.S., Gurov G.A. Sociological analysis of the contribution of Russian student groups to the socio-economic development of the country: results and prospects 64

Dai Xuefeng. Legal regulation of the development of digital governance in large cities in China: aspects of overcoming the “digital inequality” 72

Udinkan V.A. Factors and patterns of development of Khabarovsk suburbs in the context of global types of suburbanization 77

SOCIOLOGY OF CULTURE

Ananicheva S.R. The role of patriotism in the life of Russian society 84

Kravchenko A.I. Zamkadie, or Is There Life Beyond the Moscow Ring Road? 90

Tagakov N.E., Logunova L.Yu. Problems of management in the sphere of mass sports and physical culture 96

ONTOLOGY, THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Bakin S.A. Features of scientific rationality discourse in modern Chinese philosophy 106

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali KulamOgly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Social Sciences Abroad”; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadiyevna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned: The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 02/28/2025 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 “On the protection of children from information harmful to their health and development.”

Galimbekova F.S. The concept of axiological constructivism as a necessary condition for the formation of consciousness of university students..... 111

Gao Han. An Analysis of the Scientific Realism Ideas of Nicholas Rescher 116

Maximova K.S. Driving factors in the development of science: contradiction and paradox in formalized systems of reasoning..... 121

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Wei Hongyu. The modern way of integration of science, technology and culture from the point of view of scientific and technical engineering..... 126

Martynova N.D. The Introspectiveness of Hedonism..... 132

Pakhomova A.M. The main features of the image of Makara in the iconography and temple architecture of Hinduism 137

Semenchuk S.S. Perspectives of artificial intelligence exploitation in the educational process: towards a statement of philosophical and anthropological issues 144

ETHICS, AESTHETICS, LOGIC

Sivertsev E.Yu., Orlova T.S. On the question of the logical relationship between the concepts of “truthfulness” and “persuasiveness” 153

SOCIAL PHILOSOPHY

Denisov A.A. Social functions of eldership: a philosophical view..... 159

Zyshchik E.B. Change of technological structures as a factor of social transformation in the dynamics of technogenic civilization..... 163

Tylik A.Yu. Educational policy of classical utilitarianism: historical and theoretical aspects 171

Hussein K.H.A. Ontogenesis and phylogeny of consciousness: an analysis of the Egyptian cultural and historical paradigm 178

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Liu Aihua. Formation Logic, Value Meaning, and Practical Path of Studying Party History and Educating Party Members in the New Era 185

Salikov R.R. Technology and care: new opportunities and challenges..... 192

Chernenkov F.O., Pushkarev A.B., Koluzanov Ph.E. Application of Big Data in the Financial Sector: a Theoretical Analysis 196

Массовые убийства в школах: контент-анализ публикаций

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashhev.rg@bk.ru

В статье приводятся результаты качественного исследования методом контент-анализа основных публикаций в новостных лентах СМИ и сети Интернет и социальных сетях о массовом насилии в школах с использованием огнестрельного оружия. Анализируется количество публикаций с 2020 по 2024 год, выделяются их типы, контекст и тематика. Проводится анализ основных публикаций в сфере психологии, социологии и права, рассматривающие причины, последствия и необходимые меры по профилактике скулшутинга или колумбайна в российских школах.

Ключевые слова: акты насилия, школа, агрессия, скулшутинг, колумбайн, массовое убийство, деструктивное поведение.

Акты насилия, совершаемые подростками в школах против своих одноклассников и учителей, становятся все более распространенным социальным явлением. Это явление получило также названия скулшутинга или колумбайна. Оно зародилось в США как форма девиантного поведения подростков и стало вирусно распространяться по всему миру во многом благодаря масмедиа, через фильмы, показывающие героизацию данного явления, сообщества «колумбанеров» в социальных сетях, которые собирают информацию о данных явлениях, обсуждают «успешные» и «провальные» акции массовых убийств о которых активно распространяют информацию СМИ и свидетели на своих личных страницах.

В этих сообществах происходит провокация молодых людей на активные действия по «мести» или «доказательству своей крутизны» тем, кто чем-то оскорблял молодых людей. А также в виде квест-игр и флеш-мобов запускаются задания по реализации маленьких локальных агрессивных акций (совершения насилия над домашними животными обижающих подростка одноклассников или животных «неадекватного» учителя) и планирования крупных акций уже целенаправленной агрессии в школе. Сегодня уже говорится о сложившейся субкультуре колумбайнеров, которая и в России имеет множество форм и вариантов реализации.

Если будем говорить о направлениях исследования актов массового насилия в школах, то выделяют, прежде всего, дисциплинарный подход. Например, психологи в большей степени акцентируют свое внимание на психологических особенностях поведения скулшутеров. Только 10% молодых людей имели психические отклонения и нуждались в психиатрическом лечении. Остальные колумбайнеры – это результат личностной предрасположенности и невозможности противостоять трудностям.

Также психологи говорят о том, что у данных подростков имеется предыдущий опыт насилия (физического, морального, сексуального), сложности в социальном взаимодействии (буллинг, издевательства, одиночество, отвержение и проч.). В этих условиях, психика подростка выстраивает линию необходимости проявления агрессии, чтобы защитить себя или отомстить за себя. Накопленный порой за годы истязаний негативный опыт требует проявления себя во вне – через явление о своей боли, передачи какого-то сигнала обществу или какой-то его группе. Примеры

данных исследований изложены в работах автора [1–14], Е.Г. Протопоповой и Е.В. Казенной [29], П.А. Баева [15–17].

Социологи говорят о социальных факторах, которые способствуют формированию скулшутинга. Например, экономические трудности семьи, потеря работы взрослыми членами семьи – ограничение возможностей социально-экономического регулирования и стратификационного положения приводят к тому, что молодые люди стремятся поставить точку в этих условиях. И эта точка становится – актом насилия, о котором будут помнить все те, кто его когда-то окружал и не смог поддержать в трудных условиях.

Также социологи рассматривают скулшутинг как одну из форм проявления агрессии и насилия в обществе, как одну из его необходимых черт, пусть и достаточно негативных. Но без насилия не будет «очищения» и «укрепления духа» представителей разных социальных групп и сообществ. Это форма проверки и адаптации социализации в жестких условиях современного мира. По мнению Э. Дюркгейма, отсутствие социальной регуляции социума приводит к росту числа самоубийств. В продолжении его идей, мы можем говорить о том, что отсутствие социального контроля и внимания к подросткам приводит к актам массового насилия.

Скулшутинг иногда называют демонстративным суицидом, потому что в 90% случаев колумбайнеры либо совершают самоубийство, либо погибают под пулями группы захвата из полицейских. Это тоже форма проявления себя, а также способ напугать общественность. Коллеги отмечают повышение уровня тревожности, страха за детей, после актов массового насилия не только в том регионе, где оно случилось, но и далеко за его пределами (О.А. Полюшкевич [24–28], Н.В. Вяткиной и коллег [28], В.В. Плотникова и С.Ф. Самойлова [23], С.А. Мартиросян и коллег [22]).

Юристы и полицейские анализируют акты массового насилия как формы девиантного поведения, которые провоцируются социальными и психологическими процессами, но влияющими на ослабление легитимного порядка, ослабление работы социальных норм и табу. Также они говорят об угрозах социальной безопасности и в некоторых работах, скулшутинг рассматривается как форма террористических актов (особенно если он совершен под воздействием и контролем администратор сообществ смерти в социальных сетях или на конкретных сайтах, посвященных актам массового насилия). Можно выделить работы таких ученых как Ю.В. Суходольская [30], Ю.А. Клейберг [21], С.Н. Гусев [19], А.Ю. Карпова и Д.В. Чайковский [20] и других.

Ученые всех направлений стремятся выяснить причины и способы профилактики актов массового насилия. Это становится основным инструмен-

том социального развития формирования новых форм просветительского направления для родителей, школьных учителей, психологов, полицейских, представителей общественных организаций и других заинтересованных сторон.

Так как, большинство скулшутеров оставляют символические или демонстративные сообщения о том, почему, из-за чего или для чего они пошли на массовые убийства, а затем и массовое распространение этой информации в СМИ и сети Интернет, то формируется некое поле социальных стереотипов и установок, в отношении актов массового насилия. И люди, кто не сталкивался с данным явлением лично или их родственники не становились жертвами скулшутеров – у них все равно формируются свои оценки восприятия того, что стало причиной данного явления.

Различные медиаресурсы активно тиражируют информацию о массовых убийствах, так как это является «горячим» материалом, сенсационными фактами, которые нагнетают общий тревожный фон и приводят к массовым проблемам с ментальным здоровьем. Это все повышает рейтинг СМИ. А также позволяет вовлечь большое количество людей в обдумывание, обсуждение данной темы как в открытых пространствах сети Интернет, так и кулуарно. Но в любом случае, это приводит к дополнительному вниманию к данному социальному явлению.

Результатом такой активности становится синдром Вертера (подражательный синдром), который провоцирует все новые и новые повторы, которые за собой повлекут опять же новые и новые повторы. Результатом этого становится общая тревожность социума, постоянное присутствие идеи массового убийства в школах и, в конечном счете, – повтор его в новом месте, в новых условиях.

Особенности исследования

В рамках исследования мы провели контент-анализ публикаций в новостных лентах и социальных сетях с 2020 по 2024 г. В анализ включались слова «массовое насилие в школе», «скулшутинг», «колумбайн», «расстрел в школе», «насилие в школе и огнестрел». Для анализа подбирались новостные каналы, с количеством подписчиков более миллиона и социальных сетей (вконтакте и телеграмм). Анализ проводился при помощи программы Atlas.ti.

Анализ результатов исследования

В результате контент-анализа мы выявили высокий уровень распространенности данной тематики в различных новостных каналах (табл. 1). Это позволило выявить охват, контекст и типы публикаций по поводу массового насилия.

Таблица 1. Контент-анализ публикаций в новостных каналах с более миллионом подписчиков и социальных сетях ВКонтакте и телеграмм об актах массового насилия в школе с 2020 по 2024 г. (в %)

Категории поиска	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Массовое насилие в школе	22,4	23,7	20,7	20,4	212,6
Скулшутинг	18,7	20,2	24,1	26,1	22,4
Колумбайн	18,6	18,1	21,3	18,5	19,9
Расстрел в школе	15,3	17,9	16,3	16,2	18,4
Насилие в школе и огнестрел	25,0	20,1	17,6	18,8	17,7

Вошедшие в анализ публикации можно рассмотреть с разных позиций. Мы смогли выделить несколько типов публикаций, каждый из которых отражает смысловую тематику рассматриваемого деструктивного явления.

Герой. Личность человека, который расстреливает одноклассников и учителей преподносится как героическая, способная показать обществу внутреннюю боль или то, как человек не справляется с внешним давлением и социальным безразличием. Эти публикации описывают скулшутеров как героев-одиночек, поставивших себя против системы и таким деструктивным способом, заявившим о себе. Например, «Герой-одиночка смог за себя отомстить всем, кто над ним издевался долгие годы».

Преступник. Обсуждается личность, совершившая акты насилия. Такое поведение – это преступление против других людей и общества в целом. Это нарушение социальных, моральных и правовых норм. Такое поведение показывает пример неадекватного поведения человека в сложной ситуации. Например, «Поведение человека нарушающего нормы жизни через убийство не может быть принято обществом, его надо осудить и наказать».

Мера преступления и наказания. В данных публикациях рассматриваются причины, побудившие подростка взять оружие (начиная от социальной отчужденности и безразличия, травли и буллинга, заканчивая давлением социальных институтов на личность не сформировавшегося человека). А также рассуждение о том, какая мера наказания для скулшутера приемлема (если он остался жив – какой срок или изменение моратория на смертную казнь) и могут (или должны ли) привлекаться к наказанию лица, не сумевшие увидеть эту проблему и предотвратить ее. Например, «Кровная месть решит эту проблему. Расстрелять родителей, которые вырастили душегуба».

Оружие. Часть публикаций касалась темы доступности приобретения огнестрельного оружия, как легальными, так и нелегальными способами. Например, «Ружье на стене рано или поздно вы-

стрелит, доступ к оружию подростков приведет к тому, что они им воспользуются».

Больной. Публикации этого типа отражают тематику того, что скулшутеры – это психически больные люди и их не судить надо, а лечить. Психические заболевания могут быть генетически преопределенными или социально приобретенными, но в любом случае, требующими специальной психиатрической поддержки. Например, «Нормальные люди учителей не расстреливают, потому что те, поставили двойку, и одноклассников не убивают из-за глупых шуток».

Деградация общества. Общество разрушается, теряет моральные нормы и условия социализации и тем самым подталкивает подростков к девиантному и делинквентному поведению. Каждый из нас – своим безразличием провоцирует акты массового насилия в образовательных учреждениях. Например, «Общество сгнило изнутри, скулшутеры – это проявление этого процесса во вне».

Жертвы скулшутеров. Этот тип публикаций относится к тем, что описывают (чаще эмоционально-сострадательно психологическое воздействие на жертв скулшутера). Присутствуют контексты описания горя, беды, печали, сложных переживаний, требующих особой адаптации и реабилитации. Например, «Бедные, бедные дети и учителя, пережившие расстрел в собственной школе».

Молитвы за души. Публикации направлены на сострадание и спасение невинных жертв, а также тех, кто спровоцировал скулшутера. Чаще это прорелигиозные публикации. Практически в каждой из них поднимаются вопросы морали, этики и профилактики такого поведения для спасения душ еще живущих, но уже страдающих людей от безысходности, невнимания, одиночества, травли, стигматизации и буллинга подростков. Например, «Боже, спаси души невинно убиенных из-за действий чудовищ в теле ребенка».

Терроризм и социальная безопасность. Публикации данного типа оценивают скулшутеров как общественную угрозу социальной безопасности. Выявляются тайные и явные кукловоды, подталкивающие молодых людей к деструктивным действиям. Эти деятели относятся к террористам или подстрекателям к терроризму и оцениваются как реальная угроза для социальной безопасности общества. Тут же проводится оценка принятых мер по противодействию терроризма, обеспечению социальной безопасности в образовательных учреждениях. А также предлагаются программы по профилактике насилия, девиантного и делинквентного поведения, буллинга в образовательных учреждениях, выявление молодых людей, находящихся в зоне риска и изучении мер помощи им со стороны психологов, педагогов, родителей, представителей правоохранительных органов. Например, «Массовые убийства в школах становятся актами

терроризма и угрожают социальной безопасности всего общества».

Таким образом, проведенный анализ публикаций в ключевых массовых новостных изданиях и социальных сетях показал постоянное присутствие тематики колумбайна, скулшутинга или актов массового насилия в медийном пространстве. Это то, что влияет на психо-эмоциональное состояние общества, уровень тревожности и беспокойства за детей.

Тиражируемые в массмедиа материалы становятся одним из показателей общественных настроений и ожиданий. Распространение этой информации приводит к подталкиванию многих молодых людей к действиям не имеющим обратной силы – к убийствам. В данном случае – осведомленность разнообразной информацией приводит к печальным событиям.

Полагаем, что необходимо увеличить тематику и контекст публикаций направленных на профилактики и своевременное выявление лиц, находящихся в зоне риска. Это то, как можно в позитивном контексте использовать СМИ и сеть Интернет для предотвращения массовых убийств и развития социальных условий для гуманистического поведения.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 58–68.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
3. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
4. Ардашев Р.Г. Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85
5. Ардашев Р.Г. Буллинг в образовательных учреждениях // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 280–286.
6. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
7. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 23–30.
8. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах: оценка ментального здоровья // Социология. 2024. № 12. С. 27–31.
9. Ардашев Р.Г. Ментальное здоровье молодежи: депрессия и суицид в общественном сознании // Социология. 2024. № 10. С. 21–25.
10. Ардашев Р.Г. Обыденность насилия в образовательных учреждениях // Социология. 2024. № 5. С. 22–30.
11. Ардашев Р.Г. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12.
12. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
13. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
14. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение учащейся молодежи: современная аддикция // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 12.
15. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
16. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
17. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
18. Вяткина Н.В., Щукина Р.И., Федотова П., Гаджиева М.Т. Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 120–130.
19. Гусев С.Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.A013
20. Карпова А.Ю., Чайковский Д.В. «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2(22). С. 45–53
21. Клейберг Ю.А. Шуттинг как психолого-девиантологический феномен // Вестник экс-

- периментального образования. 2020. № 1 (22). С. 42–49.
22. Мартиросян С.А., Овруцкая Г.К., Безвербная Н.А. Скулшутинг в эпоху цифровизации // *Caucasian Science Bridge*. 2021. № 4 (14). С. 121–122.
 23. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // *Общество и право*. 2021. № 2 (76). С. 161–168.
 24. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2022. № 13. С. 41–48.
 25. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 5. С. 50–58.
 26. Полюшкевич О.А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гоффмана // *Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов*. Иркутск: Иркутск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 24–29.
 27. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2019. № 10. С. 159–164.
 28. Полюшкевич О.А. Современное прочтение Ирвина Гоффмана // *В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина*. 2019. С. 61–67.
 29. Протопопова Е.Г., Казенная Е.В. Нападения на учебные заведения: феномен «скулшутинг» (скулшутинг) и психологические аспекты безопасности образовательной среды // *Образование личности*. 2019. № 1. С. 12–19.
 30. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 3 (77). С. 117–120.
 2. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicidal Behavior in Young People // *Sociology*. 2022. No. 3. Pp. 39–46.
 3. Ardashev R.G. Cybersuicide and Cyberbullying in Modern Society // *Sociology*. 2022. No. 6. Pp. 32–38.
 4. Ardashev R.G. Philosophy of Suicide in Virtual Space // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, No. 2. Pp. 77–85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85
 5. Ardashev R.G. Bullying in educational institutions // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference*. Irkutsk, 2024. Pp. 280–286.
 6. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // *Sociology*. 2022. No. 6. Pp. 32–38.
 7. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. No. 5. Pp. 23–30.
 8. Ardashev R.G. Mass murders in schools: assessment of mental health // *Sociology*. 2024. No. 12. P. 27–31.
 9. Ardashev R.G. Mental health of young people: depression and suicide in the public consciousness // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 21–25.
 10. Ardashev R.G. Everyday life of violence in educational institutions // *Sociology*. 2024. No. 5. P. 22–30.
 11. Ardashev R.G. Problems of bullying and cyberbullying in educational institutions // *Eurasian Law Journal*. 2024. No. 12.
 12. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
 13. Ardashev R.G. Suicidal behavior among young people: irrationality of perception // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2022. No. 7. P. 41–45.
 14. Ardashev R.G. Suicidal behavior of student youth: modern addiction // *Alma Mater (Higher School Bulletin)*. 2024. No. 12.
 15. Baev P.A. What Russian youth is proud of and what is it ashamed of // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. P. 129–132.
 16. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
 17. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
 18. Vyatkina N.V., Shchukina R.I., Fedotova P., Gadzhieva M.T. Schoolshooting in Russia: a look at the problem of researchers and ordinary people // *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences*. 2023. No. 1. P. 120–130.
 19. Gusev S.N. Determinants of School Shooting Acts // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 3 (62). P. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.A013
 20. Karpova A. Yu., Tchaikovskiy D.V. “Post-Columbine Effect”: Stochastic Terrorism // *Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee*. 2019. No. 2 (22). P. 45–53
 21. Kleiberg Yu.A. Shooting as a Psychological-Deviantological Phenomenon // *Bulletin of Experimental Education*. 2020. No. 1 (22). P. 42–49.
 22. Martirosyan S.A., Ovrutskaya G.K., Bezverbnaya N.A. Schoolshooting in the Age of Digitalization // *Caucasian Science Bridge*. 2021. No. 4 (14). Pp. 121–122.
 23. Plotnikov V.V., Samoilov S.F. The Problem of Schoolshooting (Columbine) in Russian Science // *Society and Law*. 2021. No. 2 (76). Pp. 161–168.
 24. Polyushkevich O.A. Morality and Play in Modern Society // *The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man*. 2022. No. 13. Pp. 41–48.
 25. Polyushkevich O.A. Modern Reading of the Sociology of Morality // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 5. Pp. 50–58.
 26. Polyushkevich O.A. Stigmatization: Analysis within the Framework of I. Goffman’s Concept // *Philosophy of Health: Integral*

MASS MURDERS IN SCHOOLS: CONTENT ANALYSIS OF PUBLICATIONS

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article presents the results of a qualitative study using the method of content analysis of the main publications in the news feeds of the media and the Internet and social networks about mass violence in schools with the use of firearms. The number of publications from 2020 to 2024 is analyzed, their types, context and topics are highlighted. An analysis of the main publications in the field of psychology, sociology and law is carried out, considering the causes, consequences and necessary measures to prevent school shooting or columbine in Russian schools.

Keywords: acts of violence, school, aggression, school shooting, columbine, mass murder, destructive behavior.

References

1. Ardashev R.G. Irrational Foundations of Suicide // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 2. Pp. 58–68.

- Approach. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Irkutsk: Irkutsk. state medical university, 2019. Pp. 24–29.
27. Polyushkevich O.A. Norms of Solidarity after Mass Violence // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2019. No. 10. Pp. 159–164.
28. Polyushkevich O.A. Modern Reading of Erving Goffman // In Search of Social Truth. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. Pp. 61–67.
29. Protopopova E. G., Kazennaya E.V. Attacks on educational institutions: the phenomenon of “school shooting” (school shooting) and psychological aspects of the safety of the educational environment // Education of the personality. 2019. No. 1. Pp. 12–19.
30. Sukhodolskaya Yu.V. School shooting as an independent criminological phenomenon // Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. 2020. No. 3 (77). Pp. 117–120.

Оценка инвестиционной политики государства: качественный анализ

Заварзина Юлия Владимировна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье проводится анализ стратегий инвестиционной политики России, анализируются функции инвестиционной политики. А также на основе экспертного интервью проводится качественный анализ принципов реализации инвестиционной политики Российской Федерации, выявляются основные закономерности, риски и перспективы.

Ключевые слова: инвестиционная политика, регион, развитие, качественный анализ, перспективы развития.

Инвестиции выступают обязательным условием обновления материально-технической и нематериальной базы общественного производства, а также инновационного развития общества. В этой связи, одной из важнейших задач государства является разработка и реализация инвестиционной политики, способствующей созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в национальную экономику и стимулирование обновления средств и предметов труда, а также научно-исследовательской деятельности.

Геополитическая обстановка за последние пять лет способствовала существенным изменениям в международных отношениях России с рядом стран и переориентации сотрудничества с дружественными странами. Вместе с неопределенностью экономической ситуации это вызывает необходимость использования гибких подходов к стимулированию отечественных инвестиций и привлечения иностранных вложений капитала в российскую экономику.

Актуальность темы работы вызвана, в этой связи, необходимостью технологической модернизации российских производств, разработки инновационной и конкурентоспособной на мировом рынке продукции в современных условиях геополитической нестабильности, а также увеличения несырьевого неэнергетического экспорта с целью обеспечения стабильного социально-экономического развития и устойчивости национальной и региональной экономики России.

Однако динамичные изменения условий реализации инвестиционной политики приводят к необходимости актуализации научных исследований по теме работы, особенно, в современных условиях стремительных изменений внешнеполитической и экономической ситуации.

Необходимым условием экономического роста в любой стране, практически независимо от сложившейся социально-политической обстановки является доступность денежных средств для лиц, которые способны эффективно их использовать. Поэтому без инвестиций невозможно обеспечить фактически нормальное функционирование и развитие экономической системы страны. Состояние инвестиций оказывает прямое влияние на уровень общественного воспроизводства, структурные экономические сдвиги, развитие отраслей промышленности и хозяйства, уровень занятости и прочие макроэкономические факторы, определяющие экономическое развитие.

В литературе имеются данные о перспективах инвестиционной политики России (С.О. Федорова [29], А.А. Халяпин и Т.А. Окинча [30]), об особенностях инвестиционной политики в Иркутской области И.И. Журавлев [8], Ю.В. Заварзина [9–13], а также других регионов России (К.М. Кашуба [14], Е.А. Маслюкова и О.В. Юткина [15], о правовом регулировании инвестиционной политики и государственно частном партнерстве (А.И. Бикмухаметова [1]), неуплате налогов как негативном факторе, воздействующем на инвестиционную привлекательность региона (Е.В. Палащенко [16–21]).

Вопросы креативного и трудового потенциала развития территории под влиянием инвестиционной политики анализируются в работах П.А. Баева [2–5], социокультурных и социально-психологических трансформаций под влиянием экономических изменений в работах О.А. Полюшквич [22–25], В.А. Скуденкова [26–28] и других.

С учетом разнообразия направлений инвестирования в литературе содержатся различные подходы к определению инвестиций и инвестиционной политики. Сам термин «инвестиции» имеет иностранное происхождение (от лат. *investire*, нем. *investition*), которое в переводе означает долгосрочные вложения капитальных средств в какие-либо программные объекты социально-экономического характера и проекты в стране или за ее пределами с целью получения социального эффекта или экономической выгоды.

Государственную инвестиционную политику чаще определяют как составную часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к инвестиционной деятельности. В этом определении представляется не совсем подробным формулировка «отношение государства», однако она точно характеризует суть инвестиционной политики – она предполагает цели, направления и формы государственного управления инвестиционной деятельностью, например, их стимулирование и/или сдерживание в отдельных отраслях.

С.О. Федорова [29] под инвестициями понимает вложения средств в основной капитал, резервы, запасы и прочие экономические объекты и процессы, для которых необходимо отвлечение денежных и материальных средств на какой-либо период времени. Это предполагает сущность инвестиций в том, что они являются потоком вложений средств, которые отвлечены от непосредственного потребления для конкретных целей.

Под инвестиционной политикой, по мнению К.В. Балдина, следует понимать целенаправленную деятельность государства по обеспечению благоприятных условий для осуществления инвестирования, эффективного использования инвестиционного потенциала страны для экономического роста и решения задач социально-экономического развития. Следует отметить, что

такое определение достаточно точно характеризует рассматриваемый термин, поскольку предполагает, что инвестиционная политика государства представляет собой деятельность государства, направленную на стимулирование инвестиционной деятельности, исходя из наиболее важных потребностей развития национальной и региональной экономики.

Инвестиции – это отказ от определенной ценности в настоящее время для получения ценности в будущем, в отдельных случаях, которая конкретно определена. Такое определение лишь в определенной мере характеризует инвестиции с учетом временного фактора, снижая значение их экономической сущности.

Ю.В. Заварзина отмечает, что обширное понятие инвестиций необходимо трактовать с финансовой и экономической позиции. В первом случае, инвестиции можно определить как любые вклады активов в финансово-хозяйственную деятельность предприятия для последующего получения доходов [10]. С экономической позиции, по мнению О.В. Юткиной [15], инвестиции следует рассматривать как «расходы на создание или приобретение, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение основного капитала» предприятия, а также изменения оборотного капитала в связи с такими расходами.

Аналогичного мнения придерживается И.И. Журавлев [8], который отмечает, что Дж.М. Кейнс приводил двойственную оценку инвестиций:

- инвестиции представляют собой затраты, которые определяют прирост стоимости капитального имущества в результате реализации инвестиционного проекта;
- инвестиции отражают величину аккумулированного дохода на цели его накопления.

Следует отметить, что такой подход характеризуется определенной комплексностью. Экономическое содержание инвестиций в существующих условиях рыночной экономики заключается в соотношении их двух сторон – затрат ресурсов и получении определенного результата.

Он же определяет инвестиционную политику государства как комплекс ориентированных на потребности национальной экономики подходов и решений, определяющих объем, структуру и направления использования инвестиций в различных сферах и отраслях экономики. В этом случае автор обращает внимание, что государственная инвестиционная политика направлена, главным образом, на решение проблем и удовлетворение потребностей национальной экономики, либо экономики отдельного региона. В свою очередь, все меры государственного стимулирования инвестиционной деятельности и/или ее ограничения, например, со стороны иностранных инвесторов, предполагают учет конкретных потребностей экономики в определенный момент.

А.А. Халяпин и Т.А. Окинча [30] определяют инвестиционную политику государства как механизм, с использованием которого оно может активно воздействовать на существующую в стране экономическую систему, главным образом, на рынок инвестиций. В этом определении авторы подчеркивают, что суть государственной инвестиционной политики заключается в определенном воздействии государства на рынок инвестиций для достижения целей социально-экономического развития с использованием различных инструментов.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиции определяются как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в т.ч. имущественные права, иные права, вкладываемые в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта. Аналогичное определение инвестициям дают В.М. Аскинадзи и В.Ф. Максимова. Данное определение, как справедливо отмечает О.В. Борисова, характеризует сферу вложения средств, а не сущность инвестиций, которая, по ее мнению, заключается в отсроченном потреблении с целью наращивания капитала.

В свою очередь, А.И. Бикмухаметова [1] под инвестиционной политикой государства понимают

установленные законодательством формы и методы административного и экономического характера, направленные на решение задач социально-экономического развития страны и ее регионов, повышения эффективности инвестиций, а также безопасных условий их вложения в различные объекты. В этом определении авторы подчеркивают, что реализация инвестиционной политики осуществляется за счет мер административного характера – запретов, ограничений, требований и т.п., а также экономического характера, например, за счет создания благоприятных налоговых условий осуществления инвестиций.

Инвестиционная политика государства – это совокупность приемов и соответствующих им методов, которые направлены на решение задач, связанных с накоплением и использованием капитальных и финансовых вложений для экономического роста и повышения благосостояния населения. Здесь автор прямо указывает целевую направленность инвестиционной политики государства, которая предполагает использование различных средств и методов для стимулирования инвестиционной деятельности по всем ее направлениям для обеспечения экономического роста в стране и ее регионах.

Инвестиционная политика государства играет важную роль в экономике любого государства за счет ряда функций, которые она выполняет (рис. 1).

Регулирующая функция	<ul style="list-style-type: none"> Контроль и корректировка процессов в производстве, поддержание роста стоимости компаний, ускорение темпов развития народного хозяйства и, в целом, улучшение благосостояния населения
Распределительная функция	<ul style="list-style-type: none"> Распределение произведенных товаров, работ, услуг, выраженных в денежном выражении, между участниками экономической деятельности, а также между различными сферами и отраслями экономики
Стимулирующая функция	<ul style="list-style-type: none"> Модернизация, обновление и усовершенствование уже существующих объектов производства, а также внедрение новых технологий, инновационных решений и т. п.
Индикативная функция	<ul style="list-style-type: none"> Позволяют создать необходимые механизмы и инструменты для осуществления и достижения намеченных инвестиционных и производственных целей, способствуют поддержанию равновесия и стабильности в экономике

Рис. 1. Основные функции государственной инвестиционной политики

Регулирующая функция инвестиционной политики заключается в возможностях регулирования темпов роста национальной экономики и создания различных благоприятных условий для осуществления капитальных вложений в отдельных отраслях, например, здравоохранении, социальной сфере и т.д. Распределительная функция рассматриваемой политики предполагает определенное

распределение различных благ между участниками инвестиционной деятельности, а также отраслями экономики [11].

Важную роль играет стимулирующая функция инвестиционной политики, которая направлена на обновление материально-технической базы и наиболее эффективное использование капитала в различных отраслях и сферах деятельности,

которое позволяет удовлетворить интересы всех участников инвестиционного процесса. В свою очередь, инвестиционная политика государства обладает своеобразной индикативной функцией, поскольку отражает протекание тех или иных экономических процессов, способствуя поддержанию равновесия и стабильности в экономике [12].

Особенности организации и результаты анализа проведенного экспертного исследования

Для анализа существующей ситуации воздействия инвестиционной политики на социальное измерение регионального развития мы провели экспертный опрос, в котором приняли участие 16 человек, выступающих в роли экспертов на основании того, что они сами являются инвесторами региональных компаний, представителями общественности активно вовлеченными в социальные процессы региона, политиками, журналистами и преподавателями высшей школы, касающимися в своих профессиональных ориентирах на инвестиционную политику региона. Интервью проводилось в zoom длилось 1,5–2 часа.

Реализация государственной инвестиционной политики осуществляется на основе ряда принципов. Обязательным принципом реализации государственной инвестиционной политики является ее законность (95%), т.е. проведение исключительно на основании требований и положений действующих нормативно-правовых актов. Важным условием проведения данной политики, в т.ч. установленном в рыночной экономике, является равноправие всех субъектов инвестиционной деятельности, включая государственные и муниципальные органы власти. Это вызвано тем, что реализация инвестиционной политики государства осуществляется, по сути, в условиях рынка инвестиций, где государство, несмотря на свою регулируемую роль, выступает одним из субъектов рынка и не должно ограничивать или необоснованно вмешиваться в формирование спроса и предложения на рынке инвестиций. Исключением из этого правила является необходимость защиты законных интересов и прав различных лиц.

В этой связи, важным принципом государственной инвестиционной политики является защита законных прав инвесторов. Существование данного принципа вызвано не только тем, что такая защита традиционно является одной из функций государства, но и рисками мошеннических действий на различных рынках инвестиций, например, финансовых вложений. В данном случае государство через уполномоченные органы и с использованием системы нормативно-правового регулирования обеспечивает защиту прав инвесторов на рынках капитальных и финансовых вложений.

Принцип невмешательства государства в деятельность субъектов инвестиционной деятельно-

сти (55%), связан со свободой рыночных отношений – государственные органы, в целом, проводят свободную инвестиционную политику в современных условиях, т.е. рынок инвестиций в определенной мере развивается под влиянием спроса и предложения. Несмотря на это, государством принимаются соответствующие меры по стимулированию инвестиционной активности и повышению привлекательности отдельных регионов для инвестиций.

Важным принципом рассматриваемой политики является взаимная ответственность органов власти и всех участников инвестиционной деятельности (43%). Данный принцип связан со свободой субъектов рыночных отношений. В свою очередь, инвестиционная политика государства предполагает обеспечение сбалансированности интересов всех участников процесса инвестирования, поскольку только в таком случае возникает их заинтересованность в осуществлении инвестиций.

В качестве еще одного принципа государственной инвестиционной политики является ее регламентация в определенных нормативно-правовых актах, открытость и гласность для населения и всех участников, в т.ч. потенциальных и действующих инвесторов (37%). Такая открытость выступает важным условием обеспечения инвестиционной политики на уровне страны и, особенно, отдельного региона, поскольку способна оказать влияния на принятие решений инвесторов об осуществлении вложений капитала в те или иные отрасли экономики.

Эксперты выделили следующие цели инвестиционной политики государства:

- мобилизация финансовых ресурсов внутри страны и за ее пределами в приоритетные отрасли экономики (25%);
- повышение уровня инвестиционной активности среди населения для использования капитала (17%);
- реализация различных программ строительства, сооружения, технического перевооружения и модернизации производственных объектов, а также объектов, имеющих социокультурное значение (15%);
- привлечение прямых иностранных инвестиций в национальную экономику в размерах, не представляющих угрозу национальной безопасности (13%);
- обеспечение структурных преобразований в экономике за счет активизации инвестиционной деятельности и повышение эффективности капитальных вложений (30%) и др.

Эксперты отмечали, что государственная инвестиционная политика представляет собой совокупность форм, методов и средств воздействия государства на инвестиционную деятельность с целью создания благоприятных условий для повышения

объема вложений капитала в экономику страны и ее регионов в рамках обеспечения социально-экономического развития и повышения благосостояния населения.

Они указывали, что инвестиционная политика государства играет важную роль и общественном воспроизводственном процессе, обновлении материально-технической базы и рациональном размещении капитала, способствуя активизации различных направлений его использования для решения важных социальных и экономических задач, а также разнообразных проблем. Государство, наряду с этим, обеспечивает защиту законных интересов и участников инвестиционной деятельности на основе законности и равноправия, а также сбалансированности государственных, муниципальных и частных интересов. Неотъемлемым условием реализации инвестиционной политики государства является ее открытость и гласность, особенно, для инвесторов.

В современных экономических условиях государственная инвестиционная политика играет особую роль в развитии различных социально значимых отраслей, находящихся в ведении органов публичной власти. Наряду с этим, опыт зарубежных стран предполагает проведение индивидуальной инвестиционной политики, исходя из особенностей и специфики национальной экономики.

Роль государственно частного партнерства (ГЧП) для 70% экспертов выступает ключевым направлением инвестиционного развития страны. На национальном и региональном уровне в России активно развивается заключение концессионных соглашений по строительству крупных инфраструктурных проектов. Вместе с этим в России создаются различные центры и зоны для повышения инвестиционной привлекательности регионов и отраслей экономики. При этом существенная роль в стране отводится финансовым мерам поддержки различных отраслей, но и все активнее реализуются меры экономического стимулирования инвестиционной активности, в том числе за счет развития различных форм государственно-частного партнерства.

Таким образом, в отечественной практике сложились различные направления инвестиционной политики государства, исходя из особенностей национального экономического развития. В общем случае в большинстве стран, как и в России, применяется либеральный подход к осуществлению инвестиций, который предполагает минимальное вмешательство государства в рынок инвестиций. Наряду с этим, особое значение отводится развитию партнерства государства и частного сектора в реализации крупных инвестиционных проектов. В России такая практика распространяется преимущественно за счет заключения концессионных соглашений, в которых собственником объекта становится орган публичной власти. В большин-

стве стран, как и в России, большая роль в реализации инвестиционной политики отводится государственной поддержке отдельных регионов для обеспечения выравнивания уровня социально-экономического развития. Наряду с этим, в РФ реализация такой политики затруднительна с учетом большого числа таких регионов.

Обобщая опыт субъектов Российской Федерации по реализации государственной инвестиционной политики и оценки экспертов можно выделить следующие тенденции:

- особое значение в реализации инвестиционной политики отводится сотрудничеству государства и частного сектора; реализация в рамках ГЧП только крупных инвестиционных проектов, имеющих важное значение для инфраструктуры;
- особое внимание государства и осуществление прямых бюджетных инвестиций в научную сферу наряду со стимулированием вложений капитала частного сектора в инновации;
- в России активно развивается заключение концессионных соглашений по строительству крупных инфраструктурных проектов, однако недостаточно развиты меры экономического стимулирования инвестиционной активности, а не прямой финансовой поддержки из бюджета;
- реализуется политика выравнивания инвестиционной деятельности, при котором государство стимулирует развитие отдельных территорий вплоть до прямых инвестиций и/или освобождения от налогообложения иностранных и отечественных инвесторов;
- важная роль отводится финансово-кредитным институтам, в т.ч. специального характера предоставляющим льготные кредиты как внутренним, так и зарубежным инвесторам, что не характерно для российской инвестиционной политики и др.

Выводы

Государственная инвестиционная политика представляет собой совокупность форм, методов и средств воздействия государства на инвестиционную деятельность с целью создания благоприятных условий для повышения объема вложений капитала в экономику страны и ее регионов в рамках обеспечения социально-экономического развития и повышения благосостояния населения.

Инвестиционная политика государства играет важную роль и общественном воспроизводственном процессе, обновлении материально-технической базы и рациональном размещении капитала, способствуя активизации различных направлений его использования для решения важных социальных и экономических задач, а также разнообразных проблем. Государство, наряду

с этим, обеспечивает защиту законных интересов и участников инвестиционной деятельности на основе законности и равноправия, а также сбалансированности государственных, муниципальных и частных интересов. Неотъемлемым условием реализации инвестиционной политики государства является ее открытость и гласность, особенно, для инвесторов.

Литература

1. Бикмухаметова А.И. Особенности правового регулирования государственно-частного партнерства на современном этапе // *Интернаука*. 2021. № 21–4 (197). С. 21–23.
2. Баев П.А. Национальные интересы креативного развития регионов России // *Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона*. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 30–34.
3. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // *Социология*. 2024. № 7. С. 37–42.
4. Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений // *Социология*. 2024. № 8. С. 82–86.
5. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // *Социология*. 2024. № 4. С. 83–89.
6. Борисова Ю.В., Беляева Е.С., Гладкова Т.В. Проблемы и направления совершенствования инвестиционного климата Иркутской области // *Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе*. Материалы VIII Всероссийской научной интернет-конференции. 2016. С. 140–145.
7. Варнавский В.Г. Управление государственно-частными партнерствами за рубежом // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2021. № 2. С. 134–147.
8. Журавлев И.И. Государственная инвестиционная политика: проблемы, особенности и практика (на примере Иркутской области) // *Аудиторские ведомости*. 2023. № 2. С. 208–215.
9. Заварзина Ю.В. Особенности территориального развития Иркутской области // *Перспективы изучения социальной реальности*. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, 2021. С. 103–110.
10. Заварзина Ю.В. Перспективы развития региона: бизнес-инновации // *Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях*. Хабаровск, 2020. С. 927–933.
11. Заварзина Ю.В. Проблемы реализации инвестиционной политики в Иркутской области // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы*. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 548–555.
12. Заварзина Ю.В. Социальное измерение региональной инвестиционной политики // *Социология*. 2024. № 6. С. 28–35.
13. Заварзина Ю.В. Территориальное развитие: основные направления инвестиционной привлекательности // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы*. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 446–453.
14. Кашуба К.М. Совершенствование государственной инвестиционной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности Республики Татарстан // *Самоуправление*. 2022. № 3 (131). С. 389–392.
15. Маслюкова Е. А., Юткина О.В. Государственная инвестиционная политика: современное состояние и перспективы развития // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 2. С. 137–149.
16. Палащенко Е.В. Ментальные установки как причина неуплаты налогов // *Социология*. 2023. № 6. С. 35–41.
17. Палащенко Е.В. Налоговый комплаенс в России // *Социальные институты в правовом измерении: теория и практика*. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 189–191.
18. Палащенко Е.В. Несоблюдение налогового контроля в социальном измерении // *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений*. Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2023. С. 468–472.
19. Палащенко Е.В. Почему россияне не хотят платить налоги: оценка студентов // *Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития*. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 332–335.
20. Палащенко Е.В. Социальная нестабильность власти: несоблюдение налогового контроля // *Социальные институты в правовом измерении: теория и практика*. Материалы V Международной научно-практической конференции.

- Иркутский государственный университет. Иркутск, 2023. С. 187–189.
21. Палащенко Е.В. Экспертная оценка налогового комплаенса в России // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 256–259.
 22. Полюшкевич О.А. Перспективы будущего: особенности восприятия после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 149–151.
 23. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20–23.
 24. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.
 25. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 195–199.
 26. Скуденков В.А. Креативная экономика в развитии региональных проектов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 308–312.
 27. Скуденков В.А. Экономические притязания: инструменты предъявления в цифровом мире // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 163–165.
 28. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 104–109.
 29. Федорова С.О. Проблемы реализации государственной политики в сфере стимулирования инвестиционной деятельности бизнеса // Архонт. 2023. № 3 (36). С. 107–120.
 30. Халяпин А. А., Окинча Т.А. Государственная инвестиционная политика Российской Федерации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 2. С. 215–221.

ASSESSMENT OF THE STATE INVESTMENT POLICY: QUALITATIVE ANALYSIS

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the strategies of the investment policy of Russia, analyzes the functions of the investment policy. Also, based on an expert interview, a qualitative analysis of the principles of implementing the investment policy of the Russian Federation is carried out, the main patterns, risks and prospects are identified.

Keywords: investment policy, region, development, qualitative analysis, development prospects.

References

1. Bikmukhametova A.I. Features of legal regulation of public-private partnership at the present stage // Internauka. 2021. No. 21–4 (197). P. 21–23.
2. Baev P.A. National interests of creative development of Russian regions // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Proceedings of the V International scientific and practical conference. General editor T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. P. 30–34.
3. Baev P.A. Labor values and guidelines of regional youth in the context of digitalization // Sociology. 2024. No. 7. P. 37–42.
4. Baev P.A. Labor values of different generations // Sociology. 2024. No. 8. P. 82–86.
5. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia // Sociology. 2024. No. 4. P. 83–89.
6. Borisova Yu.V., Belyaeva E.S., Gladkova T.V. Problems and directions of improving the investment climate of the Irkutsk region // Culture and explosion: social meanings in a transforming society. Proceedings of the VIII All-Russian scientific Internet conference. 2016. P. 140–145.
7. Varnavsky V.G. Management of public-private partnerships abroad // Issues of public and municipal administration. – 2021. No. 2. P. 134–147.
8. Zhuravlev I.I. State investment policy: problems, features and practice (on the example of the Irkutsk region) // Audit statements. 2023. No. 2. Pp. 208–215.
9. Zavarzin Yu.V. Features of territorial development of the Irkutsk region // Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. General editors O.A. Polyushkevich, O.A. Edelshtein, G.V. Logunova. Irkutsk, 2021. Pp. 103–110.
10. Zavarzin Yu.V. Regional development prospects: business innovations // Telecommunication technologies: Updating and solving the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. Pp. 927–933.
11. Zavarzin Yu.V. Problems of implementation of investment policy in the Irkutsk region // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. pp. 548–555.
12. Zavarzin Yu.V. Social dimension of regional investment policy // Sociology. 2024. No. 6. pp. 28–35.
13. Zavarzin Yu.V. Territorial development: main directions of investment attractiveness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 446–453.

14. Kashuba K.M. Improving the state investment policy aimed at increasing the investment attractiveness of the Republic of Tatarstan // *Self-government*. 2022. No. 3 (131). P. 389–392.
15. Maslyukova E. A., Yutkina O.V. State investment policy: current state and development prospects // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Public and municipal administration. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 137–149.
16. Palashchenko E.V. Mental attitudes as a reason for non-payment of taxes // *Sociology*. 2023. No. 6. P. 35–41.
17. Palashchenko E.V. Tax compliance in Russia // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 189–191.
18. Palashchenko E.V. Non-compliance with tax control in the social dimension // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions*. Proceedings of the VIII international scientific and practical Internet conference. Vologda, 2023. Pp. 468–472.
19. Palashchenko E.V. Why Russians do not want to pay taxes: students' assessment // *Science and higher education in the 21st century: space of possibilities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. Pp. 332–335.
20. Palashchenko E.V. Social instability of power: non-compliance with tax control // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, 2023. Pp. 187–189.
21. Palashchenko E.V. Expert assessment of tax compliance in Russia // *Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice*. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 256–259.
22. Polyushkevich O.A. Prospects for the future: features of perception after COVID-19 // *Modern society in the context of socio-economic uncertainty*. XV International Scientific Conference "Sorokin Readings-2021". Moscow, 2021. Pp. 149–151.
23. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements*. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. Pp. 20–23.
24. Polyushkevich O.A. Social modeling: postvirtuality of urban space // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 227–232.
25. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 195–199.
26. Skudonov V.A. Creative economy in the development of regional projects // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. Pp. 308–312.
27. Skudonov V.A. Economic Claims: Tools for Presenting in the Digital World // *Philosophy and Culture of the Information Society*. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020. Pp. 163–165.
28. Skudonov V.A. Economic Claims: Effects of Transformations in Modern Society // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects*. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 104–109.
29. Fedorova S.O. Problems of Implementing State Policy in the Sphere of Stimulating Business Investment Activities // *Ark-hont*. 2023. No. 3 (36). Pp. 107–120.
30. Khalyapin A. A., Okincha T.A. State investment policy of the Russian Federation // *Actual issues of modern economy*. 2020. No. 2. P. 215–221.

Эффективность реализации государственной программы «информационное общество»: экспертная оценка

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются особенности реализации государственной программы «информационное общество», выявляются условия необходимости данной программы, ее характеристики и перспективы, а также на материалах экспертного опроса проводится характеристика условий и форм реализации данной программы, ее миссии и перспективных направлений развития. Материалы качественного исследования позволяют судить об особенностях управления общественными настроениями через программу информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, информационное влияние, государственная программа, экспертная оценка, оценка эффективности.

В современном мире экономика и управление трансформируются и переходят от традиционных форм к цифровым. Цифровизация позволяет государственным органам, гражданам и предпринимателям быть более гибкими, адаптироваться к изменениям современного мира. Растет интерес к устойчивому развитию и социально ответственной ответственности, что также влияет на управление и принимаемые стратегии развития. Сейчас Россия формирует информационного общества, и следующим этапом будет развитие цифрового.

Целью информационного общества является повышение качества жизни граждан, что достигается через внедрение современных технологий, улучшение доступа к информации и услугам, а также создание эффективных коммуникационных инструментов. Такое развитие предполагает создание онлайн-платформ для обучения, работы, оказанию государственных услуг, что способствует повышению уровня образования и информированности населения. Важно, чтобы каждый гражданин имел возможность использовать данные ресурсы для собственных нужд, а также для активного участия в общественной жизни, в связи с чем органы исполнительной власти обязаны обеспечить такой доступ и гарантировать сохранность данных.

Современные условия развития цифровизации и информационных технологий формируют принципиально новые технологии работы государственной и муниципальной службы.

Противоречивость момента реализации практических возможностей внедрения цифровых технологий состоит в том, что может возникнуть дублирование в работе государственных органов. Основная задача информатизации – создать условия для эффективной, мобильной, гибкой системы работы, повышающей качество услуг и снижающей необоснованное государственное вмешательство, которое было бы значимо для внешних получателей – граждан, бизнеса, некоммерческих организаций и т.д. и повышало результативность и эффективность государственного управления.

Говоря о реализации программ, направленных на информатизацию общества, в литературе присутствуют работы о социальной безопасности социальных угрозах возникающих в сознании граждан (Р.Г. Ардашев [1–5], А.Н. Адилев [6]) и в работе правоохранительных структур (Р.Г. Ардашев и Н.В. Маслодудова [7]), особенности влияния

социально-экономических трансформаций на сознание молодежи (П.А. Баев [8]), виртуальное взаимодействие (Р.В. Иванов [9–11]) и процессов цифровой коммуникации в современном мире (О.А. Полюшкевич [16–21]). А также ряд более ранних работ автора, посвященных информационному обществу [12–15].

В современном мире практически невозможно представить день без цифровых технологий. Для чего они нужны современному человеку?

Во-первых, это безграничный доступ к огромному объему всевозможной информации. Благодаря интернету в считанные минуты можно найти буквально любую новость и необходимую информацию. Важнейшее значение цифровые технологии приобретают в государственном секторе, что является мощнейшим показателем технологического прорыва государства. Данный прорыв позволяет обеспечить открытое информационное обслуживание населения с помощью массового развития информационного обмена и массовых коммуникаций.

Первый шаг для формирования информатизации российского общества начались еще в 1998 году, когда вышла Концепция информационной политики. Данная Концепция включала в себя положения о приоритетной информационной политике во всех сферах жизни российского общества, а также внутренней и внешней политики. Позже эта Концепция стала основополагающей для создания другой программы «Развития информатизации в России на период до 2010 года». Главной задачей этой стратегии являлось устойчивое социально-экономическое развитие страны и существенное повышение уровня жизни населения при помощи создания и внедрения глобального использования, формирования и развития российской индустрии информационно-коммуникационных услуг.

В 2006 году данную концепцию немного изменили и на основе нее стали создавать электронное правительство, но и на этом изменения программы «Развития информатизации в России на период до 2010 года» не закончилось. Так в 2009 фокус программы полностью стал направлен на создание и развитие «Электронного правительства». Одновременно с этой программой появилась Стратегия развития информационного общества. В ней выделяли такие задачи как формирование современной информационной инфраструктуры, что в последствие должно привести к повышению качества образования медицинского обслуживания, обеспечения необходимого уровня национальной безопасности.

Движение к информационному обществу является объективным процессом, который охватывает все аспекты жизни в современном мире через цифровизацию экономики, экспансию информационных технологий, образование и науку и многое другое.

Таким образом, движение к информационному обществу является не только неизбежным, но и необходимым процессом, который в значительной степени определяет будущее человечества, этот процесс требует критического осмысления, чтобы максимизировать его позитивные аспекты и минимизировать потенциальные риски.

Говоря об информационном обществе, его следует принимать не в буквальном смысле, а рассматривать как ориентир, тенденцию изменений в современном западном обществе. Нами предлагается понимать процесс информатизации общества как серию из трех взаимосвязанных процессов, а именно следующее.

1. Процесс медиатизации в обществе в ходе которого средства массовой информации и коммуникации становятся центральными элементами общественной жизни, влияя на поведение, сознание и отношения между людьми. Медиатизация охватывает изменения в коммуникационной среде, внедрении цифровых медиа, развитии социальных сетей и платформ для обмена информацией, что способствует формированию общественного мнения и изменению социальных норм.

2. Процесс компьютеризации общества с целью улучшения средств получения и обработки информации через внедрение и использование компьютерных технологий для повышения эффективности операций с информацией в различных сферах, таких как бизнес, образование и государственное управление. Компьютеризация включает в себя автоматизацию процессов, создание информационных систем и баз данных, а также доступ к интернет-ресурсам, что позволяет ускорить получение, анализ и распространение информации.

3. Процесс интеллектуализации в обществе, направленный на повышение уровня знаний, навыков и интеллектуального потенциала общества с использованием информационных технологий.

Интеллектуализация предполагает развитие навыков критического мышления, аналитики и креативности, а также создание образовательных платформ и онлайн-ресурсов, которые способствуют постоянному обучению и профессиональному росту граждан [2].

Эти три взаимосвязанных процесса подчеркивают комплексный характер информатизации общества, где каждый элемент поддерживает и усиливает влияние других, способствуя общей трансформации социальных практик и культурных норм.

Создание информационного общества опирается на новейшие информационные, телекоммуникационные и коммуникационные технологии. Именно новые технологии привели к стремительному расширению глобальных информационных сетей и открыли принципиально новые возможности для международного обмена информацией.

В свою очередь представляется важным исследовать дефиницию «Информационное законодательство» – это совокупность правовых норм и нормативных актов, регулирующих отношения в сфере информации и информационных технологий, охватывает различные аспекты, связанные с созданием, распространением, обработкой и хранением информации.

Основными характеристиками информационного законодательства выступают следующие.

1. Регулирует деятельность в области информационных технологий, защиты данных, авторского права, информационной безопасности и свободного доступа к информации.

2. Обеспечивает защиту прав граждан и юридических лиц в отношении их информации и данных, включая право на конфиденциальность и защиту персональных данных.

3. Обеспечение надлежащей защиты по вопросам безопасности информации и систем, включая требования к защите от кибератак и утечек данных.

4. Динамичность и гибкость.

Таким образом, информационное законодательство играет ключевую роль в поддержании правопорядка и защите прав граждан и учреждений в условиях стремительного развития информационных технологий; обеспечивает баланс между инновациями и необходимостью защищать права людей на информацию и безопасность. Особый порядок разработки НПА по направлению цифровой экономики предусматривает учет определенных мер – проекты нормативных актов готовятся совместными усилиями бизнеса, органов власти и граждан.

Внедрение цифровых технологий в государственное управление необходимо для повышения эффективности и прозрачности государственных процессов, что способствует улучшению качества услуг, предоставляемых гражданам, а также сокращению бюрократических процедур.

Цифровизация позволяет оптимизировать ресурсы, увеличивает доступность информации и услуг, позволяет значительно сократить время реакции на запросы граждан, а также усиливает взаимодействие между различными государственными структурами. Внедрение цифровых технологий реализуется на цифровых платформах.

Цифровая платформа – это сложная информационная система, обеспечивающая выполнение функций взаимосвязи между участниками рынка, открытая для использования клиентами и партнерами, включая разработчиков приложений, поставщиков услуг и агентов. Цифровая платформа также определяется как «программная среда, которая позволит интегрировать и аппаратные средства, и прикладные решения для повышения эффективности и в экономике, и в улучшении каче-

ства жизни – таким образом, это затронет все стороны жизни общества» [3].

За последнее десятилетие в России созданы цифровые платформы федерального и регионального уровня, которые не только не отстают от аналогичных цифровых платформ в ведущих странах, но и стали примерами для других стран.

В частности, разработана и реализуется государственная программа «Информационное общество» от 2014 года, которая действует с поправками и по сегодняшний день.

Целью данной программы является повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Эта программа включает в себя инициативы по внедрению цифровых услуг, создание доступа к широкополосному интернету, повышению уровня цифровой грамотности населения и поддержке стартапов в сфере информационных технологий.

Кроме того, акцентируется внимание на обеспечении безопасности и защите информации, что имеет важное значение для доверия граждан к цифровым платформам и системам. Программа также предполагает активное сотрудничество с частным сектором и общественными организациями для создания интегрированной экосистемы, способствующей устойчивому развитию информационного общества.

Особенности исследования

Мы провели экспертное интервью (n = 24) специалистов сталкивающихся в силу своей профессиональной деятельности с реализацией программы «Информационное общество». Это эксперты в IT-сфере, руководители информационных отделов, отделов по связям с общественностью, отделов информационной безопасности, ученые, представители общественных организаций из разных регионов Российской Федерации.

По социально демографическим характеристикам был выявлен следующий портрет: 60% мужчин и 40% женщин в возрасте от 30 до 60 лет, занимающихся от 5 до 30 лет информационными технологиями. Все имеют высшее образование, 50% два высших и 30% ученую степень.

Интервью проводилось на платформе zoom, длилось 1,5–2 часа. Интервью состояло из полуструктурированного гайда вопросов.

Анализ результатов исследования

Если оценивать экспертные мнения, то можно обозначить средний уровень эффективности реализации программы «информационное общество» (75%). До высокого уровня (10%) не позволяет нам

дойти не оснащённость значимых территорий России интернетом, не говоря уже о возможности пользоваться населению разработанными программами и платформами. От низкого уровня (15%) также ушли, так как большая часть граждан России находится в городах или селах с оснащёнными информационными ресурсами, поэтому уровень овладения возможностями данной программы может в большей степени зависеть от их самих. Поэтому, средний уровень указывает на наличие возможностей, но не готовность ими пользоваться, хоть и в ограниченных рамках, для основной части населения.

В рамках стратегических приоритетов развития страны – поставленные цели и задачи весьма актуальны. Они вписываются в общее поле развития государственного управления, поэтому данная программа выступает ориентиром социального развития. При этом важно соблюдать условия и механизмы информационной безопасности и разрабатывать цифровые стандарты качества и стратегии развития.

Куда движется наше общество – туда, где информационные технологии создают пространство социальных возможностей, и достижения нанотехнологии становятся общедоступным благом, а информационная среда – полем возможностей. (С.А., депутат Законодательного собрания, Москва).

Информационное общество все набирает обороты, поэтому информационная безопасность становится ориентиром развития государственной политики во всех сферах жизни. Это приоритет осмысленного развития и выхода на новый уровень жизни. (Г.Е., руководитель отдела информационной безопасности крупного холдинга, Санкт-Петербург).

Основная задача программы «Информационное общество» – это устойчивое развитие, где цифровым стратегиям и условиям организации жизни придается основное значение.

Второй показатель оценки эффективности этой программы – это использование бюджетных средств и оценка эффективности реализации программы. И это один из самых низко оцениваемых показателей, так как вопросы нецелевого использования, коррупции и как следствие недостаточного финансирования программы приводят к недостаточной реализации ее на местах.

Соотношение затрат и полученных результатов не входит в рамках показателей эффективности. Не стало наше общество более информационно продвинутым, те, кто и раньше пользовались информационной средой и сейчас продолжают, а новые люди появляются, но чаще в силу профессиональной необходимости осваивают это пространство, а не личных интересов и развития. (О.Ю., руководитель отдела по связям с общественностью, Красноярск).

Коррупция и нецелевое использование средств даже в рамках данной программы оказывают се-

рьезное воздействие на показатели эффективности. То, что хотели и что в итоге получили – это две разные истории. (Т.А., руководитель общественной организации, Иркутск).

Третье направление – это реализация запланированных результатов и выявление причин невыполнения плановых показателей. К последним относят помимо нехватки финансирования, недостаточную информационную грамотность населения и незнания элементарных информационных технологий, которыми можно воспользоваться.

Цифровая экономика хоть и входит в нашу жизнь все более мощно, но она не повышает уровень знаний населения, не хватает просвещения и обучения населения базовым основам цифрового информационного пространства. (Н.Н., руководитель общественной организации, Хабаровск).

Электронное правительство как показатели реализации программы Информационное общество не является основой для простого населения использовать какие-то другие варианты этой программы в своей жизни. Да и доверие информационному правительству имеется далеко не у всех. Поэтому, говорить об успешности реализации данной программы можно с большой натяжкой. (М.С., цифровой журналист, Новосибирск).

Четвертое направление – оценка качества управления программами, начиная от оценки профессионализма персонала, обеспечивающего реализацию программы, до технического и программного обеспечения данной программы. А также организации взаимодействия между участниками реализации программ не всегда проходит гладко.

Говорить об открытом диалоге между властью, бизнесом, НКО при реализации программы «Информационное общество» пока рано, так как каждый тянет одеяло на себя, нет условий и возможностей организации межсекторного диалога в реализации данной программы. Но это может быть одной из стратегических целей развития этой программы в будущем. (Р.А., руководитель общественной организации, Новосибирск).

Необходим постоянный мониторинг и контроль реализации программ, для того чтобы качество организации процесса и результата деятельности нигде не забуксовало. (А.А. Руководитель отдела безопасности по информационным вопросам Администрации области, Иркутск).

Пятое направление – оценка социального эффекта реализации программы «Информационное общество». Оно включает как оценку качества жизни и доступности получения государственных и муниципальных услуг, снижения цифрового неравенства так и субъективная оценка жителями страны реализации данной программы. Эти идеи изложены в наших более ранних работах [12; 15].

Программа «Информационное общество» повышает качество жизни людей – облегчая доступ

к любым информационным ресурсам, помогающим получить помощь, поддержку, консультацию тех, кто имеет к этому отношение. Это сжатие бюрократического аппарата до минимума и для конечного потребителя – это получение более быстро и качественно желаемой услуги. (Н.Г., доктор физико-математических наук, Новосибирск).

Благодаря программе «Информационное общество» развивается образование и здравоохранение, культур и досуг – это основа социальной динамики и развития векторов моделирования общественным сознанием. А также это позволяет повысить уровень доверия власти и населению быть более удовлетворенными в процессе реализации государственных программ. (В.А., эксперт в IT-сфере, Красноярск).

Шестое направление – это оценка рисков реализации программы «Информационное общество» зависит от множества внешних факторов, начиная от экономического давления, заканчивая политической нестабильностью. При этом, необходимо разрабатывать и реализовывать меры по снижению рисков реализации программы.

Технологические или организационные риски постоянно преследуют реализацию данной программы. От них не уйти, их надо учитывать при работе и иметь технологическую карту по предотвращению угроз и решению реальных проблем, возникших в результате реализации технологических или организационных рисков программы «Информационное общество». (Т.А., руководитель отдела по информационной безопасности Администрации Новосибирска, Новосибирск).

Риски информационной безопасности постоянно обсуждаются в СМИ – начиная от мошенников, заканчивая «шутниками». Но в любом случае, данная тема становится полем потенциального влияния на реализацию данной программы. Это вопрос не просто информационной безопасности, но и личной безопасности и социальной безопасности и т.д. (Л.А., руководитель отдела по связям с общественностью Администрации г. Красноярска, Красноярск).

Седьмое направление – оценка эффективности соответствия нормативно-правового регулирования в сфере информационных технологий целям и задачам программы «Информационное общество». Этот вопрос быстро решиться не может, но его постановка позволяет разработать соответствующие нормативно-правовые акты для организации легитимного поля работы программы.

В современном законодательстве масса противоречий, а порой и белых пятен по вопросам регулирования и непосредственной работы программы «Информационное общество». Это требует высокого профессионализма и понимания внутренних принципов работы данного направления, а также проведения правовой экспертизы и социального мониторинга применения тех или иных

нормативно-правовых актов в практику. (Д.А., руководитель отдела информационной безопасности, крупного банка, Москва).

Сегодня как никогда встает актуальный вопрос по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере информационных технологий. Тут много пробелов и в тоже время перспектив развития как правового, так и социально-цифрового контекста. Это задача для политиков, юристов, программистов – новое продумывание работы, даст новые возможности роста и выхода на совершенно новые рубежи развития. (Л.Л., депутат регионального законодательного собрания Иркутской области).

Таким образом, проведенный анализ экспертных оценок в аспекте реализации программы «информационное общество» показывает неоднозначную картину. Есть серьезные пробелы в эффективности использования бюджетных средств, коррупции, оценки качества управления программы и учета рисков, подготовки нормативно-правового регулирования и проч. Но есть и успешные стратегии изменения ситуации: в оценках общественного мнения о реализации данной программы, стратегическом развитии общества и т.д.

Основные векторы работы для более успешной реализации программы «Информационное общество» сводятся к следующему:

- повышение информационной грамотности и информационного просвещения населения;
- разработка нормативно-правового обеспечения реализации программы;
- повышение качества технологического оснащения реализации программы;
- подготовка кадров, способных на высоком уровне обеспечить реализацию данной программы.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022. Материалы Международного молодежного научного форума. 2022.
3. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 367–369.

4. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
5. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
6. Ардашев Р.Г., Адиллов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
7. Ардашев Р.Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.
8. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
9. Иванов Р.В. Виртуализация социальной поддержки населения в России // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 188–191.
10. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
11. Иванов Р.В. Роль цифрового пространства в профессиональной реализации человека // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 74–75.
12. Маслодудова Н.В. Влияние информационного общества на социальные отношения // Социология. 2022. № 6. С. 74–82.
13. Маслодудова Н.В. Изменяющаяся социальная реальность и новая мировоззренческая концепция // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2023. С. 117–121.
14. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
15. Маслодудова Н.В. Оценка реализации государственной программы «Информационное общество» глазами работающей молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 39–45.
16. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
17. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2021. С. 420–422.
18. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 343–345.
19. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 41–44.
20. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
21. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.

THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM “INFORMATION SOCIETY”: EXPERT ASSESSMENT

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the features of the implementation of the state program “Information Society”, the conditions for the need for this program, its characteristics and prospects are identified, as well as on the materials of the expert survey, the conditions and forms of implementation of this program, its mission and promising areas of development are carried out. Materials of quality research allow us

to judge the features of managing public sentiments through the program of the information society.

Keywords: information society, information influence, state program, expert assessment, effectiveness assessment.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Irrationalization of mass consciousness and media // LOMONOSOV-2022. Proceedings of the International Youth Scientific Forum. 2022.
3. Ardashev R.G. Transformation of Russians' thinking in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2021. Pp. 367–369.
4. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 8–11.
5. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // Sociology. 2024. No. 7. pp. 59–64.
6. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the minds of young people // Sociology. 2025. No. 1. pp. 26–30.
7. Ardashev R.G., Maslodudova N.V. Sociocultural foundations for ensuring social security by law enforcement agencies of the Russian Federation // Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 361–363.
8. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // Sociology. 2024. No. 11. P. 27–31.
9. Ivanov R.V. Virtualization of social support for the population in Russia // Social reality of virtual space. Proceedings of the III International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. P. 188–191.
10. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific and practical conference. Grozny – Makhachkala, 2020. P. 161–165.
11. Ivanov R.V. The Role of Digital Space in Human Professional Development // Philosophy and Culture of the Information Society. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020. pp. 74–75.
12. Maslodudova N.V. The Impact of the Information Society on Social Relations // Sociology. 2022. No. 6. pp. 74–82.
13. Maslodudova N.V. Changing Social Reality and a New World-view Concept // Counteracting the Drug Threat at the Present Stage: Legal and Social-Humanitarian Aspects. Proceedings of the International Scientific and Practical Seminar. Editor-in-Chief N.N. Tsukanov. Krasnoyarsk, 2023. pp. 117–121.
14. Maslodudova N.V. Information Space of the Modern World // Sociology. 2023. No. 6. P. 27–34.
15. Maslodudova N.V. Assessment of the implementation of the state program "Information Society" through the eyes of working youth // Sociology. 2025. No. 1. P. 39–45.
16. Polyushkevich O.A. Truth is modeled // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. P. 7.
17. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2021. P. 420–422.
18. Polyushkevich O.A. Social modeling with information and analytical data: truth in the flow or in the result? // In search of social truth. Proceedings of the IV International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. Pp. 343–345.
19. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // Social reality of virtual space. Proceedings of the V International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 41–44.
20. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
21. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of pro-social practices // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Семья как агент социализации в комплексной реабилитации детей с инвалидностью

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

Научная статья посвящена исследованию значимости семьи как ключевого фактора социализации в процессе комплексной реабилитации детей с ограниченными возможностями. В ходе работы автор сосредоточился на анализе различных стилей воспитания, а также на рассмотрении форм взаимодействия с семьями, воспитывающими детей с инвалидностью. *Главной целью исследования* является анализ роли семьи в процессе комплексной реабилитации детей-инвалидов, а также разработка мероприятий, направленных на улучшение уровня их социальной адаптации и интеграции семей в социум.

Материалы и методы. Автором проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «семья», «дети с ограниченными возможностями», «социализация детей-инвалидов», «реабилитация», в базах данных КиберЛеника и Elibrary. Результаты и обсуждения. В ходе проведенного исследования выявлено, семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья, являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Своевременное выявление специалистами, такими как психологи и социальные работники, эмоционального состояния родителей и их установок по отношению к ребенку может стать важным шагом в предотвращении негативных последствий. Полученные результаты свидетельствуют о том, что успешная социализация этой категории семей невозможна без комплексного подхода, включающего психологическое консультирование, создание специализированных программ поддержки родителей и организацию мероприятий, направленных на устранение социальной изоляции детей-инвалидов.

Ключевые слова: семья, дети с ограниченными возможностями, социализация детей-инвалидов, реабилитация.

Введение

Семья – это основа для личностного, эмоционального и социального становления ребенка. В условиях формирования личности ребенка, когда его взаимодействие с обществом еще ограничено, именно семья обеспечивает базовый фундамент для его самооценки, ощущения безопасности и эмоциональной поддержки. Родные люди становятся теми, кто принимает ребенка таким, какой он есть, независимо от его особенностей, состояния здоровья и социального статуса. Семья выступает пространством для решения возникающих проблем, выражения отрицательных эмоций, поиска помощи и понимания.

В современном мире все больше семей сталкивается с необходимостью воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). По данным Росстата (Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации), в 2023 году численность детей с ОВЗ в стране превышает 1,5 миллиона человек, что составляет 9,3% от общей детской популяции [1]. К числу таких детей относятся те, кто имеет физические или интеллектуальные нарушения, расстройства аутистического спектра, проблемы с поведением, а также другие особенности развития.

Главным фактором, от которого во многом зависит дальнейшее развитие и возможность социализации детей-инвалидов, становится отношение родителей к его особенностям. Появление ребенка с инвалидностью часто становится для родителей эмоциональным потрясением. Это событие способно вызвать чувство беспомощности, растерянности, страх за будущее ребенка, а также осознание масштабности стоящих перед ними трудностей. Грусть и депрессия приводят к неврозам и усиливают психологические особенности личности до уровня стресса и психоза, как отмечает Коршева Т.В. [2, с. 89].

Стоит отметить, что реакция родителей на особенность ребенка во многом определяется их индивидуальными характеристиками, уровнем культуры, образования и осведомленности. Одни испытывают острое чувство вины или стыда за диагноз ребенка, отдаляются от него. Другие, напротив, проявляют гиперопеку, что также может негативно отразиться на формировании молодой личности. Часто эти эмоциональные переживания

ния и внутрисемейные кризисы становятся причиной разрушения семейных отношений [3, с. 96]. Данные проблемы обуславливают актуальность и важность научных изысканий в данной области, поскольку адекватное отношение семьи к заболеванию ребёнка, его трудностям и особенностям является главным фактором его реабилитации и развития как личности.

Цель настоящего исследования заключается в анализе роли семьи как агента социализации в комплексной реабилитации детей с инвалидностью, а также в выработке мероприятий, направленных на повышение уровня социализации детей с инвалидностью и их семей в обществе.

Материалы и методы исследований

Проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «семья», «дети с ограниченными возможностями», «социализация детей-инвалидов», «реабилитация», в базах данных КиберЛеника и Elibrary.

Результаты и обсуждение

Проблемы семей, воспитывающих детей с инвалидностью, зачастую рассматриваются исключительно через призму трудностей самого ребенка. Как правило, считается достаточным предоставить родителям лишь методические рекомендации по вопросам воспитания и развития ребенка. Однако подобный подход, несмотря на старания и усилия специалистов, нередко оказывается недостаточно эффективным, поскольку упускается важный аспект психологической работы – система внутрисемейных отношений, которая требует особого внимания [4, с. 351].

Родители ребенка с инвалидностью часто сталкиваются с трудностями, связанными с психологическим давлением социума, которое сказывается как на психике самого ребенка, так и на всей семье. Ребенок может испытывать чувство угнетения из-за своей непохожести на сверстников и отсутствие общения с другими детьми. Кроме того, он может сталкиваться с осуждением или пренебрежением со стороны взрослых, соседей или случайных прохожих. В результате многие родители предпочитают не брать детей с ограниченными возможностями на различные мероприятия, что приводит к их социальной изоляции.

Для полноценного развития ребенка с инвалидностью важно обеспечить социализацию всей семьи. Это помогает создать комфортную атмосферу, в которой ребенок не будет чувствовать себя отдаленным от мира, а сможет комфортно взаимодействовать с обществом, не сталкиваясь с предвзятостью и осуждением.

Согласно мнению А.Н. Поляковой, начальный этап коррекционной работы должен основываться

на детальном изучении индивидуальных характеристик ребёнка и анализа взаимоотношений внутри семьи, особенно между родителями. Первоочередной задачей становится помощь родителям в налаживании эффективного общения с ребёнком и выработка устойчивой модели воспитания [5, с. 166].

Детско-родительские отношения в семьях с ребенком с ОВЗ можно дифференцировать на четыре основные группы, каждая из которых имеет свои особенности и последствия для ребенка и его адаптации [6, с. 42].

1. Гиперопека (выраженное расширение сферы родительских чувств). Родители, принадлежащие к этой группе, проявляют чрезмерную заботу и опеку по отношению к ребенку с ОВЗ, что проявляется в попытках всё сделать за него, удовлетворении любого желания и чрезмерной защите. Обычно дети, воспитывающиеся в таких условиях, вырастают пассивными, неуверенными в себе и неспособными к самостоятельности. Они часто демонстрируют эгоцентрическое поведение, психологическую и социальную незрелость, что значительно осложняет процесс их адаптации в обществе.

2. Гипопротекция (стиль холодного общения). Эта группа характеризуется снижением уровня эмоциональных контактов между родителями и ребенком. Родители сосредотачивают своё внимание исключительно на медицинских аспектах, реабилитации, при этом упуская эмоциональную составляющую взаимодействия с ребенком. Такое поведение зачастую обусловлено внутренним дискомфортом родителей, которые эмоционально дистанцируются от ребенка, ощущая психологическое напряжение из-за его состояния. В результате ребенок испытывает дефицит эмоционального тепла и внимания, что может формировать у него чувство отверженности и усугублять его трудности в социальной адаптации.

3. Репрессивный стиль семейного общения. В семьях этой группы доминирует авторитарный подход, при котором проявляется жесткий контроль со стороны родителей, пессимизм в оценке будущего ребенка, жесткие предписания и наказания за их неисполнение. Такой стиль во многом связан с высокими ожиданиями или желанием родителей компенсировать «особенность» ребенка жесткой дисциплиной. Дети, воспитывающиеся в репрессивных условиях, чаще всего страдают от заниженной самооценки, неуверенности в себе и глубокого чувства тревоги. У них формируется пессимистический взгляд на мир, что ещё сильнее ограничивает их способности.

4. Стиль сотрудничества. Наиболее продуктивным для семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, является стиль сотрудничества. В рамках такого подхода наблюдается гибкая форма диалога между родителями и ребенком, в основе, которой ле-

жат взаимоуважение, поддержка и реалистичный взгляд на особенности ребенка. Этот стиль основывается на вере родителей в потенциальные возможности ребёнка и поощрении его самостоятельности. Родители последовательно осмысливают объем необходимой помощи, обеспечивая ребенку возможность самим осваивать навыки общения и взаимодействия с окружающей средой.

Таким образом, данный стиль общения способствует развитию у ребенка уверенности в себе, способности к адаптации и социальной включенности.

Комплексная реабилитация детей с ОВЗ и инвалидностью включает множество этапов, начиная с диагностики особенностей ребёнка и анализа его реабилитационного потенциала, заканчивая практической реализацией разработанных программ. Сапожникова Н.В. отмечает, что участие семьи в каждом из этих этапов может принципиально повлиять на успех реабилитации. Родители и ближайшие родственники не только помогают выполнять рекомендации специалистов, но и создают ту благоприятную психологическую и эмоциональную среду, в которой ребёнок может развиваться [7, с. 67].

В своей работе Сапожникова Н.В. вводит понятие «ресурсная семья». Под этим термином понимается семья, которая обладает не только материальными ресурсами, но и рядом психологических, социальных и культурных характеристик, с помощью которых данная ячейка общества сможет преодолеть все трудности, связанные с воспитанием ребенка с ОВЗ. Среди основных признаков ресурсной семьи можно выделить:

- близкие и поддерживающие отношения между членами семьи, возможность делиться заботами и радостями;
- позитивный подход к роли каждого члена семьи, взаимная поддержка в трудных ситуациях;
- умение адаптироваться к новым обстоятельствам, поиск решений и принятие возникающих сложностей;
- уверенность в своих силах, толерантное отношение к особенностям ребёнка, способность мечтать и строить планы [7, с. 67].

Однако ресурсная семья – это не данность, а состояние, которое требует системной работы. Каждая семья, воспитывающая ребёнка с ОВЗ или инвалидностью, может утрачивать часть своих ресурсов из-за повышенного уровня стресса, эмоционального выгорания или других факторов. Поэтому необходимо стремиться к восстановлению и усилению ресурсности семей, что является главной целью комплексной реабилитации детей-инвалидов.

Разнообразные формы взаимодействия с семьей, такие как социально-педагогические тренинги, индивидуальные и групповые консультации, вебинары и прочие подходы, предоставляют роди-

телям возможность значительно расширить свои знания и навыки в области педагогики, реабилитации и социальной адаптации. Это способствует не только развитию ребёнка с инвалидностью, но и гармоничному укреплению самой семейной системы. Применение успешных практик, основанных на учёте индивидуальных особенностей и возраста ребёнка-инвалида, позволяет эффективно достигать ряда целей. Среди них:

- формирование условий, способствующих преодолению социальной изоляции, в которой нередко оказываются такие семьи;
- развитие и укрепление родительских компетенций, необходимых для воспитания и поддержки ребёнка;
- повышение качества социальной поддержки, направленной на улучшение условий жизни семьи;
- минимизация или полное сглаживание существующих ограничений в повседневной жизни и устранение социальной уязвимости семьи.

Одной из популярных форм работы с семьями, широко применяемой в различных регионах нашей страны, является домашнее визитирование. Этот подход предполагает проведение индивидуальных занятий на дому с родителями (законными представителями) ребёнка с инвалидностью, а также предоставление дистанционных консультаций через телефонную связь или интернет. Основная цель таких услуг заключается в обучении родителей методам самостоятельной работы с ребёнком, направленной на развитие утраченных или не сформировавшихся социальных навыков. Периодичность, продолжительность и объём работы оговариваются в рамках индивидуальной программы предоставления социальных услуг, составленной с учётом потребностей конкретной семьи [8, с. 238].

Также в настоящее время была утверждена инновационная форма работы с семьями детей-инвалидов – тьюторское сопровождение [9]. Данное сопровождение предполагает не только оказание помощи семье, но и активное включение в процесс сопровождающих специалистов – тьюторов-волонтеров. Главной особенностью технологии является участие студентов-волонтеров, проходящих подготовку по направлениям социальной работы, дефектологии и педагогики коррекционного обучения, в процессе взаимодействия с семьями. Их деятельность направлена на выполнение следующих задач:

- установление устойчивого эмоционального контакта с семьёй и ребёнком;
- создание родительских объединений – сообществ семей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, для взаимной поддержки и обмена опытом;

- вовлечение родителей и детей в совместные формы досуговой и познавательной активности;
- активизация взаимодействия между родителями, укрепление социальных связей и расширение круга общения;
- развитие формата детско-родительского консультирования через повседневное взаимодействие;
- организация работы семейных клубов, в которых могут регулярно встречаться и обсуждать свои потребности и проблемы семьи с детьми с ОВЗ.

Отдельного внимания заслуживает использование онлайн-формата для взаимодействия с родителями. Поскольку социальные сети сегодня активно интегрированы в повседневную жизнь общества не только в личной, но и в экономической, социальной и политической сферах, что позволяет эффективно применять их для оказания поддержки семьям, воспитывающим детей с ОВЗ, а также для обеспечения быстрого и удобного канала связи с ними [7, с. 69].

Таким образом, семьи с детьми с ограниченными возможностями здоровья часто сталкиваются с проблемами социализации. Это может быть вызвано как недостатком знаний об особенностях развития ребенка, так и эмоциональным стрессом, который формирует у родителей чувство вины, страх и неопределенность. Своевременное выявление специалистами, такими как психологи и социальные работники, эмоционального состояния родителей и их установок по отношению к ребенку может стать важным шагом в предотвращении негативных последствий.

Для повышения социализации семьи, которая воспитывает ребенка-инвалида, необходимо проведение следующих мероприятий.

1. Создание групп поддержки для семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, помогает существенно снизить чувство изолированности и одиночества у родителей. Общение с другими семьями, которые проходят через схожие жизненные испытания, открывает возможность делиться личным опытом, обсуждать актуальные трудности и находить вместе действенные способы их преодоления. Подобная работа также способствует снижению уровня стресса у родителей через ощущение принадлежности к сообществу и признания их усилий.

2. Предоставление информационной помощи через разработку доступных ресурсов, включая онлайн-платформы, брошюры, сайты и информационные базы, обеспечивает семью актуальной информацией о правах, доступных услугах и государственных мерах поддержки. Помимо этого, использование современных технологий облегчает доступ к этим ресурсам и делает их доступными для широкой аудитории.

3. Организация бесплатных консультаций является важной частью работы с семьями, имеющими детей с ОВЗ. Индивидуальные сессии с участием профессиональных психологов, педагогов или социальных работников позволяют учитывать уникальные потребности каждой семьи, разрабатывать персонализированные планы поддержки и решать конкретные проблемы. Такая практика не только снижает риск выгорания родителей, но и помогает им быт.

4. Проведение инклюзивных мероприятий. Интеграция детей с ОВЗ в общественную жизнь через специальные мероприятия способствует как их личностному развитию, так и укреплению взаимоотношений внутри общества. Инклюзивные мероприятия могут включать творческие мастер-классы, семейные праздники, спортивные состязания и другие формы активного взаимодействия. Они позволяют детям с ОВЗ развивать коммуникативные навыки, а их семьям получать положительные эмоции от участия в совместных активностях.

Заключение

Семьи, воспитывающие детей с ОВЗ, являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Такая ситуация обусловлена множеством факторов, включая психологическое давление, эмоциональное выгорание родителей, недостаток ресурсной и информационной поддержки, а также ограниченные возможности для социальной адаптации. Социализация как детей с ОВЗ, так и их семей, становится важной задачей не только для самих родителей, но и для специалистов, вовлеченных в процесс помощи. Успешная социализация этой категории семей невозможна без комплексного подхода, включающего психологическое консультирование, создание специализированных программ поддержки и организацию мероприятий, направленных на устранение социальной изоляции детей-инвалидов.

Литература

1. Уровень инвалидизации в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 25.11.2024).
2. Коршева Т.В. Педагогическая психология: исследование и документы. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. – 728 с.
3. Седова Е.О., Гарданова Ж.Р., Токмакова Е.С., Чернов Д.Н., Андреева В.О. Особенности переживания чувства вины родителями детей с ограниченными возможностями здоровья // Репродуктивное здоровье детей и подростков. – 2021. – № 3. – С. 94–103.
4. Степанова А.А. Влияние семьи на социализацию детей с ограниченными возможностями //

- Молодой ученый. – 2017. – № 4 (138). – С. 351–354.
5. Полякова А.Н. Специфика организации сопровождения семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Социальные, педагогические и правовые аспекты защиты прав ребенка в современных условиях // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2022. – С. 164–167.
 6. Уклеина А.Е., Мухортова С.А., Горбачёва Т.В., Пчелинцева С.В., Козельцева Н.П. Роль семьи в социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // НАУ. – 2021. – № 71–1. – С. 41–43.
 7. Сапожникова Н.В. Комплексный подход к поддержке и сопровождению семьи в условиях социально-реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья // Семья в региональном контексте. Роль семьи в формировании культурной и социальной идентичности: сборник научно-методических материалов. – Челябинск, 2023. – С. 64–71.
 8. Сафиуллина Н. Н., Морозова О.Н. Домашнее визитирование в практике социальной работы с семьей, воспитывающей ребенка-инвалида // Форум молодых ученых. – 2020. – № 7 (47). – С. 236–239.
 9. Васильева В.С. Шаг навстречу: тьюторское сопровождение семьи, воспитывающей ребенка раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья: учебное пособие / В.С. Васильева, М.А. Кузнецова, Т.А. Полицкая, Т.В. Абулханова. – Челябинск: Цицеро, 2017. – 170 с.

THE FAMILY AS AN AGENT OF SOCIALIZATION IN THE COMPREHENSIVE REHABILITATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Kokoreva M.E.

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

The scientific article is devoted to the study of the importance of the family as a key factor of socialization in the process of comprehensive rehabilitation of children with disabilities. In the course of the work, the author focused on the analysis of various parenting styles, as well as on the consideration of forms of interaction with families raising children with disabilities. The main purpose of the study is to

analyze the role of the family in the process of comprehensive rehabilitation of children with disabilities, as well as to develop measures aimed at improving the level of their social adaptation and integration of families into society.

Materials and methods. The author analyzes the scientific literature that meets the search criteria for keywords such as “family”, “children with disabilities”, “socialization of disabled children”, “rehabilitation” in the databases CyberLenica and Elibrary. Results and discussions. The study revealed that families raising children with disabilities are one of the most vulnerable categories of the population. Timely identification by specialists, such as psychologists and social workers, of the emotional state of parents and their attitudes towards the child can be an important step in preventing negative consequences. The results obtained indicate that successful socialization of this category of families is impossible without an integrated approach, including psychological counseling, the creation of specialized parental support programs and the organization of activities aimed at eliminating the social isolation of children with disabilities.

Keywords: family, children with disabilities, socialization of disabled children, rehabilitation.

References

1. The level of disability in the Russian Federation // Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (date of reference: 11/25/2024).
2. Korsheva T.V. Pedagogical psychology: research and documents. – St. Petersburg: Historical illustration, 2019. – 728 p.
3. Sedova E.O., Gardanova J.R., Tokmakova E.S., Chernov D.N., Andreeva V.O. Features of experiencing guilt by parents of children with disabilities // Reproductive health of children and adolescents. – 2021. – No. 3. – pp. 94–103.
4. Stepanova A.A. The influence of the family on the socialization of children with disabilities // Young Scientist. – 2017. – № 4 (138). – Pp. 351–354.
5. Polyakova A.N. Specifics of the organization of family support for a child with disabilities // Social, pedagogical and legal aspects of child rights protection in modern conditions // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Lipetsk, 2022. – pp. 164–167.
6. Ukleina A.E., Mukhortova S.A., Gorbacheva T.V., Pchelintseva S.V., Kozeltseva N.P. The role of the family in the socialization of children with disabilities // NAU. – 2021. – No. 71–1. – pp. 41–43.
7. Sapozhnikova N.V. An integrated approach to family support and support in a social rehabilitation center for children and adolescents with disabilities // Family in a regional context. The role of the family in the formation of cultural and social identity: a collection of scientific and methodological materials. – Chelyabinsk, 2023. – pp. 64–71.
8. Safiullina N.N., Morozova O.N. Home visiting in the practice of social work with a family raising a disabled child // Forum of Young Scientists. – 2020. – № 7 (47). – Pp. 236–239.
9. Vasilyeva V.S. Step towards: tutor support for a family raising an early age child with disabilities: a textbook / V.S. Vasilyeva, M.A. Kuznetsova, T.A. Politskova, T.V. Abulphanova. – Chelyabinsk: Cicero, 2017. – 170 p.

Креативность в образовательном пространстве: социокультурные и институциональные аспекты

Суховская Дарья Николаевна,

к.ф.н., доцент, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный университет
E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Маркова Дарья Константиновна,

к.и.н., старший преподаватель, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный университет
E-mail: vshumarkova@mail.ru

В статье исследуется феномен креативности в образовательном процессе с акцентом на его значимость для формирования социальных и профессиональных компетенций. Рассматриваются креативность как фактор модернизации образовательного пространства в условиях глобализации и роль образовательных институтов в развитии креативных качеств учащихся. Описаны современные педагогические подходы, направленные на стимулирование независимого мышления, способности к нестандартным решениям и саморефлексии. Особое внимание уделено внедрению инновационных технологий и методов, способствующих формированию у студентов готовности к профессиональным вызовам. Методологическая основа исследования включает герменевтический, контент- и компаративный анализы, а также кейс-метод для изучения практического опыта внедрения инноваций. Статья подчёркивает значимость компетентностного подхода, который способствует развитию у студентов навыков генерации уникальных решений, необходимых в современных условиях. В заключение авторы формулируют рекомендации для образовательных систем, направленные на интеграцию креативности в обучающий процесс как ключевого компонента подготовки профессионалов.

Ключевые слова: креативность, образовательный процесс, социальные институты, глобализация, инновационные технологии, компетентностный подход, трансформация социальных процессов, модернизация образования.

Методология данной статьи основана на комплексном подходе, включающем несколько методов исследования. Для анализа креативности в образовательном процессе используется теоретический анализ существующих научных работ, а также герменевтический подход для интерпретации образовательных парадигм через философские и культурные концепции. Важным методом является контент-анализ публикаций, посвященных креативности в образовании, что позволяет выявить ключевые тенденции и пробелы в исследованиях. Компаративный анализ помогает изучить разные подходы к воспитанию креативности в разных странах, в том числе в России, и оценить эффективность инновационных педагогических методов. Кейс-метод применяется для анализа реальных примеров внедрения инновационных подходов в образовательный процесс. Эмпирические исследования оценивают уровень развития креативности у студентов и их способность к нестандартным решениям. Методы исследования направлены на выявление факторов, влияющих на развитие креативности, определение связи между креативностью и личностно-ориентированным обучением, а также на предложение рекомендаций по улучшению образовательных практик для формирования креативных личностей.

Феномен креативности, включая образовательную сферу, различными авторами рассматривается с различных позиций и имеет множество интерпретаций, поэтому исследование такой литературы позволяет иметь более полное, обобщенное представление о текущем состоянии теоретической мысли в этой сфере, а также выделить наиболее актуальные аспекты этой проблемы применительно к образовательному процессу.

Среди ключевых тенденций современного образования следует назвать вызванный глобализационными проявлениями процесс его модернизации, что выдвигает новые требования к компетенциям учащихся, в развитии которых важную роль играют учебные дисциплины, развивающие их языковую подготовку [1, с. 162–165].

Считаем при этом необходимым, чтобы в результате подготовки молодые специалисты умели не просто подражать образцам и действовать в стандартных ситуациях по определенному шаблону, но и самостоятельно генерировать креативные решения в речевой деятельности. Другими словами, важность изучения феномена креатив-

ности с точки зрения герменевтики педагогического процесса обусловлена ускорением динамики изменений, происходящих во всех сферах жизни современного общества, что требует оперативной реакции на них и регулярного переосмысления подходов к ключевым проблемам современности.

Помимо формирования глобального образовательного пространства, глобализационные тенденции, которые можно рассматривать как процесс распространения за пределы государственных границ тех или иных национальных особенностей или явлений, включая культурную и образовательную сферу, мы наблюдаем резкий рост межкультурных, международных контактов на всех уровнях и во всех сферах культурной, социально-экономической, научно-технической деятельности самых разных стран, что в полной мере касается и России.

Многие исследователи при этом акцентируют внимание на том, каков качественный уровень результатов интеллектуальной активности индивида, отмечая не только его умение предпринимать рациональные действия в конкретных ситуациях, но также творческий аспект этих решений, способность что-либо изобретать или открывать. Человеческая фантазия при этом играет огромную роль, и проявление этого качества многие называют ключевым условием инноваций.

Так как целью системы высшего образования является подготовка молодых людей к их будущей профессиональной деятельности, в целом к жизни, необходимо, чтобы эта сторона учебного процесса в обязательном порядке учитывалась при его организации. Не случайно новые образовательные стандарты предполагают необходимость обновления содержательной составляющей образования, использование в образовательном процессе принципов личностно-ориентированного подхода и необходимости формирования у учащихся компетенций не только профессионального, но и общекультурного характера. При этом важная роль отводится самостоятельной деятельности учащихся вузов, направленной на их личностное и профессиональное самосовершенствование [2, с. 41–46].

Инновационную деятельность следует рассматривать как применение чего-либо нового в идеях, продуктах или процессах. Инновации проникли во все области деятельности современного человека и общества в целом.

Применительно к образованию процессы инновационного обновления следует рассматривать в двух аспектах: 1) внедрение инновационных идей в методику и теорию учебно-воспитательного процесса с целью повышения его эффективности и качественного уровня; 2) внедрение в образовательный процесс новых педагогических технологий, форм и методов, развивающих у учащихся такие качества, как способность к принятию са-

мостоятельных нестандартных решений, граничащих с риском, интеллектуальная гибкость, способность к саморефлексии и т.д.

Процесс достижения этих целей учебного процесса должен учитывать особенности и закономерности конкретной учебной дисциплины, при этом следует понимать, что независимо от профиля и направленности профессиональной подготовки необходимо выполнить ряд универсальных, общих для любого учебного процесса условий: пошаговое усложнение решаемых учащимися задач, например, задач, требующих нахождения нестандартных решений, или задач, решить которые можно альтернативными способами или который не имеют однозначного ответа; направленность учебного процесса на самостоятельную и продуктивную деятельность учащихся. Подавляющее большинство современных экспертов едины во мнении, что без активных действий самого индивида, направленных на личностное и профессиональное самосовершенствование, невозможно достичь задач, рассмотренных нами выше [3, с. 25–30].

Следование принципам компетентного подхода, который не теряет актуальности в современных условиях, предполагает концентрацию нашего внимания на итогах образовательного процесса, в результате которого будущий специалист должен овладеть способностью к принятию самостоятельных решений в самых разнообразных неординарных ситуациях. Данный подход предполагает перманентное обновление традиционных форм учебного процесса в направлении его индивидуализации, усиление личностной парадигмы, когда во главу угла ставятся развитие личностного потенциала обучающегося.

В современной педагогике проблемы, связанные с развитием личностного потенциала индивида, рассматриваются в едином комплексе с вопросами развития его креативного мышления, созданием организационных и педагогических условий для формирования креативной личности.

Большинство специалистов убеждены, что предпосылки к креативному мышлению имеются у всех людей с самого раннего детства, однако способность к нестандартному мышлению по мере взросления человека постепенно уступает место мышлению, основанному на логике, а в речи все большее место занимают клише и штампы (Н.В. Рождественская, А.М. Матюшкин, Е.П. Ильин, Е.Л. Яковлева, А.А. Реан, Дж. Гилфорд, Д.Б. Богоявленская и др.); Таким образом, перед современным образованием стоит задача всемерно развивать заложенный с самого детства креативный потенциал личности, не дать ему угаснуть под давлением выработанных стандартных паттернов мышления и действий. Задача поиска таких условий имеет не только психологический аспект, но также методический и педагогический

с учетом особенностей преподавания конкретных дисциплин.

Многие ученые пытались сформулировать, какие качества характеризуют креативную личность. Часть из них остановились на следующих характеристиках этого качества, которые являются наиболее типичными:

- инициативность и любознательность;
- умение видеть красоту и стремиться к ней;
- независимый тип мышления, самостоятельность суждений, стремление избегать речевых шаблонов;
- восприимчивость и открытость ко всему необычному; постоянная потребность в получении новой информации об окружающем мире, стремление создавать нечто свое, уникальное;
- стремление к непрерывному совершенствованию своих способностей и компетенций посредством рефлексии и анализа;
- способность к риску, готовность принимать решения в любой ситуации и нести ответственность за их результаты.

Поскольку типологизация этих качеств выходит за рамки целей, стоящих перед этим исследованием, мы их представили в обобщенном виде. На основе их анализа мы приходим к ряду выводов: подавляющее большинство рассмотренных личностных характеристик, являющихся признаками креативной личности, являются предметом рассмотрения психологов, и лишь немногие из них привлекли внимание педагогов. Мы убеждены, что необходимо уделить самое серьезное внимание вопросам о педагогических методах, технологиях и средствах, способствующих развитию креативных качеств у учащихся в рамках образовательного процесса по изучению конкретных учебных дисциплин.

На основе вышесказанного будет уместным следующий вывод: феномен креативности личности становится важнейшей составляющей образовательной парадигмы в современных условиях, причиной чему являются следующие факторы [10, с. 435–444]:

- во-первых, между феноменом креативности и личностно-ориентированным подходом существует тесная взаимосвязь, которая лежит в основе процесса развития личностного потенциала индивида, формирования у него характерных качеств креативности, таких как независимое, гибкое мышление, способность к принятию неординарных решений, самостоятельность и готовность принимать ответственность за результаты своих действий;
- во-вторых, в рамках реализации положений компетентностного подхода в контексте развития креативных качеств учащихся, образовательный процесс направлен на их продуктивную деятельность, цель которой заключается в развитии конкретных компетенций, что

в целом способствует обогащению его личного опыта;

- в-третьих, развитие креативных качеств учащихся необходимо, чтобы они были готовы к восприятию инновационного компонента образовательной деятельности, который в условиях современного образования приобретает все большую значимость.

Многогранный и многоаспектный характер такого сложного явления, как креативность, обусловил интерес к нему специалистов самого широкого спектра научных направлений, которые рассматривают его различные аспекты. Подавляющая часть таких исследований относится к сфере гуманитарных дисциплин, таких как филология, философия, педагогика, психология и др.

Между тем, наряду с исследованиями по педагогике и психологии, которые к настоящему времени уже стали классикой, мы обратили свое внимание на современных, более узкоспециализированных материалах, опубликованных в специальных изданиях, включая многочисленные публикации и диссертации по рассматриваемой тематике. Был проведен контент-анализ научных работ по вопросам креативности, опубликованных на протяжении последних двух десятилетий, поскольку именно в эти годы произошло значительное распространение в современном образовании компетентностного подхода к организации учебного процесса [11, с. 48–56].

Как показал анализ научных работ, посвященных рассмотрению феномена креативности, большая часть таких исследований относится к психологии и педагогике. Значительно отстают философы и филологи. Между тем, привлекает внимание наличие интереса к этой проблематике у социологов, культурологов и экономистов. Помимо этого, проблемам креативности уделили внимание даже представители технических и юридических дисциплин, а также политологи.

Наличие большого разнообразия подходов к рассмотрению вопросов, связанных с феноменом креативности, обусловлено особенностями каждого научного направления, задач, методов, предметов и объектов тех дисциплин, представители которых занимаются разработкой данной проблематики.

Закономерным итогом вышесказанного является невозможность выработки единой точки зрения на природу и сущность этого феномена, а также широкий спектр его интерпретаций. При этом, в контексте методики образовательного процесса уточнение позиции по поводу креативности является актуальной проблемой, поэтому автор исследования обратился к принципам герменевтического подхода, что позволило прийти к следующему выводу.

Поскольку методологической основой всех научных дисциплин по праву считается философия,

то и методика выбора форм и методов исследовательской работы должна быть основана на ее основополагающих положениях. Свою роль в определении принципов, лежащих в основе формирования содержательной составляющей учебного процесса играет культурология и социология. Первая из них изучает культурные явления, которые нашли свое отражение в языке, а социология изучает деятельность человека, включая ее коммуникативный аспект. Поэтому мы начали свои изыскания именно с позиции этих дисциплин [12, с. 43–47].

Значительная часть философов (Бранский, Бердяев, Бергсон, Уайтхед, Соловьев, С.Д. Пожарский и др.) считают понятия «творчество» и «креативность» абсолютно тождественными. Свое внимание они акцентировали на рассмотрении этих понятий с позиции процесса, какое значение они имеют в жизни индивида.

С культурологических позиций между культурой и креативностью существует неразрывная взаимосвязь. Креативность является неотъемлемой частью творческой личности, которая проявляется в способности и потребности творить что-то новое, будь то новые идеи, произведения искусства, инструменты или технологии, новые способы решения задач или проблем.

В данном случае как творчество, так и креативность подвергаются рассмотрению исключительно в контексте личностных качеств индивида. Компетентностный подход предполагает направленность современного образования на реализацию также личностно-ориентированного и деятельностного подходов, таким образом, креативность как личностная характеристика учащегося должна играть роль ключевого объекта педагогического воздействия [18, с. 231–235].

Креативность с точки зрения социологии рассматривается главным образом, применительно к обществу, а также как качество личности в контексте ее общественной роли.

Как уже отмечалось выше, анализ научных источников свидетельствует о том, что многие авторы принципиально не отличают творчество от креативности, используя, как правило, их в качестве полных синонимов. Мы часто слышим о креативном поле деятельности, о креативных личностных качествах, о креативном индивиде. И хотя ряд исследователей все-таки отмечают наличие некоторых различий между этими понятиями, в целом они не противоречат друг другу.

В наиболее широком смысле и с различных точек зрения феномен креативности изучается психологами. Подавляющее количество исследований, относящиеся к проблемам креативности, исследователи-психологи посвящают человеку. Во второй половине прошлого столетия Е. Торренс предложил определение креативности, которое до настоящего времени считается базовым,

согласно которому креативность следует рассматривать как способность личности к творческому, неординарному мышлению, ее стремление и потребность к поиску новых решений и подходов к различным проблемам, как обладание гибким мышлением и стремлением достигать новых целей.

В рамках современных тенденций развития психологии под креативностью чаще всего понимает личностное качество индивида, его творческий потенциал, а также рассматривают ее в контексте интеллектуальных возможностей личности.

Упомянутые выше попытки отличать креативность от творчества впервые были сделаны именно психологами (Ананьев, Выготский, Брушлинский, Богоявленская, Торранс, Пономарев, Матюшкин, Ермолаева-Томина, Дж. Гилфорд. Учитывая значимость полученных результатов, необходимо отметить, что успехи в этом вопросе ограничены исключительно психологией.

Таким образом, при учете аспектов образовательного процесса в рамках иноязычного обучения, связанных с креативностью, мы будем использовать именно этот контекст, непосредственно связанный с одной из целей, стоящих перед данным исследованием.

Креативность стала предметом исследования в работах (Сластенина, Скаткина, Пидкасистого, Бабанского, Рындака, Кан-Калик, Занкова. Вслед за психологами, педагоги тоже понимают под креативностью важную личностную характеристику учащегося, и рассматривает ее в контексте их способностей и успехов в учебе. Словарь научных терминов, касающихся педагогики, рассматривает креативность как особые качества личности, которые отражают ее способность к созданию уникальных продуктов интеллектуальной или материальной деятельности, умение принимать неординарные решения, а также как один из аспектов проявления индивидуальности.

Новый подход к исследованию этого явления появился именно в педагогической науке [35, с. 89–90]:

- во-первых, именно ученые-педагоги первыми акцентировали внимание непосредственно на процессе актуализации феномена креативности в образовательной сфере;
- во-вторых, именно образовательный контекст позволил выявить условия и факторы формирования и развития креативных качеств как значимой личностной характеристики учащегося, с этой точки зрения актуализировались вопросы о необходимости формирования соответствующего пространства, а также разработки методики, которая бы учитывала фактор креативности, по освоению конкретных учебных дисциплин;
- в-третьих, феномен креативности в педагогическом контексте получил интерпретацию как

качественный параметр продукта образовательной деятельности.

На основе анализа работ по проблемам креативности применительно к педагогической деятельности, который был проведен в рамках данного исследования, мы выявили три основных подхода к этому явлению:

- полная идентичность понятий «творчество» и «креативность»;
- между понятиями «творчество» и «креативность» имеется взаимная зависимость, однако они отличаются друг от друга;
- это абсолютно разные понятия и одно не может заменять другое.

С позиции образовательных методик понимание различий между «творчеством» и «креативностью» и способность учитывать взаимную зависимость между ними является принципиально важным моментом [36, с. 193–196].

Таким образом, на основе проведенного анализа имеющихся на настоящий момент интерпретаций феномена креативности, можно приступать к следующему этапу, который заключается в конкретизации современного состояния научных изысканий по этой проблематике, прежде всего ее психолого-педагогических аспектов, проецируя их на сферу методического обеспечения образовательного процесса.

Анализ проведенных исследований по рассматриваемой тематике позволил нам прийти к следующим выводам. В более 50% исследований, в которых раскрывалась проблема развития креативных качеств, под креативностью понималась одна из личностных характеристик человека (О.В. Опарина), [37, с. 301]; [38, с. 224] и др., креативность рассматривалась в контексте личностного подхода и изучались особенности ее проявления (И.П. Маличенко, Н.А. Кузнецова, М.А.) [39, с. 239].

Раскрывались положения идеи о креативной личности [40, с. 180], (А.С. Жарикова и др.), изучался креативный тип мышления [41, с. 155] (В.Н. Ткачев, А.Г. Спиркин, А.Н. Бобров, М.О. Аркадьев), а также связь между интеллектом и креативностью (С.С. Савенышева, С.Ф. Сафонцева, А.Н. Воронин).

Также немалую долю (более 20%) составили исследования, которые рассматривали креативность как некий специфический процесс или самостоятельный феномен (явление) (О.Б. Скороумова, Б.Н. Головкин, И.И. Докучаев и др.). Также изучался психологический аспект формирования и развития креативных качеств в контексте профессиональной акмеологии (Н.Ф. Вишнякова, Л.В. Баранова и др.). Являясь дисциплиной по обучению взрослых людей, акмеология приобретает все большую актуальность на фоне роста значимости непрерывного образования, где языковая подготовка в той или иной мере присутствует. Поэтому понимание психологических аспектов кре-

ативности представляется важным при создании методик по обучению взрослых людей.

Применительно к вопросам, относящимся к средовому подходу в современном образовании, следует, по нашему мнению, обратить внимание на работы, в которых раскрывается проблематика креативной среды (С.М. Наседкина, К.Г. Кречетников, Н.Ф. Коряковцева и др.), поскольку создание организационных и педагогических условий, необходимых для обеспечения успешного процесса развития креативных качеств у учащихся, в настоящее время являются весьма актуальной проблемой в рамках современной образовательной парадигмы. Таким образом, при организации процесса совершенствования компетенций необходимо принимать во внимание эти условия [42, с. 179–186].

В диссертационных исследованиях Р.Г. Каспиной, Е.В. Зеленцовой, А.Н. Ховрина, А.П. Горна и других раскрывается еще один аспект креативности, где авторы рассматривают креативность, как одну из обязательных характеристик услуг интеллектуального характера, предлагая новое понятие «креативно-интеллектуальная услуга». И хотя такие услуги, как правило, рассматриваются в контексте таких областей деятельности, как реклама, менеджмент и экономика, этот термин вполне применим и к педагогике, поскольку в современных условиях образовательную систему также рассматривают с точки зрения предоставляемых ею услуг, в данном случае – образовательных.

Подводя краткие итоги, отметим, что авторские исследования уровня разработанности рассматриваемой тематики подтверждают ее многоаспектный, сложный характер, а также показывают ключевую роль творческого или креативного потенциала личности, что логически приводит нас к возникновению новой компетенции. Ведя речь о методике образовательного процесса, рассматривать креативность следует со всех позиций, где это качество может быть актуализировано. Этим определяется подход авторов в ходе определения условий для успешного применения принципов компетентностного подхода.

Научные дисциплины педагогического и психологического блока показывают, что рассматривать креативность во всем многообразии ее аспектов, на которые мы указывали выше, необходимо с учетом возрастного фактора учащихся. Поэтому следующим этапом в поиске решений задач, поставленных в этом параграфе, будет конкретизация характеристик целевой аудитории, на основе чего определяются критерии осуществления контент-анализа научных работ и диссертационных исследований [43, с. 42–45].

На основе полученных результатов мы пришли к двум значимым выводам:

- во-первых, между возрастным фактором индивида и исследованиями феномена креативно-

сти существует тесная взаимосвязь, поскольку для актуализации этого явления для учащихся различных возрастных групп требуется учет новых аспектов;

- во-вторых, при обосновании значимости отдельных учебных дисциплин для развития креативной составляющей личности необходима разработка нового методического обеспечения с учетом особенностей каждой дисциплины. Остановимся на этих выводах более детально.

Феномен креативности исследовался применительно к самому широкому спектру возрастных групп учащихся – от дошкольников до студентов ВУЗов и взрослых людей. Между тем, учитывая возрастные особенности целевой аудитории, представленные в исследованиях возрастные группы распределены достаточно неравномерно.

Развитие креативности у дошкольников стало предметом рассмотрения примерно 20% исследований. В этих работах основной упор в развитии креативных качеств делается на игровых формах образовательного процесса.

Половина всех исследований посвящены раскрытию вопросов о развитии креативности у школьников. В этих работах на более высокий уровень поднимаются вопросы о формировании специальных условий, которые необходимы для обеспечения успешного процесса развития креативных качеств у учащихся общеобразовательных учебных учреждений.

Нами также были обнаружены работы, авторы которых более детально рассматривали решение этой задачи применительно к старшеклассникам посредством конкретной учебной дисциплины (З.Р. Тушакова, З.Д. Жуковская, (Г.Н. Гаврилова и др.), [44, с. 110–115].

Около трети исследований были посвящены взрослым обучающимся: студентам вузов либо взрослым, проходящим подготовку в рамках системы непрерывного обучения. В этих работах отличительным аспектом являлась рассмотрение креативности с позиции профессионально значимого личностного качества, предусматривая его актуализацию через конечный продукт творческой деятельности индивида. Еще одной общей чертой всех рассмотренных исследований является их направленность к будущим педагогам и психологам.

Рассматривая роль отдельных учебных дисциплин в развитии креативных характеристик индивида, было выявлено, что современное образование, как правило, подразумевает дисциплины языкового и эстетического блоков. В большинстве случаев дисциплины языкового блока включают в себя родной язык и литературу.

Научные исследования в сфере методического обеспечения образовательного процесса в большинстве случаев рассматривают креативность с позиций формирования у учащихся креативного типа мышления (О.Н. Овсянникова, Е.Н. Коленти-

онок, М.М. Кадилова и др.). В основе этих методик лежат достижения ученых-педагогов и психологов (В.Г. Смагин, В.Д. Сластенин, Р.И. Малафеев, В.И. Лозовая, Е.В. Леонова, Н.В. Кочелаева, В.А. Кан Калик, И.А. Зимняя, И.Л. Бим, Д.Б. Богоявленская, Ю.К. Бабанский и др.). В данном контексте под креативным мышлением понимается способность к нахождению неординарных ответов на различные задачи, к творческому подходу к тем или иным образовательным проблемным ситуациям [45, с. 240–242].

Необходимо отметить, что значительная часть авторов рассматривает креативность как одну из целей образовательного процесса, для достижения которой необходимо использовать широкий спектр средств.

Резюмируя, отметим, что зависимость процесса формирования креативных качеств индивида от его возрастных характеристик говорит о том, что по мере взросления учащегося меняется и подход к природе креативных характеристик личности, при этом эти качества остаются ключевой целью образовательного процесса.

Креативность в образовательном процессе выступает не только как личностная характеристика, но и как элемент трансформации социальных институтов, включая образование, в условиях глобализации. Образование, как важнейший социальный институт, играет ключевую роль в формировании социальных компетенций, необходимых для адаптации и успешной интеграции индивидов в современные социальные структуры. Инновационные педагогические технологии и методы, направленные на развитие креативного потенциала, способствуют модернизации образовательных процессов, укреплению социальных связей и трансформации социальных ролей. Особое внимание уделяется компетентностному подходу, который позволяет формировать у студентов навыки, значимые для их социальной и профессиональной реализации, обеспечивая устойчивость образовательных институтов как базового элемента социальной структуры. Таким образом, развитие креативности через образование становится не только средством индивидуального самовыражения, но и фактором социального прогресса.

Литература

1. Ярмонова, А.А. Развитие креативности студентов в условиях образовательного пространства колледжа / А.А. Ярмонова, А.С. Санникова // Воронеж: Научная книга, 2021. – С. 162–165.
2. Дворникова, Е.В. Развитие социальной креативности будущих специалистов по организации работы с молодежью в образовательном пространстве вуза / Е.В. Дворникова // Ярославль: Редакционно-издательский отдел Меж-

- дународной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2021. – С. 41–46.
3. Котлярова, О.А. Проблемы интеграции педагогической креативности в цифровое образовательное пространство: историко-психологический подход / О.А. Котлярова // Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. – С. 25–30.
 4. Мусийчук, М. В. О понятиях «креативность» и «асоциальная креативность» в современной психологии / М.В. Мусийчук, Т.Е. Яценко // Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. – С. 435–444..
 5. Лыкова, И.А. Системно-классификационный и терминологический анализ понятия «креативность педагога» / И.А. Лыкова, В.В. Кожевникова, О.А. Ушакова-Славолюбова // Педагогика искусства. – 2020. – № 4. – С. 48–56.
 6. «Информация», «творчество», «креативность»: междисциплинарный анализ понятий / Е.А. Гафарова, В.А. Белевитин, Г.А. Диденко [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 9. – С. 43–47
 7. Глушенкова, М.С. Сущность и генезис понятия «креативность» / М.С. Глушенкова // Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2022. – С. 231–235.
 8. Шингаев, С.М. Эмоциональный интеллект, творчество и креативность: соотношение понятий и практика / С.М. Шингаев // Москва: Институт психологии РАН, 2020. – С. 89–90.
 9. Кириенко, А.А. Характеристика понятия «креативность» в научной литературе / А.А. Кириенко // Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2020. – С. 193–196.
 10. Капиренкова О.Н. Креативность личности лидера как фактор интеграции малой группы: дис... канд. псих. наук. Москва, 2004. – 301 с.
 11. Батоврина Е.В. Развитие креативности управленцев в процессе профессиональной подготовки: дис... канд. соц. наук, Москва, 2007. – 224 с.
 12. Крылова М.А. Специфика проявления креативности и социально-психологическая адаптация в подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. наук, Санкт-Петербург, 2007. 239 с.
 13. Пузеп Л.Г. Психологические механизмы развития креативности личности: дис... канд. псих. наук, Омск, 2006. 180 с.
 14. Челомбицкая М.П. Интеллект и креативность как факторы самоактуализации человека в инновационном обществе: дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 155 с.
 15. Тагоева, Г.Е. Понятие «креативности» в творческом развитии современных учебных процессов / Г.Е. Тагоева // Вестник института языков. – 2022. – № 4(48). – С. 179–186.
 16. Коновалова, Е.Г. Понятие креативности и творчества в трудах отечественных и зарубежных психологов / Е.Г. Коновалова // Москва: Московский городской педагогический университет, 2021. – С. 42–45.
 17. Золотарев, С.П. Понятие креативности и инноваций – современный философский анализ / С.П. Золотарев // Kant. – 2022. – № 2(43). – С. 110–115.
 18. Козьяков, Р.В. Теоретические аспекты изучения креативности и сходных понятий / Р.В. Козьяков, Ю.В. Дементьева // Гжель: Гжельский государственный университет, 2020. – С. 240–242.

CREATIVITY IN THE EDUCATIONAL SPACE: SOCIO-CULTURAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Sukhovskaya D.N., Markova D.K.
Pyatigorsk State University

The article studies the phenomenon of creativity in the educational process with a focus on its significance for the formation of social and professional competences. Creativity as a factor of modernisation of educational space in the conditions of globalisation and the role of educational institutions in the development of creative qualities of students are considered. Modern pedagogical approaches aimed at stimulating independent thinking, the ability to non-standard solutions and self-reflection are described. Special attention is paid to the introduction of innovative technologies and methods that contribute to the formation of students' readiness for professional challenges. The methodological basis of the study includes hermeneutic, content and comparative analyses, as well as a case method for studying the practical experience of innovation implementation. The article emphasises the significance of the competence approach, which promotes the development of students' skills in generating unique solutions needed in modern conditions. In conclusion, the authors formulate recommendations for educational systems aimed at integrating creativity into the learning process as a key component of training professionals.

Keywords: creativity, educational process, social institutions, globalisation, innovative technologies, competence approach, transformation of social processes, modernisation of education.

References

1. Yarmonova, A.A. Development of students' creativity in the conditions of educational space of the college / A.A. Yarmonova, A.S. Sannikova // Voronezh: Publishing and Printing Centre "Scientific Book", 2021. – С. 162–165.
2. Dvornikova, E.V. Development of social creativity of future specialists in the organisation of work with youth in the educational space of the university / E.V. Dvornikova // Yaroslavl: Editorial and Publishing Department of the International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT), 2021. – С. 41–46.
3. Kotlyarova, O.A. Problems of integration of pedagogical creativity in the digital educational space: historical and psychological approach / O.A. Kotlyarova // Elets: Elets State University named after I.A. Bunin, 20. I.A. Bunin, 2021. – С. 25–30.
4. Musiychuk, M.V. About the concepts of 'creativity' and 'asocial creativity' in modern psychology / M.V. Musiychuk, T.E. Yatsenko // Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov. G.I. Nosov, 2022. – С. 435–444..
5. Lykova, I.A. System-classification and terminological analysis of the concept 'creativity of a teacher' / I.A. Lykova, V.V. Kozhevnikova, O.A. Ushakova-Slavolubova // Pedagogy of Art. – 2020. – № 4. – С. 48–56.

6. 'Information', "creativity", "creativity": an interdisciplinary analysis of concepts / E.A. Gafarova, V.A. Belevitin, G.A. Didenko [et al.] // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities.* – 2021. – № 9. – С. 43–47
7. Glushenkova, M.S. Essence and genesis of the concept 'creativity' / M.S. Glushenkova // *Yoshkar-Ola: Mari State University, 2022.* – С. 231–235.
8. Shingaev, S.M. Emotional intelligence, creativity and creativity: correlation of concepts and practice / S.M. Shingaev // *Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2020.* – С. 89–90.
9. Kirienko, A.A. Characterisation of the concept 'creativity' in scientific literature / A.A. Kirienko // *Orenburg: Orenburg State University, 2020.* – С. 193–196.
10. Kapirenkova, O.N. Creativity of the leader's personality as a factor of integration of a small group: *Cand. Cand. psych. nauk. Moscow, 2004.* – 301 с.
11. Batovrina E.V. Development of creativity of managers in the process of professional training: *Cand. Cand. of Social Sciences, Moscow, 2007.* – 224 с.
12. Krylova M.A. Specificity of creativity manifestation and socio-psychological adaptation in adolescence and young man's age: *diss... Candidate of Psychological Sciences, St. Petersburg, 2007.* 239 с.
13. Puzep L.G. Psychological mechanisms of development of creativity of the personality: *diss... Candidate of Psychological Sciences, Omsk, 2006.* 180 с.
14. Chelombitskaya M.P. Intellect and creativity as factors of human self-actualisation in the innovative society: *Cand. Cand. philos. nauk. Rostov-on-Don, 2009.* 155 с.
15. Tagoeva, G.E. The concept of 'creativity' in the creative development of modern educational processes / G.E. Tagoeva // *Vestnik of the Institute of Languages.* – 2022. – № 4(48). – С. 179–186.
16. Konovalova, E.G. The concept of creativity and creativity in the works of Russian and foreign psychologists / E.G. Konovalova // *Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2021.* – С. 42–45.
17. Zolotarev, S.P. The concept of creativity and innovation – a modern philosophical analysis / S.P. Zolotarev // *Kant.* – 2022. – № 2(43). – С. 110–115
18. Koziakov, R.V. Theoretical aspects of studying creativity and similar concepts / R.V. Koziakov, Yu.V. Dementieva // *Gzhel: Gzhel State University, 2020.* – С. 240–242.

Развитие ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников современных предприятий в процессе коллективного взаимодействия и сотрудничества

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления персоналом
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Деятельность современных предприятий осуществляется в условиях повышенной турбулентности внешней среды, неопределенности и рисков. Способность предприятия адаптироваться, находить более рациональные решения, внедрять инновации, в т.ч. перестраивать внутренние процессы взаимодействия и сотрудничества становится определяющей конкурентные преимущества. Как следствие, обеспечение высокого уровня гибкости, адаптивности, способности к быстрой реакции на изменяющиеся условия, характеризующие предприятие, предполагает формирование работника нового социального типа, поведение которого предопределяется рядом смысловых приоритетов в деятельности. Однако современные технологические, организационные и социальные изменения в коммуникациях способны оказать как негативное, так и позитивное воздействие на развитие ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников, в зависимости от обеспечения процессов коллективного взаимодействия и сотрудничества. В статье представлены разработки по обеспечению на предприятиях процессов профессионального и межпрофессионального взаимодействия, предопределяющих формирование смыслов деятельности работников.

Ключевые слова: ценностно-мотивационные смыслы деятельности, сотрудничество, работники предприятий, инновации, инновационное развитие.

Социально-деловые партнерства и отношения солидарности в процессе достижения целей в коллективной трудовой деятельности являются базой работоспособности и высокой производительности людей, ответственности за результаты. В экономике знаний взаимодействие и коммуникация становятся ключевыми характеристиками социально-трудовых отношений. Вместе с тем, в контексте технологических трансформаций Индустрии 4.0 коммуникации изменяются, возникают возможности асинхронного взаимодействия, дополняющие традиционное синхронное, развиваются цифровые коммуникации. Социально-трудовые взаимодействия становятся более гибкими, развивающимися на базе разнообразных коммуникационных сетей: внутриорганизационных, межорганизационных, межгрупповых, межличностных. Отмечается, что под влиянием процессов цифровизации в современной экономической деятельности стремительно развиваются три основные тенденции: гиг-экономика, платформы и совместное использование (экономика совместного использования) [4]. В условиях становления гиг-экономики или экономики свободной занятости слабые связи приобретают все большее значение как фактор развития конкурентоспособности. Во многих организациях складывается практика гибридной занятости, т.е. социально-трудовое взаимодействие происходит не только при личном контакте, но и в цифровой среде. Происходит переход в экономических отношениях от дуальных к *сетевым моделям взаимодействия*, от функциональных коллективов к проектным командам – предполагающим участие нескольких равноправных партнеров. Деятельность работников современных предприятий сложно представить вне процессов взаимодействия.

Современные предприятия инновационного типа характеризуются траекторией развития, предполагающей непрерывные инновации, которые могут реализовываться не только как новый продукт, но также в виде трансформации организационных форм, введения новых процессов, освоения новых рынков, что соответствует интерпретации инноваций Й. Шумпетера [10]. Перманентная инновация, как утверждает Ф. Янсен, является единственным реальным способом обеспечения устойчивого конкурентного преимуще-

ства для большинства компаний» [12]. Способность предприятия адаптироваться, находить более рациональные решения, внедрять новшества, в т.ч. перестраивать внутренние процессы взаимодействия и сотрудничества становится определяющей его конкурентные преимущества. Как следствие, обеспечение высокого уровня гибкости, адаптивности, способности к быстрой реакции на изменяющиеся условия предполагает формирование работника нового социального типа. Для работника этого типа характерны смысловые приоритеты в деятельности, предопределяющие интерес к познанию нового, непрерывному профессиональному развитию, творческой самореализации, предприимчивость, готовность к сотрудничеству [8]. Смыслы деятельности предопределяют представления различных групп работников о приоритетности тех или иных целей деятельности (материальное благополучие, профессиональное развитие, достижение бытового комфорта и удобства, достижение баланса семьи и работы и др.), и представления работников о характеристиках успешного профессионального поведения (предприимчивость, командоориентированность, адаптивность, инновативность и др.).

Современные технологические, организационные и социальные изменения в профессиональных и межпрофессиональных коммуникациях способны оказать как негативное, так и позитивное воздействие на развитие ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников предприятий, в зависимости от обеспечения процессов коллективного взаимодействия и сотрудничества. Методологические положения исследования роли коммуникации в конструировании смыслов развивались в теории символического интеракционизма Дж.Г. Мида [5], Г. Блумера [1] и их последователей, феноменологической социологии А. Шюца [11], в теории семиосоциопсихологии Т.М. Дридзе [3], теории фрейм-анализа М. Минского [15], Г. Бейтсона [13], теории координированного управления смыслами Б. Пирса [16], В. Кронена [14].

В процессе коммуникации создается основа социального капитала человека [2] – сеть сильных и слабых социальных связей, способствующая воспроизводству отношений сотрудничества. Сильные и слабые социальные связи возникают в организационном контексте в процессе формализованного статусно-ролевого взаимодействия и на неформальном уровне в рамках межличностных контактов. Исследователями доказано (на основе анализа более 100 компаний), что умение создавать социальные связи и основанное на них сотрудничество является значимым фактором успешной адаптации работников на новой должности: самые успешные «новички» – это те, кто быстро заводят много знакомств, создают вокруг себя сообщество, расширяют свое влияние, выбирают максимально полезный для себя обще-

ния и определяют, кто способен им помочь в получении необходимых навыков [9].

Современное сетевое коммуникативное пространство, объединяющее традиционные и виртуальные коммуникации, оказывает влияние на процесс развития смыслов деятельности работников. Акторами коммуникаций становятся представители различных статусных и профессионально-квалификационных групп, взаимодействующие как в стабильных организационных структурах, так и в рамках легко трансформируемых модулей. Коммуникации происходят как в виртуальной, так и реальной социальной среде, когда некоторые категории работников взаимодействуют исключительно дистанционно. Общение в диджитализированной среде современных предприятий имеет ряд особенностей и не всегда способствует развитию отношений доверия, сотрудничества, адаптивности коллектива. Это объясняется тем, что в цифровой среде коммуникация эмоционально редуцируется, снижается восприятие невербальных сигналов (мимики, пантомимики), снижаются возможности проявления эмпатии в процессе взаимодействия. Поведение становится асинхронным, то есть пространственно и темпорально не согласованным, что негативно влияет на возможности эмоциональной «подстройки» индивидов и перспективы развития доверительных взаимоотношений. Незамедлительные реакции живого общения заменяются тщательно обдуманной ответами в электронной коммуникации, отложенной во времени. Бессознательно взаимодействующие индивиды «достраивают» мысленный образ партнера, наделяя его несуществующими чертами, которые основываются на искусственно сконструированной идентичности. Коллеги в распределенных командах могут никогда в жизни не увидеть друг друга «вживую» и в общении следовать представлениям о цифровом образе друг друга. Нельзя не согласиться, что «цифровизация производственных и общественных процессов ввиду влияния на ролевые функции человека способна в меньшей степени объединять, а скорее разобщать людей, углубляя противоречия, связанные с идентификацией личности во времени и пространстве» [7].

Вместе с тем, вследствие диджитализации упрощается доступ к информации и ресурсам; появляются технологии для своевременного информирования персонала о происходящих изменениях и возможностях развития; создаются возможности для сотрудничества и работы в проектных самоуправляемых командах, стимулирующих уровень инновационной активности. В подобных командах каждый участник и его идеи становятся более «заметны» для дальнейшего обсуждения и реализации; происходит интеллектуализация трудовой деятельности.

Стоит отметить, что, вступая в межличностную и межгрупповую коммуникацию, работники пред-

приятый становятся ее основным ресурсом в процессе формирования долгосрочных отношений сотрудничества с партнерами во всех остальных направлениях и эффективность этого процесса зависит от способности к построению системы социальных связей в профессиональной и межпрофессиональной среде. *Области*, в которых формируются социальные коммуникации работников предприятий во внешней среде: отношения с поставщиками товаров и услуг; конкурентами; НКО и органами государственной власти; конечными потребителями товаров и услуг, партнерами и посредниками; во внутренней среде: отношения между функциональными подразделениями, филиалами, стратегическими бизнес-единицами.

Смыслы деятельности работников формируются в контексте определенной социально-экономической структуры и способны к трансформации в процессе социально-трудовых взаимодействий, с учетом когнитивных особенностей акторов, их социального опыта, реакций взаимодействующих и особенностей взаимодействия между ними. Формированию смыслов деятельности способствуют такие коммуникативные механизмы как:

- обмен знаниями и экспертизой в результате профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций;
- организационное целеполагание и механизмы реализации согласованных целей, вовлечение работников в постановку целей и принятие решений;
- механизмы обратной связи, которые позволяют исследовать смыслы деятельности работников и формировать управление рефлексивного типа, способствующее инновациям;
- социально-культурные механизмы – не случайно утверждение «если руководитель исходит в своей деятельности из представления об организации как явлении культуры, то это значит, что он выводит на первый план человека как источник культуры, апеллирует к душе и сознанию работника, воздействует на него в основном психологическими методами, воспринимает как уникальное, интересное, постоянно меняющееся явление» [6, с. 60].

Для достижения цели развития ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников предприятий в контексте инновационных преобразований необходимо решение следующих задач:

- 1) конструирование социальной структуры на основе сетей сильных и слабых связей, обеспечивающих основу профессионального и межпрофессионального взаимодействия как формального, так и неформального характера;
- 2) решение проблемы порождения смысла действия в условиях виртуальной, неопределенной и разнонаправленной коммуникации, ха-

рактерной для предприятий в контексте инновационных преобразований.

Можно выделить три вида обеспечения коммуникаций на предприятии как основы коллективного взаимодействия и сотрудничества: организационно-техническое, социально-психологическое и ценностно-смысловое обеспечение.

Организационно-техническое обеспечение коммуникаций – это деятельность, направленная на создание и поддержание инфраструктуры и процессов, необходимых для эффективного взаимодействия в коллективе предприятия:

- обеспечение структурированных коммуникаций: имплементация инновационных решений для вовлечения в коммуникацию дистанционных работников и гиг-работников;
- обеспечение доступности информации для работников различных статусных и профессионально-квалификационных групп, включая гиг-работников (доступ к информации из любой точки, с любого устройства, в любое время);
- внедрение технологий системной аналитики коммуникаций (включая технологии облачных решений и ИИ) для выявления проблем и точек роста, использование технологий социального мониторинга;
- внедрение персонализированных технологий взаимодействия руководителей и специалистов;
- обеспечение системного и регулярного восходящего и нисходящего информационного обмена между работниками различных групп;
- обеспечение разнообразных каналов и форм для устных и письменных коммуникаций (формальных и неформальных) и их интеграция в единое информационное пространство.

Социально-психологическое обеспечение коммуникаций направлено на развитие коммуникативной культуры и коммуникативных компетенций на предприятии и предполагает: развитие цифровых коммуникативных компетенций, межличностных компетенций у руководителей и специалистов; повышение управленческой компетентности лидеров в части коммуникации с сотрудниками; формирование культуры доверия; выявление в организационной среде «лидеров мнений» как ресурса для развития горизонтальных коммуникаций; проведение регулярной социометрической диагностики коллектива.

Ценностно-смысловое обеспечение коммуникаций представляет собой деятельность, направленную на обеспечение смысловой основы для развития отношений сотрудничества: трансформация характеристик коммуникации от отношений субординации к отношениям партнерства, от универсальных оценочных диалогов – к уникальным смыслообразующим диалогам; конгру-

энтность предоставляемой информации в устном и письменном общении – единство и непротиворечивость информационно-коммуникативного пространства; персонализированная ценностная окраска транслируемой работникам информации, обращение к личным ценностям и смыслам и др.

Как противоположность отношениям сотрудничества в организационной среде возникают конфликтные взаимоотношения, снижающие уровень взаимного доверия и возможности инновационного развития. Конфликтогенность социально-трудовых отношений препятствует сотрудничеству и коллективной деятельности, и может иметь глубокие корни, в зависимости от того, что лежит в основе конфликта: данные или различия в интерпретации информации; разнонаправленные интересы; разнонаправленные ценности; социальные девиации; структурные неравенства (во власти, доступе к ресурсам, возможностям социально-трудовой мобильности и др.). Согласно теории семиосоциопсихологии, конфликты вызываются в результате возникновения «смысловых ножниц», т.е. несовпадения смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения, «разночтения».

При этом конфликтующие акторы даже в процессе разногласий остаются соавторами смыслов, продуцируемых и интерпретируемых во взаимодействии. Поэтому помимо обеспечения коммуникаций, в организациях инновационного типа необходимо формирование системы управления процессами сотрудничества/соперничества и организационными конфликтами. Конфликты в организации могут оказывать воздействие на восприятие целей и смыслов деятельности, заставляя работников переосмысливать значимость тех или иных действий. Особое значение в этом контексте нами придается технологиям социального мониторинга и профилактики социальной напряженности, снижающим деструктивные проявления конфликтов и позволяющие применять их созидательный потенциал в инновационном развитии. Также в данном контексте могут рассматриваться: создание благоприятных социально-экономических условий для реализации смыслов в деятельности; развитие конфликтологической компетентности работников; применение инструментов аналитики данных HR-аналитики; обеспечение единой информационно-коммуникативной среды, в т.ч. в digital-пространстве, которая направлена на повышение информированности работников, расширение каналов межгруппового взаимодействия; развитие корпоративной культуры, основанной на единых ценностях, формирование вовлеченности персонала, взаимопомощи, активного участия в управлении.

Исходя из сложившейся системы управления процессами соперничества/сотрудничества и организационными конфликтами, работники будут

выбирать ту или иную модель поведения в коллективе, осознавая свои действия как наполненные смыслом. В коллективе, где поощряется сотрудничество для работников будет наполнено смыслом участие в совещании и совместный поиск оптимального решения, поскольку эти действия способствуют общему результату. В конкурентной среде смыслом будут наполнены действия, позволяющие подчеркнуть недостатки конкурента (например, альтернативного кандидата на повышение), что приведет к снижению уровня доверия, сокрытию информации, негативной групповой динамике.

Таким образом, выбор модели поведения предопределяется смыслами, наполняющими профессиональную деятельность, а они, в свою очередь, задаются объективной ситуацией жизнедеятельности, системой управления, культурой организации, а также, во многом, системой коллективного взаимодействия и сотрудничества.

Литература

1. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Герберт Блумер; перевод с английского А. Корбута предисловие Р. Пруса. – Москва: Элементарные формы, 2017. 343 с.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-kapitala> (дата обращения: 09.01.2024).
3. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
4. Нехода Е.В., Пань Ли Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. – 2021. Том 8. № 9. С. 897–916. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-610.18334/et.8.9.113408
5. Николаева В. Г. 97. 04. 041. Дж.г. Мид. Разум, я и общество (главы из книги). G.H. Mead. Mind, self and society. – Chicago, 1934. – P. 135–144, 164–178, 192–200 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1997. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (дата обращения: 09.02.2025).
6. Организационная культура: учебник для вузов / В.К. Потемкин, Н.Н. Покровская, В.А. Спивак. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013.
7. Потемкин В.К. Роль человека в производственных и социальных системах с учетом развития цифровых технологий // Потемкин В.К. Соци-

альные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями. Сборник избранных научных статей 2016–2021. СПб.: Инфо-Да. 2021. – 320 с.

8. Потемкин В.К. Ценностно-мотивационные смыслы формирования инновационных компетенций работников предприятий и организаций / В.К. Потемкин, Д.В. Вельмисова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. 174 с. ISBN 978-5-7310-6141-4.
9. Прайор Г., Сильвестр Д., Кросс Р. Карьерный ускоритель // *Harvard Business Review*, 28.10.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://big-i.ru/karera/kommunikatsii/892548/?ysclid=lcowmt9r8c77173859> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Шумпетер Й.А. История экономического анализа / Й.А. Шумпетер; Пер. с англ. [В.С. Автономова и др.] под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экон. шк. и др., 2001.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: 2004.
12. Янсен Ф. Эпоха инноваций: Как заниматься бизнесом творчески постоянно, а не от случая к случаю: [Пер. с англ.] / Феликс Янсен. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 307 с.
13. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution and epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
14. Cronen V. Practical theory, Practical act, and the Pragmatic-Systemic Account of Inquiry // *Communication Theory*, Vol. 11, 2001: 14–35.
15. Minsky M. A framework for representing knowledge // *The psychology of computer vision* / Ed. by P.H. Winston. New York: McGraw-Hill, 1975.
16. Pearce W.B. The Coordinated Management of Meaning (CMM) // *Theorizing about Intercultural Communication*, 2004: 35–54.

DEVELOPMENT OF VALUE-MOTIVATIONAL MEANINGS OF THE ACTIVITIES OF MODERN ENTERPRISES EMPLOYEES IN THE PROCESS OF COLLECTIVE INTERACTION AND COOPERATION

Velmisova D.V.

Saint Petersburg State University of Economics

The activities of modern enterprises are carried out in conditions of increased turbulence of the external environment, uncertainty and risks. The ability of an enterprise to adapt, find more rational solutions, introduce innovations, including restructuring internal processes of interaction and cooperation becomes the determining factor for competitive advantages. Ensuring a high level of flexibility, adaptability, and the ability to quickly respond to changing conditions that characterize an enterprise presupposes the formation of a new social type of employee, whose behavior is predetermined by a number of semantic priorities. However, modern technologi-

cal, organizational and social changes in communications can have both a negative and a positive impact on the development of value-motivational meanings of employees' activities, depending on the provision of collective interaction and cooperation processes. The article presents developments in ensuring professional and interprofessional interaction processes at enterprises, which predetermine the formation of meanings of employees' activities.

Keywords: value-motivational meanings of activity, cooperation, enterprise employees, innovations, innovative development.

References

1. Blumer G. Symbolic Interactionism: Perspective and Method / Herbert Blumer; translated from English by A. Korbut foreword by R. Prus. – Moscow: Elementary Forms, 2017. 343 p.
2. Bourdieu P. Forms of Capital // *Economic Sociology*. 2002. No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-kapitala> (date accessed: 01/09/2024).
3. Dridze T.M. Social Communication as Text Activity in Semiosociopsychology // *Social Sciences and Modernity*. 1996. No. 3.
4. Nekhoda E.V., Pan Li Transformation of the Labor Market and Employment in the Digital Age // *Labor Economics*. – 2021. Vol. 8. No. 9. P. 897–916. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-610.18334/et.8.9.113408
5. Nikolaeva V. G. 97. 04. 041. G.H. Mead. Mind, self and society (chapters from the book). G.H. Mead. Mind, self and society. – Chicago, 1934. – P. 135–144, 164–178, 192–200 // *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11, Sociology: Abstract Journal*. 1997. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razumya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (date of access: 02/09/2025).
6. Organizational culture: textbook for universities / V.K. Potemkin, N.N. Pokrovskaya, V.A. Spivak. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2013.
7. Potemkin V.K. The role of man in production and social systems taking into account the development of digital technologies // Potemkin V.K. Social Problems of Human-Oriented Management of Enterprises and Organizations. Collection of Selected Scientific Articles 2016–2021. SPb.: Info-Da. 2021. – 320 p.
8. Potemkin V.K. Value-motivational meanings of the formation of innovative competencies of employees of enterprises and organizations / V.K. Potemkin, D.V. Velmisova. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2023. 174 p. ISBN 978-5-7310-6141-4.
9. Pryor G., Sylvester D., Cross R. Career Accelerator // *Harvard Business Review*, 10.28.2021 [Electronic resource]. – URL: <https://big-i.ru/karera/kommunikatsii/892548/?ysclid=lcowmt9r8c77173859> (date accessed: 15.02.2025).
10. Schumpeter J.A. History of Economic Analysis / J.A. Schumpeter; Transl. from English [V.S. Avtonomov et al.] edited by V.S. Avtonomov. – St. Petersburg: Ekon. shk. et al., 2001.
11. Schutz A. Selected: A World Shining with Meaning. Moscow: 2004.
12. Jansen F. The Age of Innovation: How to Do Business Creatively, Not Occasionally: [Transl. from English] / Felix Jansen. – M.: INFRA-M, 2002. – 307 p.
13. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution and epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
14. Cronen V. Practical theory, Practical act, and the Pragmatic-Systemic Account of Inquiry // *Communication Theory*, Vol. 11, 2001: 14–35.
15. Minsky M. A framework for representing knowledge // *The psychology of computer vision* / Ed. by P.H. Winston. New York: McGraw-Hill, 1975.
16. Pearce W.B. The Coordinated Management of Meaning (CMM) // *Theorizing about Intercultural Communication*, 2004: 35–54.

Формирование имиджа России во Франции: контент-анализ статей французских универсальных энциклопедий

Гусакова Ольга Сергеевна,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье исследуется внешнеполитический имидж Российской Федерации на примере восприятия России во Франции. Целью работы является выявление устойчивой модели образа России во Франции, формирующейся на протяжении столетий и оказывающей влияние на современное представление о стране. Исследование основано на количественном и качественном анализе статей о России, представленных во французских справочных изданиях. Выборка источников осуществлялась по принципу сплошной выборки и включала все доступные на полках Национальной библиотеки Франции в Париже (Bibliothèque nationale de France) энциклопедии и универсальные словари на французском языке, содержащие статью «Russie» в значении страны. Анализ показал, что образ России включает такие структурные элементы как: географические характеристики, политическое и экономическое устройство, культурное и социальное развитие, а также историческое прошлое страны. Для каждого из этих элементов выявлены сильные и слабые стороны с точки зрения французского общественного сознания. Целостная модель образа России характеризуется такими чертами, как коллективизм, масштабность, богатство, незрелость и косность. При этом восприятие страны варьируется в зависимости от внешнеполитического контекста. В дружественном дискурсе смысловой акцент образа России смещается в сторону коллективизма, масштабности и богатства. В критическом – в сторону коллективизма, незрелости и косности.

Ключевые слова: имидж государства, имидж страны, образ государства, образ страны, внешнеполитический имидж, структура внешнеполитического образа страны, контент-анализ, образ России во Франции.

Введение

В последние годы мы все отчетливее видим угасание старой системы миропорядка [20, 21]. Демонтаж или изменение конструкции существующего миропорядка, очевидно, влечет за собой слом политических систем, экономических моделей и социальных отношений. Конкурирующие блоки предлагают свои технологические и ресурсные базы, лидерство, социально-экономические модели, культурные и духовные ценности. Для Российской Федерации, которая стремится сохранить роль одного из центров силы в многополярном мире, критически важно наращивать технологическую, экономическую и культурную базы, что требует эффективного использования как военной, так и мягкой силы, включая формирование положительного международного имиджа [19, с. 10–18].

Западная Европа, как регион, граничащий с европейской частью России, на данный момент обладает военным, технологическим, экономическим, научным и культурным потенциалом. Франция – одна из ведущих стран этого региона, является самым крупным по территории и вторым по численности населения государством в Западной Европе, ядерной и космической державой, государством-членом НАТО с крупнейшими по численности вооруженными силами в Евросоюзе [13, с. 384].

Как и в большинстве стран Западной Европы, во Франции, в настоящее время проводится активная антироссийская и даже русофобская пропаганда [4, 14, 16]. К сожалению, у данной пропаганды есть результаты, которые подтверждаются целым рядом как международных так и французских исследований [22, 23, 26, 28, 38].

Перечисленное позволяет говорить о необходимости противостояния процессу демонизации России в общественном сознании французских граждан. Возникает потребность в изучении и управлении образом Российской Федерации, который предполагает прагматичное взаимодействие на взаимоуважительной и взаимовыгодной основе.

Целью данного исследования является выявление устойчивой модели образа Российской Федерации во Франции, воспроизводящейся на протяжении столетий и влияющей на восприятие Российской Федерации, а также выявление основных структурных элементов, формирующих образ России во французских справочных изданиях.

Настоящая работа представляет собой вклад в изучение механизмов конструирования образа России в общественном сознании Франции через призму контент-анализа статей французских справочных изданий. Работа способствует углублению научного понимания механизмов конструирования образа государства и открывает новые перспективы для его дальнейшего изучения в различных гуманитарных и социальных науках.

Материалы и методы

Для проведения исследования в рамках данной работы был применён метод количественного и качественного анализа текстов статей о России, представленных во французских популярных справочных изданиях. Формирование выборочной совокупности источников осуществлялось на основе принципа сплошной выборки, который предусматривает использование всех объектов, соответствующих заданным критериям и доступных в определённой среде или архиве. В данном случае анализу подвергались все справочные издания на французском языке (словари и универсальные энциклопедии), содержащие статью Россия (*Russie*) в значении страны и находящиеся в свободном доступе на полках Национальной библиотеки Франции в Париже (Bibliothèque nationale de France, <https://www.bnf.fr>). Национальная библиотека Франции представляет собой крупнейшее в мире собрание произведений на французском языке.

Обращение к статьям энциклопедий для исследования обосновано рядом причин.

1. Доступность материала и удобство работы. Статьи энциклопедий относительно легко доступны, что делает процесс сбора и обработки материала для исследования одновременно менее трудоёмким и более надёжным. Кроме того, данный материал может быть повторно собран и проанализирован другими исследователями, что способствует повышению уровня научной обоснованности исследования.
2. Авторитетность. Французские энциклопедии, такие как *Larousse*, *Robert* или *Encyclopædia Universalis*, являются признанными источниками знаний, которые влияют на формирование общественного мнения и служат основой для образовательных и исследовательских материалов.
3. Комплексное представление. Энциклопедии предлагают унифицированный формат подачи материала, максимально полно охватывая разные аспекты, относящиеся к России, и представляя информацию в комплексном виде.
4. Систематизированность изложения. Статьи в энциклопедиях имеют определённую структуру и охватывают схожие тематические блоки, такие как история, география, культура и эко-

номика, что позволяет проводить сравнительный анализ содержания текстов о России, опубликованных в различных изданиях и в разные эпохи, выявляя закономерности в представлении о России. Более того, характерная для энциклопедий структурированность текстов статей упрощает их обработку методами контент-анализа и повышает точность интерпретации результатов.

5. Историческая перспектива. Материалы энциклопедий доступны на протяжении длительного периода, начиная с XVIII века, что позволяет выявить устойчивые представления о России.
6. Стремление к объективности. Энциклопедии стремятся минимизировать влияние текущих политических интересов, сохраняя некоторый уровень нейтральности. В то же время их ценность как материала для анализа не утрачивается, поскольку они представляют собой «продукты речемыслительной деятельности, элементы человеческой культуры. Создание конкретного текста происходит в рамках культурно-исторической ситуации. Центральное место в текстообразовании занимает ментальность индивида – содержание культуры, усвоенное им, представленное в его сознании. Хотя тексты, создаваемые индивидами, можно различать по способу образования (создаваемые в рамках какой-то организации или независимо) – они все являются «коллективными» в том смысле, что они, в конечном счете, порождение культуры» [15, с. 176]. Тексты статей справочных изданий отражают структуру представлений, характерную для национального общественного сознания. Созданные носителями французской культуры и мировоззрения, они неизбежно включают ключевые стереотипы, лексику и структуру представлений о России, присущие французскому общественному сознанию.
7. Объём материала. Тексты французских справочных изданий подробны, что обеспечивает наличие достаточного количества информации для анализа. В рамках исследования было проанализировано 12 справочных изданий, 188 453 слова.

Таким образом, статьи энциклопедий представляют собой ценный источник для изучения структуры и устойчивой модели образа России во французском общественном сознании. Однако, несмотря на это, на данный момент систематически этот источник в рамках исследования образа Российской Федерации не изучался.

Для проведения исследования использовался метод количественного и качественного контент-анализа. Для проведения контент-анализа было использовано специализированное программное обеспечение Atlas.ti. Atlas.ti – это специализированное программное обеспечение для качествен-

ного и количественного анализа неструктурированных данных, широко используемое в социальных и гуманитарных науках. Оно позволяет исследователям систематизировать, кодировать и анализировать большие объёмы текстовых, аудио-, видео- и графических данных, предоставляя удобные инструменты для визуализации связей между различными элементами анализа. Основной функционал программы включает создание кодов, категорий, иерархий и сетей (networks), что способствует выявлению скрытых закономерностей, структур и тем в исследуемых материалах. Atlas.ti позволяет интегрировать индуктивный и дедуктивный подходы к анализу данных, а также предлагает эффективные инструменты для работы с большими массивами текста, включая поисковые запросы, частотный анализ и автоматическое кодирование. Это делает программу удобным инструментом для проведения как контент-анализа, так и других видов исследования сложных текстовых массивов.

Контент-анализ с использованием программного обеспечения Atlas.ti включал подготовительный этап, этап проведения исследования, этап анализа информации и формулирования выводов. На подготовительном этапе была сформулирована цель исследования: выявить устойчивую модель образа России в общественном сознании граждан Франции. Далее было принято решение об отборе материалов для анализа. В рамках корпуса работ, подлежащих анализу было решено остановиться на статьях «Russie» французских справочных изданий. Далее в рамках настоящего исследования была проведена непосредственная работа в Национальной библиотеке Франции в Париже. Библиотека является самым богатым собранием франкоязычной литературы в мире, поэтому является подходящим местом для отбора материалов для анализа. В рамках работы в библиотеке методом сплошной выборки были отобраны следующие издания, приведенные здесь в хронологическом порядке.

1. Denis Diderot, *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot... & quant à la partie mathématique, par M. d'Alembert. Tome quatorzième. REGGI – SEM. A Neufchâtel, chez Samuel Faulche & compagnie libraires & imprimeurs. M. DCC. LXV.*
2. Pierre Larousse, *Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle. Tome XVIII. Deuxième partie. RECH. – RZYS. SLATKINE. Geneve – Paris, 1982. Réimpression de l'édition de Paris, 1866–1879.*
3. Larousse, *Grand Larousse Universel. Tome 13. Relais à Siégel. Paris. 1985.*
4. Larousse, *Grand Larousse en 5 volumes. 5, Rectifiable-zythum, Paris: Larousse, 1987.*
5. Le Robert, *Le petit Robert noms propres, Paris: Dictionnaires Le Robert, DL 2016. Réimpression*

de l'édition de Paris, 1974. Le Robert, *Le grand Robert de la langue française: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / [sous la dir.] de Paul Robert, 2e éd. entièrement rev. et enrichie par Alain Rey. Tome VIII. Raison – Sub. Paris: Le Robert, 1992.*

6. Le Robert, *Le grand Robert de la langue française, 2. éd., augm. du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert / Dirigé par Alain Rey. Tome VIII. Raison – Sub. Paris: Le Robert, 1996.*
7. Encyclopaedia Universalis France. *Encyclopaedia Universalis. Tome 21. Romancero – Shakespeare. Paris: Encyclopaedia universalis, 2011.*
8. Larousse, *Le petit Larousse illustré [Texte imprimé]: en couleurs: 90000 articles, 5000 illustrations, 355 cartes, 154 planches, chronologie universelle. Paris: le Grand livre du mois, DL 2013.*
9. Larousse, *Le petit Larousse illustré: 90000 articles, 5000 illustrations, 355 cartes, 160 planches, chronologie universelle, Paris: Larousse, DL 2017.*
10. Le Robert, *Le Robert illustré 2018 & son dictionnaire en ligne Paris: Dictionnaires le Robert-Sejer, DL 2017.*
11. Hachette, *Dictionnaire Hachette Éd. 2022, Vanves: Hachette éducation, DL 2021, impr. en Italie.*
12. Larousse, *Le petit Larousse illustré: 90000 articles, 5000 illustrations, 355 cartes, 160 planches, chronologie universelle, Paris: Larousse, DL 2023.*

В каждом справочном издании вошедшем в выборку настоящего исследования содержатся справочные статьи «Russie» в значении страны. Страницы справочных изданий, содержащие тексты статей были фотокопированы. Впоследствии фотокопии были оцифрованы с помощью технологии OCR (оптического распознавания текста) компанией Аватера (Awaterra), предоставляющей услуги сложного распознавания текста. После оцифровки данных текстовые материалы поочередно были загружены в программу Atlas.ti для дальнейшей обработки и анализа.

На этапе проведения исследования для создания системы кодов было использовано следующее определение имиджа государства. Имидж государства – это компактная модель, закреплённая в общественном сознании, которая включает совокупность эмоциональных и рациональных представлений о географических характеристиках, политическом и экономическом устройстве, культурном и социальном развитии, а также историческом прошлом страны. Таким образом категориями анализа выступили: географические характеристики, государственное и экономическое устройство, культурное и социальное развитие а также историческое прошлое России.

Также для системы кодирования в Atlas.ti была использована теория по структуре политического образа Е.Б. Шестопал. Согласно теории, в структуре образа государства выделяются такие эле-

менты, как привлекательность, сила и активность, а точнее, шкалы: привлекательность–непривлекательность, сила–слабость и активность–пассивность» [18]. То есть были созданы дополнительные коды: код, указывающий на эмоцию/отношение автора/авторов по поводу высказывания: негативное, нейтральное и позитивное (вариация шкалы привлекательность–непривлекательность); сила, слабость, активность пассивность. Созданные коды присваивались соответствующим фрагментам текста.

Результаты

Географические характеристики

Каждая статья в справочном издании начинается с раздела, посвященного географическим характеристикам страны. В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях этому разделу посвящено 13412 слов, что составляет около 7% от общего объема проанализированного текста.

Описание географических характеристик страны изложено либо положительно, доброжелательно (47%), либо нейтрально, в научном стиле (44%), реже негативно (9%) (вся эта империя – просто пустыня, фр. *tout cet empire n'est qu'un désert*). Положительное изложение, как правило связано с изложением сильных, с точки зрения географических характеристик, сторон страны (70%), нежели с ее слабостями (30%).

Сила России заключается в обладании уникальными природными ресурсами, обширной территорией и значительным экономическим потенциалом, что делает её самодостаточной державой. Географические особенности страны рассматриваются как важнейший фактор, определяющий её функционирование и развитие. Богатство природных ресурсов, включая нефть, газ, уголь, железную руду и плодородные почвы, с точки зрения французского общественного сознания играет ключевую роль в экономике России, обеспечивая промышленное развитие и продовольственную безопасность. Разнообразие климатических зон способствует ведению сельского хозяйства и развитию добывающей промышленности. Обширная сеть рек и озёр, соединённых системой каналов, формирует важные транспортные артерии, обеспечивающие внутреннюю и внешнюю торговлю.

Слабость России заключена в трудностях, связанных с освоением огромной территории, суровыми климатическими условиями, низкой плотностью населения, слаборазвитой инфраструктурой, неравномерным распределением природных ресурсов, что требует значительных затрат на их добычу и транспортировку.

Основные географические образы России, рассматриваемые как сила страны: *Площадь России в 30 раз больше площади Франции; Природное*

богатство и самодостаточность; Россия – страна крупных промышленных центров.

Основные географические образы России, рассматриваемые как слабость страны: *«Почти вся эта империя – просто пустыня»; Земля – малопригодная для жизни и ведения хозяйства.*

Государственное устройство

В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях раздел Государственное устройство, либо темы в других разделах, касающиеся государственного устройства, насчитывают 40950 слов, что составляет около 22% от общего объема проанализированного текста.

Информация о государственном устройстве России во французских энциклопедиях подчеркивает активную роль государства в функционировании страны (85% единиц анализа), тогда как пассивный характер управления отмечается лишь в 15% случаев. В описаниях российского государства чаще акцентируется внимание на его силе и влиянии (74%), в то время как слабость отмечается в 26% случаев.

Наиболее характерной чертой российской государственности, с точки зрения авторов французских справочных изданий, является централизованная система управления. Эта особенность рассматривается как в позитивном, так и в негативном контексте, однако преобладают критические оценки (58%). Негативное представление о централизованной государственной системе выражается через акцент на проблемах и недостатках такой системы управления. В их числе упоминаются жесткий контроль, централизованное и негибкое планирование, коррумпированная бюрократия, архаичность административных, экономических и социальных структур, создание политической полиции, деспотизм, насаждение террора и противостояние Западу.

Положительное отношение фиксируется в 15% случаев. Оно связано с упоминаниями о преемственности российской системы управления от Византии, а также с объективной необходимостью централизованного управления. Среди факторов, обуславливающих объективную необходимость централизованного управления, называются регулярные внешние вторжения, направленные на захват и разграбление территории России, суровые климатические условия, огромные территории и неоднородный этнокультурный состав населения, требующий интеграции. Когда говорят о государственном устройстве в положительном ключе, то часто упоминают силу власти, значимую роль России в мировой истории, способность власти трансформировать страну через реформы, достижения или эффективность управления, в том числе упоминаются такие достижения как: освоение космоса; освоение обширных территорий России в условиях сложных климатических условий и т.д.

Основные образы российской государственности, рассматриваемые как сила страны: *Россия – великая держава с имперскими амбициями; Рос- сией следует править с помощью железного кула- ка (d'une poignée de fer)/Русский народ необходи- мо держать в ежовых рукавицах; Трансформации в России диктует власть.*

Основные образы российской государственности, рассматриваемые как слабость страны: *Авто- ритаризм как подавление свободы; Коррупциро- ванная бюрократия; Агрессивный экспансионизм как доминанта внешней политики.*

Экономическое устройство

В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях раздел Экономическое устройство, либо темы в других разделах, касающиеся эконо- мического устройства, насчитывают около 11687 слов, что составляет около 6% от общего объема проанализированного текста.

Образ экономического устройства России, вы- явленный во французских справочных изданиях неоднозначный. Экономика России рассмат- ривается скорее как пассивный элемент, играющий не- существенную или отстающую роль в функциони- ровании и развитии страны, что отражено в 58% единиц анализа. Активная роль экономики подче- ркивается в 42% случаев. При описании эконо- мического устройства России акцент чаще делается на слабостях экономики (60%), тогда как упоми- нания силы и возможностей встречаются в 40% слу- чаев. Отношение авторов к российской экономике в большинстве случаев негативное (58%), совпа- дает с представлением экономики страны как ее слабости, и связано с акцентом на таких пробле- мах, как централизованное планирование, низкий уровень инноваций, зависимость от природных ре- сурсов, устаревшие технологии, слабость в высо- котехнологичных отраслях, слабой конкурентоспо- собности, экстенсивному характеру сельского хо- зяйства, значительным потерям и, в конечном сче- те, к низкой эффективности экономики в целом.

Позитивное отношение отмечается в 34% слу- чаев и совпадает со случаями, когда авторы гово- рят об экономике, как о силе страны. В обществен- ном сознании Франции, сильные стороны россий- ской экономики связаны с обладанием значитель- ным ресурсным потенциалом, благодаря своей обширной территории, богатым запасам полезных ископаемых, изобилию природных ресурсов, про- мышленному потенциалу и наличию трудовых ре- сурсов, включая квалифицированные кадры, спо- собные к осмыслению и развитию передовых идей своего времени.

В целом, этот структурный элемент имиджа страны оценивается скорее критически, посколь- ку, несмотря на наличие значительных ресурсов, на уровне всей системы страны, отсутствует тра- диция их эффективного использования.

Основные образы российской экономики, рас- сматриваемые как сила страны: *Природное богат- ство и потенциал к самодостаточности; Развитая промышленность.*

Основные образы российской экономики, рас- сматриваемые как слабость страны: *Зависимость от природных ресурсов и отсутствие диверсифи- кации; Технологическая и финансовая зависи- мость от западных стран; Российская экономика: неэффективность, изоляция низкая конкуренто- способность.*

История страны

В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях раздел история, либо темы в других разделах, касающиеся истории России, насчиты- вают около 41460 слов, что составляет около 22% от общего объема проанализированного текста.

Французские справочные издания в большин- стве своем предлагают образ истории России, как государства, проводящего активную полити- ку расширения территорий, стремящегося укрепить своё влияние на международной арене и обе- спечить геополитическую мощь (78% единиц ана- лиза). Пассивный характер российской истории, с акцентом на периодах слабости страны, отмеча- ется в 22% случаев.

Изложение истории России чаще носит нега- тивный характер (43%), что в большинстве слу- чаев обусловлено различиями в государственном устройстве, географическими факторами, рели- гиозными традициями, культурными особенностя- ми, а также связанной с ними спецификой полити- ческих решений и особенностями исторического развития. Позитивная оценка, связанная с дости- жениями, успехами и вкладом России в мировой исторический процесс, встречается в 37% слу- чаев.

Однако в целом образ российской истории, представленный во французских справочных из- даниях, можно скорее интерпретировать как отра- жение силы страны (75%), поскольку основной по-сыл заключается в том, что Россия – это держава, исторически ведущая активную политику расши- рения территорий, а также играющая значитель- ную роль в международных процессах, что в це- лом подтверждает геополитический статус Рос- сии как великой державы. В 25% случаев исто- рия представлена как слабость страны. При таком подходе к истории страны акцент делается преи- мущественно на проблемных эпизодах её разви- тия, особое внимание уделяется эпизодам россий- ской истории, в которых страна терпит поражения в войнах, оказывается ослабленной внутренними конфликтами, глубокими социальными потрясени- ями и противоречиями, подавляется авторитарной политикой и мощным репрессивным аппаратом. Это формирует образ государства, где, несмотря

на внешнюю мощь, подавляются права и свободы населения.

Основные образы российской истории, рассматриваемые как сила страны: *Государство, движимое расширением границ; Непрерывно воспроизводящийся авторитарный режим; Стойкость духа, испытанная временем; Симбиоз восточных и западных влияний;*

Основные образы российской истории, рассматриваемые как слабость страны: *Иго и изоляция; Россия, ослабленная войной; Россия – страна социальных потрясений.*

Культурное развитие

В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях темам, касающимся культурного развития уделено около 73266 слов, что составляет около 39% от общего объема проанализированного текста. В изложении материалов о культуре России преобладает нейтральный тон, который используется в 60% случаев. Он характерен для изложения информации об известных деятелях культуры России и их произведениях.

Информация о культурном развитии России во французских энциклопедиях в целом акцентирует внимание на активной роли культуры в истории и современности страны, на ее силе и развитии. В 70% единиц анализа культура России представлена как важный и динамичный элемент ее национальной идентичности, подчеркивая самобытность и значительный вклад в мировую культуру. В 30% случаев высказывания о культуре России были классифицированы как критические, акцентирующие внимание на неразвитости, пассивности культуры. Эти высказывания касаются таких аспектов, как невежество народа, отсутствие моральных ценностей, склонность к пьянству, обману, лени, жестокость и авторитарность аристократии и высшего руководства, неравноправие, ущемление прав средних и низших слоев общества, отсутствие свободы слова и другие.

Сила российской культуры связана с безусловным признанием культурного наследия России. Так, русская музыка, литература, художественное искусство, театр, кино и балет воспринимаются как пример выдающегося культурного вклада России в мировой культурный процесс. Кроме того, с точки зрения французского общественного сознания, благодаря необходимости постоянной борьбы за выживание в сложных климатических условиях, а также постоянной военной угрозе, в России были сформированы «коллективистские ценности» и осознание важности сплоченности перед внешними вызовами. Образ «Москва – Третий Рим» также играет важную роль в осмыслении особенностей русского характера и души. Чаще всего он изображается через акценты на жертвенности и «страданиях» народа, который, по мнению авторов, готов был принести себя в жертву ради

общего блага, что придает этому образу как религиозное, так и светское значение.

Слабые стороны культурного элемента имиджа России состоят в консервативном характере российских институтов, которые, безусловно, с одной стороны, способствовали высокому моральному потенциалу народа, но, с другой – обусловили некоторую «архаичность», «отсталость» с точки зрения западных авторов. Этот аспект формирует образ страны, которая, несмотря на выдающиеся культурные достижения, в определенной степени остается привязанной к прошлому, которое Запад «уже преодолел».

В целом культура России оценивается положительно и рассматривается как ее сильная сторона, как элемент гордости и силы России, формирующий ее положительное восприятие в мировом контексте.

Основные образы российской культуры, рассматриваемые как сила страны: *Коллективизм в борьбе за выживание; Культурное наследие и величие; Москва – третий Рим; Высокий моральный потенциал русского народа.*

Основные образы российской культуры, воспринимаемые как слабость страны: *Архаичность и отсталость; Безрассудное изобилие и крайности русской души.*

Социальное развитие

Информация о социальной организации не выделяется в отдельный раздел, но как правило ее можно найти в других разделах. В общей сложности в отобранных для исследования энциклопедиях темам, касающимся социального развития уделено около 7084 слов, что составляет около 4% от общего объема проанализированного текста.

Информация о социальном развитии России во французских энциклопедиях в целом подчеркивает активную роль данного структурного элемента в развитии страны (72%). Рассматривая этот элемент как активный, указывают на его устойчивость, а также способность общества коллективно преодолевать трудности различных исторических этапов и достигать значительных результатов на уровне государства. Реже социальная организация России представлена как пассивный, несущественный для целостного образа России элемент. Однако, в целом, авторы французских энциклопедий рассматривают социальное устройство России скорее как ее слабость (58%), нежели как силу (42%), указывая на значительные сословные/классовые различия, произвол высших классов, коррупцию, низкий уровень жизни и угнетенность основной части населения.

Основные образы российской социальной организации, рассматриваемые как сила страны: *Коллективизм и инфраструктурная мощь; Мозаика народов и культур; Русский человек: сила, труд и выносливость.*

Основные образы российской социальной организации, воспринимаемые как слабость страны: *Отставание и изоляция; Народ – страдалец.*

Заключение

На основании проведенного количественного и качественного анализа французских справочных изданий можно сделать вывод, что доминирующими структурными элементами образа России являются культура, история, государственное устройство. Меньшее внимание уделяется географическим характеристикам, экономическому и социальному развитию. Общий образ России во французском общественном сознании представляет собой сочетание таких характеристик как: *коллективизм, масштабность, богатство, незрелость, косность.*

Географические характеристики России воспринимаются как источник силы и уникальности страны. Обширные территории, природные богатства и экономический потенциал формируют положительный образ «сокровищницы», наполненной природными богатствами. Однако суровые климатические условия, низкая плотность населения и слабо развитая инфраструктура рассматриваются как препятствия для освоения этих территорий.

Государство представлено как мощный и активный элемент образа страны, центральными характеристиками которого являются авторитаризм и централизованная система власти. Это вызывает преимущественно негативное отношение, поскольку такая система воспринимается как система, ориентированная на укрепление власти через экспансию и использование репрессивного аппарата, а не на благо индивида. В тех случаях, когда общий тон статьи благоприятен по отношению к России, эти характеристики государственного устройства, несмотря на их неодобрение, объясняются традицией, а также объективной необходимостью, обусловленной внешними угрозами, обширными территориями и суровым климатом. Если же статья носит критический характер, подобные особенности российской политической системы интерпретируются как проявление отсталости России.

Экономика России, согласно оценкам авторов французских справочных изданий, является её слабым местом. Этот аспект имиджа страны представлен авторами преимущественно в негативном свете из-за «неэффективного использования имеющихся природных и трудовых ресурсов».

История России рассматривается как одна из сильных сторон имиджа страны. Высоко оценивается активное участие в международных делах и геополитическая значимость страны. Критика заключается в том, что в исторической перспективе стратегические интересы зачастую ставились выше экономических реформ, способных улучшить качество жизни населения.

Социальное развитие с точки зрения французского общественного сознания является слабым звеном имиджа страны. Несмотря на высокую оценку таких качеств, как коллективизм и сплоченность российского народа, критику вызывает незрелость социальных институтов, произвол одних слоев общества и беспомощность, угнетенность других.

Культура России, а точнее культурное наследие России, воспринимается как её безусловная сила и привлекательная особенность. Особенностью культуры России является её элитарность. В отношении широких социальных слоев отмечается наличие скорее высокого духовного потенциала в сочетании с определенной незрелостью общего культурного уровня и некоторой крайностью, присущей русскому характеру.

В целом, можно заключить, что имидж России во французском общественном сознании является сложным и неоднозначным. Восприятие страны во многом зависит от внешнеполитического контекста и может колебаться в зависимости от его изменений. Если статья написана в дружелюбном тоне, особенности, отличающие Россию от Франции, интерпретируются либо как экзотические, «восточные», вызывающие интерес, либо объясняются наличием объективных предпосылок. Общим смысловым акцентом имиджа смещается в сторону коллективизма, масштабности и богатства. В случае критического подхода аналогичные особенности объясняются недостатками централизованной системы управления, общим смысловым акцентом имиджа смещаются в сторону коллективизма, незрелости и косности.

Полученные результаты согласуются с исследованиями, проведенными в рамках различных гуманитарных дисциплин, включая лингвистику, историю, культурологию и социологию, и не противоречат выводам других авторов, изучавших различные аспекты формирования имиджа России во Франции.

Так, Ж.М. Арутюнова и Е.В. Линькова [1, с. 108–116] отмечают, что французские путешественники, знакомясь с Россией, часто давали ей негативные оценки, степень которых возрастала по мере усиления российской государственности и её военной мощи. Негативное восприятие во многом объясняется непониманием французами русской православной традиции, оказывавшей значительное влияние на нравы народа. Лингвисты Е. Березович, Г. Кабакова [2, с. 9–69] приходят к выводу, что в целом русский язык даёт более позитивную оценку «французскости», чем французский – «русскости». Историк М.Ю. Колпаков [3, с. 71–83] отмечает, что на рубеже XVI–XVII вв. образ России во Франции формировался как образ «Чужого». Представление о Руси как о далёкой, богатой, но дикой стране в XI в. дополнилось новой характеристикой – страна «неправильного» «греческо-

го» христианства и «греческих» манер. В источниках раннего Нового времени (1476–1748). Россия представлена как государство, существование которого оправдывается его авторитарной государственностью. Н.Ю. Лапина в серии работ [5–9] подчёркивает зависимость имиджа России во Франции от внешнеполитического контекста. А.А. Митрофанов [11] анализируя документы Национального архива Франции, показывает, что идея «русской угрозы» для европейского баланса сил активно развивалась уже в 1797–1798 гг. и продолжает проявляться в современных реалиях. Д.Д. Цилюрик [17, с. 167–169] отмечает, что положительный образ России формируется в том случае, если автор публикации воспринимает её как страну, разделяющую западные ценности. В то же время негативный медийный образ России преобладает в ситуациях, когда она представляется в оппозиции к западному миру и его интересам.

В качестве рекомендаций для дальнейших исследований представляется целесообразным проанализировать влияние внешнеполитического контекста на содержание справочных изданий, а также изучить воздействие внутренних социокультурных и политических факторов Франции в разные исторические периоды на репрезентацию России.

Литература

1. Арутюнова Ж.М., Линькова Е.В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. № 1. С. 108–116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-glazami-frantsuzskih-puteshestvennikov-xv-xviii-vv>
2. Березович Е.Л., Кабакова Г.И. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-frantsiya-dialog-yazykovyh-steretipov>
3. Колпаков М.Ю. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 71–83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskoviya-frantsuzskih-intellektualov-i-rossiya-frantsuzskih-puteshestvennikov-transformatsiya-obrazarusskih-na-rubezhe-xvi-xvii-vv>
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 11.09.2023).
5. Лапина Н. Ю. «Двойное зеркальное отражение», или как воспринимается современная Россия во Франции // Россия и современный мир. – 2013. – № 4 (81). – С. 58–75.
6. Лапина Н.Ю. Взгляд на Россию из Европы в свете украинских событий // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 9. – С. 24–34.
7. Лапина Наталия Юрьевна Образ России во Франции // РСМ. 2007. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-vo-frantsii> (дата обращения: 16.09.2024).
8. Лапина Наталия Юрьевна. Образ России во Франции в начале XXI века: взгляд социолога // Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа. 2012. № 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-vo-frantsii-v-nachale-xxi-veka-vzglyad-sotsiologa> (дата обращения: 16.09.2024).
9. Лапина Наталия Юрьевна Восприятие России в современной Франции: формирование внешнеполитических образов // АПЕ. 2015. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-rossii-v-sovremennoy-frantsii-formirovanie-vneshnepoliticheskikh-obrazov> (дата обращения: 18.09.2024).
10. Мешков А.Ю. Обновленная Концепция внешней политики России: к справедливому и многополярному миру. – URL: https://france.mid.ru/ru/presse/statya_a_yu_meshkova/
11. Митрофанов А.А. Россия как «антипод французской революции». Политическое бюро Директории и генезис русофобии во Франции // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 102–111. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-64.pdf>
12. Назаров В.П. Ялтинско-потсдамские соглашения и новый миропорядок // Обозреватель – Observer. 2020. № 5 (364). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaltinsko-potsdamskie-soglasheniya-i-novyy-miroporyadok> (дата обращения: 11.09.2023).
13. Рубинский Ю.И. Франция на новых рубежах: в 3-х т. / Ю.И. Рубинский; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: Ин-т Европы РАН, 2018. – 384 с.
14. Строев А. Война перьев: Французские шпионы в России во второй половине XVIII в. // Логос. – М., 2006. – № 3(24). – С. 18–43.
15. Таршис Е.Я. Контент-анализ: Принципы методологии. Изд. 2-е стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2018–176 с.
16. Федоров, С.М. Франция – Россия, Россия – Франция: Образы и стереотипы массового сознания / С.М. Федоров // Актуальные проблемы Европы. – 2008. – № 3. – С. 118–131.
17. Цилюрик Д.Д. СМИ как фактор формирования образа страны за рубежом (на примере Франции) // Материалы 12-й Международной конференции студентов и аспирантов «Средства

- массовой информации в современном мире. Молодые исследователи». – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 167–169.
18. Шестопал Е.Б. Политическая психология. 5-е издание // Аспект Пресс. М. – 2018.
 19. Шмыгин В. А., Шульц В.Л. Геополитические конструкты в структуре образа России // Вопросы безопасности. № 1. С. 10–18.
 20. Чез Фриман. Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (123). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-poryadki-globalnuu-kaleydoskop-v-rezhime-povtora> (дата обращения: 16.09.2023).
 21. Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО. 2020. № 4 (73). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovyy-poryadok-1945-g-protsess-s-otkryтым-prodolzheniem>.
 22. Anholt Ipsos Nation Brands Index. (2023). Nation Brands Index 2023: Japan takes the lead for the first time in NBI history. – URL: <https://www.ipsos.com/en/nation-brands-index-2023> (дата обращения: 25.10.2024).
 23. BVA-x-sight. (2024, April 25). Concerns and perceptions of EU citizens. – URL: <https://www.bva-x-sight.com/wp-content/uploads/2024/05/Concerns-and-global-perception-of-the-EU-citizens-250424.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).
 24. Diderot, D. (1765). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Tome quatorzième. Neufchâtel: Samuel Faulche & compagnie libraires & imprimeurs.
 25. Encyclopaedia Universalis. (2011). Encyclopaedia Universalis France. Tome 21. Paris: Encyclopedia Universalis.
 26. Gallup. Country Ratings. – URL: <https://news.gallup.com/poll/1624/perceptions-foreign-countries.aspx> (дата обращения: 28.09.2024).
 27. Hachette. (2022). Dictionnaire Hachette Éd. Vanves: Hachette Éducation.
 28. IFOP. (2023, July 11). Regards Européens Sur La Crise En Ukraine – VAGUE 5. – URL: <https://www.ifop.com/publication/regards-europeens-sur-la-crise-en-ukraine-vague-5/> (дата обращения: 12.09.2023).
 29. Larousse. (1982). Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle. Tome XVIII. Deuxième partie. Genève-Paris: Slatkine. Réimpression de l'édition de Paris, 1866–1879.
 30. Larousse. (1985). Grand Larousse Universel. Tome 13. Paris: Larousse.
 31. Larousse. (1987). Grand Larousse en 5 volumes. Tome 5. Paris: Larousse.
 32. Larousse. (2013). Le petit Larousse illustré. Paris: le Grand livre du mois.
 33. Larousse. (2017). Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse.
 34. Larousse. (2023). Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse.
 35. Le Robert, P. (2016). Le petit Robert noms propres. Paris: Dictionnaires Le Robert. DL 2016. Réimpression de l'édition de Paris, 1974.
 36. Le Robert, P. (1992). Le grand Robert de la langue française: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (2-e éd. entièrement rev. et enrichie par Alain Rey). Tome VIII. Paris: Le Robert.
 37. Le Robert, P. (1996). Le grand Robert de la langue française (2-e éd., augm. du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert). Dirigé par Alain Rey. Tome VIII. Paris: Le Robert.
 38. Pew Research Centre. (2023, July 10). Overall opinion of Russia. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (дата обращения: 28.09.2024).
 39. Robert, P. (2017). Le Robert illustré 2018 & son dictionnaire en ligne. Paris: Dictionnaires Le Robert-Sejor.

THE FORMATION OF RUSSIA'S IMAGE IN FRANCE: A CONTENT ANALYSIS OF ARTICLES IN FRENCH UNIVERSAL ENCYCLOPEDIAS

Gusakova O.S.

Lomonosov Moscow State University

This article explores the image of the Russian Federation in France. The study aims to identify a stable model of Russia's image in France, which has been shaped over centuries and continues to influence contemporary perceptions of the country. The research is based on a quantitative and qualitative analysis of articles about Russia presented in French encyclopedias and universal dictionaries. The source selection followed the principle of total sampling and included all encyclopedias and universal dictionaries in the French language containing the article «Russie» (referring to the country) that were available on the shelves of the National Library of France (Bibliothèque nationale de France) in Paris. The analysis revealed that Russia's image is comprised of structural elements such as geographical characteristics, political and economic systems, cultural and social development, and historical background. Each of these elements contains both strengths and weaknesses from the perspective of French public perception. The comprehensive model of Russia's image is characterized by features such as collectivism, vastness, wealth, immaturity, and rigidity. However, the perception of the country varies depending on the contemporary foreign policy context. In a friendly discourse, the emphasis shifts toward collectivism, vastness, and wealth, whereas in a critical discourse, it leans toward collectivism, immaturity, and rigidity.

Keywords: state image, country image, national image, representation of the state, foreign policy image, structure of a country's foreign policy representation, content analysis, perception of Russia in France.

References

1. Arutyunova Zh.M., Linkova E.V. Russia through the eyes of French travelers of the 15th-18th centuries // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2016. No. 1. Pp. 108–116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-glazami-frantsuzskih-puteshestvennikov-xv-xviii-vv>
2. Berezovich E.L., Kabakova G.I. Russia and France: Dialogue of Language Stereotypes // Anthropological Forum. 2015. No.

27. Pp. 9–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-frantsiya-dialog-yazykovyh-stereotipov>
3. Kolpakov M.Yu. “Muscovy” of French intellectuals and “Russia” of French travelers: transformation of the image of Russians at the turn of the 16th-17th centuries // *Metamorphoses of History*. 2015. No. 6. pp. 71–83. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskoviya-frantsuzskih-intellektualov-i-rossiya-frantsuzskih-puteshestvennikov-transformatsiya-obraza-russkih-narubzhe-xvi-xvii-uv>
 4. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of access: 11.09.2023).
 5. Lapina N. Yu. “Double Mirror Reflection”, or How Modern Russia is Perceived in France // *Russia and the Modern World*. – 2013. – No. 4 (81). – P. 58–75.
 6. Lapina N. Yu. A View of Russia from Europe in Light of Ukrainian Events // *World Economy and International Relations*. – 2015. – No. 9. – P. 24–34.
 7. Lapina Natalia Yuryevna The Image of Russia in France // *RSM*. 2007. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-vo-frantsii> (date of access: 16.09.2024).
 8. Lapina Natalia Yuryevna The Image of Russia in France at the Beginning of the 21st Century: A Sociologist's View // *The Image of Modern Russia in France: An Interdisciplinary Analysis Experience*. 2012. No. 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-vo-frantsii-v-nachale-xxi-veka-vzglyad-sotsiologa> (date of access: 16.09.2024).
 9. Lapina Natalia Yuryevna Perception of Russia in Modern France: Formation of Foreign Policy Images // *APE*. 2015. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-rossii-v-sovremennoy-frantsii-formirovanie-vneshnepoliticheskikh-obrazov> (date of access: 18.09.2024).
 10. Meshkov A. Yu. Updated Concept of Russia's Foreign Policy: Towards a Just and Multipolar World. – URL: https://france.mid.ru/ru/presse/statya_a_yu_meshkova/
 11. Mitrofanov A.A. Russia as the “antipode of the French revolution”. The Political Bureau of the Directory and the Genesis of Russophobia in France // *Dialogue with Time*. 2018. No. 64. Pp. 102–111. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-64.pdf>
 12. Nazarov V.P. The Yalta-Potsdam agreements and the new world order // *Observer*. 2020. No. 5 (364). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaltinsko-potsdamskie-soglasheniya-inovyy-miroponyadok> (accessed: 11.09.2023).
 13. Rubinsky Yu.I. France on New Frontiers: in 3 volumes / Yu.I. Rubinsky; Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – M.: Institute of Europe RAS, 2018. – 384 p.
 14. Stroyev A. War of the Feathers: French Spies in Russia in the Second Half of the 18th Century // *Logos*. – M., 2006. – No. 3 (24). – P. 18–43.
 15. Tarshis E. Ya. Content Analysis: Principles of Methodology. 2nd ed. stereotype. – M.: LENAND, 2018–176 p.
 16. Fedorov, S.M. France – Russia, Russia – France: Images and Stereotypes of Mass Consciousness / S.M. Fedorov // *Actual Problems of Europe*. – 2008. – No. 3. – P. 118–131.
 17. Tsiliurik D.D. Mass media as a factor in shaping the country's image abroad (using France as an example) // *Proceedings of the 12th International Conference of Students and Postgraduates “Mass Media in the Modern World. Young Researchers”*. – SPb.: SPbSU, 2013. – P. 167–169.
 18. Shestopal E.B. Political Psychology. 5th edition // Aspect Press. M. – 2018.
 19. Shmygin V.A., Shults V.L. Geopolitical constructs in the structure of Russia's image // *Security Issues*. No. 1. P. 10–18.
 20. Chaz Freeman. World Orders: A Global Kaleidoscope in Repeat Mode // *Russia in Global Politics*. 2023. No. 5 (123). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-poryadki-globalnyy-kaleydoskop-v-rezhime-povtora> (date of access: 16.09.2023).
 21. Yungblyud V.T. The world order of 1945 – a process with an “open” continuation // *MGIMO Bulletin*. 2020. No. 4 (73). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-poryadok-1945-gprotsess-s-otkrytyem-prodolzheniem>.
 22. Anholt Ipsos Nation Brands Index. (2023). Nation Brands Index 2023: Japan takes the lead for the first time in NBI history. – URL: <https://www.ipsos.com/en/nation-brands-index-2023> (accessed: 25.10.2024).
 23. BVA-x sight. (2024, April 25). Concerns and perceptions of EU citizens. – URL: <https://www.bva-x-sight.com/wp-content/uploads/2024/05/Concerns-and-global-perception-of-the-EU-citizens-250424.pdf> (access date: 09/28/2024).
 24. Diderot, D. (1765). Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Tome quatorzième. Neufchâtel: Samuel Faulche & compagnie libraires & imprimeurs.
 25. Encyclopaedia Universalis. (2011). Encyclopaedia Universalis France. Tome 21. Paris: Encyclopaedia Universalis.
 26. Gallup. Country Ratings. – URL: <https://news.gallup.com/poll/1624/perceptions-foreign-countries.aspx> (access date: 09/28/2024).
 27. Hachette. (2022). Dictionnaire Hachette Éd. Vanves: Hachette Éducation.
 28. IFOP. (2023, July 11). Regards Européens Sur La Crise En Ukraine – Vague 5. – URL: <https://www.ifop.com/publication/regards-europeens-sur-la-crise-en-ukraine-vague-5/> (access date: 09/12/2023).
 29. Larousse. (1982). Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle. Tome XVIII. Deuxième partie. Geneve-Paris: Slatkine. Réimpression de l'édition de Paris, 1866–1879.
 30. Larousse. (1985). Grand Larousse Universel. Tome 13. Paris: Larousse.
 31. Larousse. (1987). Grand Larousse en 5 volumes. Tome 5. Paris: Larousse.
 32. Larousse. (2013). Le petit Larousse illustré. Paris: le Grand livre du mois.
 33. Larousse. (2017). Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse.
 34. Larousse. (2023). Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse.
 35. Le Robert, P. (2016). Le petit Robert noms propres. Paris: Dictionnaires Le Robert. DL 2016. Réimpression de l'édition de Paris, 1974.
 36. Le Robert, P. (1992). Le grand Robert de la langue française: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (2nd ed. entièrement rev. et enrichie par Alain Rey). Tome VIII. Paris: Le Robert.
 37. Le Robert, P. (1996). Le grand Robert de la langue française (2nd ed., augm. du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert). Dirigé par Alain Rey. Tome VIII. Paris: Le Robert.
 38. Pew Research Center. (2023, July 10). Overall opinion of Russia. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (access date: 09/28/2024).
 39. Robert, P. (2017). Le Robert illustré 2018 & son dictionnaire en ligne. Paris: Dictionnaires Le Robert-Sejer.

Влияние инноваций на социальные технологии предоставления услуг в банковской сфере России

Косарев Иван Владимирович,

аспирант, Институт технологий управления Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики
E-mail: rector@mirea.ru

Статья посвящена комплексному анализу влияния инноваций на технологии управления развитием банковской сферы России в условиях современных вызовов, включая цифровую трансформацию, санкционное давление и изменение клиентских ожиданий. В работе исследуются ключевые аспекты адаптации банковского сектора к новым реалиям, такие как внедрение искусственного интеллекта, использование больших данных, развитие суперприложений и национальных платежных систем, а также процессы импортозамещения IT-решений. Современный этап развития банковского сектора характеризуется беспрецедентным воздействием цифровых технологий, геополитических ограничений и трансформацией клиентских ожиданий. Ускоренный переход к цифровым платформам, вызванный как пандемийными ограничениями, так и санкционным давлением, сформировал новые вызовы для российских финансовых институтов. В статье рассматриваются ключевые аспекты адаптации банков к этим изменениям, включая внедрение искусственного интеллекта, больших данных и суперприложений, а также развитие национальных платежных систем и импортозамещение IT-решений. Особое внимание уделено недостаточной изученности как адаптационных механизмов банков в условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям, так и фрагментарности исследований, посвященных влиянию суперприложений на рыночную конкуренцию в России. Статья представляет интерес для исследователей и регуляторов, заинтересованных в разработке стратегий устойчивого развития банковского сектора в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, банковский сектор РФ, финансовые инновации, искусственный интеллект, большие данные, санкционные ограничения, клиентоцентричность, суперприложения, импортозамещение, QR-платежи.

Введение

Современный этап развития банковской системы России характеризуется необходимостью адаптации к беспрецедентным вызовам: технологической гонке, санкционному давлению и изменению потребительских паттернов. Как отмечают Закирова и Лаврентьева, «цифровизация экономики стала катализатором структурных изменений в банковской деятельности, смещая акцент с физических отделений на цифровые платформы». Однако ограниченный доступ к зарубежным IT-решениям, обострение киберугроз и необходимость импортозамещения формируют уникальные условия для трансформации сектора. Цель исследования – выявление ключевых детерминант устойчивости российских банков через призму внедрения AI, суперприложений и альтернативных платежных систем.

Литературный обзор

Теоретическая основа исследования интегрирует три ключевых направления: Цифровая трансформация финансовых институтов. Работа по инновационным механизмам управления экономикой подчеркивают роль суперприложений в создании экосистем, объединяющих банковские и нефинансовые сервисы. Управление рисками в условиях санкций [1, с. 936–946]. Также в работах выделяют «парадокс изоляции»: ограничение доступа к западным технологиям стимулирует развитие национальных аналогов, но увеличивает операционные издержки [2, с. 537–545]. Клиентоцентричность как конкурентное преимущество. По мнению Мельниковой и Бугаевой, персонализация услуг через big data позволяет банкам компенсировать потерю части рыночной доли.

Результаты

Банковский сектор Российской Федерации претерпевает активную эволюцию, обусловленную внедрением инновационных финансовых инструментов, расширяющих функциональные границы и операционный потенциал кредитных организаций. Интеграция технологических новшеств выступает катализатором модернизации банковской инфраструктуры, обеспечивая адаптацию к динамично меняющимся условиям цифровой экономики. Коммерческие банки, ориентируясь на глобальные тренды, последо-

вательно реализуют инновационные стратегии, направленные на трансформацию бизнес-процессов.

Переход значительной части социально-экономических взаимодействий в виртуальное пространство обозначил начало этапа глубокой цифровизации банковской деятельности. Внедрение технологических решений ориентировано на повышение качества, доступности и безопасности предоставляемых услуг, что укрепляет конкурентные позиции российского банковского сектора. Современные кредитные организации немыслимы без цифровых платформ – мобильных приложений и систем онлайн-банкинга, обеспечивающих мгновенное удовлетворение клиентских запросов.

Прогресс в области алгоритмов искусственного интеллекта создает предпосылки для революционных изменений в обработке данных и принятии решений. Автоматизация риск-менеджмента, внедрение предиктивной аналитики и чат-ботов становятся стандартом клиентского сервиса. Машинное обучение применяется не только для персонализации предложений, но и для мониторинга транзакций с целью противодействия мошенничеству, что критически важно в условиях роста киберугроз.

Анализ больших данных трансформирует подходы к управлению банковскими операциями, повышая точность прогнозирования макроэкономических тенденций. Глубокая аналитика клиентского поведения способствует разработке таргетированных продуктов, укрепляя доверие потребителей. Гибкость аналитических систем позволяет оперативно реагировать на рыночные колебания, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности.

Финансовые инновации способствуют интеграции банковских услуг в повседневные практики общества, формируя связующее звено между частными и корпоративными финансовыми потоками [3, с. 78–82]. Конкурентная борьба стимулирует развитие суперприложений – multifunctional платформ, объединяющих традиционные банковские продукты (кредитование, инвестиции) с дополнительными сервисами (страхование, электронная коммерция). Синергия с социальными сетями и маркетплейсами усиливает их роль как элементов цифровых экосистем, обеспечивающих комплексное обслуживание клиентов.

Особое внимание на данный момент стоит обратить на развитие QR-платежей, ставших ответом на запросы рынка в условиях ограничений международных платежных систем. Такие лидеры отрасли, как Сбербанк и Тинькофф, активно внедряют платежные стикеры, а Яндекс Банк полностью отказался от физических носителей в пользу цифровых решений. Государственная поддержка данной технологии способствует сокращению теневого оборота и упрощает доступ малого бизнеса

к безналичным расчетам. Перспективным направлением считается интеграция QR-кодов с биометрической идентификацией для минимизации рисков мошенничества.

Санкционное давление активизировало разработку национальных технологических решений, включая систему быстрых платежей Банка России и альтернативы международным платежным сервисам [4, с. 47–58]. Эти меры направлены на укрепление суверенитета финансовой системы и снижение внешней зависимости. Параллельно наблюдается рост популярности государственных цифровых платформ для уплаты налогов и штрафов, что повышает прозрачность фискальных операций.

Опыт Китая, достигшего лидерства в области интеграции блокчейна и суперприложений, представляет значительный интерес для российских банков. Однако если в КНР драйвером изменений выступают частные IT-корпорации, то в РФ акцент делается на государственном регулировании. Общим трендом остается ориентация на создание устойчивых систем, способных функционировать в условиях глобальных вызовов.

Повышение клиентоцентричности остается приоритетом для российских банков. Это направление развития предполагает не только формальное внедрение цифровых сервисов, но и глубокую трансформацию подходов к взаимодействию с клиентами. Современные кредитные организации активно внедряют системы анализа потребительского поведения на основе big data, что позволяет прогнозировать запросы различных сегментов аудитории. Например, персонализация услуг достигается за счет динамического ценообразования, гибких условий кредитования и инвестиционных продуктов, адаптированных под индивидуальный риск-профиль. При этом ключевым инструментом остается развитие цифровых каналов: мобильные приложения дополняются функциями финансового коучинга, интеграцией с платформами электронной коммерции и возможностью управления сторонними счетами через open banking.

Оптимизация внутренних процессов через цифровые решения охватывает не только автоматизацию рутинных операций, но и перестройку организационной структуры банков. Внедрение RPA (роботизированной автоматизации процессов) и AI-driven аналитики сокращает время обработки заявок, минимизирует ошибки и высвобождает ресурсы для стратегических задач. Например, нейросетевые алгоритмы используются для скоринга заемщиков, анализа кредитного портфеля и прогнозирования оттока клиентов. Параллельно банки развивают кросс-функциональные команды, сочетающие expertise в IT, риск-менеджменте и клиентском сервисе, что ускоряет внедрение инноваций.

В условиях турбулентности экономической среды акцент смещается на создание «амортизаци-

онных механизмов» в стратегическом планировании. Долгосрочные программы развития включают сценарии адаптации к санкционным ограничениям, волатильности ключевых ставок и изменениям регуляторных требований. Например, ряд банков формирует резервные технологические платформы, позволяющие оперативно перестраивать процессы при блокировке иностранного ПО. Устойчивость обеспечивается и через диверсификацию продуктовых линеек: сочетание традиционных депозитов с криптовалютными инструментами, ESG-финансированием и нишевыми страховыми продуктами.

Финансовые инновации выполняют системообразующую роль, выступая драйвером трансформации не только банковского сектора, но и смежных отраслей [5, с. 67–71]. Стимулирование рыночной активности проявляется в снижении транзакционных издержек для малого бизнеса за счет облачных эквайринговых решений и API-интеграций. Перераспределение рисков достигается через развитие P2P-платформ и краудфандинга, перенося часть ответственности с банков на конечных инвесторов. Инклюзивность услуг усиливается за счет упрощения KYC-процедур через биометрию и внедрения «лайт-версий» приложений для регионов со слабым интернет-покрытием. Эти процессы формируют экосистему, где технологическая адаптивность становится критическим фактором конкурентоспособности как отдельных институтов, так и национальной финансовой системы в целом.

Таким образом, клиентоориентированность эволюционирует от точечных улучшений сервиса к комплексной перестройке бизнес-моделей. Это требует от банков не только инвестиций в технологии, но и культурных изменений – перехода от продуктоцентричного подхода к парадигме, где ценность создается через гиперперсонализацию и превентивное удовлетворение потребностей. Успех в этой области определяется способностью балансировать между операционной эффективностью, compliance-требованиями и ожиданиями клиентов, что становится основой для устойчивого роста в условиях неопределенности.

Заключение

Исследование подтверждает, что успешная цифровая трансформация российских банков требует:

- 1) приоритета гиперперсонализации над масштабированием функционала;
- 2) развития модульных IT-платформ с открытым кодом;
- 3) гибкого регулирования, стимулирующего кооперацию FinTech-стартапов и традиционных банков.

Перспективным направлением является интеграция суперприложений с государственными

цифровыми сервисами, что усилит роль банков как инфраструктурных элементов экономики.

Литература

1. Кузьмина П.А., Львов Е.С., Мысева Е.Р. Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой. // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой. 2024. № 6. С. 936–946.
2. Фомин О.А., Фрига Д.П. Трансформация российского рынка консалтинговых услуг в условиях внешнеэкономических ограничений // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Том 14. № 5А. С. 537–545.
3. Закирова Э.Р., Лаврентьева А.В. Влияние цифровизации российской экономики на банковский сектор // Цифровая трансформация как вектор устойчивого развития. 2024. № 6. С. 78–82.
4. Рукавишников П.А. Приоритеты экономики и современного менеджмента // Приоритеты экономики и современного менеджмента. 2024. № 1. С. 47–58.
5. Мельникова В.С., Бугаева В.Б., Азимов Б.С. (2024). Успехи в науке и образовании // Успехи в науке и образовании. 2024. № 3. С. 67–71.

THE IMPACT OF INNOVATIONS ON SOCIAL TECHNOLOGIES OF SERVICE PROVISION IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR

Kosarev I.V.

Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automation

The article is devoted to a comprehensive analysis of the impact of innovations on technologies for managing the development of the Russian banking sector in the context of modern challenges, including digital transformation, sanctions pressure and changing customer expectations. The paper examines key aspects of the banking sector's adaptation to new realities, such as the introduction of artificial intelligence, the use of big data, the development of superapplications and national payment systems, as well as the processes of import substitution of IT solutions. The current stage of the banking sector's development is characterized by the unprecedented impact of digital technologies, geopolitical constraints, and the transformation of customer expectations. The accelerated transition to digital platforms caused by both pandemic restrictions and sanctions pressure has created new challenges for Russian financial institutions. The article discusses key aspects of banks' adaptation to these changes, including the introduction of artificial intelligence, big data and superapplications, as well as the development of national payment systems and import substitution of IT solutions. Particular attention is paid to the lack of knowledge of both the adaptation mechanisms of banks in conditions of limited access to foreign technologies, and the fragmentary nature of research on the impact of superapplications on market competition in Russia. The article is of interest to researchers and regulators interested in developing strategies for the sustainable development of the banking sector in the face of global challenges.

Keywords: digital transformation, Russian banking sector, financial innovations, artificial intelligence, big data, sanctions restrictions, customer-centricity, super-taxes, import substitution, QR payments.

References

1. Kuzmina P.A., Lvov E.S., Myseva E.R. Innovative management mechanisms of digital and regional economy. // Innovative

- mechanisms for managing the digital and regional economy. 2024. № 6 С. 936–946.
2. Fomin O.A., Friga D.P. Transformation of the Russian consulting services market in the context of external economic constraints // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Volume 14. No. 5A. pp. 537–545.
 3. Zakirova E.R., Lavrentieva A.V. The impact of digitalization of the Russian economy on the banking sector // Digital transformation as a vector of sustainable development 2024, No. 6. pp. 78–82.
 4. Rukavishnikov P.A. Priorities of economics and modern management // Priorities of economics and modern management. 2024. No. 1. pp. 47–58.
 5. Melnikova V.S., Bugaeva V.B., Azimov B.S. (2024). Successes in science and education // Successes in science and education. 2024. No. 3. pp. 67–71.

Формирования инновационного поведения как основа для прогрессивного развития территории: вторичный анализ

Павлова Мария Павловна,

к.э.н., доцент кафедры журналистики и социологии
Тольяттинского государственного университета

Единственным прогрессивным источником развития социально – экономической системы и формирования ее конкурентоспособности на международных и внутренних рынках является человек, способный осуществлять творческую созидательную деятельность.

Реакция индивида на повседневные социальные процессы служит ключевым фактором, определяющим специфику его активности и развитие межличностных взаимодействий. Способность к адаптации в современном обществе напрямую связана с формированием инновационных поведенческих паттернов, где особую роль играет креативное преобразование личного пространства в соответствии с текущими социальными реалиями.

Исследование освещает процесс становления инновационно-ориентированного поведения среди жителей России через призму взаимного влияния культурно-социальных и инновационных трансформаций в стране. Эмпирической базой работы послужили данные социологических исследований ВЦИОМ, охватывающие временной промежуток 2019–2024 годов. Центральное место в анализе занимает изучение деятельностных аспектов российских граждан, при этом особый акцент делается на креативно-созидательной составляющей как фундаментальном элементе инновационной активности.

Ключевые слова: инновационное поведение, инновационная деятельность, творческая деятельность, управление инновациями.

Изучение инновационных процессов в российском пространстве охватывает обширный спектр как теоретических концепций, так и практических аспектов. В современных реалиях инновационная динамика демонстрирует все большую зависимость от социокультурного контекста, где ключевыми катализаторами продуктивных инноваций выступают раскрытие творческого потенциала индивидов и формирование благоприятной повседневной среды.

Данное исследование фокусируется на анализе взаимопроникновения социокультурных и инновационных процессов в России через призму формирования инновационных поведенческих моделей среди населения. Методологическим фундаментом служат данные социологических исследований ВЦИОМ, охватывающие период 2019–2024 годов.

Социальное поведение индивида представляет собой ответную реакцию на средовые стимулы, определяющую характер его деятельности и развитие коммуникативных практик. При этом поведенческие паттерны отражают как адаптационные механизмы к социальной действительности, так и креативно-преобразовательное отношение к собственному жизненному пространству.

В контексте территориального инновационного развития, инновационное поведение активизирует психофизиологический потенциал личности, способствуя реализации креативной деятельности и интеграции в региональные инновационные процессы. Такой поведенческий тип эффективно нивелирует социальные барьеры при интеграции инноваций в общество, повышает восприимчивость социума к инновационному опыту и ускоряет протекание инновационных процессов в регионе [6].

Анализ формирования инновационного поведения сфокусирован на тех областях человеческой деятельности, где креативно-созидательный компонент выступает фундаментом инновационной активности. В фокусе внимания находятся образовательная сфера (охватывающая как школьников, так и студентов) и профессиональная деятельность. Отдельное внимание уделяется семейной среде как коммуникативному пространству, существенно влияющему на становление инновационных поведенческих паттернов личности. Важно отметить, что исследование не концентрируется на творчестве как жизненной философии.

В 2019 году ВЦИОМ реализовал исследовательский проект «Одаренные дети: кто они и что их ждет?», изучающий общественное мнение россиян относительно определения детской одаренности и подходов педагогического сообщества к работе с талантливыми детьми [12].

Исследование выявило отсутствие консенсуса в обществе относительно критериев детской одаренности. Так, 41% респондентов связывают одаренность с врожденными уникальными способностями и талантами, в то время как 38% считают определяющим фактором целенаправленное развитие способностей усилиями родителей и педагогов. Примечательно, что 12% опрошенных приписывают одаренность случайному выявлению способностей окружающими.

Более половины участников опроса (52%) придерживаются мнения, что в российских реалиях одаренные дети чаще всего вырастают в обычных взрослых, чьи таланты слабо проявляются в зрелом возрасте. Особенно выражена эта позиция среди молодежи 18–24 лет, где показатель достигает 61%. Противоположной точки зрения придерживается 29% опрошенных.

Современные тенденции демонстрируют растущее осознание родителями значимости развития креативных способностей детей как инструмента их будущей интеграции в инновационную экосистему региона. Исследователи подчеркивают особую роль семьи как благоприятной социокультурной микросреды в формировании инновационных поведенческих моделей. Родители, выступая носителями интеллектуальной культуры и образцами инновационного поведения, способствуют поддержанию высокого интеллектуального уровня семейной среды. Непрерывное воспитательное взаимодействие членов семьи создает активное социокультурное пространство, где формируются ценности и традиции, необходимые для развития гармоничной творческой личности. Старшее поколение передает не только знания, но и опыт творческой и инновационной деятельности, включая практические навыки применения инноваций в повседневности [15].

Согласно исследованию ВЦИОМ 2024 года о профессиональных династиях, это явление широко распространено в различных профессиональных сферах России. Каждый седьмой респондент (14%) указал на наличие в своей семье профессиональной династии, охватывающей три и более поколения в одной или смежных областях. Особенно показательно, что 71% опрошенных рассматривают принадлежность к творческой династии как преимущество в карьерном развитии, причем среди представителей самих династий этот показатель достигает 77%. Это объясняется доступом к профессиональным связям, ресурсам и поддержке, что повышает значимость семейного фактора в профессиональном становлении [14].

Однако чрезмерное увлечение развитием креативности может иметь деструктивные последствия для социально-экономической системы. Стремление родителей «вырастить гения» порой превращается в авторитарное давление, ограничивающее естественную познавательную активность ребенка и навязывающее неорганичные формы деятельности. В такой ситуации ребенок, находясь в жестких рамках семейной микросреды, фактически лишается возможности проявления подлинного творческого потенциала.

Данные ВЦИОМ за 2021 год демонстрируют, что россияне считают определяющими факторами качества образования ребенка материальное положение семьи (54%) и родительскую мотивацию к обеспечению образования (34%). Примечательно, что лишь 29% респондентов связывают уровень образования с индивидуальными способностями ребенка, а влияние образовательного уровня родителей отмечают всего 14% опрошенных [11].

По наблюдениям А. Кулешовой, руководителя департамента издательских программ ВЦИОМ, современные родители, обеспокоенные неэффективностью социальных лифтов, выстраивают сложные образовательные траектории для детей с раннего возраста. Это включает тщательный выбор дошкольных учреждений, школ с университетскими связями, привлечение репетиторов и оплату высшего образования. Однако такой подход часто приводит к тому, что молодые люди вступают во взрослую жизнь, не имея опыта самостоятельности, навыков организации личного времени и принятия независимых решений, поскольку их жизнь была полностью регламентирована родительским контролем.

Исследование ВЦИОМ 2019 года о восприятии школьного образования показывает, что россияне видят главную миссию школы в передаче базовых предметных знаний (32%) и нравственном воспитании (19%). Среди ключевых образовательных приоритетов выделяются: формирование предметных знаний и широкого кругозора (48%), развитие аналитического мышления (41%) и раскрытие индивидуальных талантов (39%). Показательно, что 30% респондентов считают недостаточным внимание школы к развитию индивидуальных способностей учащихся. Эта озабоченность особенно выражена среди молодежи: 41% в возрастной группе 18–24 лет и 39% среди 25–34-летних [16].

Результаты опроса демонстрируют, что старшее поколение осознает важность комплексной передачи знаний и опыта подрастающему поколению. Это включает не только интеллектуальное развитие, но и формирование навыков творческой и инновационной деятельности, а также практического применения инноваций в повседневности через расширение кругозора и развитие индивидуальных талантов ребенка.

Исследование ВЦИОМ 2021 года выявило устойчивое восприятие образования как обязательного элемента развития личности. Показательно, что лишь 5% респондентов проявили безразличие к уровню образования своих детей, что демонстрирует позитивную динамику по сравнению с 2016 годом, когда этот показатель составлял 9%.

Анализ данных за период 2020–2024 годов указывает на доминирующую роль высшего образования в предпочтениях выпускников школ, причем этот выбор во многом обусловлен родительским влиянием. Респонденты отмечают ценность университетского образования не только как источника профессиональных компетенций, но и как инструмента расширения общего кругозора. При этом примечательно, что 66% опрошенных не считают отсутствие высшего образования препятствием для достижения карьерного и финансового успеха [2, 3].

Взрослое население демонстрирует четкое понимание роли высшего образования как инструмента формирования компетенций, необходимых для участия в инновационном развитии территории. Университетское образование рассматривается как платформа для создания фундаментальной и прикладной базы знаний, стимулирующей генерацию инновационных идей. Однако только 8% респондентов предоставляют детям автономии в выборе образовательного пути. При этом почти половина опрошенных (49%), особенно среди работающего населения (55%), готовы поддержать платное обучение ребенка по выбранной специальности при отсутствии бюджетных мест [2].

Данные 2022 года свидетельствуют о возрастающей значимости самореализации в повседневной и профессиональной жизни, особенно среди молодежи. Примечательно, что предоставление возможностей для самореализации способствует формированию особого социального слоя с инновационными поведенческими паттернами и креативным мышлением. Эта группа становится проводником как отечественной, так и международной интеллектуальной культуры, способствуя практическому внедрению инноваций в социальную среду и развитию творческой инновационной личности.

Исследование показывает, что 76% россиян считают существующие условия достаточными для самореализации молодежи, причем 31% в этом абсолютно уверены, а 45% склоняются к положительной оценке. Лишь 18% придерживаются противоположного мнения, из которых только 4% категорически отрицают наличие таких возможностей. Показательно, что молодежь 18–24 лет более оптимистична в оценке возможностей самореализации (85%), превосходя на 10 процентных пунктов оценки старшего поколения (75%). Важно

отметить, что текущие показатели достигли исторического максимума, увеличившись на 15 процентных пунктов по сравнению с 2019 годом и на 9 процентных пунктов относительно 2021 года [1].

Демонстрация инновационного поведения при реализации трудовой деятельности рассматривается не только как следствие влияния семейной микросреды, но и выступает индикатором глубокого понимания у работодателя сущности инновационного процесса, способного обеспечить прогрессивное развитие организации. Исследования в 2024 году показали динамику количества людей, задействованных в «креативной индустрии» (в 2021 году – 22%, 2024 году – 29%), при этом люди стали готовыми демонстрировать свое инновационное поведение и творчески проявлять себя при выполнении трудовых обязанностей (в 2021 году – 31%; в 2024 году – 36%) [5]. Это вызвано появлением организаций, которые в современных условиях способны не только обеспечить комфортные условия работы и предоставить возможность применить свои навыки и знания в трудовой деятельности, но и активизировать факторы и мотивационные технологии стимулирующие и поддерживающие инновационный тип поведения сотрудников [7].

Исследование ВЦИОМ 2022 года демонстрирует высокий интерес россиян к отечественной науке: 84% населения следят за научными достижениями, причем 18% целенаправленно ищут такую информацию. Только 15% респондентов не проявляют интереса к научным новостям. Эти показатели остаются стабильными с 2017 года. Среди активных потребителей научной информации преобладают мужчины (23% против 13% женщин), молодежь 18–24 лет (20%), люди с высшим образованием (22%), жители мегаполисов (23%) и активные интернет-пользователи (24%). 62% россиян регулярно встречают информацию о научных достижениях в СМИ, из них 22% – на постоянной основе [8].

С 2023 года реализуется проект «Наука рядом», включающий размещение билбордов с информацией об ученых и их признанных разработках в регионах России [9]. Эффективность такой популяризации подтверждается ростом престижа научной профессии с 51% в 2023 году до 61% в 2024 году [10]. Визуализация результатов инновационной деятельности позитивно влияет на формирование инновационного поведения населения.

Обобщая результаты исследования, можно констатировать, что на формирование инновационного поведения влияют как внутренние факторы (семейная микросреда), так и внешние (атрибуты инновационной активности территории). В семейной среде развитие творческой личности находится под значительным контролем старшего поколения, что может ограничивать возможности самореализации. В результате образовательная

и профессиональная траектории часто определяются внешними обстоятельствами, а не личными интересами.

Внешнее социокультурное пространство стимулирует формирование инновационного поведения через демонстрацию материальных результатов инновационной деятельности. Растущее понимание важности самореализации молодежи в инновационной среде способствует преодолению социальных барьеров и прогрессивному развитию инновационного общества в целом.

Литература

1. Возможности для молодежи: мониторинг // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).
2. Выпускники – 2020 хотят стать врачами и медсестрами // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vypuskniki-2020-khotyat-stat-vrachami-i-medsestrami> (дата обращения: 19.01.2025).
3. Высшее образование в России // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).
4. Дела семейные // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye> (дата обращения: 19.01.2025).
5. Индустрия креатива: мониторинг // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/industrija-kreativa-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).
6. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз / Н.Д. Кондратьев, Яковец Ю.В. Грамматика инноваций и стратегия инновационного прорыва. Пособие для молодых инноваторов. М.: МИСК, 2015.
7. Лучшие работодатели России 2024 // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/luchshii-rabotodatel-rossii-2024> (дата обращения: 19.01.2025).
8. Наука и общество: мониторинг // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).

9. Наука рядом // Сайт АНО «Национальные приоритеты» [Сайт]. – URL: <https://наука.prf/events/5705> (дата обращения: 19.01.2025).
10. Образ ученого и инженера: мониторинг // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (дата обращения: 19.01.2025).
11. Образование в России: востребованность, доступность, качество // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 19.01.2025).
12. Одаренные дети: кто они и что их ждет // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odarennye-deti-kto-oni-i-cto-ikh-zhdet> (дата обращения: 19.01.2025).
13. Семья, друзья и безопасность // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (дата обращения: 19.01.2025).
14. Творческие династии: вчера и сегодня // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tvorcheskie-dinastii-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 19.01.2025).
15. Тихомирова Т.Н. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 230 с.
16. Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности // Сайт Акционерное общество «Всероссийский центр общественного мнения» (ВЦИОМ) [Сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-zadachi-prioritety-potrebnosti> (дата обращения: 19.01.2025).

FORMATION OF INNOVATIVE BEHAVIOR AS A BASIS FOR THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY: SECONDARY ANALYSIS

Pavlova M.P.
Togliatti State University

The only progressive source of development of the socio-economic system and the formation of its competitiveness in international and domestic markets is a person who is able to carry out creative activity.

An individual's reaction to everyday social processes is a key factor determining the specifics of his activity and the development of

interpersonal interactions. The ability to adapt in modern society is directly related to the formation of innovative behavioral patterns, where a special role is played by the creative transformation of personal space in accordance with current social realities.

The study highlights the process of formation of innovation-oriented behavior among Russian residents through the prism of the mutual influence of cultural, social and innovative transformations in the country. The empirical basis of the work was the data from VTsIOM sociological research, covering the time period 2019–2024. The central place in the analysis is occupied by the study of the activity aspects of Russian citizens, with a special emphasis on the creative component as a fundamental element of innovation activity.

Keywords: innovative behavior, innovation activity, creative activity, innovation management.

References

1. Opportunities for young people: monitoring // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (date of access: 19.01.2025).
2. Graduates of 2020 want to become doctors and nurses // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vypuskniki-2020-khotyat-stat-vrachami-i-medsestrami> (date of access: 19.01.2025).
3. Higher education in Russia // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (date of access: 19.01.2025).
4. Family matters // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-seimnye> (date of access: 19.01.2025).
5. The creativity industry: monitoring // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/industrija-kreativa-monitoring> (date of access: 19.01.2025).
6. Kondratiev N.D. The main problems of economic statics and dynamics: preliminary sketch / N.D. Kondratiev, Yakovets Yu.V. Grammar of innovations and strategy of innovative breakthrough. Handbook for young innovators. Moscow: MISK, 2015.
7. The best employers of Russia 2024 // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/luchshii-rabotodatel-rossii-2024> (date of access: 19.01.2025).
8. Science and Society: Monitoring // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-obshchestvo-monitoring> (date of access: 19.01.2025).
9. Science Nearby // Website of the ANO "National Priorities" [Website]. – URL: <https://nauka.pf/events/5705> (date of access: 19.01.2025).
10. The Image of a Scientist and Engineer: Monitoring // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (date of access: 19.01.2025).
11. Education in Russia: demand, availability, quality // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovanost-dostupnost-kachestvo> (date of access: 19.01.2025).
12. Gifted children: who are they and what awaits them // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odarennye-deti-kto-oni-i-chto-ikh-zhdyot> (date of access: 19.01.2025).
13. Family, friends and safety // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (date of access: 19.01.2025).
14. Creative dynasties: yesterday and today // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tvorcheskie-dinastii-vchera-i-segodnja> (date of access: 19.01.2025).
15. Tikhomirova T.N. Intelligence and creativity in the social environment. – M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2010. – 230 p.
16. School education: tasks, priorities, needs // Website of the Joint-Stock Company "All-Russian Public Opinion Center" (VTsIOM) [Website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-zadachi-priority-potrebnosti> (date of access: 19.01.2025).

Социологический анализ вклада Российских студенческих отрядов в социально-экономическое развитие страны: результаты и перспективы

Пушкарева Наталья Николаевна,

к.с.н., директор центра социологических исследований «14–35», Государственный университет управления
E-mail: nn_pushkareva@guu.ru

Киселёв Михаил Сергеевич,

первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по молодежной политике, председатель Правления РСО
E-mail: Kiselev@duma.gov.ru

Гуров Григорий Александрович,

к.э.н., доцент кафедры государственного муниципального управления, Государственный университет управления
E-mail: ga_gurov@guu.ru

В статье представлены результаты всероссийского социологического исследования, проведенного Центром социологического исследования «14–35» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в апреле – октябре 2024 г. Исследование направлено на оценку вклада Российских студенческих отрядов в социально-экономическое развитие регионов страны. Для этого использовались как количественные, так и качественные методы, которые позволили получить всестороннюю картину об активности РСО, их роли в профориентации студентов, партнерстве с образовательными учреждениями и влиянии на карьерное самоопределение молодежи. Результаты исследования подтверждают, что студенческие отряды являются важным социальным институтом, способствующим не только профессиональному развитию, но и активному участию молодежи в общественной жизни. Статья предлагает рекомендации по повышению эффективности работы РСО, включающие разработку стратегий по повышению информированности о деятельности отрядов и развитию партнерских отношений с образовательными организациями.

Ключевые слова: российские студенческие отряды, молодежь, профориентация, студенты, труд, профессиональное самоопределение.

Введение

Центром социологического исследования «14–35» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в апреле – октябре 2024 г. было проведено исследование «Вклад Российских студенческих отрядов в социально-экономическое развитие страны» [16]. Региональный охват составил 8 федеральных округах РФ, а также новые регионы. Целью данного исследования является оценка влияния российских студенческих отрядов (далее – РСО) на различные аспекты социально-экономического развития российских регионов и выявление их основных инициатив и достижений. Исследование направлено на изучение опыта и возможностей студенческих отрядов в решении актуальных социальных и экономических проблем, а также изучения влияния на перспективы профессионального самоопределения в среде обучающихся.

В рамках всероссийского социологического исследования, были использованы следующие методы.

1. Количественный метод, включавший:
 - онлайн-опрос участников РСО (3864 человек);
 - онлайн-опрос студентов вузов (87333 человек);
 - онлайн-опрос граждан на портале Госуслуг (846 человек);
 - экспертный онлайн-опрос представителей вузов, колледжей и школ (2021 человек).
2. Качественный метод, включавший:
 - установочная проектно-исследовательская сессия с главным штабом РСО (17 человек);
 - экспертное интервью среди 2 экспертов из органов государственной власти, которые являются партнёрами РСО, 3 эксперта из системы образования и 9 экспертов-работодателей (общий охват 14 человек);
 - проектно-исследовательские сессии с разной аудиторией: школьниками, студентами колледжей, студентами вузов и молодыми специалистами (охват 53 человека).

Исследование проводилось по следующим линиям:

- знакомство с РСО;
- вклад РСО в социально-экономическое развитие страны;
- профориентация;
- партнёрство с РСО;
- преимущества РСО и предложения по повышению эффективности;

- мотивация вступить в РСО и продолжить там деятельность;
- влияние РСО на жизнь и карьеру студентов;
- информированность образовательных организаций о деятельности РСО и их ожидания от сотрудничества;
- уникальность и преимущества РСО.

Направленность данного исследования заключается в комплексном подходе к анализу роли студенческих отрядов как важного социального института, способствующего не только обучению и профессиональному развитию студентов, но и активному участию молодежи в общественной жизни на местах.

Эволюция Российских студенческих отрядов: от традиций к современности

Российские студенческие отряды – это общероссийское молодежное общественное движение, основанное в 1959 г. Кратко рассмотрим предысторию РСО и деятельность на современном этапе.

Исследователи обратили внимание на это студенческое движение в 1960-е гг. Одним из первых было изучение строительных студенческих отрядов. Е.Ф. Артемьев провел комплексный анализ истории студенческого строительного движения в общесоюзном масштабе [13], а также оценил роль КПСС и ВЛКСМ в руководстве патриотическими инициативами студенчества [14]. Особое внимание в его исследованиях уделено рекомендациям по укреплению организационно-политической структуры студенческих отрядов. В.С. Липицкий в монографии «Трудовой семестр и коммунистическое воспитание студентов» раскрывает значение трудового семестра как инструмента коммунистического воспитания молодежи [15]. А.Я. Семенченко в работе «Важный фактор становления личности (Из опыта работы студенческих строительных отрядов)» исследует практический опыт деятельности студотрядов и их роль в формировании личностных качеств участников, подчеркивая воспитательный потенциал этой системы [12].

Первоначально инициатива создания специального отряда для строительных работ в целинных совхозах в период летних каникул исходила от студентов физического факультета МГУ им. Ломоносова в 1959 г. В конце 1960-х – начале 70-х гг. движение охватывает подавляющее большинство вузов. В 1965 г. оформляется Всесоюзный студенческий отряд (ВССО). В исследовательских работах описываемого периода акцент в их деятельности делался, главным образом, на проблематике коммунистического воспитания, т.е. приоритетом выступали педагогический и воспитательный потенциалы движения. Во второй половине 1970 – первой половине 1980-х гг. стали уделять заметное внимание проблемным вопросам организации

и трудовой деятельности студенческих отрядов [14]. Если в 1960-х гг. в студенческие строительные отряды (ССО) попадала лишь элита студенчества, то в 1970-х гг. участие в ССО стало обязательной составляющей студенческой жизни. В научном сообществе стали обсуждать актуальную для студенчества проблему нерациональной организации труда молодежи в студенческих отрядах администрацией [13]. Во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. были подняты дискуссионные вопросы экономической рентабельности студенческих отрядов [5].

Трансформация общественно-политической системы в постсоветский период, привела к прекращению деятельности в 1991 г. ВССО. Но во всех регионах страны началось создание студенческих отрядов как самостоятельных структур молодежи без политических или иных идеологических мотивов. В начале 2000-х гг. в регионах создаются штабы для координации деятельности студенческих отрядов, которые привлекают в свои ряды все больше сторонников. В 2003 г. молодежная инициатива была поддержана Министерством образования Российской Федерации [2].

Новый этап развития РСО начался 17 февраля 2004 г., когда в Москве прошел Всероссийский форум студенческих отрядов, ставший отправной точкой для официального восстановления движения [8].

На современном этапе, «Молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды» (РСО) – крупнейшая молодежная организация страны, которая обеспечивает временной трудовой занятостью более 400 тысяч молодых людей из 85 субъектов РФ, а также занимается гражданским и патриотическим воспитанием, развивает творческий и спортивный потенциал молодежи» [8]. Ее структурной единицей является студенческий отряд, который представляет собой «форму организации студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования различных форм обучения, изъявивших желание в свободное от учебы время трудиться в различных отраслях хозяйства, выполняющих общую производственную задачу и одновременно реализующих общественно полезную программу. Отряды работают по разным направлениям: строительные, педагогические, сельскохозяйственные, сервисные, производственные, отряды проводников и другие». Студенты вузов и СПО, «изъявившие желание в свободное от учёбы время трудиться в различных отраслях хозяйства» в структуре РСО, называются «бойцами» [8].

С периода второго рождения РСО играют значительную роль в развитии инфраструктуры и социальной сферы страны, формируя уникальный опыт для молодежи и внося заметный вклад в осуществление крупных национальных проектов.

С 2004 г. более 35 тыс. студентов участвовали в строительстве ключевых объектов России, в том числе связанных с проведением крупных международных событий. Например, участие в возведении объектов Саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке, строительстве спортивных объектов для XXVII Всемирной летней Универсиады в Казани в 2013 г., а также объектов, построенных к XX-II Олимпийским зимним играм и XI Паралимпийским зимним играм в Сочи в 2014 г. [4].

Студенческие отряды были задействованы в строительстве инфраструктурных объектов космодромов, таких как «Плесецк» и «Восточный», а также объектов энергетического комплекса. Принимали участие в подготовке к Чемпионату мира по футболу 2018 г., работая на возведении стадионов и аэропортов [10].

Необходимо отметить, что студенческие отряды участвуют не только в проектной деятельности, но и в обеспечении отдыха для детей и подростков. Каждый год около 40 тыс. представителей педагогических отрядов организуют отдых для более 1,6 млн детей в оздоровительных лагерях и крупных детских центрах, таких как «Орленок» и «Артек». В этой же сфере активно функционируют и студенческие медицинские отряды, состоящие более чем из 7 тыс. человек. Среди студенческих отрядов выделяется сервисное направление, насчитывающее более 17 тыс. человек, которые занимаются обслуживанием гостей в отелях и пансионатах по всей стране. Это подтверждает разнообразие профессионального опыта, который студенты получают в ходе работы.

Важно отметить, что благодаря участию в трудовых отрядах подростков в 2022 г. более 10 тыс. школьников получили первый трудовой опыт [8]. Таким образом, Российские студенческие строительные отряды не только способствуют реализации масштабных социальных и инфраструктурных проектов, но и создают площадку для профессионального и личностного роста молодежи страны.

Проанализировав направления работы студенческих отрядов, динамику их численности, опыт проведения форумов и слетов, а также проблемы, с которыми они сталкиваются, исследователи считают, что участие в РСО позволяет студентам сформировать профессиональную идентичность и определиться с выбором будущей профессии, улучшить коммуникативные навыки за счет работы в команде, развивать лидерские качества, сформировать ответственность перед коллективом [2]. РСО становится развивающей и поддерживающей средой [7].

Результаты исследования

Анализируя ответы респондентов можно сделать вывод о низком уровне узнаваемости РСО. Общий уровень информированности студентов об органи-

зации составляет 68%, из которых хорошо знают о деятельности организации 23% опрошенных и что-то о ней слышали – 45%. При этом только 2% узнали о ней через информационные ресурсы РСО, что может являться следствием их неэффективности [16]. Исходя из этого, стоит рассмотреть возможность изменения и развития медийной политики данной структуры, а также возможность распространения ссылок через образовательные организации с целью ознакомления с информационными ресурсами РСО. Согласно ответам респондентов, наиболее распространённым каналом информирования молодых людей о деятельности организации являются друзья и знакомые (31%). Чаще всего эти друзья и знакомые сами были участниками РСО или других молодёжных движений и организаций, рассказывали об их деятельности, привлекая студентов. Действующие бойцы РСО также рассказывают друзьям про свою деятельность и предлагают им принять участие (84%) [16].

Ключевым источником информации о РСО являются социальные сети (47%), значимый вклад в информированность об организации вносят информационные ресурсы вуза (38%). Это свидетельствует о важности активного присутствия РСО в интернет-пространстве с целью продвижения своих инициатив посредством социальных сетей и повышения уровня информированности молодых людей о своей деятельности.

Анализируя мотивы вступления в РСО, важно учитывать целевую группу респондентов. Например, для школьников наиболее значимы мотивы, связанные с поиском друзей, полезных связей (46%) и единомышленников (35%), а также с возможностью провести свободное время с пользой (45%). Для них более важен корпоративный аспект деятельности организации, нежели профессиональное обучение и профориентация. В отличие от школьников, студенты колледжей и вузов сконцентрированы на получении и оттачивании профессиональных навыков в реальных условиях (34%) и путешествии по стране (33% – колледжи, 37% – вузы). Полученные данные подчёркивают необходимость дифференцированного подхода к привлечению молодых людей в РСО и повышению их заинтересованности в результатах своей деятельности, в рамках которого будут учтены потребности и интересы каждой из опрошенных групп, с целью более эффективного включения молодёжи в социально-экономическое развитие страны.

После вступления в организацию основным мотивом к продолжению деятельности для всех респондентов являются друзья, коллеги и единомышленники (70%). Лишь треть (31%) респондентов включает в мотивационную карту возможность профессионального развития, и только четверть говорит о потенциальном накоплении трудового опыта (25%). Таким образом, результаты опроса

указывают на то, что для молодёжи участие в РСО не является каналом профессионального или карьерного роста, несмотря на существующие возможности в данном аспекте. Скорее всего, это обусловлено тем, что РСО в информационном пространстве и в процессе коммуникации с вовлеченными участниками недостаточно внимания уделяет этим конкурентным преимуществам. Корректировка позиционирования может способствовать повышению уровня данных показателей, и, как следствие, сформулировать новый взгляд бойцов на организацию.

Респонденты отмечали низкую эффективность региональных отделений, которые не в полной мере транслируют идеи и ценности РСО, поэтому просто «выполняют поставленные задачи». Несмотря на это, РСО положительно влияет на закрепление духовно-нравственных ценностей и мировоззренческих установок молодых людей, а также дает возможность стать не только частью команды единомышленников, но и приобщиться к масштабным событиям в жизни государства. Вместе с тем, отсутствие трансляции ценностей РСО на региональном уровне несет риск разочарования бойцов, поскольку многие из них ожидают большей вовлеченности и креативности от отделений организации. Низкая эффективность региональных отделений может ограничивать потенциал РСО как полноценного инструмента социальной интеграции и воспитания активной гражданской позиции среди молодёжи.

Говоря о вкладе РСО в социально-экономическое развитие, респонденты отмечают, что в большей степени приносят пользу стране в сфере строительства (64%). Около половины называют такие сферы, как: молодежная политика и воспитательная деятельность (48%), трудоустройство, занятость и профориентация (42%), добровольчество и волонтерство (42%). Около трети выбрали: профессиональное образование (28%), сфера летнего отдыха и оздоровления (28%). Бойцы РСО оценивают влияние организации на социально-экономическое развитие страны на 7,5 баллов из 10, что указывает на их убежденность в том, что РСО вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие страны, хотя свой личный вклад в них в среднем оценивают на 3,6 балла из 5 возможных. Из них больше половины (60%) уверенно заявляют, что приносят пользу обществу и государству, а треть (36%) свои чувства о пользе оценивают средне [16].

Результаты интервью с представителями органов государственной власти, работодателями и партнерами РСО показывают, что РСО приносят больше пользы в такие сферы социально-экономической жизни страны как: строительство, промышленность, воспитание, молодежная политика, транспорт, летний отдых и оздоровление, здравоохранение, туризм и сельское хозяй-

ство [16]. Этому свидетельствует активное и последовательное освещение в СМИ и интернет-пространстве участия российских студенческих отрядов в строительстве масштабных государственных объектов и национальных проектах, среди которых строительство путей и развязок на Байкало-Амурской магистрали (БАМ-2) [11], развитие Восточного полигона РЖД [3], возведение объектов Росатома и Газпрома в районах крупных нефтегазовых месторождений [17]. Россияне, которые прошли опрос на портале Госулуг, представили аналогичный перечень сфер, в которые РСО вносит особый вклад, при этом лидирующие позиции заняли трудоустройство, занятость и профориентация. По мнению большинства респондентов-представителей образовательных организаций разного уровня, РСО приносит больше всего пользы стране в таких сферах как: добровольчество и волонтерство, молодежная политика и воспитательная деятельность, культура и искусство, летний отдых и оздоровления, трудоустройство и занятость, профориентация, профессиональное образование, строительство. При этом, такие сферы как производство и промышленность, наука, транспорт, физическая культура и спорт, международные отношения и сотрудничество, сфера безопасности, правопорядка, МЧС, государственная и муниципальная служба, космическая отрасль, жилищно-коммунальное хозяйство, а также экономика являются аутсайдерами по результатам исследования, поскольку респонденты считают, что вклад РСО в эти сферы минимален. Результат может свидетельствовать, во-первых, о недостаточной интеграции РСО в обозначенные области, а, во-вторых, о том, что включение бойцов в некоторые области затруднено в силу их специфики. Так, МЧС, космическая отрасль или международные отношения требуют специфических знаний и навыков, которые не всегда доступны бойцам РСО. В-третьих, полученные результаты могут быть обусловлены отсутствием информации о том, как именно РСО могут взаимодействовать с вышеперечисленными областями.

Анализируя позицию респондентов о профориентации, можно сделать следующие выводы.

1. Наибольшее количество (76%) студентов подтвердили, что для них актуально предложение во время обучения в вузе совмещать прохождение практики и трудовую деятельность.
2. Действующие бойцы отметили, что формат профориентации, который предлагает РСО (возможность поучаствовать в разных проектах и протестировать различные специальности), намного лучше аналогов, так как «практическая ориентация» более прозрачна, понятна и полезна для молодых людей.
3. Если специализация, на которой обучается участник РСО, совпадает с его деятельностью в проекте, то в этом случае РСО развивает уз-

конаправленные компетенции молодых людей. В ином случае отряд развивает универсальные профессиональные компетенции.

4. Бойцы РСО считают, что организация помогает им со стартом карьеры и благодаря проектам они становятся компетентными и конкурентноспособными специалистами.
5. Безусловным конкурентным преимуществом РСО является уникальный и эффективный подход к профориентации, профессиональному обучению и трудоустройству молодёжи. По сути, организация является лидером на рынке в этой области, поскольку конкурентов такого масштаба нет, а многолетний опыт позволяет выйти на новый уровень отбора, подготовки и трудоустройства кадров. Начать необходимо со школьной скамьи, профориентация в этом звене особенно востребована и на сегодняшний момент не выстроена. При этом очевиден запрос на новые технологии, форматы проведения профориентационной работы в школе, создание условий первого безопасного и комфортного выхода на рынок труда.

Результаты исследования позволяют оценивать вклад РСО в социально-экономическое развитие страны как значительный, не только благодаря подготовке квалифицированных кадров, но и посредством привлечения молодёжи к участию в значимых региональных проектах.

По результатам онлайн-опроса, проведённого на платформе «Анкетолог», среди представителей школ, колледжей, вузов о партнёрстве с РСО, можно сделать вывод о том, что лишь 22% представителей школы подробно информированы о деятельности РСО, а 72% не обладают никакой информацией [16]. Это может создавать определённые барьеры для школьников как целевой группы РСО, отсутствуют поддержка и ресурсы, необходимые в формировании их профессиональных стремлений. Представители колледжей (41%) и вузов (58%) хорошо знакомы с деятельностью РСО, что обусловлено более активным взаимодействием с ними и необходимостью формирования квалифицированных кадров, обладающих компетенциями, которые соответствуют требованиям рынка труда. Полученные данные подчёркивают необходимость ликвидации информационного разрыва посредством повышения уровня осведомлённости об РСО в школьной среде. Это активизирует школьников к вступлению в организацию и окажет дополнительную поддержку образовательным организациям по ряду направлений.

Так, представители образовательных организаций выделили следующие преимущества от сотрудничества с РСО:

- помощь в профориентационной работе с обучающимися;
- помощь в воспитательной работе;

- разнообразный выбор направлений для практики;
- взаимовыгодные условия для сотрудничества;
- помощь в трудоустройстве;
- возможность заработать без ущерба для учёбы [16].

Большее половины представителей образовательных организаций отмечают, что деятельность РСО оказывает значительное влияние на профориентацию обучающихся, которая является одним из ключевых запросов образовательных организаций разного уровня [9]. Данный вид сотрудничества может способствовать развитию профессиональных навыков у молодёжи [6]. Налаженное партнёрство с РСО, безусловно, представляет собой стратегически важный шаг в укреплении связи между образованием и рынком труда, что в совокупности может привести к значительным трансформациям в сфере образования и экономики [1].

Главной причиной, препятствующей началу сотрудничества с образовательными организациями является низкий уровень информированности о деятельности РСО. Абсолютное большинство представителей школ (84%) и колледжей (84%) не владеют необходимой контактной информацией для обсуждения вопросов сотрудничества. Кроме того, одна из главных причин, по которой представители образовательных организаций не заинтересованы в сотрудничестве с РСО – отсутствие структур, должностных лиц, готовых взять ответственность за коммуникацию и взаимодействие с ними.

Преимуществами РСО молодёжь чаще всего считает те возможности, которые мотивировали ее представителей вступить в студенческие отряды. Стоит отметить, что одними из самых главных преимуществ являются возможности, связанные с карьерой и отношением к труду – профориентацией (38%), популяризацией труда (35%) и раскрытием своего потенциала (34%). Воспитание профессиональных и надпрофессиональных компетенций, как преимущество, оценено достаточно низко (16% и 9% соответственно). Таким образом, приобретение и развитие профессиональных и надпрофессиональных компетенций, а также возможность карьерного роста респонденты практически не называют как преимущества РСО. Скорее всего, это связано с тем, что РСО в информационном пространстве и в коммуникации с бойцами недостаточно внимания уделяет именно этим конкурентным преимуществам. Корректировка посылов и позиционирования может способствовать повышению уровня этих показателей, как следствие сформулировать новый взгляд бойцов на организацию. Работодатели же выделяют такие преимущества РСО, как: хорошая многолетняя история, высокая производительность труда, исполнительность, высокое качество выполняемых работ, дисциплина, поднятие престижа рабо-

чих специальностей разного профиля, корпоративная этика.

Предлагая направления по улучшению РСО, бойцы чаще всего отмечают, что положительно на эффективность деятельности организации в большей мере будут влиять изменения, которые связаны с заработной платой (от 50 до 64%) и поднятием уровня информированности (от 38 до 46%). При этом, те респонденты, которые недавно в организации сконцентрированы на личной деятельности, поэтому предлагают расширить набор специальностей (40%), количество партнеров-работодателей (37%) и расширить географию (36%). В свою очередь те бойцы, которые ведут свою деятельность значительное количество времени осознают, что для организации важно увеличить число партнеров среди образовательных организаций (47%) и усилить позиционирование студенческих отрядов для внешней аудитории (55%) [16].

В некоторой степени предложения бойцов совпали с мнением экспертов и работодателей, которые считают, что руководству РСО нельзя останавливаться на достигнутом, необходимо двигаться дальше и скорректировать свою работу в таких направлениях как следующие.

1. Имиджевая и медийная политика организации (в последние годы руководство РСО уделяет этому внимание, появились презентационные и информационные ролики, наглядные и запоминающиеся слоганы, но нет продуманной долгосрочной медийной политики).
2. Активизация работы на региональном уровне: развитие сотрудничества с партнерами в регионах, выстраивание работы по привлечению новых региональных партнеров.
3. Популяризация деятельности РСО среди населения, а не только среди молодежи.
4. Развитие специализированных отрядов.
5. Пересмотр идеологических принципов работы с молодежью в соответствии с современными трендами.
6. Выстраивание работы с СПО и школами: ранняя профориентация – развитие целеустремленности, привитие трудолюбия.
7. Инициирование законотворческой деятельности по таким аспектам как трудовое законодательство для подростков, включение в конкурсную документацию по закупкам обязательного пункта об участии РСО, обеспечение временным жильем на период работы в малых населенных пунктах.
8. Развитие международной деятельности.

По мнению экспертов, руководство РСО очень грамотно выстроило партнерские отношения почти со всеми госкорпорациями и крупными промышленными предприятиями. Эксперты рекомендовали обратить внимание на региональных работодателей в сферах здравоохранения и сельского

хозяйства как на потенциальных партнеров для развития новых направлений и повышения эффективности деятельности структуры студенческих отрядов.

Заключение

Полученные результаты проведенного Центром социологического исследования «14–35» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, подтвердили значимость студенческих отрядов как активных участников в решении насущных социально-экономических проблем на уровне регионов страны. Масштабный охват анализа позволил выявить ключевые инициативы и достижения студенческих отрядов, а также их влияние на профессиональное самоопределение молодежи. История становления Российских студенческих отрядов, начиная с советского периода и заканчивая современными вызовами, демонстрирует, как эти организации адаптируются к изменениям в обществе и экономике, оставаясь важным институтом в процессе социализации молодежи.

Полученные данные позволили предложить ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности работы студенческих отрядов. В частности, необходимо разработать долгосрочную медийную стратегию, активизировать взаимодействие на региональном уровне, популяризировать деятельность РСО среди более широкой аудитории, включая население в целом и развивать специализированные отряды, которые могли бы оказывать целенаправленное воздействие на определенные сферы.

Кроме того, актуальным является пересмотр идеологических подходов к работе с молодежью, что позволит больше соответствовать современным трендам и потребностям молодежи. Важными являются также ранняя профориентация, которая создает условия для активного вовлечения студентов в трудовую деятельность. Развитие международной деятельности откроет новые перспективы для обмена опытом, что станет дополнительным стимулом для молодежного активизма.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают не только значимость студенческих отрядов для социально-экономического развития России, но и необходимость системного подхода к их функционированию и взаимодействию с различными сегментами общества. Студенческие отряды могут и должны стать мощным ресурсом для решения актуальных задач, стоящих перед регионами, а также мощным стимулом для профессионального самоопределения молодежи.

Литература

1. Агранович М. Л., Зайцева О.В., Ливенец М.А., Селиверстова И.В. Образование молодежи

- и ее положение на рынке труда // Профессиональное образование и рынок труда. М.: 2023. Т. 11. № 4. С. 6–24.
2. Ананьева В.А., Еремеева Т.С. Российские студенческие отряды: возможности становления и формирования личности студента ВУЗа // Вестник АмГУ, выпуск № 78, 2017. С. 119–124.
 3. В строительстве Восточного полигона в 2023 году задействуют не менее 1,6 тыс. Студентов. – URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=205902>
 4. Всероссийская студенческая стройка «Сочи-2014». – URL: https://xn -- d1amqcgedd.xn -- p1ai/deyatelnost/trudovye_proekty/vserossiyskaya_studencheskaya_stroyka_%C2%ABsochi%E2%80%932014%C2%BB.html
 5. История студенческих строительных отрядов МГУ: Крат. очерк: К 30-летию студ. строит. движения / Лепехин, В. А. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 58 с.
 6. Концептуальные основы приведения системы образования к запросам, потребностям рынка труда. Учебное пособие / Кручинина Р.С. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 38 с.
 7. Лобанова, Е.Ю. Студенческий отряд как способ становления и формирования личности будущего выпускника вуза / Е.Ю. Лобанова, Н.А. Тумакова. // Молодой ученый, № 10 (90), 2015. С. 1203–1205.
 8. Молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды». – URL: <https://трудкрут.рф/?ysclid=m72tvvn0e5779751509>
 9. Нацпроект «Образование». Профорientация. – URL: https://edu.gov.ru/career_guidance?ysclid=m72t0jxp0471503834
 10. Пост-релиз Российские Студенческие Отряды были приглашены к обслуживанию Чемпионата мира по футболу. – URL: https://трудкрут.рф/press_sluzhba/novosti/post_reliz_rossiyskie_studencheskie_otryady_byli_priglashey_k_obslyuzhivaniyu_chempionata_mira_po_futbolu.html?ysclid=m7b6ghgght517004255
 11. Российские студенческие отряды вновь отправились на Всероссийскую студенческую стройку «БАМ 2.0». – URL: <https://xn -- d1amqcgedd.xn -- p1ai/view-news.html?id=41>
 12. Семенченко А.Я. Важный фактор становления личности (Из опыта работы студенческих строительных отрядов). 1975.
 13. Студенческие отряды и коммунистическое воспитание молодежи (1959–1975). Учебное пособие/ Артемьев Е.Ф. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 116 с.
 14. Ступени возмужания: История, опыт патриотического движения студенческих отрядов. Учебное пособие/ Е.Ф. Артемьев. – М.: Молодая гвардия. 1984. – 216 с.
 15. Трудовой семестр и коммунистическое воспитание студентов. Межфак. проблемная науч.-исслед. лаб. воспитания молодежи МГУ / Липицкий В.С. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 71 с.
 16. Центр социологических исследований «14–35». – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=m7aiv84ufu249126769>
 17. 120 участников движения РСО принимают участие в слете студенческих отрядов Росатома. – URL: <https://xn -- d1amqcgedd.xn -- p1ai/view-news.html?id=169>

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN STUDENT GROUPS TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY: RESULTS AND PROSPECTS

Pushkareva N.N., Kiselyov M.S., Gurov G.A.

State University of Management, State Duma Committee on Youth Policy

The article presents the results of the All-Russian sociological research conducted by the Center for Sociological Research “14–35” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in April–October 2024. The study aims to assess the contribution of Russian student groups to the socio-economic development of the country’s regions. For this purpose, both quantitative and qualitative methods were used, which allowed us to obtain a comprehensive picture of the activity of RCOS, their role in career guidance for students, partnership with educational institutions and the impact on the career self-determination of young people.

The results of the study confirm that student groups are an important social institution that promotes not only professional development, but also the active participation of young people in public life. The article offers recommendations for improving the effectiveness of the RSO, including the development of strategies to raise awareness of the activities of the units and the development of partnerships with educational organizations.

Keywords: Russian student groups, youth, career guidance, students, labor, professional self-determination.

References

1. Agranovich M. L., Zaitseva O.V., Livenets M.A., Seliverstova I.V. Education of young people and their position in the labor market // Professional education and labor market. Moscow: 2023. Vol. 11. No. 4. Pp. 6–24.
2. Ananyeva V. A., Eremeeva T.S. Russian student brigades: opportunities for the formation and development of a university student’s personality // Bulletin of Amur State University, issue No. 78, 2017. Pp. 119–124.
3. At least 1,600 students will be involved in the construction of the Eastern Polygon in 2023. – URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=205902>
4. All-Russian student construction project “Sochi-2014”. – URL: https://xn -- d1amqcgedd.xn -- p1ai/deyatelnost/trudovye_proekty/vserossiyskaya_studencheskaya_stroyka_%C2%ABsochi%E2%80%932014%C2%BB.html
5. History of student construction teams of Moscow State University: Brief essay: On the 30th anniversary of the student construction movement / Lepekhin, V. A. – М.: Moscow State University Publishing House, 1990. – 58 p.
6. Conceptual foundations for bringing the education system to the demands and needs of the labor market. Textbook / Kruchina R.S. – Kaluga: KSU named after K.E. Tsiolkovsky, 2012. – 38 p.
7. Lobanova, E. Yu. Student squad as a way of formation and development of the personality of a future university graduate /

- E. Yu. Lobanova, N.A. Tumakova. // Young scientist, No. 10 (90), 2015. Pp. 1203–1205.
8. All-Russian Youth Public Organization “Russian Student Squads”. – URL: <https://trudkrut.rf/?ysclid=m72tv-vn0e5779751509>
 9. National project “Education”. Career guidance. – URL: https://edu.gov.ru/career_guidance?ysclid=m72t0jxp0471503834
 10. Post-release Russian Student Teams were invited to service the FIFA World Cup. – URL: https://trudkrut.rf/press_sluzhba/novosti/post_reliz_rossiyskie_studencheskie_otryady_byli_pri-glasheny_k_obslyzhivaniyu_chempionata_mira_po_futbolu.html?ysclid=m7b6ghgght517004255
 11. Russian student teams again went to the All-Russian student construction site “BAM 2.0”. – URL: <https://xn – d1amqcgedd.xn – p1ai/view-news.html?id=41>
 12. Semenchenko A. Ya. An important factor in the development of personality (From the experience of student construction brigades). 1975.
 13. Student brigades and communist education of youth (1959–1975). Textbook / Artemyev E.F. – M.: Young Guard, 1978. – 116 p.
 14. Stages of maturity: History, experience of the patriotic movement of student brigades. Textbook / E.F. Artemyev. – M.: Young Guard. 1984. – 216 p.
 15. Labor semester and communist education of students. Interfaculty problem research lab. youth education Moscow State University / Lipitsky V.S. – M.: Publishing house of Moscow University, 1975. – 71 p.
 16. Center for sociological research “14–35”. – URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=m7aiv84ufu249126769>
 17. 120 participants of the RSO movement take part in the rally of Rosatom student brigades. – URL: <https://xn – d1amqcgedd.xn – p1ai/view-news.html?id=169>

Правовое регулирование развития цифрового управления крупными городами Китая: аспекты преодоления «цифрового неравенства»

Сюэфэн Дай,

докторант, Институт государственного управления,
Хэйлунцзянский университет, Китай
E-mail: 278899604@qq.com

Поскольку управление крупными городами Китая постепенно входит в эпоху цифрового интеллектуального управления, данное управление становится важным драйвером для повышения эффективности городского управления в крупных городах Китая. Цифровое интеллектуальное управление не только значительно повышает эффективность управления, скорость отклика и уровень детализации в крупных городах, удовлетворяя срочную потребность широкой массы населения в управлении высокой эффективностью, но и помогает органам управления крупных городов открыть новую главу в эпохе управления. Однако, принимая новые возможности, которые приносит цифровое интеллектуальное управление, мы сталкиваемся с такими вызовами, как неравенство возможностей участия в цифровом интеллектуальном управлении, вызванное «цифровым разрывом», а также отсутствие прозрачности, вызванное внедрением алгоритмов в цифровое интеллектуальное управление (то есть проблема «черного ящика» алгоритмов). Если эти проблемы не будут эффективно решены, то цифровое интеллектуальное управление, способствуя общему социальному праведению, может усугубить социальную несправедливость, в дальнейшем повлияв на справедливость и легитимность государственного управления.

Ключевые слова: управление крупными городами; цифровое управление; разумное управление; справедливость; пути управления.

Введение

Управление крупными городами является важной частью национального управления. Повышение уровня управления в крупных городах – это неотъемлемое требование для активного продвижения процесса модернизации национального управления в Китае. Во время визита в Шанхай в ноябре 2018 года генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что «управление городами – важная часть модернизации системы управления и потенциала управления страны. Первоклассные города должны иметь первоклассное управление и должны сосредоточиться на научных, изысканных и интеллектуальных усилиях». После 18-го Всекитайского съезда партии крупные города Китая значительно повысили эффективность и результативность управления, активно внедряя цифровое и интеллектуальное управление. При этом удовлетворенность населения городским управлением постоянно растет. Конечно, хотя цифровое управление в крупных городах принесло положительные изменения, мы также должны признать, что оно привело к определенному неравенству, несправедливости и другим проблемам, которые необходимо срочно решать.

Анализ двух проблем правосудия

В данной статье под цифровым управлением понимается форма управления, при которой руководящий орган использует цифровые технологии в качестве важного средства управления. Изучив литературу, можно прийти к выводу, что проблемы неравенства («цифровой разрыв») и прозрачности («черный ящик» алгоритмов) являются двумя важными вопросами справедливости в сфере цифрового управления в крупных городах Китая.

Стремление к справедливости и реализации равенства – важные элементы справедливости в управлении. В докладе 18-го Всекитайского съезда КПК предлагается «на основе общей борьбы всех людей и экономического и социального развития активизировать строительство системы, играющей важную роль в обеспечении социальной справедливости и правосудия, постепенно создать систему гарантий социальной справедливости, обеспечивающую справедливость в отношении прав, возможностей и правил, и стремиться к созданию справедливой социальной среды, гарантирующей права людей на равное участие и равное развитие».

Со времен реформ и открытости развитие крупных городов Китая вошло в «быструю полосу». В 1990 году насчитывалось 59 крупных городов с населением более 1 млн человек, в которых проживало около 120 млн человек. В 2020 году таких городов было 142, и их население составляло около 460 млн человек [1]. Стремительный рост крупных городов сыграл важную роль в модернизации государственного управления в Китае. Однако он также поставил множество проблем перед государственным управлением. Одна из наиболее заметных проблем для органов управления крупных городов заключается в том, как сохранить и обеспечить справедливость управления при большом разнообразии различных групп населения [2]. В качестве примера можно рассмотреть «цифровой разрыв». Разрыв в знаниях стал одним из важных факторов, вызывающих «цифровой разрыв», который в определенной степени усугубляет дисбаланс в распределении ресурсов знаний. В свою очередь, это приводит к тому, что те, кто не имеет доступа к цифровым технологиям, становятся маргиналами в цифровую эпоху [3]. В крупных городах Китая доля пожилых людей в общей численности населения относительно высока [4]. По данным седьмой национальной переписи населения, в Пекине доля пожилых людей составляет 13,3 процента, а в Шанхае – 16,28 процента. По сравнению с более молодой группой, способность к обучению и адаптации к новым условиям у пожилых людей, как правило, слабее. Поэтому их цифровые навыки в целом ниже. Если основная часть цифрового управления в крупных городах основывается на доступности цифровых технологий для более молодой группы, это может привести к неравенству в отношении пожилой группы. Например, интеллектуальная платформа связи 12345 в Хайкоу предоставляет населению множество способов подачи жалоб, консультаций, предложений и ведения бизнеса, что очень удобно. Однако некоторые пожилые люди по-прежнему не могут воспользоваться некоторыми государственными услугами, предоставляемыми цифровым управлением, из-за неумения использовать цифровые каналы [5]. «Цифровой разрыв», вызванный различиями в уровне образования, также может привести к неравенству среди жителей в использовании публичных цифровых ресурсов. Исследование факторов, влияющих на использование электронного правительства среди жителей 36 крупных городов Китая, показало, что чем выше уровень образования, тем выше вероятность использования электронного правительства [6]. Таким образом, если органы управления не примут эффективные меры для решения проблем неравенства и несправедливости, возникающих из-за различий в доступе к цифровым ресурсам, использовании цифровых технологий и цифровой грамотности среди различных групп, то с углубле-

нием цифровизации и трансформации в умные города в крупных городах Китая, разрыв в развитии между группами, находящимися с обеих сторон «цифрового разрыва», будет только увеличиваться. Поэтому важной задачей для субъектов цифрового управления в крупных городах Китая является обеспечение равенства интересов различных групп, особенно полная защита интересов уязвимых слоев населения.

Алгоритмы, хотя и не являются полной сущностью искусственного интеллекта, играют в нем ключевую роль. В 1956 году Джон Маккарти (John McCarthy) предложил термин «искусственный интеллект» (Artificial Intelligence), обозначающий способность компьютеров с помощью математических алгоритмов имитировать аналитические, логические и мыслительные способности человека. В разных контекстах значение алгоритма может варьироваться. С точки зрения публичного управления, алгоритм представляет собой специальную технологию принятия решений, с помощью которой государственные служащие могут усилить или заменить свои собственные аналитические и решающие действия [7]. В последние годы алгоритмы активно внедряются в процесс публичного управления крупных городов Китая. Например, алгоритмическое управление широко используется в таких сферах, как финансы, транспорт, налоги, охрана окружающей среды и других публичных областях, предоставляя мощную поддержку трансформации и модернизации управления в крупных городах Китая. Однако алгоритмическое управление также вызвало проблемы непрозрачности и неопубликованности административных правил, известных как проблема «черного ящика» алгоритмов. Под «черным ящиком» алгоритма понимается явление, при котором правила, лежащие в основе алгоритма, известны только его разработчикам или субъектам управления, но не широкой общественности. Например, в случае с проектом «Единое управление сетью» в районе М города Шанхая, алгоритмы, встроенные в платформу цифрового управления, регулируются местными властями через соглашения. Однако нет строгого механизма проверки, включает ли алгоритм ценностные предпочтения разработчиков [8]. На практике внедрение и использование алгоритмов в процессе цифрового управления в крупных городах часто не могут быть полностью нейтральными, так как алгоритмы в той или иной степени подвержены влиянию предвзятости разработчиков или субъектов управления. Это приводит к проблемам неравенства, несправедливости и другим вопросам справедливости. В условиях многостороннего управления, если алгоритмический «черный ящик» оказывается под контролем некоторых организаций, компаний или коммерческих структур, общественные интересы могут быть нарушены. В процессе цифрового управления в крупных го-

родах «черный ящик» алгоритмов часто приводит к формальной справедливости при фактической несправедливости, видимому равенству при реальном неравенстве. Это является проблемой, которую необходимо решить субъектам управления.

Два пути оптимизации

В процессе продвижения модернизации национального управления Китая роль умного управления в крупных городах является позитивной и эффективной. Например, в Пекине с помощью инновационных практик, таких как «обработка заявок по мере поступления», была повышена откликемость на требования граждан и уровень их удовлетворенности. Это способствовало увеличению чувства достижения, счастья и безопасности среди народа [9]. В Шанхае с помощью «Единого управления сетью» была повышена эффективность управления сверхкрупным городом. Интеграция городских данных позволила реализовать интеллектуальное управление мегаполисом, а многослойная цифровая система управления правительства способствовала цифровому обновлению управления городом на всех уровнях [10]. Эти примеры отражают приверженность китайского правительства концепции управления городами с учетом принципа «народ превыше всего» и «центр внимания – народ», а также конкретные результаты в сфере управления. Исходя из вышеизложенного анализа двух проблем справедливости, возникающих в процессе умного управления в крупных городах, предлагаются два пути оптимизации для обсуждения.

Устранение «цифрового разрыва» определяется природой социалистического государства Китая. На государственном уровне разработано множество политик, направленных на устранение «цифрового разрыва», чтобы большее число групп могли извлечь выгоду из цифровизации. 24 ноября 2020 года Государственный совет Китая опубликовал «План реализации по решению проблем с использованием умных технологий пожилыми людьми». В нем указано, что для решения проблемы «цифрового разрыва» среди пожилых людей необходимо внедрять такие меры, как предоставление полномочий агентам, помощь родственников и друзей, повышение уровня цифровизации, создание «модели заботы» и «модели для старших», а также улучшение онлайн и оффлайн взаимодействия, ускоряя создание долгосрочного механизма для решения этих проблем. 23 июня 2022 года был опубликован «Ориентир для усиления строительства цифрового правительства», в котором отмечено, что развитие цифрового правительства должно основываться на принципе «люди – в центре внимания», поддерживать цифровое равенство и устранять «цифровой разрыв», чтобы результаты строительства цифрового правительства могли быть более справедли-

во распределены среди всего населения. 20 мая 2024 года государственная комиссия по развитию и реформам, совместно с другими ведомствами, опубликовала «Ориентир по углублению развития умных городов и продвижению цифровой трансформации на всех уровнях города». В нем указано, что необходимо способствовать цифровой модернизации инфраструктуры и государственных услуг, ориентированной на пожилых людей и людей с ограниченными возможностями, а также активно использовать силы общества и рынка для помощи уязвимым группам в преодолении цифрового разрыва. Эти планы и рекомендации являются важными институциональными указаниями и поддержкой для субъектов управления в крупных городах.

Усиление цифрового дивиденда может стать эффективным способом преодоления негативных последствий «цифрового разрыва». Эта концепция, впервые представленная в Докладе о мировом развитии Всемирного банка в 2016 году, обозначает преимущества для развития, связанные с широким распространением Интернета. Как было показано выше, причины «цифрового разрыва» сложны, и он является результатом сочетания дифференцирующих факторов. В процессе управления цифровыми технологиями в крупных городах Китая очень важной задачей является устранение негативных последствий «цифрового неравенства». Многие исследования предлагают множество путей для размышлений на эту тему. Например, некоторые исследователи считают, что для решения проблемы «цифрового неравенства» среди пожилых людей необходимо в полной мере использовать руководящую и контролирующую роль правительства, а также роль сообщества, новых СМИ, разработчиков соответствующих продуктов и самих пожилых людей, которые должны участвовать в управлении [11]. Другими словами, согласно этой точке зрения, только благодаря совместному управлению многочисленных субъектов можно устранить проблему «цифрового разрыва» для пожилых людей и решить связанную с ней проблему неравенства. Некоторые исследователи также утверждают, что преодоление цифрового разрыва требует использования технологий для решения проблем, созданных технологиями, и для того, чтобы сделать технологии более подходящими для пожилых людей [12]. Также было показано, что неравенство в доступности цифровых технологий может быть сокращено за счет расширения охвата средств цифрового доступа, повышения удобства использования средств и развития полезности цифрового контента [13]. В целом органы управления крупных городов должны не только уделять особое внимание усилиям групп населения, находящихся в неблагоприятном положении в условиях «цифрового разрыва», таких как пожилые люди и люди с низким уровнем образова-

ния, но и играть ведущую роль в выполнении своих обязанностей и обязательств. Негативные последствия «цифрового разрыва» можно смягчить путем постоянного увеличения цифровых дивидендов. Таким образом, те, кто получает наименьшую выгоду, получают компенсацию, и справедливость восторжествует [14].

В процессе цифрового управления в крупных городах алгоритмический «черный ящик» может быть лишь уменьшен, но не полностью устранен [15]. Это объясняется сочетанием таких факторов, как сложность алгоритмических технологий, отсутствие соответствующих правовых и политических норм, ограничения алгоритмической грамотности, недостаточная мотивация технологических компаний раскрывать алгоритмы и необходимость поддержания безопасности алгоритмов. Кроме того, защита интеллектуальной собственности, направленная на стимулирование инноваций, также является потенциальным фактором, способствующим созданию алгоритмических «черных ящиков». Однако, несмотря на неизбежность существования алгоритмического «черного ящика», как только алгоритм входит в публичную сферу, повышение его прозрачности становится важным вопросом, привлекающим внимание. Например, в сфере развития искусственного интеллекта различные управляющие субъекты придают большое значение прозрачности алгоритмов. В ноябре 2023 года на первой глобальной конференции по безопасности искусственного интеллекта была подписана «Блайтширская декларация», в которой акцентировалось внимание на важности «прозрачности алгоритмов». Декларацию подписали представители 28 стран и международных организаций, в том числе Китай, США, ЕС и другие. 21 мая 2024 года Совет Европейского Союза утвердил «Закон об искусственном интеллекте», который подчеркнул важность «обязанности по обеспечению прозрачности». В сентябре 2021 года Китай выпустил «Рекомендации по укреплению комплексного управления алгоритмами интернет-услуг», в которых подчеркивалось необходимость правильного направления «справедливого и прозрачного применения алгоритмов» и создания «системы регистрации алгоритмов» для общественного контроля. Эти события отражают, с одной стороны, связь между прозрачностью алгоритмов и справедливостью, а с другой – возможные пути достижения алгоритмической справедливости.

В контексте теории социализма с китайской спецификой для цифрового управления крупными городами Китая необходимо разработать путь справедливости, ориентированный на людей. То есть «необходимо сохранять ведущую роль народа», так чтобы «развитие служило народу, развитие опиралось на народ, а результаты развития делились с народом», создавая китайскую модель алгоритмической справедливости. Это необхо-

димо не только для достижения справедливости в цифровом управлении крупными городами Китая, но и является важной частью продвижения китайской модернизации и модернизации государственного управления.

Заключение

Цифровое управление крупными городами играет все более важную роль в продвижении процесса модернизации государственного управления. Оно способствует устранению неравенства в доступе к информации и возможностям использования технологий среди различных социальных групп, увеличивая цифровые выгоды. Повышение прозрачности алгоритмов способствует улучшению законности и обоснованности правил и политик цифрового управления, что в определенной степени может эффективно поддерживать и продвигать справедливость и правосудие в рамках цифрового управления. Конечно, вопросы справедливости, возникающие в процессе практики цифрового управления в крупных городах, не ограничиваются только тем, что обсуждается в данной статье. В эпоху цифрового управления исследование вопросов справедливости в управлении крупными городами будет долгим процессом, и по мере развития практики цифрового управления эти исследования неизбежно будут углубляться.

Литература

1. Вей Шуоухуа, Цянь Фэйфэй, Ву Хайфэн. Эволюция городской системы Китая и оптимизация путей развития // Экономические исследования. 2024(9):190–208.
2. Вей Лу, Чжан Минсин. Третий цифровой разрыв: разрыв в знаниях об Интернете // Журналистика и коммуникационные исследования. 2006(4):43–53.
3. Ху Анган, Чжоу Шаоцзе. Новый глобальный разрыв между богатыми и бедными: растущий «цифровой разрыв» // Китайские социальные науки. 2002(3):34–48.
4. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Седьмой бюллетень всекитайской переписи населения (дата обращения: 2021.05.13). – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm
5. Фу Фанлин. «Цифровой разрыв» среди пожилых людей в городе Хайкоу с точки зрения государственных служб: текущая ситуация, причины и решения // Вестник Хайнаньского открытого университета. 2023.24(4):132–137.
6. Ма Лян. Влияние на использование гражданами правительственных веб-сайтов: обзорное исследование в крупных китайских городах // Электронное правительство. 2014(4):34–48.

7. Миттельштадт Б. Д., Алло П., Таддео М. Этика алгоритмов: карта дебатов // Большие данные и общество. 2016.3(2).
8. Ли Ханцин, Менг Цзилун. Формирование городского цифрового управления и предотвращение и контроль рисков: случай «Единое управление сетью» в Шанхае // Современное экономическое управление. 2022. 44(9):72–79.
9. Исследовательская группа Института политологии Китайской академии общественных наук. Придерживаясь верховенства народа и создавая лучшую жизнь вместе. Доклад о реформе и развитии партийного здания Пекина, чтобы возглавить реформу и развитие получения жалоб, т.е. офиса // Мир менеджмента. 2023. 39(1):15–28.
10. Чжао Цзи, Чэн Сяоцин. Практическая логика оцифровки городского управления в контексте комплексной адаптивности: сравнительный анализ пекинской системы «обработка заявок по мере поступления» и шанхайской системы «Единого управления сетью» // Вестник Северо-восточного университета (Социально-гуманитарное издание). 2024.26(3): 80–88.
11. Чжан Вэйпин, Фань Цзюньхуй. Построение системы социальной поддержки для цифрового разрыва в пожилом возрасте // Исследования в области науки о старении. 2019.7(2):63–70.
12. Лу Цзихуэй, Го Фучжи. Преодоление цифрового разрыва для пожилых людей в цифровую эпоху // Пекинское обозрение. 2021(4):14–15.
13. Цю Цзеци, Чжан Шуцин, Лю Шидин. От цифрового разрыва к разнице в дивидендах – перспектива интернет-капитала // Социальные науки Китая. 2016(10):93–115.
14. Ролс. Теория справедливости // Пекин: Издательство общественных наук Китая. 1988: 14.
15. Тан Цзюшэн, Фан Сяюэн. Причины, риски и управление алгоритмическим «черным ящиком» // Вестник Хунаньского университета науки и техники (издание по общественным наукам). 2020. 23(6):92–99.

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL GOVERNANCE IN LARGE CITIES IN CHINA: ASPECTS OF OVERCOMING THE “DIGITAL INEQUALITY”

Dai Xuefeng

Heilongjiang University, China

As the governance of large cities in China gradually steps into the era of digital – intelligent governance, it is emerging as a crucial driving force for enhancing the effectiveness of urban governance in these cities. Digital – intelligent governance not only remarkably improves the governance efficiency, response speed, and level of refinement in large cities, meeting the urgent demand of the general public for high – performance governance, but also enables the

governance entities in large cities to inaugurate a new chapter in the governance era. Nevertheless, while embracing the new opportunities presented by digital – intelligent governance, we are confronted with challenges such as the unequal opportunities for participating in digital – intelligent governance caused by the «digital divide», and the lack of transparency (i.e., the «algorithm black – box» issue) resulting from the integration of algorithms into digital – intelligent governance. If these problems are not effectively addressed, digital – intelligent governance, while promoting general social justice, may exacerbate social inequality, thereby affecting the fairness and legitimacy of public governance.

Keywords: city governance; digital governance; smart governance; fairness; governance paths.

References

1. Wei Shuohua, Qian Feifei, Wu Haifeng. Evolution of China’s Urban System and Optimization of Development Paths. *Economic Research*. 2024(9):190–208.
2. Wei Lu, Zhang Mingxing. The Third Digital Divide: The Internet Knowledge Gap. *Journalism and Communication Research*. 2006(4):43–53.
3. Hu Anggang, Zhou Shaojie. The New Global Rich-Poor Gap: The Growing “Digital Divide”. *Chinese Social Sciences*. 2002(3):34–48.
4. Central People’s Government of the People’s Republic of China. The Seventh Bulletin of the National Population Census (accessed: 2021.05.13). – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm
5. Fu Fangling. “Digital Divide” Among the Elderly in Haikou City from the Perspective of Public Services: Current Situation, Causes, and Solutions // *Bulletin of Hainan Open University*. 2023.24(4):132–137.
6. Ma Liang. Impact on Citizens’ Use of Government Websites: A Survey Study in Major Chinese Cities // *Electronic Government*. 2014(4):34–48.
7. Mittelstadt B.D., Allo P., Taddeo M. Ethics of Algorithms: A Debate Map // *Big Data and Society*. 2016.3(2).
8. Li Hanqing, Meng Zilong. Formation of Urban Digital Governance and Risk Prevention and Control: The Case of “Unified Network Management” in Shanghai // *Modern Economic Management*. 2022. 44(9):72–79.
9. Research Group of the Institute of Political Science, Chinese Academy of Social Sciences. Adhering to the Supremacy of the People, Creating a Better Life Together. Report on the Reform and Development of Beijing Party Building to Lead the Reform and Development of Complaint Receiving Office // *Management World*. 2023. 39(1):15–28.
10. Zhao Ji, Cheng Xiaoqing. Practical Logic of Urban Governance Digitalization in the Context of Comprehensive Adaptability: A Comparative Analysis of Beijing’s “As-You-Go” System and Shanghai’s “Unified Network Management” System // *Bulletin of Northeastern University (Social Science and Humanities Edition)*. 2024.26(3): 80–88.
11. Zhang Weiping, Fan Junhui. Building a Social Support System for the Digital Divide in the Elderly // *Research in Aging Science*. 2019.7(2):63–70.
12. Lu Jihui, Guo Fuzhi. Bridging the Digital Divide for the Elderly in the Digital Age // *Beijing Review*. 2021(4):14–15.
13. Qiu Jieqi, Zhang Shuqing, Liu Shiding. From Digital Divide to Dividend Difference – A Perspective of Internet Capital // *Social Sciences of China*. 2016(10):93–115.
14. Rawls. *Theory of Justice* // Beijing: China Social Sciences Press. 1988: 14.
15. Tang Jiusheng, Fan Xiaoyong. Causes, Risks, and Management of Algorithmic “Black Box” // *Bulletin of Hunan University of Science and Technology (Social Science Edition)*. 2020. 23(6):92–99.

Факторы и закономерности развития пригородов Хабаровска в контексте глобальных типов субурбанизации

Удинкан Василий Александрович,

аспирант Высшей школы социальных и политических наук
Тихоокеанского государственного университета
E-mail: v.udinkan@yandex.ru

В статье определяется и рассматривается модель субурбанизации Хабаровска, её условия и закономерности в контексте глобальных подходов описания субурбанизации «Глобальный Север» и «Глобальный Юг». Описываются основные черты глобальных типов субурбанизации и определяется логика, сходства и различия этого процесса в Хабаровске по отношению к упомянутым глобальным типам. Исследование выполнено на основе метода анализа научной литературы, нормативных актов, данных геоинформационных систем, научных городских исследований и статистических данных о численности населения в Хабаровске и прилегающих муниципальных образованиях. По итогам исследования было определено, что субурбанизацию в Хабаровске нельзя точно отнести ни к одному из двух глобальных типов, так как этот процесс одновременно сочетает в себе особенности субурбанизации городов Глобального Севера и Глобального Юга. Более того, причины пригородного роста в Хабаровске отличаются от тех, которые наблюдаются в упомянутых глобальных регионах. Данная работа дополняет научную базу исследований, посвященных субурбиям в России, в частности на Дальнем Востоке, и делает акцент на изучении локальных особенностей для точного планирования и прогнозирования субурбанизации.

Ключевые слова: субурбанизация, субурбии, пригород, коттеджный посёлок, урбанистика, Глобальный Север, Глобальный Юг, восток России.

Введение

Субурбанизация продолжает менять социально-пространственную структуру российских городов, как на западе страны, так и на Дальнем Востоке. В связи с этим данный процесс является предметом научных дискуссий, связанных с определением его закономерностей, социальных проявлений в отдельных городах и регионах. Следует понимать, что субурбанизация отличается от региона к региону и может принимать разные формы даже в рамках одной страны. Дискуссия о различиях пригородов происходит в рамках двух глобальных регионов: Глобальный Юг и Глобальный Север [20, с. 660].

Но подходит ли данная типология для описания модели субурбанизации в России и на Дальнем Востоке в частности? Субурбии внутри страны неоднородны и принимают различные формы, в связи с чем, изучение региональных контекстов урбанизации в соответствии с ландшафтными особенностями поможет выявить логику процесса и ряд проблем, характерных для конкретных территорий, в рамках более широкой дискуссии о субурбанизации. Понимание логики процесса субурбанизации может быть полезным для разработки стратегий развития городских агломераций и управления этим процессом, а также позволит спрогнозировать возможные последствия этого процесса для городской среды, экономики и общества в целом. В данной статье рассмотрим логику субурбанизации в Хабаровске, а также попытаемся определить к какому глобальному типу её можно отнести. Для этого сначала выявим основные особенности и закономерности развития пригородов в Глобальном Севере и Глобальном Юге.

Особенности субурбанизации в Глобальном Севере и Юге

Исторически первые субурбии появились в Англии в XIX веке в период индустриализации. Характер индустриализации был таков, что предприятия и фабрики находились внутри английских городов, таких как Лондон и Манчестер, что в свою очередь ускорило урбанизацию населения. Ввиду высоких темпов урбанизации, в города переселялись не самые обеспеченные слои населения, бедняки и сельские жители. Из-за чего городские сообщества становились более неоднородными, что приводило к частым конфликтам и росту преступности [19, с. 24].

На фоне ухудшения качества жизни в городе средний класс и буржуазия стремились оградить себя от негативных черт городской жизни. Таким убежищем для них стал пригород, а процесс переселения городского населения на окраины города стал называться субурбанизацией [19, с. 25].

На рубеже XIX и XX вв. Э. Говардом была разработана концепция «город-сад», которая стала ответом на проблемы, связанные с быстрой урбанизацией и ухудшением условий жизни в промышленных городах в период индустриальной революции. Концепция «город-сад» представляет собой компактное поселение с населением около 30 000 человек, где в центре расположены общественные здания, окружённые парками, а вокруг центра – жилые районы с домами посреди садов [18, с. 20–27]. Промышленные зоны вынесены на окраины, что способствует уменьшению влияния на окружающую среду и созданию комфортной среды для жизни. Концепция «города-сада» также повлияла на развитие пригородов Глобального Севера и на идеи о создании комфортной жилой среды в условиях урбанизации.

В этом контексте начинается активное развитие пригородов в США в конце XIX в. и начале XX в. Причины американской субурбанизации схожи с английскими, а конкретно индустриализация повлияла на бурный рост американских городов. Это спровоцировало перенаселение городов и рост стоимости жилья, из-за чего люди стали искать альтернативы в районах проживания [17, с. 44–46]. Одновременно с этим развитие трамвайных и железнодорожных сетей позволило людям жить за пределами городов, при этом работать в них, что стало первым шагом к формированию американских пригородов [22, с. 20–44].

Важный этап развития американских пригородов проходит после Второй мировой войны и связан с Законом о реинтеграции военнослужащих 1944 года, определявший льготы для вернувшихся с фронтов военнослужащих США, среди которых жилищные кредиты под низкий процент, что приводит к массовому распространению однотипных коттеджных посёлков в пригородах. Быстрый рост числа домовладельцев и развитие пригородов способствовали послевоенному экономическому буму в 70–80-е годы, в этот период пригороды становились многофункциональными, промышленность перемещалась за пределы городов [23].

Описанная англо-американская модель субурбанизации характеризует пригороды Глобального Севера, имея следующие отличительные черты:

- высоким уровнем доходов его жителей;
- преобладает плановая застройка с индивидуальными домами, таунхаусами и малоэтажными жилыми комплексами, архитектура и планировка ориентирована на комфорт и эстетику;
- с точки зрения мотивации переезда в пригород жители избегают негативных черт городской

жизни в пользу более комфортных условий, связанных с наличием частного дома с собственным участком и с меньшим воздействием различных видов загрязнения (шумовое, визуальное и воздушное);

- развитой социальной инфраструктурой (школы, больницы) с доступом к транспортной сети, общественному транспорту и коммунальным услугам;
- пригороды однородны по своей социальной структуре, жители пригородов стремятся к себе подобным, с учётом статуса людей, мигрировавших в пригород, сообщества изолированы от менее обеспеченных слоёв.

Если говорить о пригородах Глобального Юга, то логику субурбанизации там во многом определил аграрный тип общества. Но в то же время нельзя сказать, что эта связь прямая, поскольку пригороды этого региона принимают разные формы, например, в странах Латинской и Южной Америки процесс связан с появлением трущоб, где проживает бедное население, которое не в состоянии позволить себе жилье в городе. Однако со временем по соседству появлялись закрытые пригородные сообщества, как в городах Глобального Севера. Таким образом, наблюдается соседство двух противоположных по форме видов субурбанизации на одной территории [25].

В странах Азии процесс субурбанизации проходил под жестким контролем властей, так как стояла государственная задача решить проблему перенаселенности городов – появились так называемые «города в городах» с многоэтажными жилыми домами с необходимой инфраструктурой [24].

Но также стоит отметить культурное влияние «американской мечты», что привело к смешению форм поселения, они находились по соседству на одной территории [16, с. 4]. Процесс субурбанизации в городах Глобального Юга переходит под прямой контроль государства, с целью ревитализации территорий и вытеснение трущоб. Однако не во всех кейсах это помогло, потому что сообщества образовали специфическую социальную структуру, сообщества трущоб стали взаимодействовать с закрытыми сообществами.

Соответственно можно выделить следующие особенности процесса субурбанизации в странах Глобального Юга:

- пригороды могут быть как закрытыми коттеджными посёлками для богатых, так и стихийно застраиваемыми территориями по типу фавел или кампонгов. Многие пригороды образуются стихийно без соблюдения строительных норм;
- мотивация переезда в пригород чаще заключается в недоступности жилья в городах;
- инфраструктура в пригородах часто недостаточно развита. Многие районы страдают от отсутствия качественных дорог, водоснабжения,

канализации и электричества, что особенно характерно для неформальных поселений;

- социальное расслоение в пригородах Глобального Юга выражено сильнее, чем в пригородах Севера. Богатые районы могут соседствовать с бедными;
- государства Глобального Юга пытаются взять под контроль стихийное распространение пригородных трущоб, поэтому по соседству возникают элитные районы с целью ревитализации.

Субурбанизация в глобальных регионах является производной от урбанизации, только в разных регионах она принимает различные формы в зависимости от типов общества (индустриальное или аграрное). Субурбанизация на Глобальном Севере и Юге отражает различия в уровне экономического развития, социальной структуре и степени участия государства в этом процессе. На Севере этот процесс связан с повышением качества жизни, тогда как на Юге он часто является следствием урбанизации, неравенства и недостатка ресурсов.

Форма и логика субурбанизации в Хабаровске

Изначально в XIX в. Хабаровск был городом-форпостом на Дальнем Востоке России с небольшой численностью населения, а после проведения Транссибирской магистрали стал важным транспортно-логистическим узлом. Это в свою очередь повлияло на роль города в советский период, он стал индустриальным и обеспечивал военные интересы в регионе [11, с. 76]. Эти факторы привели к росту населения в городе.

Хоть появление предприятий в городе и способствовало урбанизации, однако это не привело к массовой субурбанизации, как в похожей ситуации (см. выше) в индустриальных городах Англии в XIX в. На это могло повлиять несколько факторов:

- строительство частных домов в СССР строго регламентировалось (например, размер участка и площадь дома), при этом в личной собственности только один жилой дом;
- тип застройки и планировки Хабаровска вне центра предполагал широкие улицы приспособленные для движения автомобильного транспорта, а поскольку урбанизация была вторична по отношению к индустриализации, то массовое жилье возводилось для обеспечения нужд предприятий в рабочей силе¹;
- климат и доступ к коммунальным услугам в совокупности делали проживание в пригороде

¹ Важно в этом контексте отметить, что английские города формировались задолго до появления фабрик, автомобильного и железнодорожного транспорта, поэтому для них характерны узкие улицы с плотной застройкой. Появление фабрик увеличивало нагрузку на существующую планировку, что ухудшало условия жизни близлежащих районов старых английских городов.

на тот момент неоправданным, ввиду недостаточности морозных зим в купе с ограниченными коммунальными возможностями в пригороде.

Таким образом, из-за обозначенных факторов пригороды Хабаровска стали привлекательным местом для появления в них дачных кооперативов и садоводческих товариществ. Первое появление дачного товарищества датируется 1957 годом [11, с. 76]. Впоследствии дачи стали массовым феноменом по всей стране. Появление дачных участков в пригороде стало важным для определения локализации процесса субурбанизации после распада СССР не только в Хабаровске, но и в других крупных городах страны [5, с. 9].

Важным для зарождения процесса субурбанизации в России стал распад СССР, после которого формируются движущие силы разрастания пригородов. Таковыми являются [21, с. 87–89]: 1) отказ государства от прямого управления городами и контроля за распределением городских и пригородных земель; 2) приватизация рынка земли после восстановления прав частной собственности, что позволило свободно торговать недвижимостью, чего не было в коммунистический период; 3) децентрализация в сфере городского планирования и усиление роли местной власти привела к сокращению государственных субсидий, что побудило большинство местных органов власти использовать различные методы для увеличения денежных поступлений, например, глобальные инвестиции. Однако пункт 3 скорее относится к столичным городам [1, с. 94], поскольку мегаполисы обладали большим транспортно-логистическим потенциалом и более насыщенным рынком труда.

Помимо этого на разрастание пригородов повлиял идеал так называемой «американской мечты», заключающийся в проживании традиционной нуклеарной семьи в собственном доме в комфорте и безопасности с прилегающим садом и гаражом для личного транспорта [3].

Также на субурбанизацию повлияло обострение городских проблем в 90-е годы, кризис государственных институтов, упадок социально-бытовой инфраструктуры, рост безработицы и преступности, причем степень этих явлений в разных регионах отличалась [1, с. 89]. В этом плане Дальний Восток России не был выгодным положением по отношению к центральным регионам страны, поскольку наблюдалась диспропорция в инфраструктурном и ресурсном обеспечении [9, с. 25]. Этот факт привел к определённым миграционным явлениям на Дальнем Востоке: во-первых, к массовой внутренней миграции в центральные, столичные или мягкие по климату южные регионы страны; во-вторых, к внутренней миграции из сёл, пгт и деревень в региональный центр, тем самым компенсируя отток городского населения [7, с. 60]; в-третьих, к переезду обеспеченных слоёв населения в пригород, которые старались избежать нега-

тивных черт городской жизни, о чём говорит появление первых субурбий в пригороде Хабаровска.

После распада СССР действительно начинают формироваться условия, которые обусловили субурбанизацию Хабаровска. Во-первых, дачные территории Хабаровска получили поддержку правительства края с целью решения продовольственных проблем [11, с. 77]. Во-вторых, бывшие военные и пустые территории получают статус, разрешающий индивидуальное жилое строительство. Изменение правил землепользования территорий, утвержденные еще в 1992 году генеральным планом [4]. Например, ранее территории будущих коттеджных посёлков просто именовались «пустыми» или «перспективными территориями развития» [6]. Или согласно изменениям в генеральном плане города от 2006 г. некоторые будущие территории коттеджных посёлков относились к «прочим» в категории природно-рекреационных территорий, то есть любое ИЖС на таких территориях было запрещено.

В краевой столице в начале 2000-х годов началось активное строительство дорогостоящего жилья в центральной части города и коттеджных поселков на его периферии. Также в этот период открылись развлекательные комплексы и торговые сети, ориентированные на потребителей с высоким уровнем дохода. Появляются сначала элитные коттеджные посёлки закрытого типа, а также стихийно сооружаются на территориях бывших дач или поблизости к ним отдельные коттеджи [12, с. 121–124]. Примечательно, что субурбанизация в 00-е годы проходит в период резкого спада численности населения в Хабаровске (рис. 1) при значительной внутренней миграции из других районов края в региональный центр [2, с. 102, 14]. Данный спад вызван одновременно миграционным оттоком и естественной убылью. Из этого мы можем сделать вывод, что субурбанизация в Хабаровске не вызвана высоким спросом на жильё и его нехваткой.

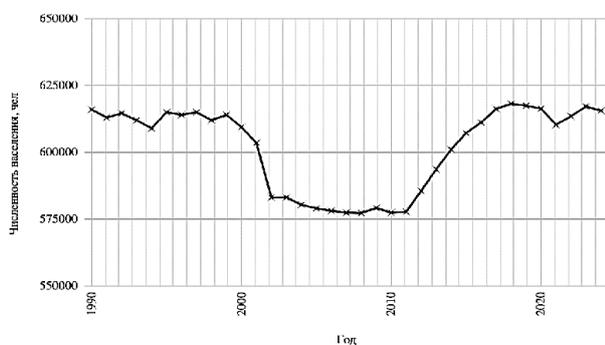

Рис. 1. Численность населения в Хабаровске в период 1990–2024 гг. [14]

Параллельно миграционному оттоку наблюдается рост благосостояния жителей [8]. Это выражалось, во-первых, в том, что Хабаровский край

среди всех регионов Дальнего Востока имел наименьший уровень бедности в 2007 году, уступая только Чукотскому АО и Сахалинской области, а во-вторых, регион в 2007 г. являлся одним из лидеров Дальнего Востока по покупательной способности доходов населения, уступая только Сахалинской области. Вместе с этим стоит выделить также и рост численности среднего класса в целом по стране в этот период [10, с. 72–76]. Исходя из формы субурбанизации, проявляющейся в виде коттеджного строительства, можно утверждать, что мигрируют в пригороды средний класс и выше.

Бум коттеджного строительства в городе произошел в период 2011–2020 гг., количество коттеджных посёлков от 10 до 39 [12, с. 122]. Данный бурный рост коттеджного строительства можно объяснить увеличением платёжеспособного населения, а также появлением застройщиков, специализировавшихся на сооружении типовых коттеджных посёлков. Приобретение готового дома, подключенного к базовым коммуникациям, было более привлекательным, чем возведение частного дома своими силами. Субурбии распространяются на приграничные с Хабаровском городские и сельские поселения Хабаровского района, такие как: Тополевское, Мичуринское, Миренское, Восточное, Ракитненское, село Ильинка, Корфорское и Корсаковское. Согласно муниципальным базам данных именно в 10-е годы общая численность населения этих 8 субъектов муниципального района начинает превосходить этот показатель остальных 20 субъектов [13]. Примечательно, что динамика численности населения поселений затронутых субурбанизацией стабильно росла до 2021 года, при стабильном снижении этого показателя в остальных поселениях района, а по итогам ковидного 2021 года наибольшее снижения численности наблюдалось в поселениях не затронутых субурбанизацией. Помимо этого в самом Хабаровске в этот период происходит постепенный рост численности населения и возвращение значений к показателям 90-х годов с последующей стагнацией в начале 20-х (рис. 2).

На данный момент наиболее распространены в городе типовые коттеджные посёлки эконом и стандарт класса с плановой застройкой, состоящие из однотипных домов с доступом к коммунальным услугам, а также стихийно формирующиеся коттеджные посёлки за счёт самостоятельного строительства домов землевладельцами на пустых или дачных территориях. Типовые коттеджи имеют доступ к коммунальным услугам, когда владельцы стихийных коттеджей вынуждены самостоятельно подключаться к коммуникациям. Оба описанных типа коттеджных посёлков не предполагают сооружение социально значимой инфраструктуры для нужд их жителей, они пользуются больницами, школами или магазинами, располо-

женными либо в городе, либо в ближайшем поселении.

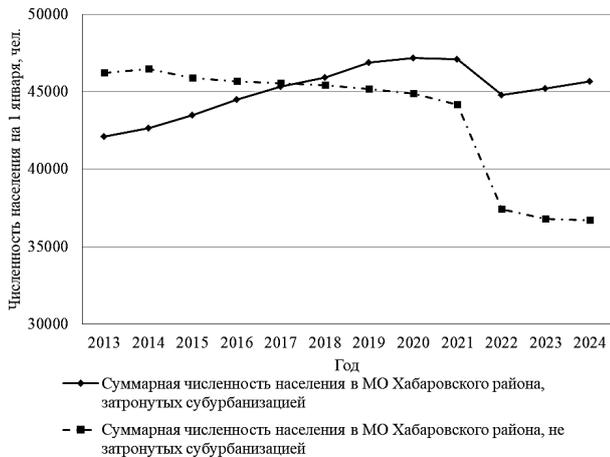

Рис. 2. Численность населения в муниципальных образованиях Хабаровского района в разбивке по факту наличия субурбий в субъекте

Заключение

Таким образом, обозначенные социально-экономические, политические демографические и градостроительные особенности позволяют описать условия и логику субурбанизации в Хабаровске.

Дачное строительство в советский период во многом определило расположение будущих субурбий, а культурное влияние и рассмотрение загородной жизни, как места рекреации определило форму субурбанизации [11, с. 78–83].

Город и пригород не страдают от перенаселенности, более того в период появления первых субурбий происходит значительное снижение численности населения. Таким образом, перед властями не стоит задача удовлетворить спрос на жильё в условиях перенаселенности города или высоких миграционных потоков, сооружая многоэтажные дома в пригороде, как в городах Глобального Юга. Местные власти лишь косвенно влияют на субурбанизацию в городе, меняя статус земель. Планирование отдельных коттеджных посёлков, количество и тип жилья в них определяется застройщиком, ориентируясь на нормы строительства, установленные государством.

Уровень благосостояния жителей города вырос в 00-е и начале 10-х. Соответственно появляется всё больше жителей, которые могут позволить улучшить свои жилищные условия различными способами.

Коттеджные посёлки тяготеют к вылетным магистралям города и существующим сельским поселениям Хабаровского района, которые примыкают к городу для быстрого доступа к работе и услугам на личном транспорте. Ввиду сильно вытянутой с севера на юг планировки города, наиболь-

шая концентрация коттеджей наблюдается к востоку от Хабаровска из-за относительной близости этой территории до центра города. Например, вне часа-пик по данным ГИС «Яндекс.Карты» время поездки на личном транспорте от центра Хабаровска до северных пригородов составляет 21 минуту, до южных – 31 минуту, а до восточных – 16 минут [15].

Наличие внутри города больших объемов «пустых» территорий, где разрешено строительство жилых домов. Центр города продолжает застраивается жилыми комплексами. Соответственно потенциал для массового многоквартирного жилого строительства в городе не исчерпан, что в свою очередь создает условия для появления субурбий по англо-американскому типу.

Исходя из описанной логики, нельзя четко определить к какому глобальному типу можно отнести субурбии Хабаровска, в них наблюдаются признаки, характерные одновременно для Глобального Севера и Глобального Юга. Хотя глобализация способствует распределению субурбанизации по англо-американской модели, её влияние неравномерно и проходит через локальные контексты. Многие исследователи критикуют универсальные подходы к изучению городов и предлагают учитывать многообразие форм и городских процессов, которые зависят от конкретных условий каждой страны или региона: «цитата про собственную логику городов». Для лучшего понимания специфики процесса субурбанизации в конкретном регионе необходимо накопление знаний о рассматриваемом процессе в других российских городах, в частности дальневосточных.

Литература

1. Бреславский, А.С. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.
2. Бреславский, А.С. Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е годы) // Гуманитарный вектор. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 97–106.
3. Варивочник, И.В. Страна пригородов: «американская мечта» сегодня // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2004. – Т. 7. – С. 72–85.
4. Генеральный план города Хабаровска 1992 года. – URL: <https://khv27.ru/administration/structural-units/dasiz/gradostroitelstvo/generalnyy-plan-goroda-khabarovska/1992-generalnyy-plan-goroda-khabarovska/> (дата обращения: 18.11.2024). – Текст: электронный.
5. Григоричев, К.В. Постсоциалистическая пригородная революция: российский колорит //

- Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 7–15.
6. Ковалевский, А.В. Периферия периферии или особенности процессов трансформации городского пространства за пределами столицы // Периферия. Журнал исследования нестолических пространств. – 2023. – Т. 1. – С. 93–107.
 7. Колбина, Е.О. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России / Е.О. Колбина, С.Н. Найден // Пространственная экономика. – 2013. – Т. 4. – С. 44–69.
 8. МГУ Кафедра экономической и социальной географии России. Хабаровский край (социальный портрет ресурсного региона). – URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/khabar.shtml> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.
 9. Миронова, М.Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период / М.Н. Миронова, В.Н. Холина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2011. – Т. 4. – С. 23–34.
 10. Пишняк, А.И. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. // Мир России. – 2020. – Т. 29. – № 4. – С. 57–84.
 11. Потапчук, Е.Ю. Изменение значения дачи в пригородно-городском пространстве (по материалам хабаровских СМИ 2010–2020 гг.) // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 73–86.
 12. Удинкан, В.А. Анализ развития субурбий г. Хабаровска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – Т. 4. – С. 119–128.
 13. Федеральная служба государственной статистики. База данных показателей муниципальных образований. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst08/DBInet.cgi> (дата обращения: 24.12.2024). – Текст: электронный.
 14. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 24.12.2024). – Текст: электронный.
 15. Яндекс.Карты. – URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 02.02.2025). – Текст: электронный.
 16. Clapson, M. Introduction: suburbanization in global society / M. Clapson, R. Hutchison. – 2010. – P. 1–14.
 17. Douglass, H.P. The Suburban Trend / H.P. Douglass. – New York City: The Century Co., 1925. – 353 p.
 18. Ebenezer, H. Garden cities of tomorrow / H. Ebenezer. – London: Swan Sonnenschein & Co., 1902. – 167 p.
 19. Fishman, R. Bourgeois Utopias: Visions of Suburbia / R. Fishman // Readings in urban theory. – 1996. – P. 23–31.
 20. Harris, R. Suburbanization and Suburbanism / R. Harris // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition. – 2015. – P. 660–666.
 21. Hirt, S. Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009. / S. Hirt, K. Stanilov. – UN-Habitat, 2009. – 166 p.
 22. Jackson, K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States / K.T. Jackson. – New York City: Oxford University Press, 1987. – 432 p.
 23. Nicolaidis, B. Suburbanization in the United States after 1945 / B. Nicolaidis, A. Wiese // Oxford Research Encyclopedia of American History. – Oxford University Press, 2017.
 24. Padawangi, R. The planned suburbanization of a city-state: Singapore's new towns / R. Padawangi. – 2010. – P. 293–317.
 25. Veloso, L. Governing heterogeneity in the context of 'compulsory closeness': the 'pacification' of favelas / L. Veloso. – 2010. – P. 253–272.

FACTORS AND PATTERNS OF DEVELOPMENT OF Khabarovsk SUBURBS IN THE CONTEXT OF GLOBAL TYPES OF SUBURBANIZATION

Udinkan V.A.

Pacific State University

This article defines and examines the model of suburbanization of Khabarovsk, its conditions and patterns in the context of global approaches to describing suburbanization “Global North” and “Global South”. The main features of global types of suburbanization are described and the logic, similarities and differences of this process in Khabarovsk in relation to the mentioned global types are determined. The study is based on the method of analyzing scientific literature, regulations, geographic information systems data, scientific urban research and statistical data on the population of Khabarovsk and adjacent municipalities. Based on the results of the study, it was determined that suburbanization in Khabarovsk cannot be accurately attributed to either of the two global types, since this process simultaneously combines the features of suburbanization of cities of the Global North and Global South. Moreover, the reasons for suburban growth in Khabarovsk differ from those observed in the mentioned global regions. This work complements the scientific base of research devoted to suburbs in Russia, in particular in the Far East, and places emphasis on the study of local characteristics for accurate planning and forecasting of suburbanization.

Keywords: suburbanization, suburbia, suburbs, cottage settlement, urbanism, Global North, Global South, East of Russia.

References

1. Breslavsky, A.S. Suburbanization and the future of Russian cities. Introduction to the problem. – Monograph.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. – 170 p. (in Russian)
2. Breslavsky, A.S. The Urbanization Crisis and the Transformation of Urban Settlement System in Khabarovsk Krai in the 1990s – 2010s // Humanitarian Vector. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – pp. 97–106. (in Russian)
3. Varivochnik, I.V. Suburbia: The American Dream Today // USA & Canada. Economy, politics, culture. – 2004. – Vol. 7. – pp. 72–85. (in Russian)
4. The general plan of the city of Khabarovsk in 1992. – URL: <https://khv27.ru/administration/structural-units/dasiz/gradostroitelstvo/generalnyy-plan-goroda-khabarovska/1992-generalnyy-plan-goroda-khabarovska/> (accessed: 18.11.2024).
5. Grigorichev, K.V. The Post-socialist Suburban Revolution: The Russian Context. Urban Studies and Practices. 2020. Vol. 5,

- no 4, pp. 7–15. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>
6. Kovalevsky, A.V. Periphery the Periphery or peculiarities of urban space transformation outside of the Capital // *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. – 2023. – Vol. 1. – pp. 93–107 (in Russian).
 7. Kolbina, E.O. The evolution of urbanization processes in the Russian Far East. / E.O. Kolbina, S.N. Nayden // *Spatial Economics*. – 2013. – vol. 4. – pp. 44–69 (in Russian).
 8. Moscow State University Department of Economic and Social Geography of Russia. Khabarovsk Krai (social portrait of a resource region). – URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/khabar.shtml> (accessed: 29.01.2025).
 9. Mironova, M.N. Regional disparities in Russia: dynamics in the post-Soviet period. / M.N. Mironova, V.N. Kholina // *RUDN Journal of Economics*. – 2011. – Vol. 4. – pp. 23–34 (in Russian).
 10. Pishnyak, A. The Population Dynamics and Mobility of the Middle Class in Russia, 2000–2017. 2020. *Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 57–84 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84.
 11. Potapchuk, E.Y. Changing the Value of the Dacha in the City–Suburban Space: An analysis of Khabarovsk Media. 2020. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 73–86. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202073-86>
 12. Udinkan, V.A. Analysis of the development of the suburbs of Khabarovsk // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 4, pp. 119–128. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>
 13. Federal State Statistics Service. Database of municipal indicators. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst08/DBInet.cgi> (accessed: 24.12.2024).
 14. Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (accessed: 24.12.2024)
 15. Yandex.Maps. – URL: <https://yandex.ru/maps/> (accessed: 02.02.2025).
 16. Clapson, M. Introduction: suburbanization in global society / M. Clapson, R. Hutchison. – 2010. – P. 1–14.
 17. Douglass, H.P. *The Suburban Trend* / H.P. Douglass. – New York City: The Century Co., 1925. – 353 p.
 18. Ebenezer, H. *Garden cities of tomorrow* / H. Ebenezer. – London: Swan Sonnenschein & Co., 1902. – 167 p.
 19. Fishman, R. *Bourgeois Utopias: Visions of Suburbia* / R. Fishman // *Readings in urban theory*. – 1996. – P. 23–31.
 20. Harris, R. *Suburbanization and Suburbanism* / R. Harris // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: Second Edition*. – 2015. – P. 660–666.
 21. Hirt, S. *Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009*. / S. Hirt, K. Stanilov. – UN-Habitat, 2009. – 166 p.
 22. Jackson, K.T. *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States* / K.T. Jackson. – New York City: Oxford University Press, 1987. – 432 p.
 23. Nicolaidis, B. *Suburbanization in the United States after 1945* / B. Nicolaidis, A. Wiese // *Oxford Research Encyclopedia of American History*. – Oxford University Press, 2017.
 24. Padawangi, R. *The planned suburbanization of a city-state: Singapore's new towns* / R. Padawangi. – 2010. – P. 293–317.
 25. Veloso, L. *Governing heterogeneity in the context of 'compulsory closeness': the 'pacification' of favelas* / L. Veloso. – 2010. – P. 253–272.

Роль патриотизма в жизни российского общества

Ананичева Софья Робертовна,

к.с.н., доцент, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Высшая школа социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: sofyaikhv@yandex.ru

В статье рассмотрено и концептуализировано понятие «патриотизм», определены составляющие и особенности данного процесса. Исследование сущности феномена патриотизма как необходимого для эффективного функционирования общества элемента общественного сознания осуществлялось на основе целостно-цивилизационного подхода, в соответствии с которым любой народ, любое государство – только некая часть целого (всего человечества, всей цивилизации). В условиях глобализации и быстрых изменений общественных процессов значение патриотизма в жизни российского общества приобретает особую значимость, выступая фундаментальной ценностью, способствующей формированию гражданской ответственности и национального самосознания. Статья посвящена исследованию роли патриотизма в системе ценностных ориентаций современного российского общества, влияния современных социальных и культурных вызовов, включая глобализацию, на восприятие феномена патриотизма. Для упрочения позиций России в мировом сообществе и сохранения ее в качестве значимого геополитического субъекта целесообразны следующие стратегические шаги во внутренней и внешней политике: сохранение самобытных черт, что позволит населяющему Россию суперэтносу идентифицировать себя в качестве российского народа; развитие собственной культуры, имеющей богатейшую традицию и обуславливающей специфический менталитет россиян; содействие совершенствованию воспитательно-образовательного процесса, способствующего формированию чувства патриотизма как стабилизирующего социальную систему феномена.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические ценности, значение патриотизма, функции патриотизма, современное общество, любовь к Родине, патриотическое сознание, гражданская идентичность.

Общественная жизнь любого народа – это сложный узор, сотканный из нитей социально-исторического развития, культурных традиций и менталитета. Эти элементы тесно переплетены и взаимообуславливают друг друга, формируя уникальный облик каждой нации. Ключевую роль в сохранении и укреплении этого узора играет патриотизм – сложное и многогранное чувство, далеко не врожденное, а формирующееся в процессе воспитания и образования. Он не является статичной величиной, а постоянно эволюционирует, взаимодействуя с изменяющимися социально-политическими условиями и культурными течениями. Патриотизм, в отличие от простого национализма, не сводится к слепому поклонению символам и традициям. Он представляет собой глубокое осознание своей принадлежности к определенному народу, понимание его истории, ценностей и культуры, а также готовность работать на благо своей страны. Это чувство основано на уважении к достижениям предков, но одновременно ориентировано на будущее, на стремление к развитию и совершенствованию общества. Исторически сложившиеся традиции являются фундаментом патриотизма, но он постоянно обогащается новыми смыслами и формами выражения, адаптируясь к вызовам времени. Таким образом, патриотизм – это динамичный процесс, в котором преемственность гармонично сочетается с инновациями, обеспечивая стабильность общественной жизни и предотвращая её застой.

Необходимо подчеркнуть разницу между патриотизмом и национализмом. Патриотизм подразумевает любовь к своей стране и стремление к её процветанию, но при этом основан на уважении к другим народам и культурам. Национализм же часто проявляется в агрессии, ксенофобии и стремлении к доминированию над другими нациями. Это крайне важное различие, которое необходимо учитывать при исследовании феномена патриотизма и его воспитании. Изучение патриотизма является не только актуальной, но и жизненно важной задачей. Понимание его сущности и механизмов формирования позволит нам более эффективно решать проблемы социальной стабильности и межкультурного взаимодействия. Исследование различных исторических форм патриотизма в конкретных сообществах поможет нам понять, как он влиял и влияет на общественную жизнь. Особое внимание следует уделить вопросам патриотического воспитания. Это должен быть целенаправленный и системный процесс, ос-

нованный на глубоком понимании истории и культуры своей страны, на развитии критического мышления и толерантности. Важно избегать навязывания идеологии и пропаганды, сосредотачиваясь на формировании гражданской ответственности и активной жизненной позиции. Патриотическое воспитание не должно приводить к изоляции от мирового сообщества, а наоборот, способствовать развитию межкультурного диалога и сотрудничества.

В современном мире, особенно в условиях глобализации и информационной войны, роль патриотизма становится еще более значительной. Он служит важным ресурсом консолидации общества и защиты от внешних и внутренних угроз. Однако этот ресурс нужно использовать разумно и ответственно, избегая манипуляций и искажения его сущности. Только так патриотизм может играть конструктивную роль в развитии общества и создании устойчивого мира. Поэтому исследования, направленные на выявление эффективных методов патриотического воспитания, являются крайне важными и необходимо продолжать их активно развивать, включая в себя междисциплинарные подходы с учётом психологии, социологии, истории и педагогики [7]. Необходимо также учитывать возрастные и индивидуальные особенности при формировании патриотических чувств. Чрезмерное давление может привести к противоположному эффекту.

Понятие патриотизма в современном обществе – это сложная и многогранная тема, вызывающая оживленные дискуссии среди ученых и общественных деятелей. Его интерпретации разнятся, что приводит к возникновению двух основных, порой диаметрально противоположных, взглядов. Первая группа исследователей рассматривает патриотизм как инструмент управления массовым сознанием, как часть сложной системы идеологических конструктов. Они подчеркивают искусственный характер формирования патриотических чувств, утверждая, что патриотизм – это не врожденное качество, а результат целенаправленного воспитания и индоктринации. Эта точка зрения часто связывается с критическим подходом к национализму и государственной пропаганде. С этой позиции, патриотизм изучается преимущественно как объект политологии, социологии и истории, анализируя методы его формирования, пропаганды и манипулирования общественным мнением. При таком подходе учитываются и негативные последствия слепого патриотизма, такие как ксенофобия, шовинизм и агрессивная политика по отношению к другим народам. Например, исследования показывают, как режимы используют патриотические чувства для легитимации своей власти и подавления диссидентства, что приводит к авторитарным режимам и нарушениям прав человека.

Вторая группа ученых придерживается более гуманистического подхода. Они считают, что патриотизм – это врожденное чувство привязанности к месту рождения, глубокая связь с родной землей, культурой и историей. Этот взгляд акцентирует внимание на эмоциональной и духовной стороне патриотизма, рассматривая его как естественное проявление любви к своему дому, своим людям и своим традициям. Патриотизм в этом контексте – это не инструмент манипуляции, а важная часть личной идентичности, чувство принадлежности к чему-то большему, чем индивид. Для них патриотизм – это духовное наследие, передаваемое из поколения в поколение, основанное на уважении к предкам, их достижениям и жертвам. Они видят в патриотизме мощный мотиватор для развития общества, способствующий сохранению культурного наследия, укреплению национальной идентичности и гармонизации международных отношений. Однако, и этот взгляд не свободен от критики. Чрезмерное возвеличивание национальных интересов может привести к изоляционизму и неприятию иных культур и народов. Важно отметить, что обе эти точки зрения не исключают, а скорее дополняют друг друга. Патриотизм – это многослойное явление, которое включает как внешние факторы (государственная пропаганда, образование), так и внутренние (личные чувства, связь с историей и культурой). Его проявления могут быть разными в зависимости от контекста, исторического момента и культурных особенностей общества [10].

Современные исследования патриотизма учитывают также влияние глобализации, миграции и развития информационных технологий. В глобализированном мире понятие «родина» становится более размытым, что приводит к появлению новых форм патриотизма, включая гражданский патриотизм, основанный на верности демократическим ценностям и законам, а не на этнической принадлежности. Он ориентирован на общественное благо и стремление к совершенствованию страны, не опираясь на националистические стереотипы. Кроме того, возникают новые способы выражения патриотизма, связанные с активной гражданской позицией, участием в общественных проектах и волонтерской деятельности. Это показывает, что патриотизм не ограничивается только националистическими чувствами, а может проявляться в различных формах социальной активности и вклада в развитие общества.

Исследование патриотизма требует междисциплинарного подхода, объединяющего знания политологов, историков, социологов, психологов и философов. Только комплексный анализ позволит полнее понять это сложное явление и оценить его роль в современном мире. Важно помнить, что здоровый патриотизм способствует единству и процветанию нации, но его искажение мо-

жет привести к негативным последствиям. Поэтому необходимо развивать критическое мышление и способность отличать истинный патриотизм от националистической пропаганды. Ключевым является баланс между любовью к своей стране и уважением к другим народам и культурам. Только такой подход позволит избежать экстремизма и создать мирное и гармоничное общество.

Понятие патриотизма, несмотря на кажущуюся простоту, является одним из самых сложных и многогранных в отечественной науке. Определение, предложенное профессором Ильичевым Н.М., – «Патриотизм – это исторически сложившаяся и диалектически развивающаяся, прежде всего, на основе материального производства категория социальной философии, в которой отражено положительное отношение людей к своей Родине, включающая патриотическое сознание, деятельность, отношения, организацию и реализующая мировоззренческую, методологическую, коммуникативную, ценностную и другие функции» – является отправной точкой для понимания его многоаспектности. Однако, это определение, хоть и всеобъемлющее, требует более глубокого анализа в контексте современной глобализированной действительности [6].

Исторически патриотизм формировался как чувство привязанности к месту рождения, к земле предков, к общим традициям и культуре. Это чувство было неразрывно связано с обороной родной земли от внешних врагов и сохранением устоявшегося порядка. Однако с развитием социальных структур, появлением национальных государств и, наконец, глобализацией, понятие патриотизма приобрело новые оттенки и неоднозначные интерпретации. Современные социологические исследования выявляют целый спектр его проявлений, часто противоречащих друг другу.

Разнообразие подходов к пониманию патриотизма обусловлено, прежде всего, различными культурными контекстами и политическими системами. Глобализация, с одной стороны, способствовала распространению идеи универсальных человеческих ценностей, потенциально ослабляя локальные патриотические чувства. С другой стороны, она породила новые формы национализма и попытки возрождения традиционных ценностей в ответ на угрозы глобализации. Это привело к появлению различных типов патриотизма, каждый из которых характеризуется собственным набором ценностей и приоритетов. Рассмотрим подробнее основные виды современного патриотизма. Конституционный патриотизм. Это, пожалуй, наиболее нейтральный вид патриотизма. Он фокусируется на верности конституционным принципам государства, уважении законов и соблюдении гражданских обязанностей. Этот тип не связан непосредственно с национальной идентичностью или этнической принадлежностью, но предпола-

ет ответственное гражданское поведение и готовность защищать законность. Он особенно актуален в многонациональных государствах, где конституция служит основой для объединения различных групп населения.

Этнический (или национальный) патриотизм. Этот вид патриотизма уже тесно связан с этнической принадлежностью. Он подчеркивает важность сохранения национальной культуры, языка, традиций и исторической памяти. В своем позитивном проявлении он способствует развитию национального самосознания и культурного богатства. Однако, в экстремальных случаях он может приводить к национализму и ксенофобии, основанным на чувстве превосходства одной нации над другими. Важнейшим аспектом является необходимость разделения здорового национального самосознания от опасных форм национализма. Общинный патриотизм. Этот вид фокусируется на привязанности к локальному сообществу – городу, селу, региону. Он основан на чувстве солидарности и взаимопомощи между жителями определенной территории. Этот тип патриотизма очень важен для формирования сплоченного общества и решения местных проблем. Он может быть взаимодополняющим по отношению к другим видам патриотизма. Однако, в некоторых случаях, чрезмерная сосредоточенность на местных интересах может привести к региональному сепаратизму.

Гражданский патриотизм. Это более широкое понятие, включающее в себя как конституционный, так и общинный патриотизм, но с акцентом на активное участие в общественной жизни и ответственность за будущее страны. Гражданский патриот не только соблюдает законы, но и стремится к совершенствованию общественного строя, участвует в общественных инициативах и борется за справедливость. Либеральный патриотизм. Этот вид патриотизма подчеркивает важность защиты прав и свобод человека, индивидуальности и самовыражения. Он сосредоточен на критическом отношении к государству и стремлении к его совершенствованию с учетом интересов всех граждан. Этот тип патриотизма не отвергает национальную идентичность, но ставит права человека выше интересов государства. Это означает, что критика власти не рассматривается как измена Родине.

Важно отметить, что эти виды патриотизма не являются взаимоисключающими. Человек может одновременно испытывать чувство привязанности к своей стране, своей общине и стремиться к защите прав человека. Однако, баланс между этими видами патриотизма может быть разным в зависимости от индивидуальных убеждений и социального контекста. Для сохранения общественной стабильности необходимо поощрение здорового патриотизма, основанного на уважении к закону, толерантности и готовности к ди-

логу. Противоположность этому – экстремизм, национализм и ксенофобия – необходимо пресекать на корню. Понимание разнообразия форм патриотизма способствует более глубокому пониманию сложных социальных процессов и построению более гармоничного и справедливого общества [9].

Вопрос о значении патриотизма – это поле битвы идей, где сталкиваются диаметрально противоположные взгляды. С одной стороны, мы видим абсолютизацию патриотизма, возведение его в ранг чуть ли не высшей добродетели, определяющей все аспекты общественной жизни. С другой – полное отрицание, принижение, а иногда и откровенное пренебрежение его ролью в современном мире. Такой разброс мнений порождает путаницу и требует тщательного анализа.

Утверждение, что дискуссия ведётся преимущественно о значимости, а не о сущности патриотизма, является лишь частично верным. Действительно, многие споры крутятся вокруг вопроса о том, насколько полезен или вреден патриотизм в эпоху глобализации. Однако, этот спор неотделим от понимания самой сущности патриотизма. Нельзя объективно оценить его значение, не определившись с тем, что же это такое на самом деле. Разногласия относительно значимости неизбежно вытекают из различных трактовок сущности.

Многие исследователи обращают внимание на эту взаимосвязь. А.А. Вилков и К.Ю. Колесников, например, подчеркивают, как стремление к универсальному и «истинному» определению патриотизма порождает противоречия в понимании его содержания и функций. Разные мировоззренческие и идеологические позиции исследователей и политиков приводят к разным интерпретациям. Один видит в патриотизме двигатель прогресса, источник национального единства и гарант суверенитета. Другой – опасный реликт прошлого, источник национализма, ксенофобии и межнациональных конфликтов [2].

Критика патриотизма часто исходит из непонимания или умышленного искажения его сути. Патриотизм часто подменяется национализмом, агрессивным шовинизмом или даже фашизмом. Это опасная манипуляция, которая служит для оправдания экстремистских идеалов. Настоящий патриотизм – это не слепое поклонение государству и его лидерам, не неприязнь ко всему иностранному. Это глубокая привязанность к своей родине, ее истории, культуре, языку, её достижениям и проблем, стремление к ее процветанию и развитию. Это не исключает критического отношения к недостаткам своей страны и готовности к диалогу и сотрудничеству с другими народами.

Важно различать различные уровни патриотизма.

1. Локальный патриотизм: любовь к своему городу, селу, региону, привязанность к месту, где человек родился и вырос, знание и сохране-

ние местных традиций и культуры. Этот уровень патриотизма является базовым и часто определяет более широкие патриотические чувства.

2. Национальный патриотизм: привязанность к национальной культуре, истории, языку, традициям, чувство сопричастности к судьбе своей нации. Важно отметить, что национальный патриотизм не должен быть агрессивным или исключительным.

3. Гражданский патриотизм: преданность принципам и ценностям своего государства, участие в общественной жизни, готовность защищать свои права и свободы, а также права и свободы других граждан. Этот аспект патриотизма тесно связан с гражданской ответственностью.

Зачастую именно смешивание этих уровней и неправильное понимание границ приводит к негативным последствиям. Например, слишком сильный упор на национальный патриотизм без достаточного развития гражданского может привести к националистическим проявлениям и конфликтам. Современный мир сложен и многогранен. Глобализация связывает людей со всего мира, формируя новые ценности и идентичности. Однако, это не означает, что патриотизм утратил своё значение. Наоборот, в условиях глобализации важно сохранять свою идентичность, ценить свои корни и традиции. Патриотизм может стать силой, способствующей развитию как отдельных народов, так и всего человечества, если он будет основан на уважении к другим культурам и народам, а не на их отрицании. Именно такой патриотизм способствует мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству. Без чувства принадлежности к чему-то большему, чем личный интерес, невозможно построить справедливое и процветающее общество. Задача же современного общества – научиться гармонично сочетать локальный, национальный и гражданский патриотизм, предотвращая его искажение и использование в корыстных целях.

Россия, как часть мирового сообщества, занимает уникальное и важное место в процессе глобализации. Её роль заключается не только в том, чтобы интегрироваться в международные процессы, но и в сохранении своей самобытности, что позволяет народу России идентифицировать себя как уникальную нацию с богатой историей и культурой. Эта самобытность, основанная на многовековых традициях и специфическом менталитете, формирует уникальный облик российского общества. Развитие российской культуры – это не просто вопрос сохранения традиций, но и активного их обновления. Культура России, обладая богатейшим наследием, должна продолжать эволюционировать, впитывая в себя новые идеи и формы, что позволит ей оставаться актуальной в современ-

ном мире [1]. Важным аспектом этого процесса является образование. Формулирование принципов образовательной политики, направленных на развитие патриотизма, может стать основой для формирования гражданской идентичности и сплоченности общества. Патриотизм, как социальный феномен, способен объединять людей, создавая прочные связи между различными слоями населения и укрепляя социальную стабильность.

В условиях глобализации России необходимо активно взаимодействовать с другими странами, перенимая их опыт и инновации, но при этом адаптируя их к собственным условиям. Это не означает слепого копирования, а подразумевает творческое осмысление и переработку идей, что может привести к возникновению новых, уникальных решений, способствующих развитию общества. Передача своего социокультурного опыта другим государствам также важна, так как это способствует взаимопониманию и укреплению международных связей. Только на таком пути возможно преодоление негативных последствий глобализации, таких как культурная унификация и утрата национальной идентичности. Важно, чтобы Россия, сохраняя свою уникальность, участвовала в формировании новых мировых общественных отношений, основанных на принципе полифонии. Это позволит избежать угрозы тоталитаризации и создать пространство для разнообразия мнений и подходов. Совместно с другими народами Россия может внести коррективы в стратегию глобализации, в которой патриотизм займет достойное место. Важно, чтобы этот процесс был основан на уважении к различиям и стремлении к сотрудничеству, что создаст условия для мирного сосуществования и совместного решения глобальных проблем, таких как изменение климата, экономическое неравенство и миграционные кризисы. Таким образом, Россия, оставаясь верной своим традициям и ценностям, может стать активным участником в формировании более справедливого и устойчивого мирового порядка.

Литература

1. Асланов Я.А., Глушкова С.А. Патриотизм в российском обществе: теоретико-методологические проблемы исследования // Социальногуманитарные знания. 2017. № 11. С. 99–105.
2. Вилков А.А. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма / А.А. Вилков, К.Ю. Колесников // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 1. С. 1–10.
3. Заурова Э.В., Рейма О.Я. Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности // Вестник института: преступле-
4. ние, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 130–136.
5. Ивченкова М. С., Буханский И.И. Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 81–97.
6. Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 96–109.
7. Ильичев Н.М. Патриотическое воспитание молодежи // Вестник РФО. – 2003. № 3. – С. 87.
8. Кирницкий В.В. Патриотизм как предмет философского анализа / В.В. Кирницкий // Поиск: политика, обществоведение, искусство, социология, культура. 2015. № 3. С. 48–53.
9. Кузьмин А.В. Формирование патриотизма: возможности государственной политики / А.В. Кузьмин, Ю.Н. Трифонов // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых / Тамб. регион. отделение РoСМУ; отв. ред. А.В. Кузьмин.- Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 79–100.
10. Лукинова П.А. Россия и мир: значение патриотизма / И.А. Лукинова // Управление мегаполисом. – М.: Изд-во НИК»Контент-Пресс», 2013. 4 (34). – С. 142–147.
11. Сулимин В.В. Концептуальные подходы к пониманию феномена патриотизма в социологической науке / В.В. Сулимин, В.А. Благинин, В.В. Сулимин // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 176–179.
12. Трифонов Ю.Н. Патриотическая идеология в условиях идеологического многообразия / Ю.Н. Трифонов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (34). С. 245–255.

THE ROLE OF PATRIOTISM IN THE LIFE OF RUSSIAN SOCIETY

Ananicheva S.R.
Pacific National University

The article examines and conceptualizes the concept of «patriotism», defines the components and features of this process. The study of the essence of the phenomenon of patriotism as an element of public consciousness necessary for the effective functioning of society was carried out on the basis of a holistic civilizational approach, according to which any nation, any state is only a certain part of the whole (of all mankind, of all civilization). In the context of globalization and rapid changes in social processes, the importance of patriotism in the life of Russian society is becoming particularly important, acting as a fundamental value contributing to the formation of civic responsibility and national identity. The article is devoted to the study of the role of patriotism in the system of value orientations of modern Russian society, the impact of modern social and cultural challenges, including globalization, on the perception of the phenomenon of patriotism. In order to strengthen Russia's position in the world community and preserve it as a significant geopolitical entity, the following strategic steps in domestic and foreign policy are appropriate: preserving distinctive features, which will allow the

superethnos inhabiting Russia to identify themselves as the Russian people; developing their own culture, which has a rich tradition and determines the specific mentality of Russians; contributing to the improvement of the educational process contributing to the formation of a sense of patriotism as a stabilizing phenomenon in the social system.

Keywords: patriotism, patriotic values, the meaning of patriotism, the functions of patriotism, modern society, love for the Motherland, patriotic consciousness, civic identity.

References

1. Aslanov Ya.A., Glushkova S.A. Patriotism in Russian Society: Theoretical and Methodological Problems of Research // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2017. No. 11. P. 99–105.
2. Vilkov A.A. Features of the Subject Space of Political Science Analysis of Patriotism / A.A. Vilkov, K. Yu. Kolesnikov // *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2015. No. 1. P. 1–10.
3. Zautorova E.V., Reima O. Ya. Patriotism as a Social Phenomenon and an Integrative Personality Quality // *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2018. No. 1(41). P. 130–136.
4. Ivchenkova M.S., Bukhansky I.I. Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 81–97.
5. Ivchenkov S.G., Sayganova E.V. Patriotism as a component of public consciousness: generational perspective of measurement // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 96–109.
6. Ilyichev N.M. Patriotic education of youth // *Bulletin of the Russian Sociology Society*. – 2003. No. 3. – P. 87.
7. Kirnitsky V.V. Patriotism as a subject of philosophical analysis / V.V. Kirnitsky // *Search: politics, social science, art, sociology, culture*. 2015. No. 3. P. 48–53.
8. Kuzmin AV Formation of patriotism: possibilities of state policy / AV Kuzmin, YuN Trifonov // *Scientific notes of the Tambov regional branch of the Russian Union of Young Scientists / Tamb. regional branch of RosSMU; responsible. ed. AV Kuzmin*. – Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2015. – P. 79–100.
9. Lukinova PA Russia and the world: the meaning of patriotism / IA Luinova // *Management of the metropolis*. – M.: Publishing house NIC «Content-Press», 2013. 4 (34). – P. 142–147.
10. Sulimin VV Conceptual approaches to understanding the phenomenon of patriotism in sociological science / V.V. Sulimin, V.A. Blagin, V.V. Sulimin // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016. No. 3. P. 176–179.
11. Trifonov Yu.N. Patriotic ideology in the context of ideological diversity / Yu.N. Trifonov // *Vestn. Tom. state University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2016. No. 3 (34). P. 245–255.

Замкадье, или Есть ли жизнь за МКАДом?

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

У многих мегаполисов есть окружная дорога, увозящая транспортные потоки прочь от центра и спальных районов. Они не нужны ни горожанам, ни городской администрации, так как ничего не привозят, а идут транзитом в другие города. Кольцевая-окружная – вроде бы технический и географический объект. Но только не в Москве. Здесь МКАД стал социальным феноменом и социологическим понятием, ибо делит всю страну на две части – богатую столицу и бедную провинцию. МКАД подобен черте бедности, проведенной в нижней части социальной пирамиды. Так полагает большинство россиян, судя по опросам общественного мнения и анализу публикаций в социальных сетях. Последние представляют наибольший интерес, ибо дают не сухую статистику, а живые голоса людей, переживающих за свою страну и проживающих по ту или другую сторону социальной границы.

Ключевые слова: МКАД, Замкадье, Мкадье, замкадыши, провинция, столица, город, жители, Москва, мегаполис.

На безбрежных просторах провинциальной России в XXI веке появился новый район, которого нет ни на одной географической карте и ни в одном административно-правовом документе. Имя ему – Замкадье – это то, что находится за МКАДом. А это огромная территория, простирающаяся от московских границ до государственных границ, где проживает более 90% населения, получающее руководящие указания, назначаемых чиновников, финансовые инвестиции из того места, которое находится внутри Замкадьи.

Появление народного топонима-метафоры обусловлено чисто социологическими факторами, а именно углублением социального неравенства между центром и периферией по доходам, жилищным условиям, возможностям трудоустройства, получения образования, доступу к информационным технологиям. Бедствующая провинция поглядывает на москвичей как на «зажравшуюся буржуазию», сосущую кровь из народа и наживающуюся на его бедствиях. На то есть вполне объективные аргументы: по уровню жизни страна на одном из последних мест в мире, а по количеству миллиардеров – чуть ли не на первом. И больше всего их в Москве. Причем, их становится больше не в годы процветания экономики, что было бы вполне объяснимо, а в годы жесточайшего кризиса. Вот народ и говорит: кому война, а кому мать родна.

Замкадье делится на: 1) Ближнее Замкадье (ближайшая московская периферия – Внуково, Зеленоград, Жулебино, Митино, Северное Бутово, Барвиха, Южное Бутово, Солнцево и др.) и 2) Дальнее Замкадье (вся страна, кроме Москвы). По аналогии с Ближним и Дальним зарубежьем. МКАД – это дорога вокруг Москвы. Кроме того, в литературе и онлайн-контенте можно встретить: дальнее Замкадье, ближнее Замкадье и среднее Замкадье. Всех жителей там иронически называют замкадышами – людьми второго сорта, типа русских мигрантов в Европе (рис. 1).

В целом, устоявшихся границ, определений и географических указателей не существует. Разные авторы относят и называют один объект по-разному. Даже самые общие представления о том, хорошо это или плохо, не сложились. Одни относят к исчадию ада Замкадье, другие – москвичей, послуживших причиной его возникновения. Одни уверяют, что «За МКАДом жизни нет», а другие им возражают, что и внутри Москвы она невыносима. «Замкадыш – неологизм из лексикона москвича. Его корень МКАД обозначает границы

жизни на Земле. По крайней мере, человеческой. А замкадыши – те, кто за околицей, за печкой, за плитусом. Замкадыш – человек из Замкадыя» (из интернета). Существует даже мнение, что Замкадыя нет, оно было выдуманно, чтобы пугать москвичей. Любопытно, что никто замкадышей вживую не видел. Об их внешнем облике можно только догадываться или додумывать. Додуматься можно ох до чего! Когда премьер-министр Д.А. Медведев предложил вывести правительство за МКАД и построить там для правительства коттеджный поселок, народ сразу их окрестил замкадыши. Понятное дело, что строить будут за счет бюджета РФ.

Рис. 1. Карта Замкадыя

Источник: cont.ws

В ближайшем к Москве регионе проживают вовсе не провинциалы, а зажиточные москвичи, настроившие вдоль престижных шоссе типа Рублевки и Новорижского шикарные особняки и коттеджи с собственным лесопарком. Это старое дворянство в новой упаковке – и по замашкам, и по образу жизни, и по деньгам. Но не по культуре, духовным принципам и образованию.

Чуть подальше, ближе к сотому километру от столицы, скромные загородные дома среднего класса, перемешавшиеся с подмосковным сельским населением, которое, в силу материальных возможностей и возраста, редко даже бывает в Москве и не знает ее как следует.

Если Замкадые действительно начинается сразу за нынешней чертой мегаполиса, то оно настолько пестрое, социально дифференцированное и даже поляризованное, что называть его одним словом не совсем корректно (рис. 2).

Замкадые в сравнении с Москвой (по материалам интернета)

По данным ФОМ большинство россиян (66%) полагают, что жители Москвы заметно отличаются от обитателей остальных городов и всей России [1].

Москвичи-владельцы коттеджей ездят на джипах, которых мало в Замкадые.

В Замкадые невероятное количество антенн.

Оборонные объекты – еще одна интересная деталь Замкадыя.

Все опасные и вредные производства расположены по соседству с оборонными объектами.

Много заброшенных деревень и садовых товариществ.

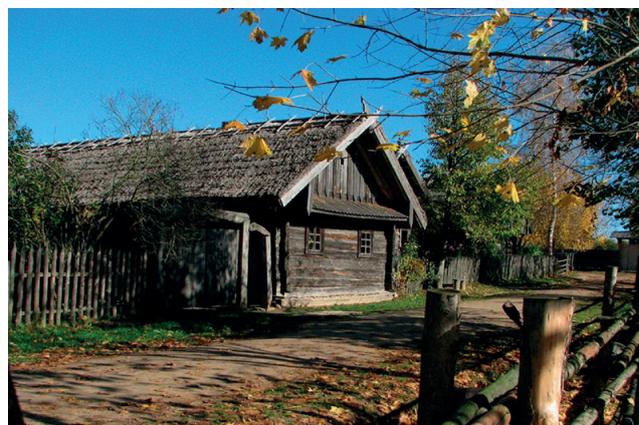

Рис. 2. Вот ты какое, Замкадые!

Заброшены электрички – им некого возить.

О том, что комфортная жизнь в Москве ограничена Третьим транспортным кольцом, не понаслышке знает каждый: чем дальше от центра, тем меньше красивых домов, приятных кафе, обустроенных улиц и магазинов. Микрорайоны напоминают пустые холмы с возвышающимися домами, между которыми нет ничего.

Заброшены стадионы – тут некому играть и не за кого болеть.

Москвичи живут за МКАДом, но за высоченными заборами в так называемых «коттеджных поселках».

Поведение: большинство типичных москвичей в общественном транспорте либо читает, либо погружаются в свои «яблоки». Провинциалы этого не делают, они могут заинтересованно рассматривать окружающих.

Плотный пешеходный поток на улице в Замкадые только по праздникам.

Заброшены пионерлагеря.

Заброшены машины – их некому водить.

В Москве больше возможностей для работы и потребления.

Отличительная черта провинциалов – скованность.

В мегаполисе жить очень интересно только в центре, но в спальных районах ситуация иная.

Москвичей выдают повышенная настороженность, тревожность, подозрительность и выраженные постоянные усталости на лице.

Огромные расстояния, дорога до работы занимает в среднем не менее 40 минут, а то и больше часа.

Зелени, парков и чистых озер в Замкадье почти не осталось. Все дорого, все платно, нигде без денег не ничего не достать.

Заброшены монастыри – тут некому, не за кого и незачем молиться.

Коренные москвичи полны гордыни, считая себя весьма продвинутыми, приобщенными к высокой культуре. И это не зависит от длительности проживания в столице.

В Москве очень дорогое жильё.

Москвичи более расслабленные в выборе работы, но более жесткие и бескомпромиссные на рабочем месте.

Маленький город не может похвастаться таким количеством театров, музеев и выставок, как в мегаполисе, но у него есть свои прелести.

В Замкадье выбор товаров невелик – зачастую нужные вещи можно заказать только через интернет.

В Москве везде не русская речь, не русские традиции или говор провинциальный, даже в мегаполисе больше возможностей для самореализации, новые интересные знакомства.

Здесь огромное разнообразие магазинов, масса развлечений, мероприятий, регулярные концерты звезд мировой величины.

В Москве дорога занимает очень много времени, пробки в час «пик», толпы туристов.

Жизнь в провинции: кругом деревья, зелень, легче дышится, меньше шансов стать жертвой мошенников.

В Замкадье стратегически важные места (торговые центры, магазины, пляжи) находятся в шаговой доступности, а ехать на другой конец города не более 30 минут.

Заброшены простые дома – дачникам тут больше не место.

В интернете жители Подмосковья раньше звались москвитянами или москвитями, т.е. жителями Московии, а сегодня – ЗаМКАДниками и ЧМО – человек московской области.

Заброшены многоэтажные дома – пролетариат теперь в Мытицах.

В мегаполисе круто жить, пока ты молод и перспективен.

В маленьком городе хорошо жить, когда ты или ребенок, или уже имеешь своего: все близко, безопасно, с детства знаешь и детей, и их родителей, а еще врачей, учителей, воспитателей.

Москва – это удобная городская навигация, работающие светофоры, электронные и информационные табло.

В Замкадье «убитые» дороги, повсюду мусор, который убирается только перед началом курортного сезона.

Жить в городе численностью 630 тыс. человек очень комфортно – вроде и большой город, но при этом все в шаговой доступности, нет огромных пробок.

Заброшены усадьбы – все богачи теперь в Москве.

Заброшены дома отдыха – Москва отдыхает в Куршавели.

В небольших городах нет шума и дикой суеты, бегущих толп народа, уютная атмосфера, люди более дружелюбные, душевные и простые, нет четкой принадлежности к различным статусам.

В мегаполисе можно годами жить в квартире, но не познакомиться с людьми за соседней дверью.

Москвичи не успевают посещать концерты и выставки, приезжие из маленьких городов делают это за них.

В Замкадье нет надоедливых туристов, которые болтают на непонятных языках, постоянно щелкают фотоаппаратами. Здесь проще выделиться и добиться чего-то.

С развитием Интернета и работать над интересными проектами стало проще из своего комфортного города. Жизнь в столице – уже не однозначный показатель успеха.

Большой город прекрасен, но маленький более комфортен. Первый – город для работы, второй – для жизни.

Рис. 3. Столичная воронка: расположение районов Москвы по мере приближения к центру – уменьшение площади и численности населения, увеличение цены жилья

В радиусе ста пятидесяти километров от Кремля (рис. 3) сформировался лоскутный мир, скроенный из разномерных и разношерстных субпространств – своего рода мультиселенная с другими законами и масштабами: заросшие сорняком пустоши, свалки, промышленные предприятия, брошенные деревни, монастыри и усадьбы. Бесконечные однополосные и плохо заасфальтированные дороги в ямах и лужах соединяют одноэтажные деревни, поселки и городки. Заводы, заводики, мастерские в гаражах, деревянные заборишки вокруг покосившихся дачных домиков, развалины старинных зданий, серые полосы однообразных заборов, непонятно что охраняющих, непролаз-

ные сельские дороги, заросшие бурьяном сельские поля – вот лишь некоторые штрихи к портрету гигантского Замкадь. Замкадь – это территория наукоградов и военных баз, прекрасных ландшафтов и удивительно красивых усадеб, старинных русских городов и многого другого, чем может гордиться наша страна. Замкадь-Зарядье – древнейшая часть города, душа Москвы.

Город N, Захолустье, Заштатный город, Крыжополь, Мусохраново, Тмутаракань, Урюпинск – литературный ряд топонимов русской провинции и одновременно Замкадь. В русской разговорной речи слово тмутаракань (тмутаракань) ассоциируется с чем-то недосыгаемо далёким и неизвестным, сродни за семью морями, неизвестно где – обычно с пренебрежительным оттенком – как синоним слова «глушь». Тмутаракань, она же Тмутаракань и другие производные – в современной речи под этим названием подразумевается далекая глушь, бесперспективная и оторванная от цивилизованного мира глубинка, ну и просто «у черта на куличках». Хотя Тмутаракань – средневековый город, который отождествляют с культурными слоями городища в дельте реки Кубань. В античные времена на этом месте был греко-синдский город Гермонасса. Раньше на Руси для обозначения местности, которая находится черт знает где, использовали фразу «между Чехом и Лехом». Дословно это где-то между чешскими и польскими землями, но подразумевалась та самая неведомая глушь. Мухосранск – полностью выдуманное место, которого нет ни на одной карте РФ.

В.Гиляровский описывает москвичей в основном как приезжих – это многочисленная рать ямщиков, половых в ресторанах и кабаках, обитателей рынков и трущоб, подпольных предприятий, вся дворня у дворян, армия и полиция, большинство чиновников и полицейских. А еще армия отходников – временно занятых в городе деревенских жителей. Можно вспомнить мнение А.Н. Островского о Замоскворечье – историческом предшественнике Замкадь. Долгое время Замоскворечье оставалось московским предместьем, местожительством простонародного, ремесленного люда. А после присоединения в XVIII веке район превратился в обитель купцов и мещан с длинными деревянными заборами, богатыми усадьбами и бесконечными садами да живописно разбросанными среди них многочисленными церквями. Ныне это самый центр Москвы, зона гламурной интеллигенции и респектабельной бизнес-знати. Сегодня на них злится огромное Замкадь провинциальной России, а когда-то оно само было очагом недовольных «замкадцев». В Европе и США «замкадовцы» часто живут богаче тех, кто остался в центре города. Никто их не называет «замкадышами», а тем более «быдлом».

«Москвичи, вот живете вы в своей златоглавой и не знаете, как обстоят дела в провинции» пишут

в интернете. Обвинение типичное. Но ведь в Москву уезжают из провинции именно за тем, чтобы не видеть больше то, что там творится. Иногородних, т.е. бывших провинциалом, в столице 70%. Так к кому обращено обвинение? К своим бывшим землякам. Они уехали от вас, вы их теперь обвиняете. А если бы и вам удалось перебраться, обвиняли бы вы москвичей?

Москву в ее современном виде построили именно лимитчики. А свои квартиры они честно заработали на ЗИЛе и АЗЛК, на московских стройках. Москвичей «выкидывают» из квартир не русские из провинции или кавказцы, а черные риэлторы.

Атмосферу в Москве давно уже создают не москвичи. Кто работает в такси? А на стройке или в общественном транспорте водителями, в магазинах кассирами, продавцами и разнорабочими, нянечками в больницах и учителями в школах, где половина школьников не москвичи? А кто спрашивает дороге в Москве у не москвичей? Сколько туристов в столице? Найти москвича в Москве непросто. Вот и получается, что по Москве судят по не москвичам и судят не москвичи. Комплекс неполноценности провинциала они поменяли на комплекс мнимого превосходства москвича.

Москвичи, бывшие провинциалы, воспринимают провинциализм как символ второсортности, и стараются перебить его другим, еще худшим предрассудком. Встречаясь с нынешними провинциалами, новоявленные «дети столицы» с презрением относятся к недавним соотечественникам. Взгляд на провинциальную жизнь как на «трясину» подразумевает, в том числе затхлость, мещанский покой, застой нравов, мелочность и тупость.

Человек устроен так, что никогда не скажет, что он хуже других и будет всячески доказывать это. Хотя про себя он постоянно думает: а не хуже ли я других? Наверное, хуже. Хотя на самом деле он такой же, как и все. Но у него комплекс неполноценности. Таков провинциал. А потому провинция состоит из двух комплексов: 1) мнимого превосходства над столицей и 2) мнимой неполноценности. Вам в столице хорошо – на всем готовеньком живете, все у вас есть, да еще нас обдираете, сильно не утруждаете себя, баловни судьбы – это один комплекс. А мы тут в грязи как свиньи, трудимся в поте лица, вас обеспечиваем – второй комплекс. Мы не столица, у нас все проще и т.д. Таковы социальные стереотипы провинциала. Он может возомнить себя – мол, я пуп земли. Хотя он глушь и глухомань. Во всем старается быть не хуже столичного жителя. Мол, мы не хуже, не лаптем щи хлебаем.

«В Москву! В Москву!» – кричали три сестры у Чехова. Столица всегда притягивала провинциалов. В столицу тянулся непрерывный поток отходников – в города народ тянулся на заработки: ярославцы в кабаки, кто-то в ямщики. Но теперь страсти поутихли. Социологи ВЦИОМа опросили

1600 респондентов в 138 городах и поселках России и выяснили: столица стала менее привлекательна [2]. Москва теряет свои позиции как рынок рабочей силы, зарплаты там очень средние. И если вычесть расходы на аренду жилья и транспорт, то получается почти столько же, сколько в родном городе. Сюда надо добавить московские пробки, необходимость переезжать с одной съемной квартиры на другую, постоянные стрессы большого города. Большинство регионов страны стали жить самодостаточно. Например, в Белгородской области люди могут найти работу по месту жительства. У них нет интереса ехать в Москву. В столице ищут работу выходцы из республик Средней Азии. Переезд в 2020–2021 гг. головных офисов нефтяных гигантов Газпром и Газпромнефть в Санкт-Петербург еще больше снизил привлекательность Москвы (рис. 4).

Рис. 4. Россия глазами москвичей

В интернете мелькает мифическая Надежда Мкадышева (Надя МКАД) и обсуждается мкадовская пауза. В проекте «Замкадьё» журналисты ИА «Свободные новости» в прямом эфире обсуждают региональные новости, которые не попали в новостную ленту федеральных СМИ, или наоборот, попали и вызвали возмущение жителей всей страны. Культурный миф обретает статус реального объекта общественного дискурса, а в недалеком будущем, возможно, и статус объекта социологического исследования.

В известной притче о мухе и пчеле излагаются два взгляда на реальность. Муха вокруг видит только навоз, а пчела – цветы. Нельзя принижать одну и возвышать другую только за то, что один из взглядов совпал с вашим собственным. Социолог должен видеть мир поверх субъективных оценок. Такими – мухами или пчелами – их делает жизнь. А она формируется не только ими, но и властями. Называя провинцию отсталой, а Замкадьё отстоем, респонденты и юзеры на самом деле фиксируют то невнимание, которое к ним проявляют власти – местные или федеральные. Социолог обязан отделять, отслаивать одно от другого: предвзятость в оценках самих респондентов и равнодушие властей.

Провинция-Замкадьё, прекрасное оно или отвратительное, зависит от вашего взгляда – взгляда мухи или пчелы. Пчела видит повсюду – в центре и периферии – только отходы, пчела, где бы она ни находилась, ищет цветы. От перемены слагаемых, как известно, сумма мест не меняется. Куда бы муха ни перебралась – на кухонный стол или на мусорный двор, – везде разыщет свое. Так ведет себя человек, у кого засел комплекс провинциала. Это привычка считать себя неудачником и винить во всем других, а главным образом государство. Человек чувствует себя не в своей тарелке. Ему неуютно на новом месте, он – повсеместно маргинал. «У провинциала велика потребность в одобрении. Отсюда переживание о том, что подумают люди. Провинциальность – это ориентация на внешний лоск, брендингованность. Избыточная социальная активность. Панибратство. Провинциал кажется себе значительнее, если знаком с местной звездой. Неумное посещение разного рода «культурных мероприятий» не потому, что поклонник творчества, а из-за желания приблизиться к богеме» [3]. География его не исправит. Спросите такого жителя столицы, как давно он был на выставке. И не удивляйтесь ответу «никогда». Лузер – понятие трансграничное.

Что такое провинция – грязь и мерзость или красота и покой, а Замкадьё – быдло и отстой или талант и творчество? Ответ зависит от вашей оптики, от того, как вы смотрите на мир, через какие очки вы на него смотрите. Можно смотреть на провинцию глазами мухи, а можно пчелы. В первом случае смотрящий видит в провинции только забор, сидящего рядом с приспущенными штанами мужичка и зеленую козу за забором. Того не зная, но Марк Шагал очень точно и сильно выразил взгляд мухи на провинцию (рис. 5).

Рис. 5. Мы сами определяем то, какова провинция

Тут опять уместно сравнение мухи и пчелы, ставшее общим местом – не знаю как в мировой – в российской культуре. Это метафора и яркий образ разного взгляда на мир. Сами мухи и пчелы и не знают, какую пользу извлекли на их примере для себя люди. Читая Паустовского Повесть о жизни (параграф о феврале), мы узнаем, что тогда, в 1916 г., когда он устроился корреспондентом в одну московскую газету, получив задание,

узнать настроение различных слоев населения во время войны, глушь начинается в 50 км от Москвы, а москвичи даже не знакомы с настоящей Русью, которая у них под носом. По словам Чехова, воплощением российской дичи был городок Ефремов в Тульской губернии. Туда и поехал Паустовский. И что он там увидел?

В 1955 г. К. Паустовский купил домик в Тарусе в Калужской области и переехал туда из Москвы. Городок на Оке ему очень понравился: «В Тарусе очень хорошо. Окрестности сказочные... места здесь чудесные... В Москву не тянет». Хвалил Паустовский не только природу, но и жителей Тарусы: «Он хорош своими людьми – талантливыми и неожиданными, трудолюбивыми и острыми на язык». А в статье «Письмо из Тарусы» (1956) отмечал колоссальный вред, который наносят городу и природе местные власти: «Большого наплевательства по отношению к своей стране и народу, большого безразличия к своей стране и ее природным богатствам трудно себе представить». Кстати, Алексею Толстому, который посетил город в 1916 г., Таруса не понравилась: «О нравах ничего положительного сказать нельзя: «невежество»; в городе мещане да купчишки, хотя есть две хорошие дачи, где зимуют москвичи, да за тюрьмой на бугре двадцатый год живёт доктор, но за последнее время до того стал тучен и ветхий, что с бугра не сходит, а всем больным прописывает пить молоко...».

Сто-лица – это сто лиц, для каждого смотрящего на нее она поворачивается своим лицом. Но не говорите, что самым правильным или самым правдивым. То же самое можно сказать и о провинции. О той и другой можно еще сказать «лица необщее выраженье».

Выбор точки зрения, как и выбор места жительства – не всегда наш выбор. Вы родились там, где живут ваши родители, а живете там, где живут ваши друзья. Это называется малой родиной – сеть сильных связей. И если она вам не нравит-

ся, то у вас всегда есть выбор – теперь уже ваш собственный. Взять и переехать в другой город. И не один раз. Перманентная мобильность, географическая подвижность – характерная черта кучей современности. Главное не бояться начать с чистого листа и погрузиться в мир слабых связей. А можно никуда не двигаться, а совершать путешествия виртуально, превратившись в цифрового кочевника. И в том, и в другом случае мир перестанет делиться на центр и периферию, на Замкадье и Мкадье.

Литература

1. <https://www.pravda.ru/politics/1500473-regions>
2. <https://www.msk.kp.ru/daily/25946.5/2890349>
3. Позняков В.Г. Синдром провинциалки. – URL: <https://www.b17.ru/article/299367>

ZAMKADIE, OR IS THERE LIFE BEYOND THE MOSCOW RING ROAD?

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

Many megacities have a ring road that takes traffic flows away from the centre and sleeping areas. They are not needed neither by the citizens nor by the city administration, as they do not bring anything, but go in transit to other cities. A ring-roundabout is a technical and geographical object. But not in Moscow. Here the Ring Road has become a social phenomenon and a sociological concept, because it divides the whole country into two parts – the rich capital and the poor province. The Moscow Ring Road is like a poverty line drawn at the bottom of the social pyramid. This is the opinion of the majority of Russians, judging by public opinion polls and analyses of publications in social networks. The latter are most interesting, because they give not dry statistics, but live voices of people who are worried about their country and live on the other side of the social border.

Keywords: MKAD, Zamkadye, Mkadye, Zamkadysh, province, capital, city, residents, Moscow, megalopolis.

References

1. <https://www.pravda.ru/politics/1500473-regions>
2. <https://www.msk.kp.ru/daily/25946.5/2890349>
3. Poznyakov V.G. Provincial syndrome. – URL: <https://www.b17.ru/article/299367>

Проблемы управления сферой массового спорта и физической культуры

Тагаков Никита Евгеньевич,

аспирант, преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Логунова Лариса Юрьевна,

д.ф.н., старший научный сотрудник лаборатории социально-гуманитарных проблем транзитивного общества, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Массовый спорт становится фундаментом для улучшения качества жизни граждан, улучшения здоровья граждан. Это социально ответственный вид проведения досуга. Занятия видами массового спорта реализуются в пространстве досуга – свободного времени человека, предназначенного для саморазвития. Это время свободы выбора человеком любого занятия. Проблема управления сферой спорта заключается в невозможности управления свободным временем человека, его интересами и предпочтениями в выборе видов спорта. Управление заключается в создании условий для того, чтобы граждане могли вести активный образ жизни, регулярно заниматься любимым видом спорта. Автор подчеркивает, что управление массовым спортом должно фокусироваться на создании условий для реализации права граждан на физическую активность, а не на формальных показателях эффективности.

Ключевые слова: массовый спорт и физическая культура, профессиональный спорт (спорт высших достижений), спорт как вид досуга, управление инфраструктурой спорта.

Введение

Массовый спорт и физическая культура являются важной сферой социальной жизни общества, связанной с производством здоровья человека. Значение физической культуры и спорта в жизни людей возрастает. Актуальной для сохранения человеческих ресурсов становится физическая активность современников. Массовый спорт – часть спорта, способствующая сохранению здоровья граждан посредством проведения организованных или самостоятельных занятий, участия в массовых спортивных мероприятиях. Регулярные занятия физкультурой на любительской основе являются важным фактором улучшения качества жизни граждан. Физически здоровый человек, готовый к полноценному функционированию, становится опорой для развития общества.

Сфера спорта – это пространство существования физической культуры, как части общечеловеческой культуры, основанной на системе ценностей, норм и знаний для организации здорового образа жизни граждан. Спортивная сфера наполнена особым видом человеческой деятельности – социально-культурной (формы социальных практик организации досуга человека). Специфика форм социально-культурной деятельности заключается в свободе выбора и времени для занятия практиками проведения досуга с целью саморазвития, самореализации. Это формы приобщения человека к особому виду культуры – культуры тела, культуры здоровья, культуры уважения себя. Свобода и самореализация – интегрирующие ценности сферы жизни физической культуры в обществе.

Содержание досуговой сферы управлению не поддается, так как невозможно управлять свободой человека, свободой выбора видов спорта, свободой выражения предпочтений и потребностей. В управлении нуждается индустрия спорта. Основой для регулирования управления сферой спорта служит Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определены специфические ипостаси физической культуры и спорта [26]. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» определяет различия спорта высших достижений и массового спорта.

В теории физической культуры и спорта такое разделение осмысливается с 1980-х гг., когда в СССР был провозглашен принцип «всенародно-

го физкультурного движения». Но реализация этого принципа была осложнена финансовыми и организационными проблемами: доля средств, выделяемых на массовый спорт, постоянно сокращалась, а вовлеченность населения в деятельность падала (до 30% в физкультурных кружках, 40% в спортивных секциях). Ситуация в РФ на стыке XX и XXI вв. обострилась: более 90% выделенных средств переводились в сферу спорта высших достижений [9]. Это привело к тому, что в 1990-е гг. материально-техническая база массового спорта фактически деградировала: перестали работать профессиональные организаторы, средства, выделенные на массовый спорт, были полностью потрачены на профессиональных спортсменов. Незрелость науки спортивного менеджмента породила ряд проблем в детском и юношеском спорте, что осложнило работу со спортсменами высшей квалификации [10]. Было нарушено мудрое правило: спортсменов надо «выращивать», а не «создавать».

«Стадионы под окнами» всегда были основой для массового спорта. Но на одном энтузиазме спортивное движение возродить не получится, для решения проблемы развития массового спорта необходимо преобразование содержания и инфраструктуры физического воспитания.

Сокращение сети спортивных и досуговых учреждений, уменьшение количества клубов и организаций, занимающихся любительским спортом, актуализирует проблему доступности регулярными занятиями физической культуры для всех категорий граждан, особенно социально уязвимых (детей, инвалидов, пенсионеров). Политика развития массового спорта должна основываться на территориальном принципе, что позволит повысить доступность спортивной инфраструктуры для людей по месту их жительства.

Для решения этих проблем привлекаются дополнительные финансовые ресурсы, источником которых является коммерциализация спорта, спонсорство, меценатство. Без стабильной поддержки со стороны органов управления разного уровня и широкой общественности развитие массового спорта затруднено. Главным стержнем этой работы должна стать связь «народных» видов спорта с идеалами олимпизма [7].

Развитием массового спорта в последние годы обеспокоились политики. Была сформулирована государственная программа «Развитие физической культуры и спорта в РФ» [29]. Но конкретизация проблемы заключается в способности чиновников, представляющих структуры муниципальной и местной власти, создавать условия для занятия спортом граждан, расширять повседневное пространство спорта, управлять инфраструктурой спорта и укреплять ее. Проблемой массового спорта является ограниченная территориальная и ценовая доступность занятий спортом для широ-

кого круга граждан, качество услуг, способствующие достижению непрерывности занятий спортом всех групп населения.

Традиционные формы вовлечения населения в физическую активность сегодня снижают свою эффективность, новаторские формы находятся в разработке. Объединение усилий практиков и исследователей становится актуальной задачей социологии управления, однако комплексные исследования, посвященные изучению управления массовым спортом, практически отсутствуют. Массовый спорт провозглашается политически значимым ориентиром, но сложившиеся управленческие стратегии (достижительные, стратегии отчетности) противоречат такой задаче.

Цель: исследовать согласованность приоритетов граждан и спортивных менеджеров для решения проблемы развития массового спорта и физической культуры.

Методология и методы

Физическая культура и спорт направлены на гармонизацию развития личности, ее физическое и духовное совершенствование. П.Ф. Лесгафт заложил основы теории физического воспитания, в которой центральное место занимало образование человека, его формирование как личности в процессе занятий физической культурой и спортом. По мнению П.Ф. Лесгафта, «гармоничное, всестороннее развитие человеческого организма должно составлять общую цель воспитания и образования, ...: воспитание захватывает нравственные качества человека, ..., а образование имеет в виду систематическое умственное, эстетическое и физическое развитие [22]. Русский педагог опирался в своей деятельности на ценностные и инструментальные ипостаси культуры спорта, которые сегодня оформились в основные методологические позиции для исследований социологии спорта.

Физическая культура рассматривается как отрасль производства здоровья человека. Сегодня оформилось исследовательское направление – социология спорта, изучающая спортивные потребности граждан, проблемы управления инфраструктурой спорта, социальный состав любителей физической культуры. В исследованиях В.И. Столярова, М.Е. Кутепова, М. Аарвисто доказана воспитательная роль физической культуры и спорта в развитии и социализации личности. Проблемы здорового образа жизни различных категорий населения изучили В.В. Белорусова, В.Д. Гончаров, В.И. Жолдак, П.А. Виноградов, М.Я. Виленский [6, 16, 8].

Методологической опорой для исследования послужили документы, законодательно прописывающие основы управления объектами инфраструктуры профессионального и массового спорта. Управление массовым спортом опирает-

ся на международные документы (Долгосрочная спортивная программа Совета Европы (1966), Европейская хартия движения «Спорт для всех» (1975). В этих документах провозглашается право человека заниматься спортом; связь на всех уровнях власти с органами принятия решений в социальной сфере; тесное сотрудничество органов власти и волонтерских организаций; доступность спортивной инфраструктуры; потребность в профессиональных кадрах [12].

К отечественным документам, регулирующим управление массовым спортом относится Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы», которая определила два направления: развитие спортивной инфраструктуры; «вовлечение различных слоев общества в регулярную физкультуру и спорт» – «массовый спорт» и «спорт высших достижений». Задачи программы определяют обеспечение доступности объектов массового спорта (в виде многофункциональных площадок); пропаганду, ценностей здорового образа жизни, физического воспитания и спорта; внедрение системы добровольной сертификации организаций, предоставляющих такие услуги (в том числе по месту жительства). С целью исполнения Указа Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» был утвержден федеральный проект «Спорт – норма жизни» в составе национального проекта «Демография». Результат реализации политики – потребности человека, его самореализация.

Социологи анализируют работу разных уровней государственной и муниципальной политики в области физической культуры и спорта с точки зрения сохранения здоровья молодежи, активности граждан (Л.В. Аристова, Г.З. Аронов, С.И. Изаак) [2, 3, 18]. Рассмотрены правовые аспекты управления спортом (С.Г. Дырда) [13]. С.Г. Сейранов считает, что физическая культура и спорт представляют собой социально-экономическую систему. Социальность – это важное качество системы, так как ее основными элементами выступают люди, наполняющие ее энергией своей деятельности, приводящие эту систему в движение и осуществляющие процесс управления ее развитием [31].

Физическая культура – это часть общей культуры человека. Приобщение к разным формам культуры происходит, как правило, в свободное время. Составной частью методологической базы исследований спорта становится теория социально-культурной деятельности. Спорт рассматривается в качестве вида досуга, способствующего физической активности и развитию внутренних сил человека (М.А. Ариарский [1], Ю.Д. Красильников [19], Ю.А. Стрельцов [34], Н.Н. Ярошенко [38], Т.И. Бакланова [4], А.Д. Жаркова [15]).

В нашем исследовании были использованы следующие методы: вторичный анализ результатов трех исследований, посвященных проблемам развития физической культуры и спорта в нашей стране; анализ документов (8 документов, разработанных Правительством РФ для развития спорта), анкетный опрос (160 чел., Новосибирская область, 2023 г.; 237 чел., Кемеровская область, 2023 г.), опрос экспертов (интервью, 4 эксперта, Новосибирск, 2024, *Антонычева Светлана Геннадьевна*, заслуженный мастер спорта России, победитель и призер чемпионатов мира, Европы и России по подводному плаванию, старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Новосибирского государственного университета экономики и управления, стаж спортивной работы 20 лет (г. Новосибирск); *Шулаков Алексей Владимирович*, канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедры физического воспитания и спорта Новосибирского государственного университета экономики и управления, стаж спортивной работы 15 лет, 37 научных публикаций (г. Новосибирск); *Геворг Арменович Карапетян*, магистр педагогических наук в области физической культуры и спорта, мастер спорта РФ, спортсмен-инструктор Ассоциации «Клуб дзюдо Кузбасса», чемпион, обладатель двух кубков Европы (г. Кемерово).

Мы определяем *методологическое правило* для изучения проблем управления: управленческие решения возможны лишь в отношении спортивной инфраструктуры, системы предоставления гражданам спортивных услуг. Управление массовым спортом невозможно, так как нельзя управлять свободным временем и выбором граждан видов своего досуга и аспектов саморазвития. Смысл и содержание управления заключается в создании условий для реализации права граждан на занятия физической культурой и спортом. Оценки управленческого персонала спортивной отрасли должны быть основаны на данных позициях. Это исключает возможность жонглирования «показателями эффективности», но создает реальную территорию культуры развития спорта, открытого для всех категорий граждан. Проблема заключается не в управлении досугом граждан, а в изучении их потребностей, исследовании возможностей городских и поселенческих пространств, где бы им было удобно проводить спортивный досуг.

Культура массового спорта: проблемы управления

Массовый спорт («спорт для всех») предполагает систематические занятия разными видами спорта или физическими упражнениями для поддержания хорошего здоровья, физического самосовершенствования. Это часть спорта, направленная на физическое воспитание и развитие граждан, практи-

кующих организованно или самостоятельно разные его виды, участвующих в спортивных мероприятиях. Массовый спорт несет мощную социально значимую функциональную нагрузку: это инструмент для укрепления и поддержания здоровья, подготовки к общественно полезной деятельности (труд, служба в армии, рождение детей), выработки практик социально одобряемого поведения, проведения активного досуга, развития личности.

Массовый спорт служил резервом профессионального спорта, был показателем успешной деятельности спортивных организаций, базой для

формирования спортсменов, выходящих на соревнования международного уровня, для «спорта высших достижений». Значительная часть спортивной деятельности была основана на самоуправлении, самоорганизации спортивных сообществ и клубов. Сегодня практически вся спортивная инфраструктура является объектами управления. Субъекты – организации физкультурно-спортивной направленности с их инфраструктурными и административными ресурсами. Различия в управлении и содержании массовым спортом и спортом высших достижений характерны (табл. 1).

Таблица 1. Массовый и профессиональный спорт как объекты управления

Направления для изучения	Массовый спорт, физическая культура	Профессиональный спорт
Субъекты управления	Органы местного самоуправления	Федеральные и региональные органы власти
Законодательная база	Нормативные правовые акты федерального и регионального уровней, регулирующие физическую культуру и спорт	Законы и нормативные акты, регулирующие спорт и олимпийское движение
Организационная структура	Министерство физической культуры, департаменты, комитеты, федерации и общественные организации	Министерство спорта, спортивные федерации, олимпийский комитет, спортивные школы и клубы
Управленческие функции	Разработка и реализация программ развития физической культуры, контроль за соблюдением норм и стандартов; обеспечение доступности объектов массового спорта; пропаганда ценностей здорового образа жизни	Поддержка спортивных мероприятий, финансирование спортивных организаций, контроль за допингом
Финансирование	Бюджетные средства, спонсорская поддержка, сбор взносов от спортсменов и организаций	Бюджетные средства, спонсорская поддержка, доходы от продажи трансляционных прав
Стратегии	Здоровьесберегающие, «бережливые»	Достижительные, стратегии отчетности
Методы оценки эффективности работы чиновников и руководителей спортивных организаций	Мониторинг и анализ результатов программ развития физической культуры	Мониторинг и анализ спортивных достижений, подготовка отчетов о выполнении задач
Формы и время занятий спортом граждан	Досуговые формы, свободное время	Ежедневное выполнение профессиональных обязанностей
Принципы предоставления спортивной инфраструктуры	Доступность: территориальная, финансовая, темпоральная. Добровольность: право свободного выбора гражданами вида спорта, времени для занятий спортом, интенсивности тренировок. Защита: предоставление гражданам программ здорового образа жизни, профилактики травм	Повышенное качество комплекса услуг: бесплатное предоставление обслуживающего персонала и постоянно обновляющегося оборудования. Коммерциализация: продажа билетов, спонсорство, использование медиа-инфраструктуры, оплата спортивных достижений. Результативность: повышенные требования к результатам
Оплата за использование спортивной инфраструктуры	Смешанная оплата (от бесплатных занятий до полной оплаты), дифференцированная по категориям граждан (дети, взрослые, пенсионеры, инвалиды и т.п.)	Платное использование спортивных площадок и стадионов, государственное финансирование. Частные инвестиции, спонсоры. Инвестиции в премиум-сервис (VIP-ложи, рестораны, парковки)
Требования к управлению	Обеспечение доступности спортивной инфраструктуры для граждан	Разработка и реализация программ развития спорта, включая инфраструктуру, подготовку кадров

Нормативные правовые акты федерального уровня создают основу для законодательства в сфере физической культуры и спорта, обозначая ключевые положения. На региональном уровне

обозначенные положения конкретизируются с учетом географической, социально-политической специфики. На муниципальном уровне вопросы, касающиеся федеральных и региональных поло-

жений, максимально детализируются. На местном уровне разработаны законы для принятия управленческих решений в сфере развития массового спорта [17]. При этом проблемы массового спорта на местах требуют решения. Эксперты считают, что «проблемы могут быть связаны с недостаточным финансированием, бюрократией, отсутствием контроля за исполнением законов, коррупцией при распределении средств или строительстве объектов, низкой информированностью населения. В сельской местности может ощущаться нехватка спортивных сооружений, в отличие от городов. Добавим межведомственную разобщенность: часто разные организации отвечают за спорт, здравоохранение, образование, а координация между ними отсутствует. Это затрудняет реализацию законов» (Г.С. Антонычева, заслуженный мастер спорта РФ). «Отсутствие координации между министерствами (спорта, образования, здравоохранения, регионального развития) приводит к дублированию функций или, наоборот, к «белым пятнам» в реализации программ» (А.В. Шулаков, канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физического воспитания и спорта НГУЭУ).

С помощью анализа документов нами выявлено, что в действующем законодательстве не учтена основная проблема доступности спортивной инфраструктуры для граждан. В законодательстве (Постановление Правительства РФ от 30 января 2023 г. № 129 «Об утверждении Правил оказания физкультурно-оздоровительных услуг») не прописаны:

- принципы предоставления физкультурно-оздоровительных услуг гражданам, способы повышения доступности спортивной инфраструктуры для граждан, в том числе социально уязвимых групп населения;
- единые механизмы взаимодействия государства и организаций, предоставляющих физкультурно-спортивные услуги;
- единый перечень льготных услуг для социально уязвимых групп населения;
- порядок финансового обеспечения предоставления услуг для занятий спортом за счет бюджетных средств.

Эти пробелы в законодательстве отражаются на результатах спортивной активности граждан и реализации их права на занятия физической культурой. Так, на начало 2020 г. фактический уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями в целом по России составил 55,7%. Показатель обеспеченности граждан услугами и доступностью к спортивным сооружениям дифференцирован по регионам [35]: Ингушетия – 16,6%, Дагестан – 28,5%, Крым – 32,5%, Московская область – 60,2%, Челябинская область – 56,8%, Новосибирская область – 53,9%, Кемеровская область – 60,1%, Тюменская область – 62,1%.

Обеспеченность спортивными сооружениями не решает проблему доступности (финансовой, территориальной, темпоральной) их для граждан. Анализ финансовой доступности спортивных занятий показал, что в 2021 г. занятия в бассейне без тренера, которые являются самыми низкими по стоимости, были недоступны 56% населения, с тренером – 75%. Еще 60% респондентов сообщили, что не могут позволить себе занятия в тренажерном зале. Занятия с тренером финансово неподъемны для 80% граждан [35].

Темпоральная доступность связана с возможностью саморазвития в свободное время. Если это время тратится на переезд с рабочего места до дома, непреложные обязанности по ведению домашнего хозяйства, подработки или выполнение дополнительных рабочих нагрузок, посещение государственных или медицинских учреждений, спортом заниматься человек фактически не может. Если место жительства человека удалено от спортивных учреждений, если он должен тратить на поездки много времени, то это также становится препятствием для занятий спортом. Эта проблема обостряется в ситуациях кризисов, когда практически все время повседневной жизни занято решением вопросов по выживанию. Долгий переезд или темное время суток для таких переездов становятся серьезным аргументом для отказа от занятий спортом.

Респонденты, принимавшие участие в опросе, выражали желание, чтобы было больше возможностей для занятий спортом (53%). Они сообщали, что доступ к спортивным учреждениям ограничен в силу территориальной удаленности от места жительства (24,5%) или невозможен из-за материальных трудностей.

Жители г. Новосибирска ощущают нехватку хоккейных коробок, футбольных полей, баскетбольных и волейбольных площадок, велосипедных дорожек, ледовых арен. Это тот минимум инфраструктуры, который необходим для ежедневных занятий массовым спортом и физической культурой (табл. 2). Респонденты считают, что хоккейные коробки и футбольные поля, волейбольные и баскетбольные площадки должны находиться в каждом дворе, площадок для подвижных игр с детьми, занятий на спортивных тренажерах, конных клубов должно быть, как минимум, в два раза больше. Тренажерные площадки дадут шанс для систематических занятий спортом молодежи и людям старшего поколения.

По некоторым видам инфраструктуры респонденты ощущают дефицит доступности. Построенное спортивное здание для горожан используется нерационально: людям отводится неудобное время или слишком ограниченное время для посещений. Тренировки нескольких десятков спортсменов, занимающихся в секциях, становятся основным смыслом работы спортивного учреждения, потому

что показатели участия в спортивных соревнованиях финансово и репутационно «стоят» дороже, чем регулярность занятий спортом «неструктурных» посетителей. При этом, из-за некомпетент-

ности менеджмента, спортивная инфраструктура (например, ледовые арены) может часами работать вхолостую, простаивать без возможности принять горожан, желающих потренироваться.

Таблица 2. Обеспеченность спортивной инфраструктурой

Городские спортивные объекты	Наличие спортивных объектов города		Потребность граждан в спортивных объектах	
	Новосибирская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Кемеровская область
хоккейные коробки	20	26	13	15
футбольные поля	29	39	21	24
баскетбольные площадки	21	14	19	20
ледовые арены	13	5	9	7
площадки для подвижных игр с детьми	31	39	27	31
тренажерные площадки	29	41	25	35
волейбольная площадка	12	10	11	14
конный клуб	2	6	12	7
лесная зона для прогулок	19	16	24	27
велосипедные дорожки	11	7	26	23
Итого	187	203	187	203

Источник: анкетный опрос, г. Новосибирск, Кемерово, 390 чел., 2024 г.

Но придаться к такой ситуации трудно, потому что реальность выглядит вполне убедительно: для массовых занятий спортом возможность есть, неважно, что лишь потенциальная. Эксперты подтверждают наличие такой проблемы: «Сложные процедуры согласования проектов, выделения земель под строительство спортивных объектов или получения финансирования замедляют развитие инфраструктуры. Бюджетные средства часто распределяются неравномерно, приоритет отдается профессиональному, а не массовому спорту» (А.В. Шулаков). «В последние несколько лет появилась мода на спорт. Открываются спортивные арены, тренажерные залы. Но посещение их платное. Детский спорт стал коммерческим. Родители платят за абонементы или посещения спортивных учреждений. Если и есть государственные программы по поддержке желающих заниматься массовым спортом, то доля их ничтожна. Во дворах практически уже нет стадионов и спортивных площадок. Их закладывают только в новостройках. Массовый спорт стал недоступен» (Г.А. Карапетян, мастер спорта РФ).

Такое положение делает невозможным исполнение Указа президента о национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г. В документе утверждается необходимость систематических занятий физической культурой и спортом для 70% граждан [26]. Но, согласно статистическим данным, в ноябре 2022 г. доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, определялась на уровне 51,1% [11].

Для контроля за «эффективностью» руководства спортивной сферой разработаны критерии оценки чиновников. Среди показателей оценки их работы есть следующие позиции: процент населения, участвующего в спортивных мероприятиях; динамика роста вовлеченности; количество построенных/отремонтированных спортивных объектов; доступность объектов для населения; количество детей и подростков, вовлеченных в спортивные секции и т.п. [27, 28]. Но эксперты считают, что поставленная в Федеральном законе задача развития массового спорта не согласуется со стратегиями управления сетью спортивной инфраструктуры и работой по вовлечению граждан в спортивную деятельность. «Сборная команда по дзюдо распалась. Ребята разъехались по разным клубам, заключили частные контракты. Нам урезали государственное финансирование в связи с компанией поддержки массового спорта. Построили много качественной спортивной инфраструктуры, но, что с этим делать руководители не знают: никакие виды спорта толком не развиваются, заинтересовать ребят или замотивировать тренеров у них не получается. В целом мы видим, что у чиновников нет понимания, куда расти, как расти массовому спорту. Все есть, но нет понимания, как это развивать. Зато красочные отчеты написаны. Я разочарован этим» (Г.А. Карапетян).

«Эффективность» – лукавое определение полезности и целесообразности работы чиновников. Эффективность – это возможность рисовать красивые отчеты, радовать ими вышестоящее начальство, получать награды и премии. Работа менеджера как социальная деятельность должна

определяться понятием «эффекта» от его работы. Это означает, что такую управленческую деятельность высоко оценивают граждане, повышается общее социальное настроение жителей, фиксируется снижение медицинской статистики обращений по заболеваниям граждан, снижение милицейской статистики о правонарушениях [36]. Всего этого в системе показателей оценки работы чиновников даже не предусматривается. Мы считаем, что к отчетам чиновников следует добавить тематические опросы граждан и статистические отчеты о работе всей системы жизнеобеспечения города. Количественные показатели работы местной власти должны быть сбалансированы качественным анализом эффекта такой работы.

Заключение

Развитие массового спорта становится фактором сохранения здоровья нации. Востребованы мероприятия по повышению доступности спортивной инфраструктуры, изучению сегментации спортивных предпочтений граждан, пропаганды «жизненного выбора» человека в пользу сохранения здоровья через обретение привычки к занятиям спортом и физическими упражнениями. Оздоровительные мероприятия снижают экономические потери во всех сферах жизни. Они необходимы как способ борьбы с вредными привычками.

В смыслы развития массового спорта и физической культуры заключено особое представление о культуре тела, культуре досуга, культуре предоставления условий для реализации права человека на здоровый образ жизни. Это, собственно, и есть смыслы управления сферой массового спорта. При этом культурой и свободным временем человека управлять невозможно, как нерационально стараться управлять людьми, желающими проводить досуг, согласно своим потребностям и интересам. Смысл управления массовым спортом сводится к созданию условий для проведения гражданами досуга.

Но управление инфраструктурой спорта необходимо. Противоречие между задачей, поставленной в Федеральных законах и возможностями управленческих структур заключается даже не в недостаточном финансировании, деградацией инфраструктуры, ориентация на показатели спорта высших достижений. Противоречива сама политика управления: построенные спортивные учреждения невозможно заполнить людьми, желающими заниматься спортом, так как финансовая доступность для таких занятий стала проблемой. Анализ результатов опросов показал, что ключевые барьеры у людей, желающих заниматься спортом – территориальная и финансовая недоступность спортивных объектов. При этом доступность – это основной принцип в политике развития массового спорта.

Результаты анализа документов и вторичного анализа выявили проблему управления сферой массового спорта и физической культуры как неразрешенное противоречие между декларируемыми государственными целями и их практической реализацией на местах. Анализ нормативно-правовых актов, федеральных программ и региональных данных показал, что ключевые барьеры – территориальная и финансовая недоступность спортивных объектов, отсутствие единых механизмов взаимодействия государства и спортивных организаций, а также неактуальные ситуации критерии оценки работы управленцев.

Переориентация стратегий управления с достигательных и отчетных на здоровьесберегающие есть вариант решения управленческой проблемы концептуального непонимания точек роста в развитии массового спорта. Востребовано создание устойчивой модели управления сферой спорта, основанной следующих позициях:

- сочетание бюджетных средств, спонсорства и коммерциализации услуг;
- опора на принцип доступности занятий спортом (финансовой, территориальной, темпоральной) для всех категорий граждан;
- дополнение к критерию оценки работы управленцев качественных показателей, включающих удовлетворенность граждан качеством жизни (в том числе своей физической активностью, возможностью заниматься предпочитаемым видом спорта), снижение заболеваемости, сохранение статистики выживания и сохранения здоровья граждан в возрасте 25–55 лет, соответствующему социально полезной активности;
- адресная поддержка социально уязвимых групп населения (детей, пенсионеров, инвалидов), желающих регулярно заниматься спортом.

Таким образом, управление массовым спортом должно фокусироваться не на формальных показателях, а на создании условий для реализации права граждан на физическую активность. Это требует системного взаимодействия всех уровней власти, научного сообщества и общества. Реализация предложенных мер позволит не только повысить вовлеченность населения в спорт, но и укрепить общественное здоровье, сократив экономические потери от заболеваний и социальной дезадаптации. Только через интеграцию усилий государства, бизнеса и граждан возможно превратить массовый спорт в действенный инструмент улучшения качества жизни населения.

Литература

1. Ариарский М.А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. СПб., 2008. 792 с.

2. Аристова Л.В. Система менеджмента качества как механизм обеспечения эффективной деятельности организаций сферы физической культуры и спорта. М.: Ассоциация спортивно-го инжиниринга, 2013. 168 с.
3. Аронов Г.З. Проблемы и перспективы управления сферой физической культуры в муниципальных образованиях // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2012. – № 10. – С. 200–204.
4. Бакланова Н.К. Профессиональное мастерство специалиста культуры: учеб. пособие для аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, преподавателей, студентов. М.: МГУКИ, 2003. 223 с.
5. Бауэр В.Г. Социальная значимость физической культуры и спорта в современных условиях развития России // Теория и практика физической культуры. 2001. № 1. С. 50–56.
6. Белорусова В.В., Решетень И.Н. Воспитание в процессе занятий физической культурой. М.: Физкультура и спорт, 1964. 96 с.
7. Бугреев, А.Н. Современный олимпизм (вопросы теории и практики: социально философский аспект). Волгоград.: ВГАФК: 1997. 86 с.
8. Виленский М.Я. Социально-психологические детерминанты формирования здорового образа жизни // Теория и практика физ. культуры. – 1994. – № 9. – С. 9–11.
9. Восколович Н. А., Юнусов Р.И. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 31–41.
10. Гречишников А. Л., Левин А.И. Развитие массового спорта как объект управленческой деятельности // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 5 (56). – С. 71–78.
11. Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61635> (дата обращения: 12.10.2023).
12. Доци Т. Спорт для всех // Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения / под ред. А.Д. Жукова. М., 2011. С. 422–442.
13. Дырда С.Г. Административно-правовое регулирование реализации прав граждан на занятие физической культурой и массовым спортом на муниципальном уровне // Административное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 5–9.
14. Ермакова Е. Г., Паршакова В.М., Романова К.А. Цели, задачи и функции профессионального спорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 77–79.
15. Жарков А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учеб. для студентов вузов культуры и искусств. М.: Издат. дом МГУКИ, 2007. 480 с.
16. Жолдак В. И., Сейранов С.Г. Социология менеджмента физической культуры и спорта: учеб. Пособие. М.: Сов. Спорт, 2003. 380 с.
17. Закон Новосибирской области от 04 декабря 2008 года № 285-ОЗ «О физической культуре и спорте в Новосибирской области» (с изменениями на 6 ноября 2024 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/7137878/> (дата обращения: 30.01.2025).
18. Изаак С.И. Анализ проблем организации физической культуры и спорта на муниципальном уровне: Материалы VI Международной научно-практической конференции «Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики». Орел: Госуниверситет-УНПК, 2013. С. 50–57.
19. Киселева Т. Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность: учеб. М.: МГУКИ, 2004. 539 с.
20. Кравченко А.И. Культурология: словарь. М.: Академ. проект, 2000. 278 с.
21. Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры. Честное соревнование и структурная дилемма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2004. – № 3. – С. 90.
22. Лесгафт П.Ф. Собрание педагогических сочинений. Т.3.: Семейное воспитание ребенка и его значение. М.: Физкультура и спорт, 1956. 438 с.
23. Мердок Дж.П. Социальная структура: пер. с англ. А.В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
24. Новокрещенов В.В. Оценка эффективности управления сферой физической культуры и спорта: критерии и показатели // Человек. Спорт. Медицина. 2005. Т. 2. № 4 (44). С. 206–209.
25. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство». – URL: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/301490/> (дата обращения: 29.01.2025).
26. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон [принят Гос. Думой 04.12.2007] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 30.01.2025).
27. Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Развитие физической культуры и спорта в Новосибирской области на 2015–2021 годы»: Постановление [принято Правительством НСО 23.01.2015] [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/7265552/> (дата обращения: 30.01.2025).
28. Об утверждении Положения о департаменте физической культуры и спорта Новоси-

- бирской области: Постановление [принято Правительством НСО 27.09.2016] [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465725599> (дата обращения: 30.01.2025).
29. Постановление Правительства РФ от 11 января 2006 г. № 7 «О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/189071/?ysclid=m6iq2qbr70961316781> (дата обращения: 29.01.2025).
30. Родиченко В.С. Олимпийская идея для России (повторение пройденного). М.: Изд-во Сов. спорт, 2004 (ППП Тип. Наука). – 246 с.
31. Сейранов С. Г., Починкин А.В. Экономика физической культуры и спорта: монография к 80-летию Моск. гос. акад. физ. Культуры. М.: Совет. спорт, 2011. 327 с.
32. Сильвестрова; Комментарий, указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
33. Соколов А. С. О муниципальной спортивной политике // Спорт для всех: между. Интернет журнал. – URL: <http://www.lib.sportedu.ru/press/sfa/1998N1/p36–38.htm> (дата обращения: 30.01.2025).
34. Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: учеб. пособие. – 2-е изд. М.: МГУКИ, 2003. 296 с.
35. Счётная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг». – М., 2020. – 78 с. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5e7/nlx3ag4cs10ckaхzрhаzох-иqbrb2hek.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).
36. Умные технологии в системе жизнеобеспечения городов Кузбасса: социально-политический и социокультурный контексты: монография: отв. ред. Л.Ю. Логунова. Кемерово, 2018. 284 с.
37. Хэйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. Д.В. Петрова; пер. с нидерл. Д.В. Иванова. – М.: Прогресс, 1992. – 250 с.
38. Ярошенко Н.Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. М.: МГУКИ, 2013. 455 с.

PROBLEMS OF MANAGEMENT IN THE SPHERE OF MASS SPORTS AND PHYSICAL CULTURE

Tagakov N.E., Logunova L.Yu.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Mass sports are becoming the foundation for improving the quality of life of citizens and improving the health of citizens. This is a socially responsible type of leisure activity. Mass sports activities are realized in the space of leisure – the free time of a person intended for self-development. This is a time of freedom for a person to choose any occupation. The problem of managing the field of sports lies in the impossibility of managing a person's free time, interests

and preferences in choosing sports. Management consists in creating conditions for citizens to lead an active lifestyle and regularly engage in their favorite sports. The author emphasizes that the management of mass sports should focus on creating conditions for the realization of citizens' right to physical activity, rather than on formal performance indicators.

Keywords: mass sports and physical education, professional sports (high-performance sports), sports as a type of leisure, sports infrastructure management.

References

1. Ariarskiy M.A. Social and cultural activity as a subject of scientific understanding. SPb., 2008. 792 p.
2. Aristova L.V. Quality management system as a mechanism for ensuring effective activity of organizations in the sphere of physical culture and sports. Moscow: Association of sports engineering, 2013. 168 p.
3. Aronov G.Z. Problems and prospects of physical culture management in municipalities // Strategy for sustainable development of Russian regions. – 2012. – No. 10. – P. 200–204.
4. Baklanova N.K. Professional skills of a cultural specialist: a textbook for postgraduate students, students of advanced training courses, teachers, students. Moscow: MGUKI, 2003. 223 p.
5. Bauer V.G. Social significance of physical culture and sports in modern conditions of development of Russia // Theory and practice of physical culture. 2001. No. 1. P. 50–56.
6. Belorusova V. V., Resheten I.N. Education in the process of physical culture classes. Moscow: Physical Culture and Sport, 1964. 96 p.
7. Bugreev, A.N. Modern Olympism (questions of theory and practice: social and philosophical aspect). Volgograd.: VGAFK: 1997. 86 p.
8. Vilensky M. Ya. Social and psychological determinants of formation of a healthy lifestyle // Theory and practice of physical culture. – 1994. – No. 9. – P. 9–11.
9. Voskolovich N. A., Yunusov R.I. Problems of involving the Russian population in sports // Intelligence. Innovations. Investments. – 2020. – No. 3. – P. 31–41.
10. Grechishnikov A. L., Levin A.I. Development of mass sports as an object of management activity // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2016. – No. 5 (56). – P. 71–78.
11. The proportion of citizens systematically involved in physical education and sports: [Electronic resource]. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61635> (date of access: 12.10.2023).
12. Dotsi T. Sports for all // Science of sports. Encyclopedia of life support systems / edited by A.D. Zhukov. M., 2011. P. 422–442.
13. Dyrda S.G. Administrative and legal regulation of the implementation of citizens' rights to engage in physical education and mass sports at the municipal level // Administrative and municipal law. 2010. No. 12. P. 5–9.
14. Ermakova E. G., Parshakova V.M., Romanova K.A. Goals, objectives and functions of professional sports // International journal of humanitarian and natural sciences. 2018. No. 3. P. 77–79.
15. Zharkov A.D. Theory and technology of cultural and leisure activities: textbook. for students of universities of culture and arts. M.: Publishing house MGUKI, 2007. 480 p.
16. Zholdak V. I., Seyranov S.G. Sociology of physical education and sports management: textbook. Manual. Moscow: Sov. Sport, 2003. 380 p.
17. Law of the Novosibirsk Region of December 4, 2008 № 285-OZ «On Physical Education and Sports in the Novosibirsk Region» (as amended on November 6, 2024) Electronic resource // GARANT. – URL: <https://base.garant.ru/7137878/> (date of access: 30.01.2025).
18. Izaak S.I. Analysis of the problems of organizing physical education and sports at the municipal level: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference «Physical Education, Sports and Tourism. Integration Processes of Science and Practice». Orel: State University-UNPK, 2013. Pp. 50–57.
19. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu.D. Social and cultural activity: textbook. Moscow: MGUKI, 2004. 539 p.

20. Kravchenko A.I. Cultural studies: dictionary. Moscow: Academic project, 2000. 278 p.
21. Lenk H. Ethics of sport as a culture of fair play. Fair competition and the structural dilemma // *Neprikosnovenny zapas. Debates on politics and culture.* – 2004. – No. 3. – P. 90.
22. Lesgaft P.F. Collected pedagogical works. T.Z.: Family education of the child and its significance. Moscow: Physical education and sport, 1956. 438 p.
23. Murdoch J.P. Social structure: trans. from English. A.V. Korotava. Moscow: OGI, 2003. 608 p.
24. Novokreshchenov V.V. Evaluation of the effectiveness of management in the sphere of physical culture and sports: criteria and indicators // *Man. Sport. Medicine.* 2005. Vol. 2. No. 4 (44). P. 206–209.
25. On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ (as amended on June 4, 2014) // Reference and legal system «Consultant Plus». Info. bank. «Version Prof». Section «Legislation». – URL: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/301490/> (date accessed: 29.01.2025).
26. On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law adopted by the State. Duma 04.12.2007 Electronic resource // *ConsultantPlus.* – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (date of access: 30.01.2025).
27. On approval of the state program of the Novosibirsk region «Development of physical culture and sports in the Novosibirsk region for 2015–2021»: Resolution adopted by the Government of the NSO on 23.01.2015 Electronic resource // *GARANT.* – URL: <https://base.garant.ru/7265552/> (date of access: 30.01.2025).
28. On approval of the Regulation on the Department of Physical Culture and Sports of the Novosibirsk Region: Resolution adopted by the Government of the NSO 09.27.2016 Electronic resource. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/46572>
29. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 11, 2006 N 7 «On the federal target program «Development of physical culture and sports in the Russian Federation for 2006–2015» (with amendments and additions) Electronic resource // *GARANT.* – URL: <https://base.garant.ru/189071/?ysclid=m6iq2qbr70961316781> (date of access: 01/29/2025).
30. Rodichenko V.S. Olympic idea for Russia (repetition of the covered). Moscow: Publishing house Sov. sport, 2004 (PPP Type. Science). – 246 p.
31. Seyranov S.G., Pochinkin A.V. Economics of physical culture and sports: monograph for the 80th anniversary of the Moscow state academy of physics. Cultures. Moscow: Soviet. Sport, 2011. 327 p.
32. Silvestrov; Commentary, index by D.E. Kharitonovich. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 416 p.
33. Sokolov A.S. On municipal sports policy // *Sports for everyone: int. Internet journal.* – URL: <http://www.lib.sportedu.ru/press/sfa/1998N1/p36-38.htm> (date of access: 30.01.2025).
34. Streltsov Yu.A. Culturology of leisure: textbook. manual. – 2nd ed. Moscow: MGUKI, 2003. 296 p.
35. Accounts Chamber of the Russian Federation. Report on the results of the expert-analytical event «Assessment of the availability of physical education, health and sports services in 2018–2019 and the expired period of 2020.» – M., 2020. – 78 p. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5e7/nlx3ag4cs10ckaxz-pahazoxuqbrb2hek.pdf> (date of access: 01/29/2025).
36. Smart technologies in the life support system of Kuzbass cities: socio-political and socio-cultural contexts: monograph: ed. L. Yu. Logunov. Kemerovo, 2018. 284 p.
37. Huizinga J. Homo ludens. Man playing / Comp., foreword. D.V. Petrov; trans. from Dutch. D.V. Ivanov. – M.: Progress, 1992. – 250 p.
38. Yaroshenko N.N. History and methodology of the theory of socio-cultural activity: textbook. M.: MGUKI, 2013. 455 p.

Особенности дискурса научной рациональности в современной китайской философии

Бакин Сергей Анатольевич,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
E-mail: sirius.bakin@gmail.com

Статья посвящена философскому анализу дискурса научной рациональности в связи различием стилей мышления и аксиологических позиций в познавательных традициях Китая и Запада. Цели автора определяются исследованием концептуальных оснований представления о научной рациональности в китайской философии. Используется метод сравнительного анализа формирования современного китайского дискурса научной и технической рациональности в соотношении с западными концепциями развития науки на разных этапах ее истории. Эмпирический аспект исследования опирается на обобщение статистических данных о публикациях, посвященных проблеме научной рациональности и представленных в открытом доступе электронных библиотек. На основании анализа данных о вовлеченности ученых Китая и России в проблематику научной рациональности делается вывод о сопоставимом росте интереса в интеллектуальной среде двух государств к вопросам постнеклассического дискурса философии науки. Подчеркивается популярность установок немецкой классической философии, выявляется особая актуальность публикаций, обращенных к изучению вопросов философии техники, технической рациональности, отношения человека и техники в феноменологической традиции. В заключении отмечается, что современные исследования дискурса научной рациональности в китайской философии, с одной стороны, усиливают различие между восточным и западным стилем мышления, а с другой, направлены на восприятие достижений западной философской традиции с целью концептуального развития науки и технологии в современном Китае.

Ключевые слова: научная рациональность, дискурс, стиль мышления, китайская философия, западная философия, сравнительный анализ, техническая рациональность.

Введение

Китайская философская традиция, насчитывающая несколько тысячелетий, являет собой пример уникальной и самобытной интеллектуальной эволюции от классических учений Конфуция и даосизма до современного научного мировоззрения, сформированного под влиянием западной и советской философской мысли XX века. В условиях стремительного развития науки и технологий в XXI веке вопросы научной и технической рациональности приобретают особую значимость, становясь объектом серьезной философской рефлексии.

Важно подчеркнуть, что китайская философия, включая философию науки, не должна быть упрощена как вторичная или производная по отношению к западной традиции. Напротив, она демонстрирует способность к критическому осмыслению и творческой адаптации идей, заимствованных из других культурных контекстов, интегрируя их в собственную интеллектуальную традицию. Этот процесс не только обогащает китайскую философию, но и способствует формированию особой эпистемологической традиции, которая имеет значение для глобального философского дискурса.

Актуальность исследования развития представлений о научной рациональности в современном Китае обусловлена недостаточной изученностью данной проблематики в русскоязычной литературе. Несмотря на растущий интерес к китайской философии науки, многие аспекты, связанные с осмыслением научной рациональности, остаются малоисследованными. Это создает необходимость в систематическом анализе, который позволит не только восполнить существующие пробелы, но и выявить специфику китайского подхода к проблемам научной рациональности.

Цель статьи – сравнительный анализ исследований и концепций, посвященных проблеме дискурса научной рациональности в современной китайской и российской философии.

Фактическим материалом для такого анализа в данной работе служат статистические данные о публикациях, посвященных проблеме научной рациональности и представленных в открытом доступе базы China National Knowledge Infrastructure и Российской национальной электронной библиотеки. К сожалению, в русскоязычной литературе можно найти небольшое количество работ, кото-

рые могли бы познакомить российских исследователей с достижениями и развитием научной философской мысли в современном Китае.

Обзор литературы

Следующий значительный этап в развитии китайской философии связан с работами Л. Цзэхоу (李泽厚), одного из наиболее влиятельных философов материкового Китая 1980-х годов. Его труды демонстрируют глубокую интеграцию традиционной китайской философии с западной философской мыслью, особенно с марксизмом. Идеи Л. Цзэхоу сохраняют свою актуальность и сегодня, оказывая влияние на современные дискуссии о рациональности и научном познании [3].

Одним из ключевых трудов, заложивших основы современного изучения китайской философии, является работа Ф. Юланя (馮友蘭) «История китайской философии». Ф. Юлань впервые применил методологию западной философии, в частности неореализма, для интерпретации и реконструкции истории китайской философии. Этот подход отличался от традиционных методов его предшественников и стал важным шагом в адаптации китайской философии к современным академическим стандартам [2].

Следующий значительный этап в развитии китайской философии связан с работами Л. Цзэхоу (李泽厚), одного из наиболее влиятельных философов материкового Китая 1980-х годов. Его труды демонстрируют глубокую интеграцию традиционной китайской философии с западной философской мыслью, особенно с марксизмом. Идеи Л. Цзэхоу сохраняют свою актуальность и сегодня, оказывая влияние на современные дискуссии о рациональности и научном познании [3].

П. Гоашан (彭國翔) подчеркивает, что ключевое отличие современной китайской философии от традиционной заключается в ее формировании как современной дисциплины, которая возникла в результате активного взаимодействия с западной философской традицией. Независимо от того, идет ли речь об интерпретации традиционных китайских учений или о создании новых философских концепций, современная китайская философия представляет собой синтез традиционных и западных идей, что делает ее уникальным явлением в глобальном философском контексте.

Анализ динамики публикационной активности

Эмпирическую основу для анализа актуальности темы научной рациональности в научной среде Китая и России составляют данные современных наукометрических баз. Для оценки вовлеченности ученых в дискуссии о научной рациональности был проведен анализ публикаций в базе данных China National Knowledge Infrastructure (CNKI). Поиск по ан-

глоязычным названиям статей с использованием ключевых слов “scientific rationality” и ограничением на дисциплину “philosophy” выявил 591 публикацию, начиная с 1983 года, из которых 403 были опубликованы в академических журналах. Данные демонстрируют устойчивый рост числа публикаций по данной тематике с 1996 года, с пиком интереса в 2018 году.

Для сравнения, анализ базы данных elibrary с аналогичными параметрами запроса показал, что в русскоязычных рецензируемых изданиях с 1983 по 2024 год было опубликовано более 590 работ по теме научной рациональности. Примечательно, что более 90% этих публикаций приходится на период с 2005 года, что свидетельствует о значительном росте интереса к данной проблематике в российской научной среде.

На основе проведенного анализа можно сделать предварительный вывод о сопоставимости количества исследований, посвященных научной рациональности, в Китае и России за одинаковый временной промежуток. Это указывает на возрастающий интерес философов обеих стран к вопросам рациональности в контексте философии науки и техники, что является важной частью постнеклассического философского дискурса. Хотя количество публикаций в России и Китае сопоставимо, стоит учитывать разницу в масштабах научных сообществ. Китай имеет большее количество исследователей, поэтому сопоставимое количество публикаций указывает на более высокую концентрацию интереса к теме в отечественной научной литературе.

Можно предположить, что в ближайшие годы интерес к теме будет продолжать расти, особенно в связи с развитием искусственного интеллекта и биотехнологий, с учетом интереса к междисциплинарным исследованиям и этическим проблемам в контексте постнеклассической науки.

Анализ содержания самых цитируемых работ на китайском языке по теме рациональности в науке и технике

Среди отобранных алгоритмом публикаций наиболее цитируемыми являются работы, посвященные философии техники, технической рациональности, а также вопросам взаимодействия человека и техники в контексте немецкой феноменологической традиции, представленной трудами Хайдеггера, Гадамера и Гуссерля. Эти исследования демонстрируют, как китайские философы адаптируют западные идеи к своей интеллектуальной традиции, создавая оригинальные концепции философии техники.

Одной из ключевых работ в этой области является книга Ю. Хуэя (許) «Вопрос о технике в Китае». Автор исследует, почему именно феноменология оказалась наиболее близкой из западных философских традиций к восприятию восточной

мысли. Ю. Хуэй подчеркивает, что как для Киотской школы, так и для даосской критики технического прогресса и рациональности, идеи Хайдеггера о конфликте между человеком и техникой, скрытых опасностях технологического развития, отчуждении и угрозах традиционному укладу общества оказались созвучными. Хайдеггеровский анализ кризиса западной философии рассматривается автором как момент, открывающий возможности для восхождения китайских ценностей и идей [4].

Важным аспектом работы Ю. Хуэя является его интерпретация взглядов Хайдеггера на науку и технику как интернациональные феномены, инвариантные к локальным культурным традициям и интерпретациям. В отличие от мышления, которое, по Хайдеггеру, требует «обитания на уникальной родине и в уникальном народе», наука и техника воспринимаются как универсальные явления. Ю. Хуэй использует это положение для демонстрации отсутствия прямого эквивалента греческих понятий *τεχνή* и *φύσις* в китайской традиции, поскольку последняя исходит из иных философских оснований. Автор делает вывод, что вызов, который техника представляет для европейских культур, не может быть напрямую перенесен на китайский контекст, а сама концепция техники в ее европейском понимании не существует в Китае.

Проблематика научной рациональности также активно исследуется в контексте философии И. Канта. Интерес к немецкому идеализму в Китае зародился во второй половине XIX века, а в первой половине XX века начался активный процесс перевода и изучения основных работ Канта, в том числе при участии Академии наук СССР. Новый этап интереса к наследию Канта в материковом Китае начался в 1980-х годах и продолжается до настоящего времени. В. Юнши (王永实), доктор философии Уханьского университета, отмечает, что критическая позиция Канта обладает значительными объяснительными преимуществами по сравнению с другими метафизическими концепциями, особенно в решении этических дилемм, связанных с наукой и техникой. Эти преимущества, по мнению автора, не только не утратили своей актуальности, но и приобрели новое значение в современных условиях. В. Юнши призывает к пересмотру значения кантовской рациональности, что, в свою очередь, позволяет переосмыслить взаимосвязь между технологией, практической силой и самой рациональностью [5].

Фундаментальное влияние на китайскую философию также оказывают идеи К. Маркса и марксистская традиция. Это подтверждается многочисленными исследованиями китайских философов, как до 1980-х годов, так и в настоящее время. Марксистская трактовка рациональности, включая научную рациональность, не сводится исклю-

чительно к экономическим аспектам, а рассматривается в более широком, комплексном ключе. В Китае марксизм переосмысливается с учетом текущих политических задач и социальных вызовов, что делает его важной частью философского дискурса [6].

Таким образом, интерес китайских философов к немецкой мысли – будь то классический идеализм, марксизм или феноменология – остается чрезвычайно высоким и находит отклик в традиционной китайской философии. Научная и техническая рациональность продолжают оставаться ключевыми темами, к которым китайские исследователи обращаются, опираясь на классические, неклассические и постнеклассические подходы в философии науки.

Анализ содержания работ о научной рациональности в Китае на русском языке

Одной из ключевых работ на русском языке, посвященных философии науки и техники в Китае, является монография Б. Оу (包欧) «Философия науки и техники в Китае: история и современность». Хотя автор не фокусируется напрямую на понятии «рациональность», его работа предоставляет обширный анализ эволюции философии науки и техники в китайском контексте. Б. Оу детально исследует процесс проникновения западных научных учений и картин мира в китайскую интеллектуальную традицию, а также этапы формирования научной рациональности в западном понимании. В своей работе он выделяет ключевые элементы, которые формируют каркас научной рациональности:

1. Научный подход к познанию мира.
2. Критическое мышление.
3. Опора на эмпирические данные и эксперимент.
4. Отказ от суеверий и предрассудков.
5. Применение логики и математических методов.

Эти элементы, по мнению автора, лежат в основе современного понимания научной рациональности, адаптированного к китайскому культурному контексту [7].

Важным дополнением к работе Б. Оу является обзорная статья Ц. Чуньмина (黄春明), исследователя из Института философии Китайской академии общественных наук, под названием «Текущее положение и основные характеристики современных китайских философских исследований». В этой статье автор анализирует основные тренды в китайской философии за последние десятилетия, опираясь на публикации в журнале «Философские исследования» за период с 2013 по 2023 год. Чуньмин выделяет три ключевых направления современных исследований: конфуцианство, марксизм и немецкий идеализм (Кант, Гегель), а также феноменологию (Хайдеггер, Гуссерль) [8].

Анализ различий концепций рациональности в западной и китайской философии

Из отечественных исследователей, изучавших проблему рациональности в китайской философии, особого внимания заслуживает работа А. Ломанова «Китайская рациональность в современном мире». Ломанов акцентирует внимание на фундаментальных различиях между западной и китайской концепциями рациональности, подчеркивая, что эти различия имеют не только научный, но и цивилизационный характер. Автор ссылается на работы современных китайских мыслителей, таких как Ю. Хунвэй (于洪伟), который отмечает, что исторически сложившееся практическое мышление определило основные векторы развития китайской культурной традиции: прагматизм, результативность и эмпирический подход к познанию реальности [9].

А. Ломанов также выделяет интересную тенденцию в китайской академической среде, где наблюдается синтез западноевропейских философских концепций, таких как кантовский «практический разум», с традиционным китайским пониманием практической рациональности. В этом контексте особую ценность представляют работы Г. Сяньцзюня (高先君), который детально анализирует взаимодействие западных и китайских философских традиций в контексте научной рациональности. Его исследования показывают, как китайские философы адаптируют западные идеи, сохраняя при этом уникальные черты своей интеллектуальной традиции [10].

Методологические особенности китайской философии

Примечательно, что методологический аппарат китайской философской мысли базируется не столько на рациональном анализе, сколько на интуитивном постижении действительности. Это отличает китайский подход от западного, где рациональность часто ассоциируется с логической строгостью и систематичностью. Современные исследования рациональности в китайской философии преследуют двойную цель: с одной стороны, углубить понимание фундаментальных различий между восточным и западным типами мышления, а с другой – обеспечить продуктивный диалог с западной философской традицией для развития и обогащения научного знания в современном Китае. В этом контексте стоит упомянуть работы Л. Цзэху (李泽厚), одного из наиболее влиятельных китайских философов XX века, который в своих трудах подчеркивает важность синтеза традиционных китайских идей с западной философией. Его подход к рациональности, основанный на интеграции конфуцианства, даосизма и марксизма, демонстрирует, как китайская философия может предложить оригинальные решения современных проблем [11].

Заключение

Современная китайская философия переживает этап активного развития, успешно интегрируя элементы традиционной китайской культуры с ключевыми вопросами западной философской традиции. В рамках философии науки и техники особое внимание уделяется формированию дискурса научной рациональности, что отражает как глобальные тренды, так и специфику китайской интеллектуальной традиции. В данной работе проведен анализ динамики публикационной активности по проблематике научной рациональности в китайской и русскоязычной литературе, что позволило выявить ключевые тенденции и особенности развития данной темы.

Рост числа публикаций, посвященных научной рациональности, свидетельствует о возрастающем интересе китайских исследователей к вопросам философии науки, а также о продолжении традиции глубокого осмысления природы разума и сложности структуры научной рациональности. Проведенный анализ показывает, что китайская философская мысль не ограничивается простым заимствованием западных концепций, но активно переосмысливает их в контексте собственной культурной и интеллектуальной традиции. Это позволяет говорить о гармоничном синтезе западных и китайских идей, который обогащает как национальную философскую традицию, так и глобальный философский дискурс.

Дискурс научной рациональности в китайской философии подчеркивает необходимость учета не только внутринаучных дисциплинарных установок, но и внешних факторов, таких как культурные, этнические и языковые особенности. Как показывает проведенное исследование, научная рациональность не может быть сведена к универсальным стандартам, но должна рассматриваться в контексте конкретных культурных и исторических условий.

Таким образом, исследование представлений о научной рациональности в китайской философии подтверждает, что богатство мировой науки формируется благодаря интеллектуальным усилиям представителей различных цивилизационных центров. Уникальный вклад китайской мысли в осмысление научной рациональности подчеркивает важность межкультурного диалога и взаимного обогащения философских традиций. Это открывает новые перспективы для дальнейших исследований, направленных на углубление понимания научной рациональности в современных условиях.

Литература

1. Бао, Оу. Философия науки и техники в Китае: история и современность / Оу Бао. – Москва: РАН, 2014. – 253 с.
2. Ван, Ч. Современный китайский марксизм: дисциплины, образовательные платформы

- и текущее состояние фундаментальных академических исследований / Ч. Ван, М.А. Питерс // *Educational Philosophy and Theory*. – 2021. – Т. 55, № 8. – С. 877–887. – DOI: 10.1080/00131857.2021.1929171.
3. Ли, Цзэху. История китайской эстетики / под ред. Ли Цзэху, Лю Ганци. – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1984. – Т. 1. – 606 с.
 4. Ломанов, А.В. Китайская рациональность в современном мире / А.В. Ломанов // *Философские науки*. – 2018. – № 7. – С. 24–37. – DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37.
 5. Пэнг, Гошан. Современная китайская философия в китаезычном мире: обзор / Гошан Пэнг // *Рубежи философии в Китае*. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 91–119.
 6. Хуэй, Юк. Вопрос о технике в Китае / Юк Хуэй; пер. с англ. Д. Шалагинова; под ред. Е. Кучинова. – Москва: Ad Marginem, 2023. – 32 с.
 7. Цзу, Чунмин. Текущее положение и основные характеристики современных китайских философских исследований / Чунмин Цзу // *Философский журнал*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 65–78. – DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-2-65-78.
 8. Юй, Хунвэй. Историческое развитие и ограниченность китайской традиционной практической рациональности / Хунвэй Юй // *Хэбэй шэхуй кэсюэ*. – 2013. – № 3. – С. 94–98.
 9. Юй, Цзяньцзюнь. Практический характер конфуцианства и китаизация марксизма / Цзяньцзюнь Юй, Чэнцзи Дин // *Тяньцзинь дасюэ сюэбао: шэхуй кэсюэ бань*. – 2014. – № 3. – С. 285–288.
 10. Юлань, Фэн. Краткая история китайской философии / Фэн Юлань; пер. на рус. Р.В. Котенко; науч. ред. Е.А. Торчинов. – Санкт-Петербург: Евразия, 1998. – 376 с.
 11. Юнши, Ван. В каком смысле «практическая антропология» является кантианской моральной доктриной? – Новое решение «дилеммы Шлейермахера» / Ван Юнши // *Философские исследования*. – 2023. – № 10. – С. 106–117. – DOI: CNKI: SUN: ZXYJ.0.2023–10–011.

FEATURES OF SCIENTIFIC RATIONALITY DISCOURSE IN MODERN CHINESE PHILOSOPHY

Bakin S.A.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article focuses on the philosophical analysis of scientific rationality discourse in relation to different thinking styles and axiological positions in Chinese and Western cognitive traditions. The author's objectives are determined by the study of conceptual foundations of scientific rationality in Chinese philosophy. The method of comparative analysis is used to examine the formation of modern Chinese

discourse on scientific and technical rationality in relation to Western concepts of scientific development at different stages of its history. The empirical aspect of the research is based on the generalization of statistical data on publications devoted to the problem of scientific rationality and presented in open access electronic libraries. Based on the analysis of data on the involvement of Chinese and Russian scientists in the issues of scientific rationality, a conclusion is made about the comparable growth of interest in the intellectual environment of both countries towards post-non-classical discourse in philosophy of science. The popularity of German classical philosophy principles is emphasized, and special relevance is revealed in publications addressing issues of philosophy of technology, technical rationality, and human-technology relationship in the phenomenological tradition. In conclusion, it is noted that modern studies of scientific rationality discourse in Chinese philosophy, on one hand, strengthen the difference between Eastern and Western thinking styles, and on the other hand, are aimed at perceiving achievements of Western philosophical tradition for the conceptual development of science and technology in modern China.

Keywords: scientific rationality, discourse, philosophical tradition, thinking style, Chinese philosophy, Western philosophy, comparative analysis, technical rationality, philosophy of science and technology.

References

1. Bao, Ou. *Philosophy of Science and Technology in China: History and Modern Times* / Ou Bao. – Moscow: RAS, 2014. – 253 p.
2. Wang, Z., & Peters, M.A. *Contemporary Chinese Marxism: Disciplines, Educational Platforms and the Current State of Fundamental Academic Research* / Z. Wang, M.A. Peters // *Educational Philosophy and Theory*. – 2021. – Vol. 55, No. 8. – P. 877–887. – DOI: 10.1080/00131857.2021.1929171.
3. Li, Zehou. *History of Chinese Aesthetics* / Ed. by Li Zehou, Liu Gangji. – Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1984. – Vol. 1. – 606 p.
4. Lomanov, A.V. *Chinese Rationality in the Modern World* / A.V. Lomanov // *Philosophical Sciences*. – 2018. – No. 7. – P. 24–37. – DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-24-37.
5. Peng, Guoshang. *Contemporary Chinese Philosophy in the Chinese-Speaking World: An Overview* / Guoshang Peng // *Frontiers of Philosophy in China*. – 2018. – Vol. 13, No. 1. – P. 91–119.
6. Hui, Yuk. *The Question Concerning Technology in China* / Yuk Hui; transl. from English by D. Shalaginov; ed. by E. Kuchinov. – Moscow: Ad Marginem, 2023. – 32 p.
7. Zu, Chunming. *Current State and Main Characteristics of Contemporary Chinese Philosophical Studies* / Chunming Zu // *Journal of Philosophy*. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – P. 65–78. – DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-2-65-78.
8. Yu, Hongwei. *Historical Development and Limitations of Chinese Traditional Practical Rationality* / Hongwei Yu // *Hebei shehui kexue*. – 2013. – No. 3. – P. 94–98.
9. Yu, Jianjun. *The Practical Nature of Confucianism and the Sinicization of Marxism* / Jianjun Yu, Chengji Ding // *Tianjin daxue xuebao: shehui kexue ban*. – 2014. – No. 3. – P. 285–288.
10. Fung, Yu-lan. *A Short History of Chinese Philosophy* / Yu-lan Fung; transl. into Russian by R.V. Kotenko; academic ed. by E.A. Torchinov. – Saint Petersburg: Eurasia, 1998. – 376 p.
11. Wang, Yongshi. *In What Sense is «Practical Anthropology» a Kantian Moral Doctrine? – A New Solution to the «Schleiermacher's Dilemma»* / Yongshi Wang // *Philosophical Studies*. – 2023. – No. 10. – P. 106–117. – DOI: CNKI: SUN: ZXYJ.0.2023–10–011.

Концепция аксиологического конструктивизма как необходимое условие формирования компетенций студентов вузов

Галимбекова Фатима Сабигияровна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных наук
Российского технологического университета МИРЭА
E-mail: fatgal@yandex.ru

В статье решается проблема поиска новых оснований для формирования ценностей студентов вузов. В соответствии с проблемой выдвигаются цели провести теоретический анализ концепции аксиологического конструктивизма и рассмотреть механизмы внедрения ее в программы вузов. Дан анализ научной литературы по проблеме ценностно-компетентного подхода, обоснованы причины, определяющие формирования ценностей в сознании студентов. Выявлены условия, при которых ценностный подход формирует гуманистические ценности и нравственное поведение студентов, способствуя мотивации и конативному поведению.

Разработан конструктивистский подход к анализу ценностей. Рекомендован ряд курсов по аксиологии, который будет способствовать развитию компетенций.

Результаты могут быть использованы при составлении учебных программ для студентов вузов, в преподавании философии и педагогики. Сделан вывод, что ценностно-конструктивистский подход может стать основополагающим при преподавании педагогических дисциплин и формировать гуманистическое сознание студентов

Ключевые слова: методологический регулятив, ценностный подход, конативное поведение, конструктивизм, ценность, дескриптивная матрица, компетенции, холистический подход, рефлексия, аксиология.

Введение

Необходимость философского осмысления различных сфер профессиональной деятельности сопровождается поиском новых методологических подходов в системе образования. Одним из важнейших условий воспитания специалистов является нравственное развитие. В современном обществе плюрализм и свобода совести способствуют формированию различных форм мировоззрения. Но начинается противостояние различных систем-ценностей, в этих условиях важно воспитание педагогов на основе общечеловеческой системы ценностей.

Объектом исследования статьи являются ценности. Предметом – механизмы, при помощи которых возможно сформировать гуманистические ценности студентов и сформировать конативное поведение в области педагогики.

Целью исследования стал анализ ценностно-конструктивного подхода и формирование механизмов гуманистического сознания и нравственного поведения студентов вузов.

В связи с вышеизложенным выдвигается следующая гипотеза: ценностно-компетентный подход формируется через аксиологический конструктивизм и становится источником формирования дескрипторов новой образовательной среды для подготовки студентов гуманитарного направления.

Материалы и методы исследования

Среди наиболее актуальных методологических подходов в преподавании философии остается аксиологический подход – метод аксиологического конструктивизма. Ценностный подход к анализу явления определяется целевыми установками на признание человека высшей ценностью.

В связи с переходом к новому информационному обществу изменилась система ценностей, произошел переход от коллективистского сознания к индивидуализму. Коллективистская философия марксизма сменилась разнообразием различных течений: индивидуализма (Ницше), прагматизма (Дьюи). Христианская мораль с ее тезисом «о непротавлении злу насилием» отодвигается на второй план. Нередко превалирует теория о выживании сильнейшего. Интерес к педагогическим профессиям снижается, так как популярными становятся идеи силы, власти, денег. В этих условиях

пути выхода из нравственного кризиса может дать философия. В частности, применение ценностно-подхода и внедрение его в программы вузов.

Теоретической основой работы стали труды отечественных и зарубежных исследователей философского и других гуманитарных направлений. Методологической основой – труды классиков философской мысли. Маркса, где анализируется коллективистская мораль. Ницше, его идеи о сверхчеловеке и о Воле к власти. Дьюи, где подчеркивается значимость человеческого опыта.

С точки зрения методологии важны работы В.С. Степина, по его мнению новый тип ценностно-смысловой рациональности «имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам» [16, с. 58], М.С. Кагана [9, с. 36–48], рассматривавшего ценностные системы с точки зрения различных методологий. Процессы динамики ценностей представлены в трудах В.Г. Федотовой [18, с. 3–5], Е.Н. Князевой [12, с. 46–48]. В работах В.А. Лекторского [13, с. 5–31] исследуется конструктивный аспект теории ценности. Воздействие ценностей на сознание рассматривается в трудах психологов Л.С. Выготского [4, с. 11–18], Д.А. Леонтьева [14, с. 22–24]. В.Л. Бенин [2, с. 64–62] формулирует понятие педагогическая культура. Когнитивные аспекты педагогики рассматривались на конференции

Из работ по аксиологии образования известны труды Н.А. Асташовой [1, с. 87–90], О.И. Тряпицкой [17, с. 164–171], А.В. Кирьяковой [10, с. 31–35].

В основе концептуально-теоретического анализа лежат труды М. Хайдеггера [20, с. 176–180]. Идея аксиологического нормативизма исследуется в трудах В. Дильтея [7, с. 279–396].

Как отмечает Н.А. Вершинина, к анализу категории методологических подходов обращаются в период появления новых видов деятельности, для фиксирования принципиальных изменений в науке [3, с. 93]. В российской педагогике реформа образовательной системы связана с освоением новых методологических подходов, с проблемой возрождения ценностей гуманизма.

В 2011 году принята Концепция Федеральной целевой программы развития образования, а в 2012 г. обновленный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» [11], в которых определяется понятие «компетенции». В 2017 году принята программа, в которой основными приоритетами стали качество, доступность, информатизация образования.

В работах социолога Е.В. Прямиковой «широко используемыми теоретико-методологическими подходами к исследованию образования и необходимостью разработки новых подходов к изучению процесса качественных изменений данной сферы в современном обществе» [15, с. 3].

И.В. Губаренко подчеркивает роль аксиологического подхода в формировании ценностей специалистов [6, с. 186–189].

Современный образовательный стандарт делает упор на компетенции: предметные, личностные и метапредметные. Именно в рамках метапредметных и личностных результатов становится важным ценностно-конструктивный метод.

Анализ литературы показал, что трудов по аксиологии достаточно много, но междисциплинарных работ по философии педагогики недостаточно.

В процессе глобализации остаются актуальными проблемы самоидентичности. Глобализация и интеграция в мировое социокультурное пространство требуют постоянного совершенствования образовательных процессов. В концепции аксиологического конструктивизма, ценности не просто декларируются в теории, а внедряются в практику, формируя аксиологическое сознание студентов и нравственное поведение.

Эти выводы подтверждают исследования, которые проводились нами на протяжении двадцати лет [5, с. 265–265], по результатам которых духовная система общества переживает кризис. Наблюдается кризис ценностей в профессиональной этике. Вместе с западной идеологией на российскую почву были перенесены и проблемы западной системы общества. Безработица, конкуренция отразились прежде всего на духовной сфере. Преодоление последствий кризиса в духовной сфере необходимо через анализ и внедрение в практику норм морали и права.

Результаты обсуждения и выводы

Ценностно-конструктивистский подход представляет наличие в сознании личности определенных ценностей-идеалов, которые будут способствовать развитию духовной культуры и конативным установкам личности. Он включает в себя общечеловеческие идеалы, ценности гуманизма и альтруизма, ценности социальной справедливости.

Исходя из целей педагогической деятельности, при соответствии моральных и нравственных ориентиров конативному поведению формируются проекты реализации обучающих и воспитательных программ, после которой происходит оценка результатов освоения программ и компетенций и соответствие морально-этических установок студентов гуманитарной ценностной системе, выработанной человечеством.

На этапе освоения ценностными установками возникает мотивация студентов к педагогической деятельности. Аксиологический конструктивизм способствует формированию мотивации через осмысление трансцендентных ценностей, сопоставление их с реальными событиями, через построение ценностных иерархий. В случае понимания студентами высоких идеалов формируется конативная установка.

тивное поведение. Если студентами не осознаны высшие смысложизненные идеалы, поведение не будет мотивировано, педагогическая деятельность будет казаться бессмысленной.

В результате аксиологические аспекты ценностного подхода позволяют сориентировать рационально-мыслящего человека на высокие идеалы общечеловеческой культуры. Человек ощущает, переживает события, он сосредотачивает внимание моральных, нравственных, культурных и правовых ценностях, мотивацией становится преобразование себя и мира. Встраиваясь в мотивационную систему личности, ценности, способствующие развитию творческой созидательной личности, становятся регуляторами активной творческой жизни будущих педагогов.

Складывание ценностной системы завершается формированием определенных принципов. После освоения ценностной составляющей формируется мотивация к деятельности, после чего необходимо приступить к постановке целей педагогической деятельности. У студентов складывается понятие о деятельности, с помощью которой она будет осуществляться.

При становлении личности педагога можно выделить несколько этапов. На этапе бакалавриата студент осмысливает ценности и осваивает общечеловеческие идеалы и систему ценностей. На этапе магистратуры, он формирует свою позицию и принимает участие в выработке новых ценностей нравственного и научного сознания. Реализует самостоятельные проекты, осуществляет педагогическую деятельность в форме практики.

Особое значение в ценностном подходе имеет возможность понимания своих целей в жизни, осознание **самоценности**, то есть формирование чувства собственной значимости, важности своей деятельности и понимание смысла жизни.

Так, осваивая ценности, студент осмысливает значимость ценностей гуманизма, начинает понимать ценность жизни, и, прежде всего, самоценность. У него формируется чувство собственного достоинства, стремление к самосозиданию, творчеству. Ценности персоналистического онтологизма позволяют сопоставить собственные ценности с ценностями – идеалами, которые сформировало человечество и, вместе с тем, сформировать свое отношение к миру и другим людям. У него вырабатываются принципы, которым он следует в педагогической деятельности и, в дальнейшем конативные установки в поведении.

Таким образом, ценностный подход будет способствовать преодолению кризиса личности как в общественном смысле этого слова, так и на всех этапах становления личности педагога.

Конструктивный подход к ценностям формирует понятия чести, честности, правдивости, позволяет получать новое опытное знание на основе достигнутого.

Посредством основных законов ценностного подхода формируются релевантные ценности, которые способствуют освоению компетенции коммуникативного воздействия и адекватности постановки целей, эффективной ориентации будущих педагогов в обществе. Так, если вещи не отвечают потребностям, то они считаются лишенными ценностного начала, в случае ценностного отношения исходным пунктом является мысль, функционирующая как проект, план, стандарт.

Итог понимания – высказывание о том, что должно быть. Понимание при ценностном подходе означает – подведение под ценность. Формируется релевантность ценностей, на основе которого и разрабатываются образовательные стандарты, которые и будут определять ценностно-мотивационный контекст структуры личности.

При сформированной ценностно-мотивационной системе эмоциональная составляющая будет направлена на морально-этические ценности и ценности поиска истины, которые будут способствовать объективному дескриптивному методу. При отсутствии морально-этических ценностей в сознании принятие решений может быть спонтанным, подверженным непредвиденным реакциям и субъективизации.

Внедрение идей ценностного конструктивизма возможно через дисциплинарную матрицу ценностей- принципов- компетенций.

Одним из основных компонентов ценностного подхода является идея личностного роста, самосовершенствование, то есть идея конструирования самого себя в соответствии с интересами окружающего мира, социума. Самосовершенствование предполагает формирование внутреннего мира личности, нравственных убеждений, что предполагает рефлекссию над ценностями, следование этической системе ценности. Построение отношения с внешним миром, посредством следования высшим моральным убеждениям.

Основная идея состоит в том, чтобы через основные методы ценностно-компетентного подхода вызвать интерес и мотивировать студентов на педагогическую деятельность через идею самоценности.

Важной компетенцией является умение формирования внутреннего мира личности, зрелость и цельность ее убеждений, осмысленность поступков и направленность личности на осознание и рефлекссию собственных убеждений и ценностей.

Для изучения ценностей студентов педагогических специальностей применимы методологические подходы философского характера.

Общечеловеческий подход к ценностям выработан в экзистенциальной философии, предполагает особое отношение к ценности жизни, изучение философских основ этики благоговения перед жизнью позволит выйти на новый уровень понима-

ния осмысления студентами профессиональных ценностей. Феноменологический метод позволяет изучать предметы в непосредственном созерцании, через метод феноменологической редукции, изучать первичный опыт, данный нам в ощущениях. Работая в коллективе и наблюдая за различными явлениями, студенты набирают опыт, вырабатывают новые знания и отношение к профессии. При работе в обществе важен социокультурный подход к ценностям предполагает выявление ценностей уважения к другим культурам. В этом случае мы говорим о компетенции взаимодействия между культурами и их сохранении, то есть в данном случае при применении основ социокультурного подхода формируются ценности толерантности и коммуникации.

Исходя из концепции аксиологического конструктивизма ценности существуют в некой структуре отношений человек-мир. Они представляют собой систему принципов, формирующих конативное поведение. Формируя принципы поведения через ценности, ценностно-конструктивистский подход становится методологическим регулятивом для формирования компетенций студентов вузов.

В работе представлены концептуально-теоретические основы аксиологического конструктивизма, который может быть применен при составлении учебных программ для подготовки студентов педагогического направления:

- на основе теоретического анализа литературы дана сущностная характеристика аксиологического подхода;
- обоснована система детерминант, от которой зависит формирование ценностной системы студентов и освоение компетенций при изучении профессиональных программ будущими педагогами;
- описаны механизмы воздействия ценностного подхода на формирование личности студентов гуманитарного профиля по направлению Педагогическое образование;
- доказано, что ценностно-конструктивистский подход является регулятивом в формировании ценностей студентов педагогического направления и показано, что данный регулятив может быть приведен в действие через матрицу принципов, ценностей, компетенций;
- представлены конкретные рекомендации для внедрения идей и методов ценностного подхода в учебные программы;
- определены функции ценностного подхода, как методологического регулятива, которые призваны: аксиологизировать образование, вывести на уровень понимания иерархии мотивов, потребностей; определять этические и нравственные ценности как осознанную необходимость; способствовать преодолению разрыва между эмоциональными и дескриптивными факторами;

- обеспечивать преемственность между различными уровнями высшего образования (программами бакалавриата и магистратуры); реализовать идею социальной активности личности и этические ценности в контекст её жизнедеятельности, распространять идеи гуманизма.

Таким образом, доказана гипотеза о том, что ценностно-компетентный подход формируется через аксиологический конструктивизм и становится источником формирования дескрипторов новой образовательной среды для подготовки студентов гуманитарного направления доказана.

Практическая значимость исследования – высокая. Может использоваться при работе со студентами как педагогического, так и других направлений. А также в процессе формирования теоретической базы для гуманитарных дисциплин в процессе преподавания философии.

Литература

1. Асташова Н.А. Макарова Е.А. Концептуальная модель развития профессиональных ценностей будущих учителей. // Дискуссия. № 1(53), январь 2015. С. 87–90.
2. Бенин В.Л. Культура и высшее образование // Ученые записки Пед. института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Сер.: Психология. Педагогика. 2008. Т. 1. № 3–4. С. 64–62.
3. Вершинина Н.А. Структура педагогики: методология исследования. СПб., 2008. С. 93.
4. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2005. 1136 с.
5. Галимбекова Ф.С. Динамика ценностей на этапе модернизации современного российского общества (мировоззренческий аспект). Монография. Уфа, 2010. 294 с.
6. Губаренко И.В. Роль аксиологического подхода в формировании профессиональной компетентности выпускника образовательной организации высшего образования // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 1(5), 2015. С. 186–189.
7. Дильтей В. Введение в науки о духе // Собр. соч. М., 2000. Т. 1. С. 279–396.
8. Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> [Эл. ресурс]. (последнее обращение: 21.09.2020).
9. Каган М.С. Философская теория ценности. М. 1998, 205 с. [Эл. ресурс]. <http://www.logic-books.inf> (последнее обращение: 21.10.2023).
10. Кирьякова А.В. Эпистемологический подход к интеграции знаний в университетском образовании // А.В. Кирьякова, И.Н. Чарикова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (151). С. 31–35.

11. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы: распоряжение Правительства РФ от 07 февр. 2011 г. № 163-р // [Электронный ресурс]. – URL: (последнее обращение: 21/09/2020).
12. Князева Е.Н. Философские науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2019. 289 с.
13. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология. Перспективы развития. 2012. 536 с. С. 5–31.
14. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. № 3. 1987. С. 22–24.
15. Прямикова Е.В. Компетентностный подход в современном образовательном пространстве. Функциональное и структурное содержание. Автореф. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора соц. наук. Екатеринбург, 2012. 35 с.
16. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 50–69.
17. Тряпицына А.П. Концепция уровневой оценки компетенций учителя // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 164–171.
18. Федотова В.Г. Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.
19. S.H. Foulkes, E.J. Antony, 1957). 4E.J. Anthony, S.H. Foulkes Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach Karnac Books, 1965, страниц: 288.
20. Heidegger Martin (1967) [Sein und Zeit Max] Niemeyer Verlag Tübingen Jahr: 450 p.

THE CONCEPT OF AXIOLOGICAL CONSTRUCTIVISM AS A NECESSARY CONDITION FOR THE FORMATION OF CONSCIOUSNESS OF UNIVERSITY STUDENTS

Galimbekova F.S.

Russian Technological University MIREA

The article solves the problem of finding new foundations for the formation of university students' values. In accordance with the problem, the objectives are to conduct a theoretical analysis of the concept of axiological constructivism and to consider the mechanisms for its implementation in university programs. The analysis of scientific literature on the problem of the value-competence approach is given, the reasons determining the formation of values in the minds of students are substantiated. The conditions under which the value approach forms the humanistic values and moral behavior of students, contributing to motivation and conative behavior, are revealed.

A constructivist approach to the analysis of values has been developed. A number of axiology courses are recommended, which will contribute to the development of competencies. The results can be used in the preparation of curricula for university students, in teaching philosophy and pedagogy. It is concluded that the value-constructivist approach can become fundamental in teaching ped-

agogical disciplines and form the humanistic consciousness of students.

Keywords: methodological regulatory, value approach, conative behavior, constructivism, value, descriptive matrix, competencies, holistic approach, reflection, axiology.

References

1. Astashova N.A. Makarova E.A. Conceptual model of development of professional values of future teachers. // Discussion. No. 1 (53), January 2015. Pp. 87–90.
2. Benin V.L. Culture and higher education // Scientific notes of the Pedagogical Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Series: Psychology. Pedagogy. 2008. Vol. 1. No. 3–4. Pp. 64–62.
3. Vershinina N.A. Structure of pedagogy: research methodology. St. Petersburg, 2008. P. 93.
4. Vygotsky L.S. Concrete psychology of man // Vygotsky L.S. Psychology of human development. Moscow, 2005. 1136 p.
5. Galimbekova F.S. Dynamics of Values at the Stage of Modernization of Modern Russian Society (Ideological Aspect). Monograph. Ufa, 2010. 294 p.
6. Gubarenko I.V. The Role of the Axiological Approach in the Formation of Professional Competence of a Graduate of an Educational Organization of Higher Education // Science. Art. Culture. Issue 1 (5), 2015. Pp. 186–189.
7. Dilthey V. Introduction to the Sciences of the Spirit // Collected Works. Moscow, 2000. Vol. 1. Pp. 279–396.
8. Law of the Russian Federation "On Education in the Russian Federation" URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> [Electronic resource]. (last accessed: 09/21/2020).
9. Kagan M.S. Philosophical Theory of Value. M. 1998, 205 p. [Electronic resource]. <http://www.logic-books.inf> (last accessed: 21.10.2023).
10. Kiryakova AV Epistemological approach to the integration of knowledge in university education // AV Kiryakova, IN Charikova // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. No. 1 (151). P. 31–35.
11. Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2011–2015: Order of the Government of the Russian Federation dated 07 February 2011 No. 163-r // [Electronic resource]. – URL: (last accessed: 21/09/2020).
12. Knyazeva E.N. Philosophical sciences. Interdisciplinary Research Strategies. Moscow, 2019. 289 p.
13. Lektorsky V.A. Transformation of Epistemology: New Life for Old Problems // Epistemology. Development Prospects. 2012. 536 p. Pp. 5–31.
14. Leontiev D.A. Value as an Interdisciplinary Concept: An Experience of Multidimensional Reconstruction // Questions of Philosophy. No. 3. 1987. Pp. 22–24.
15. Pryamikova E.V. Competence-based Approach in the Modern Educational Space. Functional and Structural Content. Abstract of Dissertation for a PhD in Social Sciences. Yekaterinburg, 2012. 35 p.
16. Stepin V.S. Types of Scientific Rationality and Synergetic Paradigm // Complexity. Reason. Postneklassika. 2013. No. 4. P. 50–69.
17. Tryapitsyna A.P. The concept of level assessment of teacher competencies // Man and education. 2017. No. 3 (52). P. 164–171.
18. Fedotova V.G. Modernization and culture. Moscow, 2016. 336 p.
19. S.H. Foulkes, E.J. Antony, 1957). 4E.J. Anthony, S.H. Foulkes Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach Karnac Books, 1965, pages: 288.
20. Heidegger Martin (1967) [Sein und Zeit Max] Niemeyer Verlag Tübingen Jahr: 450 p.

Анализ идей научного реализма Николаса Решера

Гао Хань,

докторант, философский институт Хэйлунцзянского университета, Китай

E-mail: 905029015@qq.com

Столкнувшись с многогранными дебатами между научным реализмом и антиреализмом, Николас Решер (1928–2024) объединил свою эпистемологическую позицию, чтобы дать ответ на них. С точки зрения тенденции теории Решера, он не согласен с общей формой научного реализма, но он не стал законченным антинаучным прагматиком, а в определенной степени сохранил «реалистическое» ядро научного реализма. Таким образом, научный реализм Решера можно рассматривать как критический пересмотр классического научного реализма или как критический ответ на антиреализм и нереалистичность, которые разрушают основы реализма и подрывают основы научной объективности и рациональности. Однако с точки зрения теоретического содержания, которым должен обладать научный реализм, в схеме научного реализма Решера отсутствует связь между онтологией и лингвистикой, поэтому существуют определенные ограничения.

Ключевые слова: научный реализм; прагматизм; эпистемология.

Решер – один из важных представителей Питтсбургской школы. Он основал журнал «Американский философский ежеквартальный журнал» в 1964 году и был его редактором до 1993 года. После этого он занимал пост председателя Центра философии науки при Питтсбургском университете. В 1987 году он опубликовал монографию о научном реализме под названием «Критическая переоценка научного реализма». В этой книге Решер предлагает своего рода научный реализм намерений, а не достижений, в ответ на обширные дебаты о научном реализме. По мнению Решера, научный реализм, как намерение или желание, удовлетворяет наше активное стремление к разумным требованиям относительно способа и природы функционирования мира, и от него нельзя отказываться. Решер основывает рациональность научной теории на практической полезности, а не на абсолютной истине, что не только позволяет избежать абстрактной жесткости классического научного реализма, но и отвечает на вызовы антиреалистов и нереалистов. Но нельзя отрицать, что научный реализм Решера все еще имеет некоторые ограничения, которые необходимо устранить из-за его личных привычек и предпочтений.

Реакция Решера на дискуссию о научном реализме

Общая форма научного реализма утверждает, что научная теория является не только инструментом для описания, объяснения и прогнозирования явлений, но и может раскрывать истинную информацию о реальности. На уровне метафизического реализма общая форма научного реализма подчеркивает, что теоретические сущности, описанные в научной теории, реальны, а объекты, на которые они указывают, являются реальными объектами, которые независимо существуют в объективном мире. Но, как и во многих западных школах философии науки, развитие научного реализма также изобилует яркой историей критики и контркритики. Вообще говоря, это история непрерывных споров между научными реалистами и различными антиреалистами или нереалистками нереалистического толка. В этом контексте Решер стоял между реализмом и антиреализмом в сочетании со своим пониманием сложности и проявлял свой прагматический реализм, желая уравновесить различия между двумя сторонами полемики.

Антиреалисты и нереалистически настроенные люди выступили с критикой метафизической по-

зиции научного реализма со своих соответствующих позиций. Например, конструктивист-эмпирик Ван Влассен сказал: «Цель науки – предоставить нам эмпирически обоснованные теории; и принятие теории предполагает только веру в то, что она эмпирически достаточна.» [1, с. 12]. Таким образом, основная функция научной теории заключается в объяснении и предсказании наблюдаемых явлений. ненаблюдаемые сущности не раскрываются и не должны раскрываться научной теорией. Кроме того, как типичный представитель антиреалистов, Лотти заявила: «Попытка прояснить 'рациональность' и 'объективность', основываясь на условиях точного воспроизведения (что характерно для традиционной философии), является своего рода самообманом, попыткой экстраполировать современный нормальный дискурс.» [2, с. 26]. В этом смысле выражение рациональности и объективности в научной теории является своего рода лингвистическим посторонним самообманом, так что это, очевидно, отказывается от любого метафизического реализма, лежащего в основе научной теории, и в корне отвергает притязания на научный реализм.

Конечно, критическая атака на научный реализм со стороны антиреализма и нереализма – это нечто гораздо большее. Столкнувшись с далеко идущими противоречиями, Решер дал свой ответ.

Прежде всего, Решер признает реальность внешнего объективного реального мира, за который выступает общий реализм, и соглашается с тем, что существование и атрибуты этого мира логически или причинно не зависят от нашей психологической деятельности. Однако он колебался перед лицом того, за что выступали реалисты общего толка, чтобы иметь возможность составить правильное описание объективного реального мира. Он сказал: «Здравый смысл может выдвигать надежные утверждения, но он может выдвигать только расплывчатые утверждения; наука будет делать только ненадежные выводы, но она будет делать точные заключения.» [3, с. 59]. Другими словами, с точки зрения надежности научной теории научный реализм Решера отличается от общей формы научного реализма. Как сказал Роберт Алмед: «Это делает Решера классическим реалистом на уровне здравого смысла и эмпирических знаний, отличных от естественных наук, но поскольку невозможно определить, какие теоретические утверждения в естественных науках на самом деле верны, а не являются полностью обоснованной оценкой или приближением к истине, он не является классическим реалистом» [4, с. 237]. Причина, по которой Решер решил отступить с точки зрения правильности и определенности научной теории, заключается в том, что он признал двусмысленность и непрозрачность, присутствующие нашему познанию реальных вещей, осно-

ванному на его признании правильности и сложности научной теории. Даже для него эта двусмысленность и непрозрачность не будут устранены в течение достаточно длительного периода непрерывных исследований научный реализм должен пойти здесь на уступки.

Во-вторых, отвечая на критику, вызванную метафизическими утверждениями общего реализма об объективной реальности внешнего мира, Решер рассматривал метафизический реализм скорее как предпосылку научной практики, чем как результат опыта. Другими словами, Решер не придавал метафизическому реализму, от которого зависел научный реализм, онтологического значения, а вместо этого рассматривал его как предпосылку для познавательной практики в эпистемологической манере. Основа рациональности, по мнению Решера, подтверждается результатами практики. Обещание метафизического реализма, безусловно, связано с функцией разума, но для Решера это не означает, что это своего рода поддержка онтологического идеализма, то есть все является психологическим, или психологическое причинно порождает или конституирует все существование. Вместо этого Решеру необходимо доказать с помощью работы разума, что восприятие реальности должно зависеть от разума, а описание реальности и интерпретация явлений связаны с функцией разума. Причина, по которой Решер хочет сделать акцент на концептуализме, заключается в том, чтобы ответить на вопрос о том, как может быть осуществлено познание реальности. По мнению Решера, обещание метафизического реализма не только позволяет нам осуществлять когнитивную практику, но и доказывает это результатами практики. Поэтому, будь то на практическом или теоретическом уровне, метафизический реализм в эпистемологическом смысле был защищен.

Наконец, защита Решера реализма с использованием научной практики в качестве отправной точки, конечно, является прагматичным подходом, поскольку он не выдвигал никакой «предварительной» защиты легитимности метафизического реализма как предпосылки для научной практики, но посредством эмпирического обратного доказательства проверял практическую легитимность предпосылки, заданной в начале, практический и теоретический уровни. Следовательно, такой научный реализм является прагматической позицией, которая подчеркивает функционализм. По мнению Решера, метафизическое положение реализма, как своего рода предпосылка, должно использоваться в качестве «презюмции невиновности», прежде чем оно будет полностью опровергнуто. По его мнению, важна не правильность самой теории реальности, но если нет гипотезы о ней, рациональное исследование не может начаться.

Для Решера мы – целеустремленные животные, а это значит, что нам необходимо формировать научные теории о реальном мире, чтобы ответить на наши различные вопросы и развеять сомнения. Таким образом, реалистическая основа метафизики далее отстаивается здесь Решером с помощью прагматической аргументации.

В целом, придерживаясь позиции прагматизма, Решер заменяет часть его окончательной и абсолютной истинности и объективности практичностью и рациональностью научной теории на практике. Научный реализм, защищаемый прагматической позицией, более приспособлен к сложному и разнообразному миру, и эпистемологическая защита метафизического реализма Решера также отошла от крайних позиций релятивизма и метафизики.

Пределы программы научного реализма Решера

Если понимать научный реализм Решера во всей его философской мысли, то он обладает достаточной преемственностью и систематизированностью, но если сосредоточиться на исследовательской парадигме научного реализма, то ее содержание отсутствует из-за взаимосвязи между онтологией и лингвистикой, поэтому существуют определенные ограничения.

С одной стороны, из текста Решера интуитивно видно, что его философский анализ научного реализма в основном носит эпистемологический характер, а онтологические аргументы очень скудны. Поскольку Решер ослабил сущность онтологии и подчеркнул прагматизм эпистемологического реализма в форме концептуальной теории, это ослабило бы «объективность» научной теории, поэтому можно сказать, что это является одним из пределов научного реализма Решера.

Решер называл описанный им реализм метафизическим реализмом, который был совместим с его прагматической позицией и поддерживался ею. Для метафизического реализма внешний мир существует, по существу, независимо от мышления исследователя, и любые его характеристики не зависят от мышления. Даже если Решер «ослабил» эту «жесткую» онтологическую доктрину, превратив ее в эпистемологическое обязательство, чтобы избежать некоторых сомнений в «независимости», все равно не обошлось без проблем. Поскольку Решер проводит различие между «реальностью» и «нашей реальностью», хотя он и утверждает, что научное исследование зависит от предпосылки реализма, он также признает формирующую роль концептуальных рамок в познании, поэтому возникает вопрос о том, кто имеет приоритет между реализмом и концептуализмом. Хотя Решер считает, что они могут быть предварительно согласованы друг с другом, весь механизм не был четко интегрирован. В этой связи критики

могут указать на то, что введение концептуализма ослабило объективную основу науки и привело к тому, что наука скатилась к определенному субъективизму, который Решер отвергал. Кроме того, в процессе аргументации научного реализма Решера отсутствует онтологическое обсуждение, поэтому ему не хватает полноты на метафизическом уровне. Хотя Решер использовал прагматизм в качестве своей методологии для координации взаимоотношений между реализмом и концептуализмом, после ухода из этой методологии он так и не ответил на вопрос о сущностной взаимосвязи между реализмом и концептуализмом.

Проще говоря, если реализм Решера действительно метафизичен, то это должна быть онтологическая доктрина. Но после признания теории реальности в онтологии, как она может быть интегрирована в теорию идей? В конце концов, в общем смысле метафизического реализма существование мира, независимого от разума, действительно является онтологическим утверждением природы. Кроме того, хотя существует множество версий концептуализма, возможно, Решер не считает, что его, так называемый, концептуализм схож с общим смыслом отстаивания более существенной онтологической позиции разума по отношению к материи, но ему все же не удалось найти ответ на вопрос о том, как концептуализм и реализм диалектически поддерживают друг друга. Это, несомненно, вызовет некоторую путаницу в онтологическом понимании схемы Решера, поскольку неясно, как они интегрированы. Можно только заметить, что Решер считает, что реализм и концептуализм взаимно предопределены.

С другой стороны, научный реализм эпистемологии Решера уделяет больше внимания практичности и рациональности научной теории, игнорируя взаимосвязь между языком и реальностью. Однако, в конце концов, главная проблема научного реализма заключается в том, чтобы подвергать сомнению реальность научной теории и размышлять над ней, а научная теория, по сути, выражается в языке (в контексте Решера она, по крайней мере, выражается в форме человеческого языка). Независимо от того, направлена ли эпистемология Решера на «сам мир» или на «наш мир», она, по крайней мере, выражена в языке. Следовательно, если отсутствует углубленное обсуждение семантики и прагматики самой научной теории, то неизбежно будет невозможно «беспристрастно» рассматривать семантические отношения между теорией и реальностью, а также объяснить прагматические отношения между теорией и пользователями.

Сравнивая взгляды таких философов, как Уилфред Сайлас и Томас Кун, можно сделать вывод о том, что статус языка в теоретических построениях является центральным, а мысли таких ученых, как Хилари Патнэм и Альфред Таски, еще раз

показывают, что взаимосвязь языка и представления об истине неразделима. Но, с другой стороны, Решер избегал соответствия теоретическому представлению об истине и вместо этого использовал согласованность теоретической сети в качестве стандарта истины. Хотя он признавал «ядро истины» в определенном смысле, он не давал систематического ответа на лингвистические вопросы, такие как семантическая стабильность и референциальность. Сайлас явно верит, что истина – это семантическое понятие. Он сказал: «Пропозиция истинна, потому что ее можно утверждать. Это означает, что истинное название может быть не только заявлено, но и должно быть правильным и поддающимся проверке. Можно утверждать, что он должен основываться на соответствующих семантических правилах, хотя эти правила могут требовать некоторой дополнительной, неуказанной информации. Тогда «истинный» означает семантически подтверждаемый, и разнообразие истинности соответствует соответствующему разнообразию семантических правил.» [5, с. 101]. Таким образом, позиция научного реализма Сайласа тесно переплетена с его представлением о семантической истине. Конечно, не все внимание и объяснения сдвига в лингвистике могут поддержать научный реализм. Например, то, что Кун сказал о природе несовместимости научных моделей, подчеркивает, что научные термины в разных моделях не могут поддерживать семантическую согласованность, что напрямую ставит под сомнение предположения сторонников научного реализма о семантической стабильности научных терминов. Кун сказал: «...неизбежно, что обе стороны в дискуссии будут рассматривать определенные эксперименты или наблюдения, к которым обе стороны прибегали по-разному. Однако, поскольку большая часть лексики, которую они используют для обсуждения этих ситуаций, одна и та же, при использовании для обозначения природы должны быть какие-то слова, с помощью которых обе стороны по-разному относятся друг к другу, так что общение между двумя сторонами неизбежно будет неполным. В результате превосходство одной теории над другой стало чем-то, что невозможно доказать в ходе дискуссии.» [6, с. 166]. Другими словами, по мнению Куна, значение научных терминов различно, особенно для ученых, принадлежащих к разным культурным слоям. Факторы, влияющие на теоретическую подготовку, являются значительными, что непосредственно вызывает трудности с семантической стабильностью самих научных терминов.

Конечно, внимание Сайласа и Куна к лингвистике не является целью большинства философских аргументов в пользу научного реализма. Однако нетрудно увидеть из семантической внешней теории Патнэма, семантической теории истины Таскиги, конструктивного взгляда

Нельсона Гудмана на истину, который фокусируется на языке, и взгляда Лотти на истину, который подчеркивает социальное конструирование с прагматической точки зрения, и т.д., что проблема лингвистики и точка зрения от истины трудно отделить одно от другого. Следовательно, в этом смысле сдвиг в лингвистике должен быть частью понимания и интерпретации научного реализма Решера, которую нельзя игнорировать. Возможно, сдвиг в лингвистике не может добавить значимого «нового» содержания научному реализму Решера, но, по крайней мере, Решер должен ответить на некоторые дилеммы, с которыми сталкивается научный реализм в семантике и прагматике, посредством основного анализа лингвистики, такого как проблема референции научной теории, проблема семантической стабильности и т.д. взаимосвязь между его конструктивностью и реальностью и т.д. Но на данный момент Решер не дал ценного систематического ответа.

Литература

1. Ван Фраассен, Б.К. Научный имидж. – М.: Издательство Оксфордского университета, 1980.
2. Ричард Лотти. Зеркало философии и природы / перевод: Ли Ючжэн, Пекин: Коммерческая пресса, 2017.
3. Решер Н. Научный реализм: критическая переоценка – М.: Наука Спрингера и Деловые СМИ, 1987.
4. Жакетт, Дейл, изд. Разум, метод и ценность: хрестоматия по философии Николаса Решера. М. Том. 4. Уолтер де Груйтер, 2013.
5. Селларс, Уилфрид. Наука и метафизика: вариации на кантовские темы. – Лондон: Ратледж и Киган Пол, 1967.
6. Кун. Структура научной революции / перевод Ху Синьхэ и Цзинь Улунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012.

AN ANALYSIS OF THE SCIENTIFIC REALISM IDEAS OF NICHOLAS RESCHER

Gao Han

Heilongjiang University, China

Faced with the multifaceted debate between scientific realism and anti-realism, Nicholas Rescher (1928–2024) combined his epistemological position to provide an answer to them. In terms of the tendency of Rescher's theory, he disagreed with the general form of scientific realism, but he did not become a complete anti-scientific pragmatist, but to a certain extent retained the «realistic» core of scientific realism. Thus, Rescher's scientific realism can be seen as a critical revision of classical scientific realism or as a critical response to anti-realism and unrealism, which destroy the foundations of realism and undermine the foundations of scientific objectivity and rationality. However, in terms of the theoretical content that scientific realism should have, Rescher's scheme of scientific realism lacks a connection between ontology and linguistics, so there are certain limitations.

Keywords: Scientific realism; pragmatism; epistemology.

References

1. Van Fraassen, B.K. The Scientific Image. – Moscow: Oxford University Press, 1980.
2. Richard Lotti. The Mirror of Philosophy and Nature / translated by Li Yuzheng, Beijing: Commercial Press, 2017.
3. Rescher, N. Scientific Realism: A Critical Reassessment. – Moscow: Springer Science and Business Media, 1987.
4. Jacquette, Dale, ed. Reason, Method, and Value: A Reader in the Philosophy of Nicholas Rescher. Moscow. Vol. 4. Walter de Gruyter, 2013.
5. Sellars, Wilfrid. Science and Metaphysics: Variations on Kantian Themes. – London: Rutledge and Kegan Paul, 1967.
6. Kuhn. The Structure of the Scientific Revolution / translated by Hu Xinhe and Jin Wulun. – Beijing: Peking University Press, 2012.

Движущие факторы развития науки: противоречие и парадокс в формализованных системах рассуждения

Максимова Катарина Сергеевна,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: herrinmic@mail.ru

Статья посвящена семантике формализованных рассуждений в контексте изучения движущих факторов развития науки. Исходная установка исследования определяется философско-методологическим анализом условий появления противоречий и парадоксов в формальных системах логики. Математические и логические структуры рассуждений представляют собой специфический, точный, не зависящий от интерпретации содержания высказываний, язык общения в различных областях развития науки, а также являются базовым инструментом имитационного моделирования в технологиях искусственного интеллекта. Подчеркивается роль парадокса как инструмента продуктивного мышления, который выявляет пробелы в понимании окружающего мира, акцентируя границы формальной системы рассуждения, выявляет новые аспекты развития науки. Автор показывает источники появления парадокса в системе формального рассуждения на примерах сравнительного анализа когнитивных инструментов неклассических логик. Представлены парадоксы, которые вызваны различными причинами, в частности, самореференцией и нарушением закона исключённого третьего. Результаты данного исследования могут иметь приложения в исследованиях полноты логических систем в современной философии науки

Ключевые слова: развитие науки, формализованные системы рассуждений, неклассические логики, парадокс, противоречие, самореферентность, закон исключённого третьего.

Введение

Когнитивные механизмы, определяющие стиль мышления ученого представляет собой важную область в изучении движущих факторов развития науки. Продуктивная деятельность в познании, связанная с выявлением противоречий, постановкой проблем, решением нестандартных задач исследования, в существенной мере зависит от эвристического потенциала логической культуры современной науки. В построении дисциплинарных систем науки, а также в их аргументации и обосновании ключевую роль играют формализованные системы рассуждений, которые определяются принципами логики и математики. Формализованные системы рассуждений широко используются в математике, логике и компьютерных науках. Их применение позволяет строить строгие доказательства, разрабатывать алгоритмы для автоматического доказательства теорем, а также обеспечивает основу для анализа рассуждений и принятия решений в различных предметных областях, включая искусственный интеллект и философию.

В системе познания и научной коммуникации барьеры в трансляции смысла и его интерпретации на логическом мета-уровне познания выявляются посредством противоречий, неразрешимых в рамках ограниченной формализованной системы, что неизбежно приводит к её развитию и расширению. Роль парадокса как эвристического инструмента продуктивного мышления становится все более значимым в связи с интенсивным развитием науки и наукоемких технологий.

Актуальность исследования парадоксов в контексте философии науки определяется высокими требованиями к инновациям, развитию научного мышления в новых информационно-технологических условиях формализации и автоматизации познавательных процедур в интеллектуальных системах.

Цель статьи – выявить условия появления парадокса в семантической структуре формализованных рассуждениях на примере неклассических систем в логике.

Возникновение парадоксов в формальных системах рассуждений – это серьезная проблема, которая показывает границы и сложности, присущие данным системам. Условия возникновения такого рода парадоксов связаны, как правило, со взаимодействием синтаксиса и семантики. Ког-

да правила, управляющие манипуляциями с символами (синтаксис), вступают в противоречие с их значениями (семантика), противоречия становятся более явными. Логический парадокс – это ситуация, когда вывод, носящий истинный характер с точки зрения соответствия логической корректности, также противоречит либо фактической истине, либо самому себе. По данным основаниям отдельно выделяют апории и антиномии.

Как пишет Лигостаев: «Парадоксы в логике объясняются тем, что логика – абстрактная наука, в которой нет экспериментов и фактов. Строя свои системы, логика исходит в конечном счёте из анализа реального мышления. Но результаты этого анализа носят синтетический, нерасчлнённый характер. Они не являются констатациями каких-либо отдельных процессов или событий, которые должна была бы объяснить теория. Расхождение логической теории с практикой действительного мышления нередко обнаруживается в форме более или менее острого логического парадокса, а иногда даже в форме логической антиномии, говорящей о внутренней противоречивости теории» [6].

Логика как фактор развития науки

В процессах научного познания семантика формализованных рассуждений скрыта в информационных кодах, знаках и языковых выражениях. Принципы логики регулируют последовательность в рассуждении и аргументации выдвигаемых положений, обеспечивая передачу смысла в интеракциях, выступают факторами концептуальной организации формализованной системы в когнитивном пространстве науки. Такая система включает в себя набор символов, правил и аксиом, которые позволяют выводить новые утверждения из уже известных, и предназначена для исключения двусмысленностей и субъективных интерпретаций, характерных для обычного естественного языка.

В более развёрнутом виде, формализованная система рассуждений включает следующие компоненты.

1. Алфавит. Набор символов, из которых складываются выражения. Эти символы могут быть переменными, константами, предикатами, логическими связками и т.д.

2. Язык. Набор правил, определяющих, как символы могут комбинироваться для формирования корректных выражений или предложений. Язык содержит синтаксические правила, которые регулируют порядок и структуру выражений.

3. Аксиоматика. Набор основных утверждений (аксиом), принимаемых без доказательства. Эти аксиомы являются отправной точкой для построения теорем.

4. Правила вывода. Набор правил, по которым из аксиом и ранее доказанных теорем можно вы-

водить новые теоремы. Эти правила определяют, как серебряные утверждения могут быть преобразованы, чтобы получить новые утверждения.

5. Интерпретация. Механизм, который связывает формальные выражения системы с конкретным содержанием или значениями. Интерпретация позволяет оценивать истинность утверждений внутри системы.

Одним из примеров формализованной системы является классическая логика первого порядка, в которой используются переменные, кванторы и предикаты для построения сложных логических выражений.

Парадоксы возникали и продолжают возникать во многих областях научного знания, но особенно ярко они проявлены в логике, потому что логические системы работают непосредственно с формальными структурами трансляции смыслов, следовательно, противоречия в мышлении становятся более очевидными именно в логике, структуры которой образуют метаязык в системе научного познания и научной коммуникации. Парадоксы бросают вызов базовым интуициям восприятия многих понятий, которые используются и в повседневной речи, и в научных исследованиях, поэтому изучение логических парадоксов, особенностей их формирования и внутренних структур, является крайне важным для развития научного и философского мышления.

Большинство популярных и общеизвестных логических парадоксов можно объяснить на основании принципа самореференции или нарушением закона исключённого третьего. Самореференция (самоотносимость, автореферентность) – это феномен, возникающий в системах высказываний, который приводит к замкнутому кругу противоречия за счёт бесконечной отсылки к самому себе. Самореферентным можно обозначить выражение, которое выполняет роль и функции, и аргумента функции.

Парадоксы самореференции в системе формализованных рассуждений на примере неклассических логик

В логике самореферентность напрямую связана с нарушением предикативности, иначе говоря, субъект указывает на само себя и становится одновременно и субъектом, и предикатом высказывания. Как следствие, отрицание такого высказывания приводит к самоотрицанию, за счёт чего и возникает парадоксальная, с точки зрения логики, ситуация. Этот принцип рассуждения, приводящий к парадоксу, особенно проявляется в контексте теории множеств, включающих самих себя. Примерами такого рода парадоксов могут служить известный с древности парадокс лжеца (он же парадокс Эпименида), а также парадокс брадобрея Бертрана Рас-

села, парадокс Бурали-Форти и другие парадоксы теории множеств.

Общую структуру данного вида парадоксов можно представить в виде примерной символической записи:

$$\begin{aligned} &\langle w = \{x: p(x)\}; (1) \\ &e \in x; (2) \\ &(e \in w) \& (e \notin w). (3) \\ &(\dots) \end{aligned}$$

Будем собирать в класс w классы x , но только все те, которые имеют свойство p , а именно свойство быть классом, не являющимся своим собственным элементом. При образовании класса w возникает новый элемент e , который принадлежит x , поскольку тоже является классом. (...) Относительно элемента e оказываются истинными противоречащие друг другу положения, а именно данный класс e и принадлежит классу w и не принадлежит классу w . Предположим, что e принадлежит w , следовательно, e обладает свойством p , а именно не является своим собственным элементом.

Поскольку в роли e выступает сам образуемый класс w , постольку предыдущее предложение может прочитываться следующим образом. Предположим, что w принадлежит себе самому, следовательно, w имеет свойство не принадлежать себе самому» [4].

Может создаваться впечатление, что выход из круга самореференции с помощью создания системы, не допускающей замкнутости высказывания на само себя, способен разрешить появление парадоксальности. Однако существуют примеры, опровергающие данное положение.

Стефан Ябло, американский философ, специалист по философии логики, в 1993 году совершил попытку выведения подобного рода парадоксов за пределы самореференции.

А.В. Нехаев в статье «Парадокс Ябло: лжёт ли нам бесконечный лжец?» характеризует этот парадокс следующим образом:

«В своей простейшей форме парадокс Ябло состоит из бесконечного множества предложений $[L\omega]$, каждое из которых утверждает, что все следующие за ним предложения не являются истинными.

$$\begin{aligned} [L\omega] S_0: S_0 = k \geq 1T(S_k) \\ S_1: S_1 = k \geq 2T(S_k) \\ \dots \dots \\ S_i: S_i = k \geq i + 1T(S_k) \\ \dots \dots \\ (\dots) \end{aligned}$$

Если мы предположим, что некоторое предложение S_i является истинным для i , тогда все следующие за ним предложения S_k для $k \geq i + 1$ не должны быть истинными. Например, истинным не мо-

жет считаться предложение S_{i+1} , но поскольку предложения S_k также не являются истинными для всех $k > i + 1$, предложение S_{i+1} – должно быть истинным, но тогда предложение S_i не может быть истинным» [8].

Такая формулировка в итоге и приводит к внутреннему противоречию данной выстроенной системы, хотя каждое из высказываний отсылает не к самому себе, а к другому высказыванию, иными словами, создание парадокса без обращения к автореферентности является вполне возможным.

Принцип исключенного третьего в системе формализованных рассуждений

Парадоксы самореференции и парадоксы, возникающие на основании нарушения закона исключённого третьего представляют разные формы рассуждения и разные основания возникновения парадокса в процессе рассуждения. В отношении принципа исключенного третьего как фактора, влияющего на возникновение парадокса, может возникнуть предположение, что неклассические небинарные логики, пересматривающие подход к закону исключённого третьего, разрешают парадоксы, возникающие на основании самореференции, так как обходят ограничения, наложенные законом исключённого третьего.

Одним из основных принципов классической логики является закон исключённого третьего, который утверждает, что высказывание может быть либо истинным, либо ложным, и нет третьей альтернативы. В неклассических многозначных логиках этот закон может быть нарушен, допуская не только два, а и большее количество значений для высказывания.

Но если проанализировать, то становится очевидно, что введение любых дополнительных значений (таких, как значение «неопределённо» в трёхзначной логике Лукасевича) расширяет систему, но не преодолевает парадоксальность, потому что отрицание трёх имеющихся значений приводит к замене закона исключённого третьего на закон исключённого четвёртого. Соответственно, можно предположить, что в логиках с четырьмя возможными значениями будет действовать закон исключённого пятого, и так далее.

Здесь можно вспомнить знаменитую теорему Гёделя, которая формулируется следующим образом:

«Для каждого ω -непротиворечивого рекурсивного класса формул существует рекурсивный знак класса r , такой, что ни $v \text{ Gen } r$, ни $\text{Neg } (v \text{ Gen } r)$ не принадлежат $\text{Flg } (c)$ (где v – свободная переменная из r)» [12].

То есть, создание любой непротиворечивой системы аксиом приводит к высказыванию, находящемуся в системе, но не объяснимому в её рам-

ках, а введение дополнительной, объясняющей аксиомы, в итоге приведёт к расширению системы и, как следствие, к появлению в ней нового высказывания, которое будет вести себя аналогично первому.

То же можно сказать и в отношении закона исключённого N-ного.

Для сравнения, в символической записи закон исключённого третьего будет выглядеть следующим образом:

$$a \vee \bar{a}$$

А закон исключённого четвертого:

$$a \vee \bar{a} \vee (a \vee \bar{a})$$

Закон исключённого четвертого не является принципиально новым элементом современных неклассических логик, так как был известен ещё в древности, например, в буддистской логической школе ньяя – единственной школе логики, не входящей к Аристотелю.

Катушкоти (тетралемма) – это древняя альтернатива закону исключённого третьего, в которой рассматриваются четыре возможных присвоения значений «истина» конкретному высказыванию и его отрицание.

В Античной традиции логические построения, аналогичные тетралемме, присутствовали так же в стоицизме, расширяя классическую логику Аристотеля. Также примером практического применения закона исключённого четвертого может послужить логический треугольник в воображаемой логике Васильева.

В отличие от логического квадрата, где суждения могут быть общеутвердительными, общеотрицательными, частно-утвердительными или частно-отрицательными, в логическом треугольнике Васильева есть общеутвердительные, общеотрицательные и частные (одновременно частично утверждающие и частично отрицающие) высказывания. В такой системе отрицание сразу всех трёх возможных комбинаций приводит к противоречию, поэтому в данной логической системе и действует закон исключённого четвертого.

«Логика Н.А. Васильева «трёхмерна», в ней действует закон исключённого четвертого. Суждение может быть истинно, ложно, неопределённо.

(...)

Американский философ Р.А. Уилсон пошёл ещё дальше и предложил «шестимерную» логику. Согласно этой логике высказывание может быть: 1) истинно, 2) ложно, 3) неопределённо, 4) бессмысленно, 5) автореферентно (истинно только для данной личности), 6) странной петлёй (т.е. логическим парадоксом) [7].

Здесь можно проследить, что самореферентность и парадоксальность уже включены в систему в качестве отдельных и уникальных её проявлений, но вопрос, насколько такая схема гарантирует от-

сутствие возникновения парадоксов внутри парадоксов, остаётся открытым и требует более глубокого рассмотрения, не предполагаемого в рамках данной статьи.

Заключение

Возникновение парадоксов и противоречий свойственно не только классической бинарной логике, следовательно, является гораздо более значимым феноменом, нежели момент недостаточно продуманной формальной системы. Поэтому исследование условий возникновения парадоксов и противоречий находится в проблемной области развития науки и нуждается в более детальных исследованиях формализованных систем со стороны специалистов в области логики и философии.

На основании вышеизложенного, можно прийти к заключению, что парадоксы – это явление, которое не ограничивается формальными структурами классической логики. Возможность противоречия онтологически заложена в самом феномене мышления. Следовательно, неклассические логические системы не разрешают парадоксы, но раскрывают новые грани данного феномена, что позволяет науке о мышлении развиваться и углублять уже известные логические законы, а также открывать новые.

Литература

1. Иванова В.А. Логика и семиотика парадокса в научном познании // Известия ВГПУ. 2009. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-i-semiotika-paradoksa-v-nauchnom-poznanii> (дата обращения: 03.12.2024).
2. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. – М.: Просвещение, 1990. – 240 с.
3. Кучковский П.В. Роль парадоксов в научном познании, ОмГТ У. 2014. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-paradoksov-v-nauchnom-poznanii> (дата обращения: 03.12.2024).
4. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов. Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-rassel-i-f-ramsey-o-probleme-paradoksov> (дата обращения: 03.12.2024).
5. Ладов В.А. Является ли «лжец» семантическим парадоксом? Schole, СХОЛЭ. 2019. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-lzhets-semanticheskim-paradoksom> (дата обращения: 03.12.2024).
6. Лигостаев А.И. Логические парадоксы: монография. – М.: Наука, 2021. – 256 с.
7. Михайлов В.В., Социальные ограничения: структура и механика подавления человека, М., Урсс, 2008. С. 200–201.

8. Нехаев А.В. Парадокс Ябло: исследования и анализ. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2020. – 180 с.
9. Сухотин А.К. Парадоксы науки. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 240 с.
10. Щипкова А.В. О фундаментальной гносеологической роли парадоксов. *Философия науки*. Вып. 4 – М.: ИФ РАН, 1998 <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASHc35bb7f63c4d202e50df59>
11. Яшин Б.Л. Парадоксы в научном познании и неклассические логики. *Философская мысль*. 2020. № 2. С. 53–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32172. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32172 (дата обращения: 03.12.2024).
12. Gödel K. Über Formal Unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und Verwandter Systeme, I. and On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I / Kurt Gödel // Kurt Gödel Collected works (Volume I. Publications 1929–1936) / Ed. by S.

DRIVING FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE: CONTRADICTION AND PARADOX IN FORMALIZED SYSTEMS OF REASONING

Maximova K.S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the semantics of formalized reasoning in the context of studying the driving factors of science development. The initial setting of the study is determined by philosophical and methodological analysis of the conditions for the emergence of contradictions and paradoxes in formal systems of logic. Mathematical and logical structures of reasoning represent a specific, precise, independent of the interpretation of the content of statements, language of communication in various areas of science development, as well as a basic tool of simulation modeling in artificial intelligence technologies. The role of paradox as a tool of productive thinking is emphasized, which reveals gaps in the understanding of the surrounding world, emphasizing the boundaries of the formal system of reasoning, reveals new aspects of science development. The author shows the sources of paradox in the system of formal reasoning on the examples of comparative analysis of cognitive tools of non-classical logics. The paradoxes are presented, which are caused by various

reasons, in particular, self-reference and violation of the law of the excluded third. The results of this study may have applications in the research of completeness of logical systems in modern philosophy of science

Keywords: development of science, formalized reasoning systems, non-classical logics, paradox, contradiction, self-referentiality, law of the excluded third.

References

1. Ivanova V.A. Logic and semiotics of paradox in scientific cognition // *Izvestiya VGPU*. 2009. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-i-semiotika-paradoksa-v-nauchnom-poznani> (date of address: 03.12.2024).
2. Ivin A.A. *The Art of Thinking Correctly*. – Moscow: Prosvetchenie, 1990. – 240 с.
3. Kuchkovsky P.V. Role of paradoxes in scientific cognition, *OmST U*. 2014. № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-paradoksov-v-nauchnom-poznani> (date of address: 03.12.2024).
4. Ladov V.A. B. Russell and F. Ramsay on the problem of paradoxes. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. № 43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-rassel-i-f-ramsey-o-probleme-paradoksov> (date of reference: 03.12.2024).
5. Ladov V.A. Is “liar” a semantic paradox? *Schole, SHOLE*. 2019. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-lzhets-semanticheskim-paradoksom> (date of reference: 03.12.2024).
6. Ligostaev A.I. *Logical paradoxes: a monograph*. – Moscow: Nauka, 2021. – 256 с.
7. Mikhailov V.V., *Social constraints: structure and mechanics of human suppression*, M., Urss, 2008, pp. 200–201.
8. Nehaev A.V. *Yablo's Paradox: Research and Analysis*. – SPb.: Publishing house of Polytechnic University, 2020. – 180 с.
9. Sukhotin A.K. *Paradoxes of science*. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1980. – 240 с.
10. Shchipkova, A.V. On the fundamental epistemological role of paradoxes. *Philosophy of Science*. Vyp. 4. – М.: ИФ РАН, 1998. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASHc35bb7f63c4d202e50df59>.
11. Yashin B.L. Paradoxes in scientific cognition and non-classical logics. *Philosophical thought*. 2020. № 2. С. 53–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32172. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32172 (date of reference: 03.12.2024).
12. Gödel, K. Über Formal Unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und Verwandter Systeme, I. and On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I / Kurt Gödel // Kurt Gödel Collected works (Volume I. Publications 1929–1936) / Ed. by S.

Современный путь интеграции науки, техники и культуры с точки зрения научно-технической инженерии

Вэй Хунюй,

докторант, философский институт Хэйлунцзянского университета, Китай
E-mail: 905029015@qq.com

В последние годы научно-техническая инженерия стремительно развивается, а научно-техническая культура все больше интегрируется в повседневную жизнь людей. Применение научно-технической инженерии в повседневной жизни популяризировало логику науки и техники, а логика науки и техники еще больше вошла в повседневную жизнь широкой общественности. Как форма повседневной жизни, культура также потенциально подвержена влиянию логики науки и техники, и логика науки и техники потенциально проникает в культуру и становится ее неотъемлемой частью. Научные и технологические проекты преодолели ограничения первоначальных культурных обменов, обеспечили более всесторонний культурный обмен во времени и пространстве и представили всю выдающуюся традиционную китайскую культуру и другие разнообразные культуры мира перед глазами человечества. Научно-техническая инженерия привнесла дух инноваций в области науки и техники в сферу культурного развития, расширила представления общества о культурном развитии и повысила роль культурных инноваций в содействии культурной модернизации. Изучение изменений, внесенных научно-технической разработкой в повседневную жизнь, имеет огромное значение для исследования и понимания модернизации и развития культуры.

Ключевые слова: научно-техническая инженерия; научно-техническая логика; научно-техническая культура; культурная интеграция.

С течением времени наука и техника постепенно входили в повседневную жизнь человечества, начиная с цивилизации подсечно-огневого земледелия и заканчивая современной разумной цивилизацией, основанной на информации. Производство и образ жизни человека претерпели кардинальные изменения по сравнению с тем, что было тысячи лет назад. Причина этих изменений заключается именно в постоянных инновациях людей. Развитие науки и техники изменило образ жизни человечества. Наука и техника незаметно проникли во все аспекты повседневной жизни в форме, которую человечество не заметило. От простого разведения огня и приготовления пищи до сложной аэрокосмической отрасли – научно-технические силы есть повсюду. «Культура – это форма жизни расовой, религиозной или социальной группы. Культура состоит из привычных моделей мышления и поведения и основана на символах. Она включает в себя неосознаваемые формы жизни, такие как ценности, убеждения, обычаи, цели, установки и нормы, а также связанные с ними институционализированные, ритуализированные и материализованные материальные формы жизни» [1, с. 1–22; 30]. Жизнь меняется с развитием науки и техники, и форма жизни, как общая форма жизни, также меняется с развитием науки и техники. Культура состоит из материальных и нематериальных форм жизни, поэтому культура неизбежно меняется в связи с развитием науки и техники.

Технологии проявляются в повседневной жизни как вещи, которые мы воспринимаем интуитивно, и есть также потенциальные проявления, которые нелегко обнаружить. Например: компьютеры, смартфоны, смарт-телевизоров, в интернете и т.д. все технологии, которые мы соприкасаемся каждый день в нашей повседневной жизни, но скрытые за технологическими продуктами, которые мы можем открыть в нашей повседневной жизни бесчисленное множество неизвестных научных и технологических теорий и построения научных и технологических проектов. Эти потенциальные научно-технические проекты являются основой для того, чтобы современные люди могли наслаждаться удобной повседневной жизнью сегодня. Эти потенциальные научно-технические разработки являются ключом к влиянию на повседневную жизнь человека.

Научные и технологические проекты, скрытые за жизнью

Обычно интуитивное восприятие культуры людьми в их повседневной жизни основывается на произведениях культуры, таких как литература, кино и телевизионные произведения, музыка и куай-гон, искусство и скульптура и т.д. Наука и техника часто играют важную роль в производстве и жизни в целом, а материалы, необходимые для выживания, добываются с помощью научно-технических продуктов. Наука и техника редко рассматриваются как потенциальная культурная основа. Наука и техника обычно фигурируют как элемент произведений культуры в содержании произведений культуры. Однако на протяжении всей долгой истории развития наука и техника, как часть человеческого развития, всегда сосуществовали с культурой.

В древние времена уже существовало простое научное и технологическое понимание. Хотя большинство из этих идей нельзя сравнить с современными научными системами, появления этого научно-технического понимания достаточно, чтобы показать, что наука и техника существовали вместе с культурой с древних времен. Наука и технология – это не те понятия, которые внезапно возникли. Понимание природы существовало с момента зарождения человечества. В «Космологии» Аристотеля упоминалось, что «философ, размышляя о необъятности и великолепии Вселенной, витает мыслями среди всех сословий, пытаясь постичь истину в этом» [2, с. 273]. В этот период философия также отвечала за значительную часть задач научных исследований. Более того, в философском мире всегда существовало мнение, что философия – мать всех дисциплин, и исследования, проводимые философами, не ограничиваются рамками мышления. В разные исторические периоды у людей формировалось соответствующее понимание мира в соответствии со степенью научно-технического развития того времени, и в соответствии с соответствующим пониманием они вырабатывали образ жизни и модели поведения, характерные для людей той эпохи.

Согласно представлениям Аристотеля о вселенной, земля находилась в центре Вселенной, а все остальные планеты вращались вокруг нее. В этот период люди верили, что они являются самым выдающимся существом среди богов, и что люди более разумны, чем любые другие существа. Простые научные открытия, сделанные в то время, также обеспечили реалистичную основу для демонстрации этой точки зрения и продемонстрировали особенность человеческого существования, основанного на том, что земля находится в центре Вселенной. Только после того, как Коперник предложил «гелиоцентрическую теорию», господство «геоцентрической теории», длившееся почти 2000 лет, закончилось. Как мате-

матик, Коперник был убежден в важности концепции гармонического движения чисел. Он использовал математическое мышление для изучения геометрического действия небесных тел и считал, что простота математических соотношений является лучшим объяснением действия небесных тел [3, с. 254–258]. Развитие научной теории разрушило старые научные концепции, а новые научные концепции разрушили принципы, которых религии всегда придерживались в течение этого периода, и разрушили присущее культуре понимание человека. Развитие науки в значительной степени способствовало самосознанию людей и изменило культурный контекст, в котором в то время доминировала религиозная мысль.

Изобретение электричества является важной основой для развития современной цивилизации. Большая часть жизни, которой люди могут достичь сегодня, в основном зависит от поставок электроэнергии. Использование электрического освещения в ночное время, использование компьютеров для повседневной офисной работы и использование телефонов для общения между людьми – все аспекты жизни людей сегодня неотделимы от электроснабжения. Рядом с каждым городом есть электростанции, которые снабжают электроэнергией близлежащие города, которые вырабатывают электроэнергию за счет использования тепловой энергии, гидравлической энергии, энергии ветра, солнечной энергии и атомной энергии (nuclear power). Будущая энергетика нуждается в таком способе получения сырья, который был бы прост в использовании, экологичен, а риск утилизации отходов был бы низким. «Сверхпроводящий токамак обеспечивает непрерывную устойчивую работу установки магнитного удержания, которая признана наиболее эффективным способом изучения и решения инженерных и физических проблем будущих термоядерных реакторов. Самый эффективный способ.» [4, с. 474–477; 479–480]. Если удастся успешно разработать управляемый ядерный синтез, то человечеству больше не нужно будет беспокоиться об использовании энергии в течение миллиардов лет в будущем. В истории способы использования энергии постоянно менялись, и человечество использовало развитие науки и техники для создания одного изобретения за другим, которые меняли его собственный образ жизни.

Сегодня различные дисциплины сильно дифференцированы, а связанные с ними передовые технологии в профессиональных областях различных дисциплин постоянно совершенствуются. Обычным людям в жизни трудно иметь соответствующее представление обо всех новейших технологиях. Хотя отдельные люди не могут понять новейшее научно-техническое содержание, это не влияет на соответствующие научно-технические изменения в образе жизни современного человечества.

С ростом сложности современные технологии отступили за кулисы человеческой жизни в потенциальной форме. Людям не нужно разбираться в деталях этих технологий, а технологии уже воздействовали на жизнь. Научно-техническая инженерия стала основой жизни современного человека, и никто не может отказаться от удобства, создаваемого наукой и техникой. Требования современной жизни к отдельным людям заключаются не только в умелом использовании достижений современной науки и техники, но и в формировании внешней принудительной силы. Обеспечивая удобство, наука и техника также насильственно изменили образ жизни человека. Наука и техника проникают в культуру естественным образом. Носитель культуры зависит от науки и техники, и способы выражения культуры также меняются с развитием науки и техники.

Культура варьируется от традиционного языка и текста как единственного носителя до современных видео, аудио, изображений, текста и других форм самовыражения, а также от виртуальной реальности, улучшения реальности, смешанной реальности и других форм визуального представления. Новые технологии представляют культурное содержание в более понятной форме, и люди напрямую сталкиваются с другим содержанием, больше не используя язык и письменность в качестве единственного носителя культуры. Научно-техническая инженерия обеспечивает материальную основу для жизни человека во всех аспектах реальной жизни и меняет образ жизни человечества. Люди принимают удобство, обеспечиваемое технологией, в бессознательном состоянии и приспосабливаются к логике ее функционирования с разных сторон. За последние тысячи лет нормы и кодексы человеческого поведения, по-видимому, унаследовали традиции тысячелетней давности, но культура уже постепенно менялась в процессе наследования. Причина этого изменения заключается в том, что культурная логика человечества претерпела незаметные изменения, и именно трансформация того, как научно-техническая инженерия дает человечеству понимание мира и преобразует его.

Технологическая эволюция логики, лежащей в основе культуры

Хотя технологии и культура имеют существенные различия в объектах и содержании, они не влияют на взаимодействие между ними. Сравнивая достижения науки и техники с обычным языком и культурой, можно сказать, что между ними нет никакой связи. Однако внутренняя логика функционирования технологии и культуры невидимым образом взаимосвязаны. Связь между наукой, техникой и культурой отчетливо видна с точки зрения логической эволюции.

Логика науки и техники превратилась в логику повседневной жизни

Из очевидного наблюдения следует, что логика науки и техники и логика повседневной жизни различны, и существуют различия в объектах, методах, целях и логике научно-технической логики. Объект научно-технической логики находится на материальном уровне, а логика повседневной жизни – на светском. Хотя эти два понятия пересекаются, они не являются полностью эквивалентными. Метод научной и технологической логики заключается в проверке гипотез, основанных на определенных явлениях, с помощью ряда методов, таких как расчеты, эксперименты и измерения. Метод логики повседневной жизни заключается в обобщении и систематизации правил поведения в повседневной жизни с помощью светского опыта. Цель научно-технической логики состоит в том, чтобы исследовать принцип действия, лежащий в основе данного явления, и полученный принцип должен быть объяснен на материальном уровне, и это объяснение, как правило, может существовать при тех же условиях. Цель логики повседневной жизни состоит в том, чтобы обобщить набор поведенческих норм о повседневной жизни на основе опыта повседневной жизни, осуществлять деятельность в соответствии с определенными поведенческими нормами и достичь более комфортного жизненного состояния. С точки зрения объектов, методов и целей логика повседневной жизни и логика науки и техники кажутся совершенно разными, но логика современной повседневной жизни, по существу, развивается и изменяется в соответствии с логикой науки и техники. Например, при приготовлении повседневной пищи древние люди сверлили дерево, чтобы добыть огонь, или сталкивали кремь друг с другом, чтобы добыть огонь, а затем сжигали древесину, чтобы испечь пищу для употребления в пищу. В наше время было обнаружено, что подземный уголь обладает более длительным временем горения и более высокой теплотворной способностью, чем древесина. В наше время сжигание угля вместо древесины постепенно стало использоваться для получения тепловой энергии для приготовления пищи. Современные люди используют сжигание природного газа в резервуарах для сжиженного нефтяного газа или трубопроводах для получения тепловой энергии, необходимой для приготовления пищи, а также современные плиты и кастрюли, в которых для нагрева используются электромагнитные технологии. Электромагнитная технология используется для нагрева плиты для приготовления пищи. Научно-технический прогресс открыл людям возможность наблюдать за окружающим миром, и их понимание мира изменилось с единственного пути на множественный. Это еще больше изменило представление человечества о мире. Человечество еще больше осознало разнообразие мира,

и решения различных проблем больше не основаны на одном методе или стандарте, а пытаются проанализировать проблему с разных сторон. Анализ. Затем выберите разумное решение проблемы в соответствии с конкретными условиями решения конкретной проблемы и достигните больших выгод при меньших затратах. Научная логика постепенно проникает на сцену человеческой реальности, вынося суждения по крупницам повседневной жизни, и логика повседневной жизни человека также имеет тенденцию развиваться в направлении научной и технологической логики с применением науки и техники.

Логика повседневной жизни порождает логику культуры

Культура – это форма человеческой жизни. Культура состоит из видов деятельности в повседневной жизни людей. Формирование культурной логики требует контекста повседневной жизни, устанавливаемого логикой повседневной жизни. Исходя из контекста повседневной жизни, культура формирует групповой консенсус посредством эпохальной человеческой деятельности и генерирует культурное содержание в групповом консенсусе. Формирование культуры ограничено эпохой, в которой она находится, и синтезируется различными факторами, такими как наука и техника, религия, идеология и политическая среда в разные эпохи. Являясь первой социальной средой обитания человека, повседневная жизнь непосредственно влияет на формирование мировоззрения человека, его взглядов на жизнь и ценностей, а также самым непосредственным образом влияет на эволюцию всего человеческого общества. Исходя из ситуации индивидуальной жизни, можно сделать вывод о конкретном состоянии культуры в обществе в то время, о том, будет ли развитие и изменение культуры проявляться по морфологическим изменениям в повседневной жизни. «До тех пор, пока у сообщества отсутствует мотивация к изменению своей социальной структуры и духовной жизни, его культура также будет демонстрировать вечный тренд.» [5, с. 83]. Возникновение культурных изменений отражает степень развития человека и состояние социальной деятельности в данной культуре. Через события, переживаемые социальными группами в социальном пространстве, поведение человека в повседневной жизни отражается в культуре.

Логика повседневной жизни является основой для интуитивных реакций людей, когда они сталкиваются с различными жизненными ситуациями и проблемами в реальной жизни. В обществе люди образуют группу, и поведение разных людей в этой группе постепенно сближается. После сближения это постепенно перерастает в своего рода сдержанность, которая в свою очередь, воздействует на предыдущих особей. Под влиянием группового эффекта повседневная жизнь стала поведением, которому потенциально будут следо-

вать члены текущей группы. Повседневное поведение предоставляет материалы для различных литературных и художественных произведений, религиозных ритуалов, спортивных мероприятий и т.д., начиная с повседневной жизни, исследований и создания различного контента. Принимая содержание повседневной жизни за материал культурного содержания, в процессе культурного усвоения содержания повседневной жизни логика повседневной жизни незаметно привносится в логику культурного порождения, а культурная логика рассматривает составные элементы повседневной жизни как элементы, которые необходимо исследовать в контексте культуры, процесс его собственного развития.

Технологическая логика потенциально входит в культурную логику

По мере того как применение науки и техники проникло в повседневную жизнь человека, универсальность, обобщенность, инновационность и другие характеристики логики науки и техники постепенно проникали в логику повседневной жизни. Основная особенность логики науки и техники заключается в том, что законы науки и техники, как правило, используются в одних и тех же вещах. Универсальная применимость законов не зависит от воли отдельного человека, и одни и те же результаты могут быть получены для всех вещей, которые отвечают предъявляемым требованиям об условиях. В логике повседневной жизни индивид наследует и продолжает природу логики науки и техники, основанную на логике науки и техники. Логические характеристики науки и техники, такие как универсальность, обобщенность и инновационность, унаследованы от логики повседневной жизни. Затем, благодаря этим свойствам, на основе основных видов деятельности, вытекающих из логики повседневной жизни, создается культура, соответствующая логической природе повседневной жизни, и создается научно-техническая культурная среда обитания, соответствующая логике научно-технической повседневной жизни, и создается культурный контекст, богатый научно-технологическими характеристиками.

Как разновидность гуманистической логики, культурная логика не обладает той научно-технической рациональностью, которая присуща научно-технологической логике в глазах обществу. Гуманистическая логика в основном исходит из чувствительности и выражает скорее своего рода гуманистическую заботу, основанную на гуманизме.»Гуманистическая культура основана на гуманитарных науках. Она в основном сконцентрирована в гуманистических знаниях, гуманистической мысли, гуманистических методах, взглядах на жизнь и образе жизни, особенно проникающих и проявляющихся в гуманизме или гуманистическом духе – это ядро и сущность гуманистической культуры» [6, с. 10–11]. Несмотря на то,

что в настоящее время широко распространено мнение о том, что гуманитарные науки и культура являются основным компонентом культуры, с учетом растущей интеграции современных научно-технических продуктов в жизнь человека, неуместно не учитывать влияние научно-технической логики на культуру при изучении культурной логики.

Поэтому в то время, когда наука и техника являются основой повседневной жизни, в процессе научно-технических исследований мы должны уделять больше внимания культурному влиянию науки и техники. Наука и техника дают культуре возможность восполнить этот единственный недостаток с материальной точки зрения. Рационализм в логике науки и техники нейтрализует романтизм самой культуры, усиливая заботу культуры о людях в реальности. Благодаря уникальному духу рефлексии и критики в логике науки и техники реальность каждого человека рассматривается с точки зрения культуры. Таким образом, индивид может получить рациональное представление о мировоззрении, взглядах на жизнь и ценностях, исходя из культурного контекста. Крайне важно включить научную и технологическую логику в изучение культурной логики в практическом смысле. После того, как универсальность логики науки и техники перешла из области научных исследований в сферу культуры, образ жизни, связанный с культурой, также развился в сторону общей культуры, и общие проблемы, существующие в обществе, постепенно проникли в сферу культуры, став новой темой в области культуры. Развитие науки и техники не только обеспечивает материальное благополучие человечества, но и открывает новый путь развития культуры.

Содействие научно-техническому развитию в целях модернизации культуры

Благодаря применению научно-технического прогресса это поможет продвинуть процесс модернизации китайской культуры. Содействие культурной модернизации с помощью научно-технического инжиниринга осуществляется в двух аспектах: на материальном и идеологическом уровнях.

Материальный уровень

Научно-технический прогресс обеспечивает инфраструктуру для обмена информацией. Интернет, социальные сети, короткие видеоролики и многие телекоммуникационные технологии изменили способы общения людей и обмена информацией. Это способствовало глобализации культуры, и люди из разных уголков мира могут взаимодействовать, обмениваться идеями и понимать культуру друг друга. На этой основе получили дальнейшее развитие культурные обмены и сотрудничество, а технический прогресс позволил представителям разных

культур сотрудничать в реализации проектов, обмениваться произведениями искусства и работать сообща. Это способствует межкультурному взаимопониманию и обменам, тем самым формируя более взаимосвязанное глобальное сообщество.

Научно-технический прогресс привел к экономическому росту и предоставил ресурсы для культурного развития и модернизации. По мере того как экономики становятся все более взаимосвязанными, поток идей, работ и услуг между культурами продолжает увеличиваться, способствуя тем самым культурным обменам и интеграции. Совершенствование экономического фундамента также создает возможности для развития культурного строительства. Маркс указывал на взаимосвязи между экономическим фундаментом и надстройкой, что экономический фундамент определяет надстройку, а надстройка реагирует на экономический фундамент, что показывает важность экономического фундамента для развития культурных начинаний. Из этого видно, что научно-техническая разработка способствовала развитию общественных движений и просветительской деятельности, позволяя людям более эффективно решать культурные и социальные проблемы. Благодаря формированию культуры меняются социальные нормы и установки, что способствует развитию культурной открытости и терпимости. Научно-технический прогресс устраняет первоначальные препятствия на материальном уровне, способствует межкультурному взаимопониманию и способствует обмену идеями, ценностями и традиционными обычаями во все более взаимосвязанном мире, тем самым помогая осуществить культурную модернизацию.

Духовный уровень

Научно-технический прогресс стал основой социального строительства, и, способствуя строительству современных общественных объектов, он также дает новые идеи для создания современной культуры. В соответствии с традиционной социальной моделью разделение труда в обществе относительно упрощено, и существует лишь несколько простых ролей, которые могут играть разные люди. Наряду с обогащением материальной жизни, разработка научно-технических проектов также расширила возможности для самореализации людей в обществе, и разные люди могут отражать свои собственные ценности на разных рабочих местах. Общество обеспечивает богатое разнообразие для роста человека, и культура также стала более инклюзивной. Люди могут создавать более самобытные формы и содержание в культуре, и неприятие новых вещей в культуре меньше, чем в традиционном обществе. Культура, на которую влияет логика науки и техники, может обеспечить более открытое пространство для инновационного развития и способствовать рождению новых вещей в современной

культуре. Используйте различные методы, такие как научно-технические инновации и культурные инновации, для совместного продвижения инновационных идей, которые будут играть важную роль в культуре, использования инноваций в качестве направления повседневной жизни и интеграции осведомленности об инновациях в культурную среду. Являясь важной частью модернизации общества, инновации еще больше способствуют развитию духа новаторства в культурном смысле.

Литературы

1. Ли Синминь. Научная культура и гуманитарная культура: интеграция. // Вестник Шаньдунского университета науки и технологий (издание по социальным наукам), 2012, 14(03).
2. Аристотель. Планетология, космология. / перевод У Шоупэн, Пекин: Коммерческая пресса, 1999.
3. Шу Цзя, Цзянь Хунцзян. Совпадение и раскрытие науки и философии в коперниканской революции. // Исследование в области управления наукой и технологиями, 2016, № 36(02).
4. Ли Цзянган, Чжао Цзюньюй, Пэн Цзилун. Полностью сверхпроводящее экспериментальное устройство для ядерного синтеза Токамак. // Труды Китайской академии наук, 2008 (05).
5. Боас. Антропология и современная жизнь. / перевод Лю Ша, Тань Сяоцин, Чжан Чжохун, Пекин: Издательство «Хуася», 1999.
6. Ли Синминь. Наука и культура против гуманитарных наук и культурологии. // Демократия и наука, 2013 (03).

THE MODERN WAY OF INTEGRATION OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND CULTURE FROM THE POINT OF VIEW OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ENGINEERING

Wei Hongyu

Heilongjiang University, China

Scientific and technological engineering has developed rapidly in recent years, and scientific and technological culture has been further integrated into people's daily lives. The application of scientific and technological engineering in daily life has popularized the logic of science and technology, and the logic of science and technology has further entered the daily lives of the general public. As a form of daily life, culture is also potentially influenced by the logic of science and technology, and the logic of science and technology enters the culture in a potential way and forms an indispensable part of the culture. Scientific and technological projects have broken the limitations of the original cultural exchanges, provided more comprehensive cultural exchanges in time and space, and presented all the outstanding traditional Chinese culture and other diverse cultures in the world before the eyes of mankind. Scientific and technological engineering has brought the spirit of innovation in science and technology into the field of cultural development, broadened society's thinking about cultural development, and promoted the role of cultural innovation in promoting cultural modernization. Through the study of the changes brought about by scientific and technological engineering to daily life, it is of great significance to the research and understanding of the modernization and development of culture.

Keywords: science and technology engineering; science and technology logic; science and technology culture; cultural integration.

References

1. Li Xingmin. Scientific Culture and Humanitarian Culture: Integration. // Bulletin of Shandong University of Science and Technology (Social Science Edition), 2012, 14(03).
2. Aristotle. Planetology, Cosmology. / Translated by Wu Shoupeng, Beijing: Commercial Press, 1999.
3. Shu Jia, Jian Hongjiang. Coincidence and Disclosure of Science and Philosophy in the Copernican Revolution. // Research in Science and Technology Management, 2016, No. 36(02).
4. Li Jiangang, Zhao Junyu, Peng Zilong. Fully Superconducting Tokamak Nuclear Fusion Experimental Device. // Transactions of the Chinese Academy of Sciences, 2008 (05).
5. Boas. Anthropology and Modern Life. / Translated by Liu Sha, Tan Xiaoqin, Zhang Zhuohong, Beijing: Huaxia Publishing House, 1999.
6. Li Xingmin. Science and Culture AGAINST Humanities and Cultural Studies. // Democracy and Science, 2013 (03).

Интроспективность гедонизма

Мартынова Надежда Дмитриевна,

аспирант, кафедра философии, Казанский федеральный университет

E-mail: martynadezhda@gmail.com

В статье исследуется философия гедонизма через работы Аристиппа, Эпикура, Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и Генри Сиджвика. Цель исследования – изучить, как данные философы предлагают ограничивать гедонистическое поведение через работу с внутренними побуждениями (желаниями). Для каждого автора рассматриваются отношение к желаниям, предложенные способы оценки и ранжирования желаний, а также обоснование того, какие именно желания и по какой причине следует ограничивать в рамках гедонистической философии. В работе подчеркивается, что философия гедонизма требует дисциплинированного подхода к управлению желаниями и представляет собой не только философию поиска удовольствия, но и осознанную стратегию достижения гармоничной и устойчивой жизни. Автор выделяет интроспекцию как центральный элемент гедонистической философии, позволяющий выстраивать сбалансированные отношения с личными желаниями и быть интегрированным в социальный контекст.

Ключевые слова: гедонизм, интроспекция, желания, Аристипп, Эпикур, И. Бентам, Дж.С. Милль, Г. Сиджвик.

Гедонизм – это философская традиция, утверждающая, что удовольствие является высшей ценностью и конечной целью человеческой жизни. В рамках этой философии предполагается, что действия человека должны быть направлены на максимизацию удовольствия и минимизацию страданий.

Однако, парадоксальным образом, гедонистическая философия, за редким исключением (например, работы Маркиза де Сада), не предлагает безусловного следования за удовольствием или полного избегания боли при любых обстоятельствах. Напротив, большинство гедонистических традиций – как классических, так и современных – прямо или неявно признают необходимость самоограничений. Эти осознанные ограничения в стремлении к удовольствию рассматриваются философами гедонизма как способ достижения устойчивого удовольствия и предотвращения разрушительных последствий, которые может повлечь гедонистический образ жизни.

На эту особенность гедонистической философии обращает внимание Генри Сиджвик (1838–1900), английский философ и представитель классической утилитаристской традиции. В своей работе «Методы этики» он пишет: «...я лишь утверждаю, что при применении принципа эгоистического гедонизма с учетом законов человеческой природы он фактически становится самоограничивающим». [7, с. 62] Похожую мысль мы можем найти в статье Д. Нэша «Истинный смысл гедонизма: философская перспектива»: философское значение гедонизма не сводится к простому следованию за удовольствиями любой ценой; в противном случае следование за личным удовольствием может становиться саморазрушительным в долгосрочной перспективе [11].

Философ Я. Румпала рассматривает концепцию «счастливого самоограничения» или «гедонизма умеренности», показывая, что осознанный отказ от избыточного потребления способствует более глубокому и устойчивому удовлетворению жизнью [9]. В своей работе он анализирует, как гедонистическая практика может сочетаться с аскетическими элементами и добровольной умеренностью [9]. Его идеи были представлены в переводе и адаптации Е.Л. Ушковой [9]. Настоящее исследование дополняет этот подход, показывая, что идея умеренности в гедонизме не является новым явлением, а изначально заложена в философскую традицию гедонизма.

Цель статьи – исследовать один из ключевых способов самоограничения в гедонистической философии: управление желаниями и побуждениями.

Методология и терминология

В статье рассматриваются работы Аристиппа, Эпикура, Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и Генри Сиджвика, с целью исследования их подходов к различению желаний: каким из них следует подчиняться, а каким – нет, и как это разделение ими обосновывается.

Термины «побуждения», «желания», «мотивации» и «импульсы» в статье используются как взаимозаменяемые, что отражает разнообразие используемых понятий в работах самих философов. Для каждого мыслителя терминология будет уточняться, но в центре внимания – их подходы к работе с внутренними стремлениями, ведущими к внешним действиям.

В данной работе разделение между утилитаризмом и гедонизмом не проводится, поскольку обе концепции в основе предполагают следование за интересами индивида, направленное на максимизацию удовольствия и минимизацию боли. В исследовательских целях утилитаризм рассматривается как просоциальное расширение гедонизма, где действие в рамках общественного поведения обосновывается через интересы (потенциальное удовольствие и избегание боли) индивида. Таким образом, утилитаризм И. Бентама и Д.С. Милля включается в традицию гедонизма как её особая разновидность.

Желания как ключевая категория

Желание в гедонистической философии – это внутренний мотив, направляющий человека к получению удовольствия и избеганию боли. Однако следует ли гедонисту стремиться к реализации каждого своего желания? Исследуемые представители философии гедонизма сходятся во мнении, что не все желания следует реализовывать. Для исследуемых в данной работе философских подходов к гедонизму ключевым требованием к субъекту является способность к глубокой интроспекции, которая позволяет различать желания, достойные и недостойные реализации. Такое ранжирование способствует установлению баланса между вниманием к внешнему миру, выступающему источником удовольствий и страданий, и внутренним миром, служащим инструментом анализа и контроля. Такой подход позволяет рассматривать гедонизм как более осознанную и устойчивую жизненную стратегию, предотвращающую разрушительные последствия неразборчивого следования за любыми желаниями.

Однако подходы к ранжированию желаний, к их классификации и способам обращения с ними су-

щественно различаются у каждого философа гедонизма. В данной статье мы проанализируем эти различия, начиная с подхода Аристиппа.

Хотя оригинальные тексты Аристиппа до нас не дошли, современный американский исследователь Курт Лампе в своей книге «Рождение гедонизма: Киренские философы и удовольствие как образ жизни» приводит ключевые идеи философа. Опираясь на сведения Плутарха, К. Лампе описывает отношение Аристиппа к неуправляемым, болезненным желаниям: «Те, кто всегда остаются неудовлетворенными, неважно, что бы они не приобрели, больны [have an “illness” (pathos)]». Патологизация такого состояния объясняется тем, что не только это состояние «неразумно», «неестественно» ..., но и что более значимо с точки зрения гедонизма – [такое состояние] некомфортно: его симптомы включают в себя стресс (suntetatai) и бессонницу (agrupnei)». Другое высказывание Аристиппа подчёркивает ту же мысль: «Лучше спать на соломе и чувствовать уверенность, чем быть богатым, но задыхаться от собственных мыслей». [5, с. 59]. Таким образом, Аристипп предлагал различать естественные желания, достойные исполнения, и те, которые он считал неестественными, неуправляемыми и неразумными. Основным критерием для такого разделения была их способность превращать человека в заложника собственных мыслей. Если при получении желаемого объекта или возникновении желаемой ситуации, желание не удовлетворяется, но лишь усиливается, оно, по мнению Аристиппа, становится болезненным и неразумным и от него следует избавляться. Философия Аристиппа во многом настаивает на получении удовольствия в текущем моменте [1]. Если исполнение желаний приводит к тому, что человек постоянно думает о будущем моменте, когда он сможет получить больше наслаждения, или о нехватке удовольствия в настоящем, это означает, что желания взяли над ним верх. Когда желания мешают жить в текущем моменте (например, в случае зависимости или жадности), их можно считать дурными.

Еще более отчетливую мысль о том, что некоторые желания недостойны удовлетворения, мы находим в философии Эпикура. В «Письме Менекею» он пишет: «Желания бывают одни – естественные, другие – пустые, и из числа естественных одни – необходимые, а другие – только естественные; а из числа необходимых одни – необходимы для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни» [8]. Основная цель эпикурейской философии – достижение состояния безмятежности, свободы от страданий. Желания, которые тревожат или нарушают это состояние, противоречат принципам учения. Эпикур прямо указывает: «ведь ради этого мы все делаем, – именно, чтобы не иметь ни страданий, ни тревог. А раз это с нами случилось, всякая буря души рас-

сеивается, так как живому существу нет надобности идти к чему-то, как к недостающему ...» [8]. Эта установка определяет отношение философа к удовольствиям и желаниям: те из них, которые чрезмерны или впоследствии приводят к страданиям, не должны руководить человеком. Например, он противопоставляет гедонизм распутников своим идеалам, утверждая: «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении... мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог» [8].

Эпикур считает, что для достижения подлинного счастья необходимо развивать способность к рассудительному выбору. Философия требует трезвого анализа желаний: необходимо понимать, какие из них действительно способствуют счастью, а какие оказываются пустыми, ложными или приносят лишь смятение. Он подчеркивает, что этот анализ желаний связан с трезвым рассуждением: «[Рождают приятную жизнь] ... трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение» [8], и что «Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов [желаний] при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни» [8]. Такой вывод делает российский исследователь В. Бровкин: «Проще говоря, по мнению Эпикура, избавление от пустых желаний лежит в области исследования этих самых желаний, причем речь идет не об одноразовом акте исследования желаний, а о постоянном размышлении» [4].

Таким образом, Эпикур выделяет в своей этике центральную задачу – управление желаниями. Ненужные, излишние желания должны быть устранены, поскольку они отвлекают дух и нарушают гармонию. Для этого философия предлагает практику постоянного самоанализа и созерцания. Эпикур требует от человека находиться в размышлениях, чтобы оценивать и ранжировать свои желания, сохраняя безмятежность души и здоровье тела как главные цели счастливой жизни.

В подходе Иеремии Бентама, на первый взгляд, нет необходимости в интроспекции или ранжировании желаний, поскольку он неоднократно подчеркивает, что мотивы сами по себе не могут быть признаны ни хорошими, ни плохими. Их моральная ценность определяется исключительно последствиями, к которым они приводят: «Кажется, единственный способ, которым мотив можно с уверенностью и обоснованно назвать «хорошим» или «плохим», – это соотнести его с его последствиями в каждом конкретном случае» [2, с. 67]. Однако более глубокий анализ показывает, что сама структура утилитаристской этики И. Бентама предполагает косвенное обращение к самоанализу.

Основная задача утилитаризма состоит в том, чтобы выявить и осмыслить взаимосвязь между личными интересами и интересами общества. Это требует определенной степени рационального размышления над собственными мотивами, их обоснованием и их согласованием с общим благом. И. Бентам пишет: «Какова же задача деонтолога? В каждом случае выводить из тени ... точки совпадения, в которых интересы, направленные вовне, связаны и самой природой отождествлены с интересами, направленными на самого себя» [3, с. 193]. Эта концепция указывает на необходимость размышления над собственными стремлениями: индивид должен понимать, как его действия, мотивируемые личными интересами, могут способствовать или, напротив, препятствовать интересам общества. Хотя И. Бентам не формулирует это как «интроспекцию» в классическом смысле, его подход все же требует анализа мотивов через призму их последствий для общего счастья. Таким образом, утилитаризм, несмотря на его кажущуюся внешнюю направленность, требует рефлексии для выравнивания индивидуальных интересов с коллективным благом. Следовательно, хотя подход И. Бентама к этике сфокусирован на последствиях, для последователя гедонизма, он подразумевает оценку и управление своими желаниями (мотивами).

Последователь И. Бентама, Дж.С. Милль в работе «Утилитаризм», различает высшие и низшие удовольствия. По мнению Дж.С. Милля, Высшие удовольствия связаны с интеллектуальной и моральной сферой, а низшие – с физическими наслаждениями. «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей; лучше быть недовольным Сократом, чем довольным глупцом». [6, с. 55] Само ранжирование удовольствий предполагает большую ценность высших удовольствий, большую значимость. Для того чтобы осознать разницу между удовольствиями разного уровня, человек должен обладать опытом обоих типов удовольствий и способность к критическому размышлению над их качеством. Дж.С. Милль подчеркивает, что только те, кто пережил как высшие, так и низшие удовольствия, могут адекватно судить о них. «По вопросу о том, какое из двух удовольствий является более ценным, или какой из двух образов жизни наиболее для нас приятен, вне зависимости от их атрибутов моральности и последствий, – суждение тех (или большинства из них, если их суждения различаются), кто искушен в обоих, следует признавать как окончательное» [6, с. 57]. Дж.С. Милль утверждает, что постоянное следование за низшими желаниями, может ослабить способность получать высшие, более качественные удовольствия. В то время как стремление к высшим удовольствиям требует постоянного развития и внимания, иначе может исчезнуть. «Предрасположенность к более благородным чув-

ствам является во многих натурах очень хрупким растением, которое легко может погибнуть, и не только под воздействием негативных факторов, но и потому, что о нем необходимо постоянно заботиться» [6, с. 57] – пишет Дж.С. Милль. По мнению философа, интеллектуальная деятельность является ключевой в сохранении способности к более достойным и благородным, высшим, удовольствиям [6, с. 57]. Таким образом, сохранение способности к высшим удовольствиям предполагает постоянное размышление над своими желаниями и приоритетами. Без оценки и управления своими желаниями, без интроспекции, человек рискует потерять способность наслаждаться высшими удовольствиями.

Генри Сиджвик в своей работе «Методы этики» исследует гедонистические концепции и отвергает концепцию Дж. Милля о высших и низших удовольствиях, считая её трудно поддающейся объективной оценке. Вместо этого он, вслед за И. Бентамом, разделяет импульсы, направленными на собственное удовольствие (self-regarding) и на удовольствие других (extra-regarding) [7, с. 24–25]. Г. Сиджвик подчёркивает, что «импульсы, строго направленные на собственное удовольствие, часто несовместимы с бескорыстными импульсами, которые не преследуют удовольствия, хотя значительная часть нашего счастья состоит именно в удовлетворении этих бескорыстных стремлений». Он отмечает, что «эти два вида импульсов часто не могут сосуществовать в одном и том же моменте сознания», однако только чередование этих двух импульсов может принести общую гармонию в жизнь. «Однако в повседневной жизни, несовместимость импульсов является временным явлением, и не мешает достижению истинной гармонии, достижимой только через чередующийся ритм двух разных видов импульсов в сознании» [7, с. 62]. Г. Сиджвик считается основателем концепции парадокса гедонизма, однако его предпосылки можно обнаружить уже в античной философии [8]. Парадокс гедонизма заключается в том, что прямое стремление к удовольствию может не только не привести к его увеличению, но и снизить общий уровень удовлетворённости жизнью. Прокофьев отмечает, что этот парадокс используется как аргумент в обосновании морали, поскольку показывает, что гедонизм без самоограничений и устойчивых целей может оказаться несостоятельным в долгосрочной перспективе [8]. Данный парадокс демонстрирует, что поиск удовольствий, не подкреплённый формированием устойчивых целей и моральных принципов, может препятствовать достижению долгосрочного благополучия. Следовательно, в разрешении парадокса гедонизма Г. Сиджвика контексте важную роль играет самоограничения и интроспекция как способность осознавать и контролировать импульсивные желания, а также выходить за пределы сию-

минутных ощущений, рассматривая удовольствие в более широком контексте осмысленной жизни.

Вывод

Несмотря на провозглашение удовольствия высшей ценностью, гедонистические философы приходят к осознанию необходимости самоограничения и осознанного управления своими желаниями. Самоограничение, в этом контексте, достигается через постоянную интроспекцию, направленную на анализ природы собственных стремлений и их последствий. Так, Аристипп предлагает устранять излишние и разрушительные желания, которые отвлекают от наслаждения настоящим моментом; Эпикур настаивает на ранжировании желаний по их необходимости и пользе; И. Бентам сосредотачивается на анализе последствий действий и на согласовании личного удовольствия с интересами других; Дж.С. Милль выделяет высшие удовольствия как более значимые в силу их интеллектуальной и моральной ценности; Г. Сиджвик акцентирует внимание на необходимости чередующегося равновесия между эгоистическими и альтруистическими импульсами.

Таким образом, философия гедонизма требует не только стремления к удовольствию, но и дисциплинированного подхода к своим внутренним мотивам. Гедонизм – это философия, предполагающая постоянный анализ желаний, их влияния на благополучие индивида и окружающих, а также осмысленное выстраивание своей жизни для достижения устойчивого счастья. Интроспекция становится неотъемлемым инструментом гедониста, позволяющим не просто следовать за удовольствием, но и управлять своими побуждениями, выстраивая гармоничное отношение как с собственными желаниями, так и с социальным контекстом.

Литература

1. Алымова Е. В., Караваева С.В. Аристипп из Кирены: феноменология наслаждения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2019. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aristipp-iz-kireny-fenomenologiya-naslazhdeniya> (дата обращения: 23.11.2024).
2. Бентам И. Введение в принципы морали и законодательства / пер. и ред. Джонатан Беннет. – Электрон. текст. – Jonathan Bennett, 2017. (дата обращения: 11.24.2024).
3. Бентам И. Деонтология, вместе с таблицей источников действия и статьей об утилитаризме / под ред. Амнона Голдворта. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 437 с.
4. Бровкин Владимир Викторович Концепция добродетели у Эпикура // Schole, СХОЛЭ. 2012. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- kontsepsiya-dobrodeteli-u-epikura (дата обращения: 24.11.2024).
5. Лампе К. Рождение гедонизма: Киренские философы и удовольствие как образ жизни. Принстон: Издательство Принстонского университета, 2015. – 280 с.
 6. Милль Дж.С. Утилитаризм / пер. с англ. и предисл. А.С. Земерова. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. – 240 с.
 7. Сиджвик Г. Методы этики / пер. и ред. Джонатан Беннет. – Электрон. текст. – Jonathan Bennett, 2017. (дата обращения: 24.11.2024).
 8. Прокофьев А.В. Парадокс гедонизма как средство обоснования морали // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2021. – Т. 45, № 4. – С. 685–695.
 9. Ушкова Е. Л. 2020.03.006. Румпала Я. Какое место «счастливого самоограничения» или «гедонизма умеренности» в мире потребителей? Между (вос)созданием этоса и неразрешёнными затруднениями. Rumpala Y. Quelle place pour une «sobriété heureuse» ou un «hédonisme de la modération» dans un monde de consommateurs? Entre (re)construction d'un ethos et tensions non résolues. // *L'Homme & la Société.* – 2018. – № 3. – С. 223–248. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2020-03-006-rumpala-ya-kakovo-mesto-schastlivogo-samoogranicheniya-ili-gedonizma-umerennosti-v-mire-potrebiteley-mezhdu-vo> (дата обращения: 02.02.2025).
 10. Эпикур. Письмо к Менекею // *СимпозиЙ Συμπόσιον*: сайт об античной литературе, античной истории и людях античности (дата обращения: 11.24.2024).
 11. Nash J. The True Meaning of Hedonism: A Philosophical Perspective // *Positive Psychology.* – 2023. – URL: <https://positivepsychology.com/hedonism/> (дата обращения: 02.02.2024).

THE INTROSPECTIVENESS OF HEDONISM

Martynova N.D.

Kazan Federal University

The article explores the philosophy of hedonism through the works of Aristippus, Epicurus, Jeremy Bentham, John Stuart Mill, and Henry Sidgwick. The aim of the study is to examine how these philoso-

phers propose limiting hedonistic behavior through the management of internal drives (desires). For each author, their attitude toward desires, proposed methods of evaluating and ranking desires, and justifications for which desires should be restricted within the framework of hedonistic philosophy are analyzed. The study emphasizes that the philosophy of hedonism requires a disciplined approach to managing desires and represents not only a philosophy of pleasure but also a conscious strategy for achieving a harmonious and sustainable life. The author highlights introspection as a central element of hedonistic philosophy, enabling balanced relationships both with personal desires and with the social context.

Keywords: hedonism, introspection, desires, Aristippus, Epicurus, J. Bentham, J.S. Mill, H. Sidgwick.

References

1. Alymova E. V., Karavaeva S.V. Aristippus of Cyrene: The Phenomenology of Enjoyment // *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin.* 2019. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aristipp-iz-kireny-fenomenologiya-naslazhdeniya> (date of access: 23.11.2024).
2. Bentham I. Introduction to the Principles of Morals and Legislation / trans. and ed. Jonathan Bennett. – Electronic text. – Jonathan Bennett, 2017. (date of access: 11.24.2024).
3. Bentham I. Deontology, together with a table of the sources of action and an article on utilitarianism / edited by Amnon Goldworth. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 437 p.
4. Brovkin Vladimir Viktorovich The Concept of Virtue in Epicurus // *Schole, SKHOLE.* 2012. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-dobrodeteli-u-epikura> (date of access: 24.11.2024).
5. Lampe K. The Birth of Hedonism: The Cyrene Philosophers and Pleasure as a Way of Life. Princeton: Princeton University Press, 2015. – 280 p.
6. Mill J.S. Utilitarianism / trans. from English and foreword by A.S. Zemerov. – Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2013. – 240 p.
7. Sidgwick G. Methods of Ethics / trans. and ed. Jonathan Bennett. – Electronic text. – Jonathan Bennett, 2017. (date of access: 24.11.2024).
8. Prokofiev A.V. The Paradox of Hedonism as a Means of Justifying Morality // *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law.* – 2021. – Vol. 45, No. 4. – P. 685–695.
9. Ushkova E. L. 2020.03.006. Rumpala J. What is the Place of “Happy Self-Restraint” or “Moderation Hedonism” in the World of Consumers? Between the (Re)Creation of Ethos and Unresolved Difficulties. Rumpala Y. Where does one place a «socially responsible» or a «moderation hedonism» in a consumer world? In (re)constructing an ethos and unresolved tensions. // *L'Homme & la Société.* – 2018. – No. 3. – P. 223–248. // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11, Sociology: Abstract journal. – 2020. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2020-03-006-rumpala-ya-kakovo-mesto-schastlivogo-samoogranicheniya-ili-gedonizma-umerennosti-v-mire-potrebiteley-mezhdu-vo> (date of access: 02.02.2025).
10. Epicurus. Letter to Menoecus // *Symposium Συμπόσιον*: a site about ancient literature, ancient history and people of antiquity. (date of access: 11.24.2024).
11. Nash J. The True Meaning of Hedonism: A Philosophical Perspective // *Positive Psychology.* – 2023. – URL: <https://positivepsychology.com/hedonism/> (accessed: 02.02.2024).

Основные черты образа макары в иконографии и храмовой архитектуре индуизма

Пахомова Анна Михайловна,
аспирант МГУ имени Ломоносова
E-mail: annetwhatever@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию символики макары – древнего мифологического водного существа, представляющего собой сложный композитный образ, сочетающий как черты змеи и крокодила, так и акулы, дельфина и многих других морских животных. В материале прослеживается эволюция макары от ранних упоминаний в «Яджурведе» в контексте ритуала Ашвамедха до ее детального описания в пуранах и других классических текстах. Макара выступает как символ водной стихии, жизненной силы и переходного элемента между материальным и божественным мирами, что отражается в ее роли ваханы Варуны, украшении храмовых ступ и упалитхи, а также в образе макара-кундалы, сопровождающей божеств, таких как Вишну, Шива, Ганга и Кама. Особое внимание уделяется двойственности образа макары: с одной стороны, она ассоциируется с плодородием, защитой и торжеством жизни, а с другой – символизирует материальные стремления, опасности насилия и мрачные аспекты существования. Анализ опирается на древние санскритские трактаты (Шилпа Шастра, Агама Шастра, Амаракоса и др.), раскрывая эстетические и функциональные принципы, лежащие в основе изображений макары в религиозном искусстве и архитектуре.

Ключевые слова: макара, змеепоклонство, апотропеическая магия, индуизм, веды, мифология, ритуалы, лингвистика, археология, иконография.

Введение

Среди многих других композитных животных джала-чарин («*jalacārin*»), таких как джалаторага («*jalatoraga*») или джалахастин («*alahastin*»), макара («*makara*») или крокодил с рыбьим хвостом, занимает сравнительно более значимое место. Макара описана как вид морского животного или морского чудовища, смешиваемого с крокодилем, акулой, дельфином и другими животными. Помимо того, что она считается водным чудовищем, ее рассматривают как мифологическое существо с неясным происхождением. Макара также воспринимается как символ вод, сущность в водах, принцип жизни, как транспортное средство Варуны («*makara-vāhana*»), различных якшей и якшинь, а также богини-реки Ганга. Макара фигурирует в образе бога любви Камы, а также выполняет ряд защитных функций в храмовой архитектуре индуизма.

Материалы и методы

В статье использованы разнообразные источники, отражающие как литературные, так и материальные аспекты изучения символики макары. В качестве основных материалов выступают древние санскритские тексты, такие как «Яджурведа», Пураны (в том числе «Маркандея-пурана», «Махабхарата» и другие), а также трактаты Шилпа Шастры и Амаракоса. Эти тексты служат основой для анализа эволюции образа макары от ранних ведических упоминаний до поздних пуранических интерпретаций.

Кроме того, в исследовании привлечены данные археологических находок и иконографических памятников, выявленных в росписях и скульптуре храмов, что позволяет проследить трансформацию образа макары в материальном искусстве.

Методологическая база работы включает историко-критический анализ источников, сравнительное изучение текстовых и визуальных данных, а также лингвистический анализ терминологии, связанной с макарой. Применялись методы синтеза и систематизации, что способствовало выявлению общих эстетических и символических принципов, лежащих в основе представлений о макаре в религиозном искусстве и архитектуре. Такой комплексный подход позволил не только реконструировать историческую динамику образа, но и выявить его двойственную природу, отражающую как жизнеутверждающие, так и мрачные аспекты существования в индуистской мысли.

Литературный обзор

Для наиболее детального анализа образа макары в литературе и изобразительном искусстве раннего индуизма необходимо обратиться к ключевым текстам, таким как Яджурведа, Амаракоша, Лалита-Вистара, Бхагавата-пурана, в которых намечены первые штрихи в образах этого мифологического существа. Дальнейший анализ включает такие тексты-руководства для художников и скульпторов, как Вишнудхармоттара-пурана, поскольку именно в них указаны контекст и роль макара в культуре и искусстве. Харавали и Халаюдха, своеобразные словари санскритских терминов и именовании, позволяют подтвердить собранные данные в упорядоченную структуру, что также подтверждается лексикографическими сборниками Хемачандры. Махабхарата позволяет проследить эволюцию образа макары, тогда как Маркандея-пурана и Агни-пурана подчеркивают амбивалентность этого образа. Камика-Агама-пурана расширяет образ макары, упоминая его взаимосвязь с другими мифологическими существами, выходящими за рамки морских животных и композитных морских животных. Полевая работа в индийском штате Карнатака в сочетании с современными текстами, посвященными роли макары в храмовой архитектуре, позволила провести наиболее тщательное исследование этого образа в культуре. Ваджрачарья Гаутама, Лакшман Нарасингх и Мандира Шарма рассматривают различные уровни символизма образа макары в своих статьях, а наиболее фундаментальные работы таких значимых авторов-индологов, как Стелла Крамриш, А.К. Кумарасвами и Джордж Уиллиамс, подчеркивают в своих работах значимость этого образа в канве религиозного и культурного поля индуизма, древнего и современного.

Макара в ведической и мифологической традиции: символика и значения

Одно из наиболее ранних упоминаний макара встречается в «Яджурведе», где она используется в контексте жертвоприношения Ашвамедха, хотя текст почти не объясняет, что это за животное:

etāni me samyadrathānām mṛgāṇām māmsāni syuḥ /

eta eva me paśavaḥ syur makarā vṛṣākapyo gomṛgāḥ śarabhaś ca //¹ [1, с. 947].

Макара упоминается среди животных, используемых в жертвоприношении Ашвамедха, что подчеркивает его растущую значимость в ведических ритуалах. Среди других животных, связан-

¹ Рус. «Это будет мясо диких животных, запряженных в мою колесницу; это будут мои жертвенные животные: макары (водные существа), вришакапи (обезьяны-быки), гомриги (коровы или буйволы) и шарабхи (мифические восьминогие животные)».

ных с этим обрядом, можно выделить Вришикапи, который часто интерпретируется как бык-обезьяна или сильная обезьяна, Гомригу – буквально «корова-олень», иногда представляемую как буйвол или мифическое существо, а также Шарабху – мифологическое животное, часто изображаемое как восьминогое существо, обладающее мощью, превосходящей силу льва или слона.

Амаракоша описывает Макару как представителя водной стихии:

Timingilo jhaṣo nakraḥ karkoṭakaś ca makaraḥ kacchapaḥ karkaṭaś ceti jalajāḥ kathitāḥ mṛgāḥ² [2, с. 79].

Лалита-Вистара предписывает украшать ступы изображениями макара, что подчеркивает символическое значение этого существа как переходного элемента. В тексте описываются арочные ворота в форме макары, украшенные золотыми узорами:

makara-toraṇāś ca stūpāḥ suvarṇa-maya-vicitritā-lāñchanāḥ [3, с. 236].

Бхагавата-пурана более подробно раскрывает символику макары и ее тесную связь с Вишну. Макара представлена не только как мифологическое существо, но и как декоративный элемент, например, в виде серег Makarakuṇḍala, которые выполнены в форме макары.

śaṅkha-cakra-gadā-padma-vanamālā-virājitaḥ kaustubha-mani-vaktreṇa makara-kundala-maṇḍitaḥ³ [4, с. 524].

Важный текст, содержащий обширную информацию об искусстве и иконографии, Вишнудхармоттара-пурана, описывает макару как символ мужественности, половозрелости и мускулинности. Там же макара представлен как символ дружбы и дружелюбия, отсылая к мифу о Варуне и его вахане. В контексте изображения бога любви Камы предписано изображать макару с пятью стрелами или наконечниками стрел, в форме ваханы или изображения на знамени [5, с. 78].

Харавали, своеобразный словарь санскритских терминов и именовании, также относит макару к категории морских существ, наравне с рыбами, крокодилами и черепаками:

nakraḥ kṛkalāso makaro jhaṣaś cakravākaś ca | matsyā jalacāriṇaḥ kathitā mīnādīnām vṛnde⁴ [6, с. 67].

Это положение макары подчеркивает и Халаюдха:

makarāja jhaṣāḥ proktā dānavā jalacāriṇaḥ |

² Рус. «Тимингила, Джхаша, Накра (крокодил), Каркотака, Макара, Каччапа (черепаха) и Карката (краб) описываются как водные животные».

³ Рус. «Украшенный раковиной, диском, булавой и лотосом, носящий гирлянду из лесных цветов, с драгоценным камнем Каустубха, сияющим на Его груди, и серьгами в форме Макары, украшающими Его лицо».

⁴ Рус. «Среди рыб и других водных существ упоминаются крокодил (накра), черепаха (кркаласа), макара, кит (джхаша) и утка (чакравака)».

*nakra-kacchap-kumudāḥ kīrtyante halāyudhaiḥ kṛtau*¹ [7].

Лексикографы, такие как Хемачандра, раскрывают содержание образа макары более детально, описывая его таким образом:

*makaravāripucchaḥ syāt karī nāgādhipo gajaḥ*² [8].

В «Махабхарате» макара называется символом бога любви Кама-Девы:

puṣpa-bāṇasya devasya dhvajāgrā-makaro hṛdi \ makaradhvaḥ ity uktas tena sa kāmadevaḥ prabhuh (makaradhvajah) [8].

Этот символ также считается благоприятным знаком, который появляется на руке Шри:

atha tasya karasya tale lakṣaṇaṃ dr̥ṣṭvā śrīr uvāca: \ «makara-lāñchanaṃ te haste dr̥ṣyate sarva-maṅgalam» (мата макарадхваджаси) [9].

Пураны, такие как «Маркандея-пурана», представляют макару как одно из девяти сокровищ (нидхи) Куберы [10, с. 417]. Отдельно уточняется, что нидхи-макара по своей природе является сотканной из мрака (tamasa) или невежества, и человек, «на которого он смотрит», характеризуется главным образом невежеством, хотя и добрым нравом, а его основная занятость может быть преимущественно связана с торговлей оружием, принося значительное богатство. Как правило, это его основное занятие и источник радости. Этот узкий фокус указывает на жизнь, в которой доминируют материальные стремления, связанные с насилем или обороной, служением правителю и может привести к насильственному концу: либо к гибели от рук воров, жаждущих завладеть его имуществом, либо к смерти на войне, что подчеркивает потенциальные риски выбранного им пути. Таким образом, личность, вдохновленная макарой:

- активна в материальном мире, особенно в сферах войны и власти;
- добродушна, но невежественна, возможно, не осознает духовных последствий своих действий;
- обретает богатство и статус, но сталкивается со значительными рисками, потенциально ведущими к насильственному концу;
- ее богатство и влияние временны и не приносят пользы его потомству.

Маркандея-пурана вносит в образ мрачную, почти хтоническую коннотацию, которая едва ли присутствовала ранее, но прослеживалась в упоминаниях макары в качестве ваханы Варуны [11, с. 294].

Двойственность природы макары, которую можно наблюдать в текстах и его образе в искусстве, безусловно связывается с двойственностью водной природы в философии индуизма. В роли

макары входят ваханы Ганги и Варуны, однако в пуранах преобладает более темный смысл макары. Амбивалентность его образа неизбежна и по той причине, что в индийской мысли воды порождают и растворяют всю жизнь [13, с. 29–36]. Усиливает мрачный аспект макары его функция ваханы Варуны: Варуна является хранителем запада, согласно Агни-пуране, области Ямы, бога смерти. С другой стороны, светлым и жизнеутверждающим аспектом является роль ваханы Камы, богини любви.

В Камика-Агама-пуране макары наряду с львами, слонами, китами и другими вьялами, а также растительными узорами и изображениями Якшей и карликов, являются элементом храмового украшения фундамента Uparīṭha:

simhebhā makarair vya'lair bhu'taih patrailalan'kr'tam /1

prativaktram ca's'a'lam sya'd ba'lena'ru'd'ha mas-takam / [14, с. 798].

Макары на упатитхе: символика и архитектурная роль

Упатитха («Uparīṭha») – это подструктура или элемент, построенный под adhiṣṭhāna, основой или фундаментом мандапы, который должен иметь характеристики, схожие с характеристиками самой мандапы. Термин образован путем объединения двух санскритских слов: ура и rīṭha. Uparīṭha выполняет три важные функции:

- способствует устойчивости (rakṣārtha);
- увеличивает высоту здания (unnatārtha);
- усиливает красоту (śobhārtha).

В архитектуре, Uparīṭha является частью структуры, которая символизирует три важных компонента: adhiṣṭhāna, bhitti и prastara.

Самая нижняя часть Uparīṭha называется упаной и представляет собой цоколь. В архитектуре храмов использование макараны на этом нижнем сегменте подчеркивает ее связь с первобытными водами и космогоническим мифом о пахтании океана, а также символизирует слияние различных сфер (воды и земли). Макары на упатитхе подчеркивают важность храма как перехода между миром людей и миром божеств.

С архитектурной точки зрения, макары часто служат отправной точкой для декоративных элементов, которые движутся вверх, направляя взгляд от основания к более высоким частям храма. Их динамичные формы добавляют движение и жизнь статичной структуре.

Основные особенности изображения Макаракундаль

Мотив макара

Часто серьги включают форму макары, нередко с детализированной головой, демонстрирующей такие выраженные черты, как морда, открытая пасть,

¹ Рус. «Макара и Джхаша (киты, акулы или крупные рыбы) считаются водными существами, созданиями, обитающими в воде, включая крокодилов, черепах и кумудов (существ, обитающих в лотосах), как их описывает Халаюдха».

² Рус. «Макара – водное существо с хвостом; Кари, повелитель слонов, также именуется Гаджа».

а иногда и рога или бивни. Тело макары может быть художественно изображено с чешуей, плавниками и замысловатыми узорами, которые подчеркивают его водную природу. В северных вариациях чаще встречается угловатая форма морды, короткие лапы и крупные хвосты, подобные павлиньим. В южных вариациях растительные и перьевые мотивы сменяются водными – чаще всего хвосты приобретают вид волн и вихрей.

Художественная детализация

Сложная резьба или гравировка могут включать дополнительные мотивы, такие как цветочные узоры, драгоценные камни или другие символические элементы. Присутствует обильная детализация.

Симметрия и баланс

Серьги изображены парами, сохраняя симметрию в своем дизайне, поскольку они украшают оба уха божества. Размер часто пропорционален изображению божества, иногда является достаточно большим, чтобы касаться плеч или туловища, подчеркивая их важность.

Ассоциации с божествами

Вишну часто изображается с макаракундалой, которая символизирует его связь с космическим порядком и поддерживающими жизнь свойствами воды. Шива, особенно в южноиндийской иконографии, иногда носит одну макаракундалу и одну обычную серьгу, что символизирует его союз противоположностей. Также божества, такие как Ганга и другие формы Девы, могут быть изображены с этими серьгами, что подчеркивает их связь с плодородием и изобилием.

Изображение Макаракундалы в религиозном искусстве руководствуется древними санскритскими трактатами, известными как Шилпа Шастры, и другими связанными с ними текстами по искусству и иконографии. Эти тексты содержат подробные инструкции по пропорциям, эстетике и символическому значению различных элементов в изображениях божеств [15].

Согласно Манасаре и Камика Агаме, «серьги Макаракундалы должны быть размером в одну карну (длину уха). Карна измеряется от основания уха до линии плеча. Ширина сережек должна быть пропорциональна их длине, обеспечивая гармонию в облике божества» [16].

Макара Торана

Макараторана (मकरदोरण) – тип тораны, или «декоративного балдахина». Такое название он получил из-за характерного изображения пары макар, вырезанных либо лицом друг к другу, либо в противоположных направлениях. Однако примеры, где макары обращены лицом друг к другу, встречаются чаще.

Каркас макара-тораны состоит из двух разделенных пилястр с перемычкой и ваджаной (или

редко капотой). Над ваджаной на двух концах размещены две макары. Из уст или хвоста макар выходят длинные цветочные языки и соединяются, образуя арку или полукруг. Вершина арки или полукруга обычно увенчана киртимукхой. На макара-торанах зачастую макары изображаются с пышными хвостами, символизирующими плодородие. Мотив листы известен в санскритских руководствах по искусству как *patra*¹, что на самом деле является сокращением от *meghapatra* или *abhapatra*, оба термина обозначают листья. Кроме того, древние индийцы верили, что дождевое облако выглядит как виноградная лоза или лоза голубого лотоса. Согласно позднему ведическому тексту, *Atharvaveda Parisista* 64.1.10, когда Варуна трясет виноградную лозу, дождевые цветы падают на землю. Поэтому на санскрите капля дождя известна как *dharankura*² или *meghapusraya*³. Эти литературные источники коррелируют с примерами из индийского искусства, которые изображают облако как калпалату, исполняющую желания лозу, выходящую из макары, слонов или других животных и символов, которые можно распознать в образованиях дождевых облаков. Таким образом, ассоциация листы облаков с макарой подтверждает вывод о том, что мотив символизирует дождевое облако, нежели чем перья или же листья растений [17, с. 311–36; 18, с. 138–140].

Взаимосвязанный символизм и функциональные роли киртимукхи и макары

Киртимукха («*kīrtimukha*»), что переводится как «Лицо Славы», обычно изображается как свирепое, чудовищное лицо, напоминающее льва или мифическое существо с преувеличенными чертами, такими как большие глаза и открытые рты с детализированными элементами. Оба, киртимукха и макара, выполняют апотропеические функции в индуистской архитектуре, то есть служат для отпугивания злых сил.

Киртимукхи размещаются на входах в священные пространства, чтобы освятить и защитить внутреннее святилище от негативных влияний. Макары, в свою очередь, часто используются как декоративные стражи у оснований храмов и ворот, символизируя защиту от зла. Эти два мотива часто объединяются в архитектуре, например, в торанах. Киртимукхи могут располагаться над перемычками ворот, в то время как макары обрамляют вход. Также на столбах можно увидеть переплетенные изображения макар и киртимукх, что символизирует единство защитных сил. Динамичные формы этих элементов дополняют друг друга, создавая гармоничный баланс между яростной

¹ Рус. «листья».

² Рус. «росток дождя».

³ Рус. «цветок облака».

защитой киртимукхи и благоприятным изобилием, которое символизирует макара [19].

Макара, выступающая в роли ваханы Варуны, также встречается самостоятельно среди скульптур храма и интегрируется в консоли и капители. В последнем случае челюсти Макары приобретает особое значение, поскольку во рту чудовища нередко находятся прекрасные и красивые вещи. Гирлянды жемчужин, часто свисающие изо рта Макары, встречаются также в изображениях Шардулы и Киртимукхи.

Челюсти, выполняющие функцию места входа и выхода, обладают амбивалентностью дверного проема и вырезаны с учетом этой двойной функции. В них изображены фигуры, выступающие изо рта Макары или проглатываемые ею. Движение объектов в пасти Макары можно трактовать и как заглатываемые, так и извергаемые, в зависимости от контекста изложенного в скульптуре мифа.

Фигуры делятся на две категории: стремящиеся быть проглоченными или сражающиеся за свою жизнь, сопротивляясь Макаре. Двойная роль Макары часто отражена в сюжетах, касающихся якш и нагов: на резном фризе периода Гуптов из Сарнатха (ASIAR, 1914–15), где один якша выпрыгивает из раскрытой пасти, в то время как другой вот-вот будет поглощен Макарой, а в пещерном храмовом комплексе Бадами Макары изображены на фризах с торсом наг, заключенных в зубах макара. Эти изображения подчеркивают символику Макары как хранителя перехода, соединяющего миры жизни и смерти, благоприятных и злых сил.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить многоуровневую эволюцию образа макары в индийской традиции, отраженную как в ранних ведических текстах, так и в классических пуранических источниках и архитектурном наследии. В ранних упоминаниях, таких как в «Яджурведе», макару воспринимали как одно из животных, используемых в жертвоприношении Ашвамедха, где первоначальное упоминание носило характер простого списочного перечисления жертвенных животных, без подробного описания существа. Позднее, в Амаракше и Лалита-Вистаре, образ макары обрел дополнительные качества, связываясь с водной стихией и становясь важным символическим элементом в ритуалах. Анализ текстовых источников выявил двойственную природу макары: с одной стороны, ее ассоциируют с жизненной силой, плодородием и защитой, что подчеркивается ее ролью ваханы таких божеств, как Вишну, а также ее присутствием в декоративном оформлении храмовых сооружений, а с другой стороны, интерпретации связывают ее с материальными стремлениями, опасностями насилия и временностью земного бытия. Такая амбивалентность отражает философскую концепцию

воды, тесно связанной с макарой как водным существом, как источника как созидательной энергии, так и разрушительных сил. Кроме того, исследование показало, что макара занимает ключевое место в иконографии и архитектуре индуистских храмов, где ее образ используется в виде макара-кундалы, украшает ступы, тораны и элементы фундамента (Uparīṭha), символически подчеркивая переход от материального к божественному и выполняя функцию апотропеических знаков, защищающих священные пространства. Синтез данных из лингвистического, текстологического и археологического анализа позволил реконструировать историческую динамику образа макары и выявить ее многозначность в контексте индуистской мифологии.

Обсуждение

В ходе исследования была выявлена сложная и многогранная символика макары, отражающая как ранние ведические представления, так и последующие интерпретации в классических пуранических текстах и архитектурном искусстве. Особый интерес к данной проблематике был отмечен на Рериховских чтениях, где доклад по данной теме, который лег в основу этой статьи, вызвал живую дискуссию среди участников. Презентация подчеркивала необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего текстологический, лингвистический и археологический анализ, для полного понимания эволюции и значения макары в индийской культуре. Обсуждение показало, что изучение макары позволяет глубже проникнуть в символические основы индуистской мифологии и архитектуры, а также в мировоззрение, где материальное и божественное неразрывно связаны.

Заключение

Исследование символики макары демонстрирует, что данное мифологическое существо занимает одно из центральных мест в культурном и религиозном наследии Индии. Анализ ведических, пуранических текстов, а также архитектурных памятников свидетельствует о том, что макара прошла сложную эволюцию: от простого элемента жертвенного ритуала в «Яджурведе» до многоаспектного символа, воплощающего жизненную силу, плодородие, защиту и одновременно предупреждение о материальных и разрушительных тенденциях. Двойственность ее образа отражает философскую амбивалентность воды как источника и созидательной энергии, и разрушительных сил.

Литература

1. Hanisch A. The Taittiriya Samhita of the Black Yajur Veda // Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 302 p.

2. Amarakosha with the commentary Manorama by Brahmananda Tripathi // Varanasi: Chaukhamba Surbharti Prakashan, 2015. 448 p.
3. The Lalitavistara Sutra // Darbhanga: Mithila Institute, 1958. 236 p.
4. Śrīmad Bhāgavata Mahāpurāṇa with the commentary Bhāvārthabodhinī by Swami Prabhupada // Mumbai: The Bhaktivedanta Book Trust, 1987. 524 p.
5. Kramrisch S. The Vishnudharmottara (Part III): A Treatise on Indian Painting and Image-Making, 2nd ed. // Calcutta: Calcutta University Press, 1928. 97 p.
6. Haravali (Sanskrit Thesaurus) // Varanasi: Chaukhambha Sanskrit Series Office, 1991. 67 p.
7. Burrow T. Śabdamaṇidarpaṇa by Keśirāja with the Commentary of Liṅgaṅārādhyā // Madras University Kannada Series, no. 5, pp. 4, 116, xx, 468, 8. Madras, 1942. P. 1049–1050.
8. Abhidhan Chintamani Kosh. – URL: https://archive.org/details/abhidhan_chintamani_002275_hr6/Abhidhan_Chintamani_Kosh_016087_HR/page/n89/mode/2up (дата обращения: 18.02.2025).
9. The Mahabharata. – URL: <https://sacred-texts.com/hin/m13/> (дата обращения: 18.02.2025).
10. Markandeya Purana. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.188841> (дата обращения: 22.02.2025).
11. Williams G.M. Handbook of Hindu Mythology // ABC–CLIO, 2003. 373 p.
12. Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols // Chicago: Serindia Publications, Inc., 2003. 288 p.
13. Darian S. The Other Face of the Makara // Artibus Asiae, vol. 38, no. 1, 1976, P. 29–36.
14. Shodhganga: Development of Temple Architecture in Southern Karnataka. – URL: <https://archive.org/details/shdngnga.10603-73283developmentoftemplearchitectureinsouthernkarnatakawithspecialreferencetobangalore> (дата обращения: 12.02.2025).
15. Agamas and South Indian Vaisnavism. – URL: <https://archive.org/details/agamasandsouthindianvaisnavismbydrvvaradachari1982ocr>. (дата обращения: 20.02.2025).
16. Kamika Agama Purva Pada. – URL: <https://www.himalayanacademy.com/media/books/kamika-agama-purva-pada-part-1/kamika-agama-purva-pada-part-1.pdf>. (дата обращения: 20.02.2025).
17. Vajracharya G.V. Kirtimukha, The Serpentine Motif, and Garuda: The Story of a Lion That Turned into a Big Bird // Artibus Asiae, vol. 74, no. 2, 2014, P. 311–36.
18. Ranasinghe L. The Evolution and Significance of the Makara Torana // Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka, vol. 36, 1991. P. 132–45.
19. Kramrisch S. The Hindu Temple. – URL: <https://archive.org/details/dli.calcutta.10729/page/328/>

mode/2up?view=theater. (дата обращения: 20.02.2025).

THE MAIN FEATURES OF THE IMAGE OF MAKARA IN THE ICONOGRAPHY AND TEMPLE ARCHITECTURE OF HINDUISM

Pakhomova A.M.

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to exploring the symbolism of the Makara – an ancient mythological aquatic creature that embodies a complex composite image, combining characteristics of a snake and crocodile with those of a shark, dolphin, and many other marine animals. The paper traces the evolution of the Makara from its early mentions in the Yajurveda in the context of the Ashvamedha ritual to its detailed depiction in the Puranas and other classical texts. The Makara emerges as a symbol of the water element, a life force, and a transitional element bridging the material and divine realms. This role is reflected in its depiction as the vahana of Varuna, its incorporation in the ornamentation of temple stupas and upapithas, as well as in the form of the Makara-kundala that accompanies deities such as Vishnu, Shiva, Ganga, and Kama. Special attention is given to the dual nature of the Makara's image: on one hand, it is associated with fertility, protection, and the celebration of life, while on the other, it symbolizes material ambitions, the perils of violence, and the darker aspects of existence. The analysis draws upon ancient Sanskrit treatises, including the Shilpa Shastra, Agama Shastra, and Amarakosha, thereby revealing the aesthetic and functional principles underlying the depictions of the Makara in religious art and architecture.

Keywords: Makara, Snake Worship, Apotropaic Magic, Hinduism, Vedas, Mythology, Rituals, Linguistics, Archaeology, Iconography.

References

1. Hanisch A. The Taittiriya Samhita of the Black Yajur Veda // Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 302 p.
2. Amarakosha with the commentary Manorama by Brahmananda Tripathi // Varanasi: Chaukhamba Surbharti Prakashan, 2015. 448 p.
3. The Lalitavistara Sutra // Darbhanga: Mithila Institute, 1958. 236 p.
4. Śrīmad Bhāgavata Mahāpurāṇa with the commentary Bhāvārthabodhinī by Swami Prabhupada // Mumbai: The Bhaktivedanta Book Trust, 1987. 524 p.
5. Kramrisch S. The Vishnudharmottara (Part III): A Treatise on Indian Painting and Image-Making, 2nd ed. // Calcutta: Calcutta University Press, 1928. 97 p.
6. Haravali (Sanskrit Thesaurus) // Varanasi: Chaukhambha Sanskrit Series Office, 1991. 67 p.
7. Burrow T. Śabdamaṇidarpaṇa by Keśirāja with the Commentary of Liṅgaṅārādhyā // Madras University Kannada Series, no. 5, pp. 4, 116, xx, 468, 8. Madras, 1942. P. 1049–1050.
8. Abhidhan Chintamani Kosh. – URL: https://archive.org/details/abhidhan_chintamani_002275_hr6/Abhidhan_Chintamani_Kosh_016087_HR/page/n89/mode/2up (accessed: 18.02.2025).
9. The Mahabharata. – URL: <https://sacred-texts.com/hin/m13/> (accessed: 18.02.2025).
10. Markandeya Purana. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.188841> (accessed: 22.02.2025).
11. Williams G.M. Handbook of Hindu Mythology // ABC–CLIO, 2003. 373 p.
12. Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols // Chicago: Serindia Publications, Inc., 2003. 288 p.
13. Darian S. The Other Face of the Makara // Artibus Asiae, vol. 38, no. 1, 1976, P. 29–36.
14. Shodhganga: Development of Temple Architecture in Southern Karnataka. – URL: <https://archive.org/details/shdngnga.10603-73283developmentoftemplearchitectureinsouthernkarnatakawithspecialreferencetobangalore> (accessed: 12.02.2025).

15. Agamas and South Indian Vaisnavism. – URL: <https://archive.org/details/agamasandsouthindianvaisnavismbydrvvaradachari1982ocr>. (accessed: 20.02.2025).
16. Kamika Agama Purva Pada. – URL: <https://www.himalayanacademy.com/media/books/kamika-agama-purva-pada-part-1/kamika-agama-purva-pada-part-1.pdf>. (accessed: 20.02.2025).
17. Vajracharya G.V. Kirtimukha, The Serpentine Motif, and Garuda: The Story of a Lion That Turned into a Big Bird // *Artibus Asiae*, vol. 74, no. 2, 2014, P. 311–36.
18. Ranasinghe L. The Evolution and Significance of the Makara Torana // *Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka*, vol. 36, 1991. P. 132–45.
19. Kramrisch S. The Hindu Temple. – URL: <https://archive.org/details/dli.calcutta.10729/page/328/mode/2up?view=theater>. (accessed: 20.02.2025).

Перспективы эксплуатации искусственного интеллекта в образовательном процессе: к постановке философско-антропологической проблематики

Семенчук Семен Сергеевич,

аспирант, кафедра философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
E-mail: SataWork@yandex.ru

В статье рассматриваются перспективы интеграции систем искусственного интеллекта в образовательный процесс на двух ступенях образовательной системы РФ с позиций философской антропологии. Предлагается подвергнуть критическому анализу наблюдаемые в последнее десятилетие тенденции о перспективах взаимодействия человека и социальных институтов с искусственным интеллектом, проводится анализ как потенциального блага от эксплуатации данной технологии, так и потенциального вреда. Вследствие проведенного анализа сформулирован вывод о необходимости более комплексного анализа внедрения подобной технологии в общественную практику.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человек, образование, философия, философская антропология.

Введение

«Scientia potentia est»

Томас Гоббс, «Левиафан»

Жизнедеятельность человека в данный момент времени находится в процессе качественных трансформаций и жизнь наших современников насыщена разными метаморфозами. С момента конструирования первых компьютеров прошло более половины столетия, в границах которой последние десятилетия проходят под знаменем информатизации областей человеческой жизнедеятельности (можно использовать иные синонимичные наименования – компьютеризация, цифровизация и др.). Однако, наследие XX века, продемонстрировавший самый разнообразный опыт использования технологий, не позволяет научному сообществу однозначно положительно оценить стремления ведущих политиков и экономистов по повышению продуктивности в образовательной сфере.

Наиболее актуальной, самой современной и потенциально наиболее влиятельной технологией, используемой в процессе информатизации образования является искусственный интеллект. В России к данной технологии также наблюдается огромное внимание как со стороны политического руководства, так и со стороны экономического сектора как частного¹, так и государственного, а также научного сообщества. В свою очередь, если первые и вторые представители отечественной элиты рассчитывают на прирост производительности труда, модернизацию образовательного процесса, более комплексное и экономное расходование ресурсов и рост качества рабочей силы, то среди представителей последней области, сферы науки и практического образования, представления о перспективах эксплуатации искусственного интеллекта в образовании не отличаются такой же монолитностью.

Применение философии в целом, как науки, изучающей первоначала других наук, в том числе педагогической науки, и, в частности, философской антропологии как междисциплинарного раздела философского знания о человеческом бытии во всем его многообразии, их принципов, законов и методологии, позволяет рассмотреть исследуемый объект комплексно, с разных позиций, а также предоставить критическую оценку, что способ-

¹ Греф.

но обеспечить научному сообществу релевантный взгляд на перспективы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Обзор литературы

Искусственному интеллекту в современности посвящается масса работ из разных областей человеческого знания, среди которых выделяются как научно-техническое направление, работы которого рассматривают возможности развития и модификации систем искусственного интеллекта, а также способы его применения в практико-ориентированных областях жизнедеятельности человека, так и социально-гуманитарное направление, акцентирующее внимание на вопросах взаимодействия искусственного интеллекта и человека в отдельных областях жизнедеятельности и знания, а также анализирующие ситуативные аспекты эксплуатации данной технологии. Так как целью данной статьи является анализ взаимодействия естественного и искусственного интеллекта в процессе образования, то источники, посвященные исключительно искусственному интеллекту, можно привести в ограниченном количестве и продемонстрировать лишь общую характеристику данного феномена современной социальной жизни. Укажем работы Беликовой Е.С. [1] и Викторова А.В. [3].

Ценным подспорьем в анализе взаимодействия образования и искусственного интеллекта могут служить труды известных деятелей образовательной сферы на протяжении её развития, а также работы по философии образования. Несмотря на то, что в период деятельности многих авторов об искусственном интеллекте не было и речи, благодаря им сложилось то восприятие образования, которое мы имеем в современности, а также те стандарты, в которые общество стремится интегрировать системы искусственного интеллекта. В качестве нескольких примеров педагогической классической литературы были использованы отдельные работы следующих авторов: Выготского Л.С. [4], Ушинского К.Д. [26], Коменского А.Я. [8], Сулимы И.И. [22], Сухомлинского В.А. [23], Хабармаса Ю. [27], Пиаже Ж. [14].

Анализу состояния образовательной системы на современном этапе, её целям, ценностям, нормам и актуальным вопросам, посвящается множество работ, так как научное сообщество всё больше обеспокоено перспективами образовательной системы России и мира в ближайшие десятилетия. Укажем работы Тодис Л.М. [25], Хаджарова М.Х. [28], Мачхеляна Г.Г. [12], Сергиной Е.С. [19], Резаева А.В., Степанова А.М., Трегубовой Н.Д. [17].

Значительную роль в исследовании составили работы, посвященные тому же объекту исследования, т.е. перспективам интеграции искусственного интеллекта в образование, произведенные современными исследователями, к числу которых

можно отнести: Ярцеву Е.Я. [30], Букинову Т.В. [2], Субботину М.В. [21], Сысоева П.В. [4], Корчажкину О.М. [11], Молчанову Г.Г. [13], Проказину Н.В. [16], Елшанского С.П. [6], а также соавторов Шобонина Н.А., Булаева М.Н., Зиновьеву С.А. [29], Константинову Л.В., Ворожихина В.В., Петрова А.М. [9], Титову Е.С., Штыхно Д.А. [9], Ивахненко Е.Н., Никольского В.С. [7], Скларову Н.Ю., Бродовскую Е.В., Огнева А.С., Лукушина В.А. [20] и др.

Так как образовательный процесс касается в первую очередь взаимодействия с людьми юного возраста и молодёжью, полезным можно считать ознакомление с трудами в области психологии и педагогики, посвященные взаимодействию между субъектами образования. Среди подобных работ можно отметить несколько использованных образцов: Коротаеву Е.В. [10], Дубровину Л.А. [5], Полосову Л.Б. [15], Ромашову С.Н. [18].

В то же время следует отметить, что избранная и использованная в данной статье литература всё равно весьма ограничена. Системный взгляд подразумевает использование целого комплекса разнообразных источников. Те же материалы, что приведены в данной работе в большей степени являются образцами для дальнейшего раскрытия вопроса взаимодействия естественного интеллекта и искусственного интеллекта в процессе образования человека и формирования развитой личности.

Методология исследования

Методология исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области философской антропологии, философии культуры, философии науки и техники, искусственного интеллекта, педагогики, дидактики и психологии. Методологической базой исследования служат общенаучные методы и принципы познания. В работе сочетаются исторический, герменевтический, феноменологический и диалектический методы.

Исторический метод позволил рассмотреть контекст появления искусственного интеллекта и его развитие до, а также эволюцию представлений о сущности и целях образования, о формах образовательного процесса и взаимодействии его субъектов.

Герменевтический метод стал основой для восприятия воззрений философов и исследователей в искомым областях знания, феноменологический метод использовался при анализе искусственного интеллекта как закономерного феномена современной культуры, а диалектический метод позволил рассмотреть противоречивость объекта исследования в сфере образования. Кроме этого, для отдельных элементов используются компаративный и аксиологический подходы в качестве основы для анализа проблемы введения и эксплуа-

тации искусственного интеллекта в системе отечественного образования, основанного на гуманистических ценностях.

Результаты исследования

В первую очередь, необходимо определиться с тем, как определяется феномен «искусственный интеллект», а также о каком искусственном интеллекте говорят в современности. Викторов В.А. в своей статье акцентирует внимание на важном аспекте определения феномена «искусственного интеллекта»: «Те определения искусственного интеллекта, которые мы имеем на данный момент, страдают одним большим недостатком – они очень общие и не конкретные». Тем не менее, среди научного сообщества распространены определения, в той или иной степени удовлетворяющие запросы исследователей или используемые в силу естественной необходимости до формулирования консенсуса определения «искусственного интеллекта». В данной работе используем определение Джона Маккарти, имеющее ряд существенных недостатков, но ставшее классическим и используемое до современности: «Искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие задачи, которые традиционно считаются прерогативой человека».

Исходя из данного определения, первоначальных сформулированных установок и произведённого на протяжении последних десятилетий опыта создания и функционирования искусственного интеллекта в научном сообществе выделились два понимания искусственного интеллекта.

Во-первых, «слабый искусственный интеллект» (также используется термин «прикладной» или «узкий», далее используется «прикладной искусственный интеллект»), под которым понимаются такие системы искусственного интеллекта, которые способны выполнять только запрограммированную работу. Примерами подобного искусственного интеллекта выступают существующие уже в современности нейросети, большинство из которых лишь имитируют «уникальность» и «новизну» своих продуктов, в действительности же они лишь перебирают наиболее распространённые объекты человеческого творчества.

Во-вторых, «сильный искусственный интеллект» (также используется термин «универсальный», далее используется «универсальный искусственный интеллект»), под которым понимаются такие системы искусственного интеллекта, которые в перспективе будут обладать аналогичными с человеческим разумом способностями, например, обладать самосознанием, понимать причинно-следственные связи во всем их многообразии, обладать возможностями независимого целеполагания, осуществлять смыслодержательную деятельность, способность творить, т.е. соз-

давать уникальные объекты и другие способности, которые на данный момент считаются прерогативами естественного разума. В данной работе, вследствие отсутствия фактического подтверждения существования «универсального искусственного интеллекта», следует говорить только о «прикладном искусственном интеллекте».

Обратившись к образовательному процессу необходимо рассмотреть стадии отечественного образования и субъекты образовательного процесса, которые закономерно оказываются затронуты внедрением искусственного интеллекта. Сразу следует отметить, что для исследования был избран вариант массовой средней общеобразовательной школы, наследуемый из советского прошлого и функционирующей в современности, так как большинство потенциально затрагиваемых введением искусственного интеллекта участников образования задействованы именно в данной образовательной системе, различные частные школы или индивидуальные варианты образования не обладают репрезентативной характеристикой. Стандартный вариант стадий в Российской Федерации представлен следующим образом.

- Дошкольное образование.
- Начальное школьное общее образование.
- Основное школьное общее образование.
- Среднее школьное общее образование.
- Среднее профессиональное образование.
- Высшее образование.

В качестве анализируемых уровней образования в данной работе рассматриваются «основной школьное общее образование», «среднее школьное общее образование» и «высшее образование». Отметим, что каждый из уровней образования заслуживает отдельного внимания по вопросам внедрения искусственного интеллекта и его взаимодействия с участниками образовательного процесса, следствием чего является наличие запроса на дальнейшие научные разработки и эксперименты в данном направлении.

Далее, необходимо указать субъектов образовательного процесса, чей процесс деятельности оказывается затронут технологиями искусственного интеллекта. Образовательный процесс – один из наименее модифицируемых компонентов социальной системы общества, его субъектами как оставались четыре основных субъекта-группы, так и остаются, за некоторыми исключениями, отдельными ситуациями или частными потребностями.

- Родители (как участники образования и как опекуны обучающихся).
- Обучающиеся (воспитанники, школьники и студенты).
- Педагогический состав (воспитатели, учителя и преподаватели).
- Административный состав (в данной работе в данную категорию отнесём как непосредственное управление образовательным учре-

ждением, так и государственные органы, осуществляющие внешнее управление образовательным учреждением) и служебные работники.

В первую очередь в качестве объектов анализа в данной работе рассматриваются «обучающиеся» и «педагогический состав», однако внедрение искусственного интеллекта ожидаемо повлияет на всех участников образовательного процесса.

Обозначив объект исследования необходимо указать сложности и проблемы, с которыми сталкивается большинство субъектов образования на вышеуказанных уровнях. Проблемы отечественного школьного и университетского образования не первое десятилетие находятся в социальном дискурсе, однако, несмотря на длительное обсуждение, так и не были выработаны какие-либо меры по качественному изменению сложившихся неблагоприятных условий. Также следует отметить разницу между образованием в крупных политических, экономических и культурных центрах, в России таковыми выступают в первую очередь столица Москва и «северная столица» Санкт-Петербург, и образованием в субъектах государства, в регионах и на местном уровне. То есть в данной работе уже исключены три существенные константы – частные учебные заведения, элитные учебные заведения и учебные заведения крупных центров. В результате данного отсеивания выясняется, что наиболее часто упоминаемыми проблемами образования в РФ можно считать следующие.

1. Основное и среднее образование.

- Низкий уровень мотивации обучающихся, низкий уровень качества образования, потеря интереса к образованию и науке, низкий уровень подготовки к практике общественной жизни, высокий уровень психологического стресса и усталости обучающихся, неполноценная реализация профильного обучения.
- Совмещение воспитательного и образовательного компонентов в деятельности педагога. Педагог так или иначе служит объектом оценки со стороны обучающихся и потенциальным образцом поведения или наоборот, примером отрицательного поведения, однако требования со стороны общества воспитывать пусть и юных, но не детей, создаёт препятствия в непосредственно образовательном процессе, тогда как процесс воспитания необходимо отладить до перехода на уровень основного образования.
- Низкий уровень социального престижа профессии педагога и отсутствие юридически закреплённого статуса государственного служащего, с точно прописанными правами и обязанностями, отсутствие юридической защиты по вопросам взаимодействия с другими участниками образовательного процесса.

- Нехватка педагогических кадров, высокая нагрузка на оставшихся педагогов, угасающая тенденция пополнения педагогических кадров из молодёжи, спорное качество преподавания, утрата возможности передачи и восприятия культурных ценностей.

– И др.

2. Высшее образование.

- Высокий уровень теоретизации образовательного материала и низкий уровень практического материала. Отметим, сущность проблемы в недостаточном количестве и качестве практических занятий, естественно, что подавляющее большинство преподаваемого материала ориентировано на практике.
- Бюрократизация образовательного процесса. Бюрократия – эффективный и приемлемый инструмент, однако её эффективность на современном этапе оказывается под вопросом, особенно в тех случаях, когда бюрократия подменяет собой знание и опыт.
- Итоговое качество образования. Отсутствие практики приводит к тому, что, включаясь в рыночную систему и выступая рабочей силой выпускник сталкивается с вызовами адаптации теоретических знаний к практической деятельности.
- Недофинансирование высшего образования и научного поиска, низкий уровень оплаты труда педагогического коллектива.
- И др.

Естественно, что перечислены не все указываемые сложности, также существуют проблемы, которые не подняты в научном дискурсе, а остаются прерогативой непосредственных участников или ситуативные сложности.

Последним пунктом необходимо предоставить критическое рассмотрение эксплуатации искусственного интеллекта в образовательном процессе с позиций философской антропологии. Естественно, что указать полную, комплексную критику в одной работе не представляется возможным, поэтому следует остановиться на некоторых определённых вопросах и передать рассмотрение другим представителям отечественного научного сообщества. Проанализировав вышеуказанные проблемы, можно подразделить их на две категории: функциональные и фундаментальные:

Функциональные проблемы образования – сложности и вопросы, касающиеся исполнения системной образования и её участниками своих непосредственных функций в образовательном процессе. К ним можно отнести следующие: бюрократизацию, недостаточность профильного обучения, недофинансирование и др.

Данные проблемы касаются в первую очередь эффективности управления образовательным процессом. Интеграция искусственного интеллекта может способствовать снижению сложности

взаимодействия, т.е. облегчению труда участников образовательного процесса, уменьшению количества стрессовых ситуаций, повышению эффективности процесса образования. При одном условии: если будут выработаны некоторые универсальные категории взаимодействия субъектов образования с искусственным интеллектом, что на данный момент времени активно критикуется, ведь даже система, состоящая из людей, зачастую лишена желаний и/или возможности досконально разбираться в ситуациях человеческой жизнедеятельности. Интеграцию искусственного интеллекта для решения функциональных проблем можно рассматривать как некоторое «благо», эффективный инструмент для решения количественных задач и облегчения нагрузки на людей в механических и прикладных функциях.

Фундаментальные проблемы образования – сложности и вопросы, касающиеся основ взаимодействия общества и институтов образования, принципов построения образовательной системы, взаимодействия и взаимовлияния участников образовательного процесса, используемых методов воспитания и обучения и т.д. К ним можно отнести: высокую теоретизацию, государственный приоритет технического образования над гуманитарным, вопросы качества образования, высокий уровень напряжения и стресса и др. Относительно данной категории проблем и применения искусственного интеллекта для их решения возникают, например, следующие вопросы.

- Сможет ли искусственный интеллект-педагог заменить собой человека-педагога? Существенную часть проблем образования связывают со сложностями взаимодействия учащихся с педагогами, вследствие чего и возникают желания и убеждения в необходимости заменить человека с его субъективными качествами, взглядами и идеями, более объективным и справедливым инструментом. Однако, миллионы лет эволюции жизни и тысячи лет развития Homo Sapiens вряд ли дадут возможность подменить человека машиной. Взаимодействие обучающегося и обучающего на протяжении истории развития образования рассматривается основой функционирования воспитательного и образовательного процессов, которые обеспечивают межпоколенческую преемственность культурных образов, ценностей и идеалов [4], [23], [26].
- Насколько эффективно использование искусственного интеллекта для подготовки специалистов гуманитарной направленности? Человек по своей природе остаётся социальным существом, которому требуется постоянное взаимодействие с себе подобными. Лишь за редким исключением, в виде чрезвычайных ситуаций, человек способен лишиться этой важной сущностной составляющей. Гуманитарные

специальности по своей основе направлены на постоянное практическое взаимодействие с людьми, а искусственный интеллект не может считаться субъектом, он не способен обеспечить такое же субъект-субъектное взаимодействие. Даже в случае виртуальной реальности, сконструированной наиболее развитым искусственным интеллектом, опыт взаимодействия окажется иным, собственно, искусственным и не отражающим потенциальное многообразие человеческих связей, вследствие чего закономерным будет снижение качества гуманитарного образования.

- Как искусственный интеллект обеспечит мотивацию обучающихся на протяжении всего образовательного процесса? Искусственный интеллект – продукт человеческих мысли и труда, в результате чего он будет использовать те же механизмы воздействия, что и человек. Единственное отличие, что он сможет осуществлять отдельные функции быстрее и объёмнее, однако качество взаимодействия и мотивированность не выражаются в этих категориях. Не все представители педагогического состава – гениальные педагоги, однако каждая нейросеть – всего лишь инструмент, имеющий ограниченный алгоритм действий, а взаимодействие в любом случае связано с таким же субъективным человеком, только не обладающим комплексом знаний и опыта.
- Как искусственный интеллект сможет проверить «знание» обучающегося? Современные модели искусственного интеллекта действительно продвинулись в решении прикладных вопросов, однако, повторно акцентируя внимание на обучающемся как субъекте, в чем будет заключаться проверка наличия «знаний» у обучающегося? Стандартные используемые методы современной педагогики не всегда дают объективный результат. Какие алгоритмы и критерии должны станут основой проверки наличия «знания» у обучающихся. Системы, созданные человеком и в которых он выступает основным актором, преимущественно обладают теми же возможностями адаптации, что и сам человек. Искусственный интеллект же не может быть независим от деятельности человека, не может развиваться без использования всё нового человеческого творчества. Знание, выраженное в понимании мира, не может быть достигнуто без постоянного обращения к языку как основе культуры и к языку науки и преподавателя: «Возможность понимания реализуется наиболее эффективно в процессе сказывания, взаимного объяснения, уточнений, добавлений, обсуждения, то есть когда речь осознаваемо протяжена во времени, когда язык, даже говоря обычными словами, до-говаривается, до-выкристаллизовывается смысл, когда смысл «вы-

лепливается из аморфного состояния на наших глазах» [22].

- Как искусственный интеллект снизит уровень психологической нагрузки на участников образовательного процесса? Доступность к информации и цифровой среде не означает решения сложностей восприятия учащих, отношений между ними и другими участниками их частной жизни. Если же говорить о возможностях индивидуального обучения с применением искусственного интеллекта, то возникает вопрос о социальной природе человека, лишения в которой поднимут новые вопросы. Отсутствие взаимодействия с социумом и коллективом у большинства людей лишь увеличивает показатели стресса, а отсутствие диалога лишают возможности его снижения.
- Каким образом искусственный интеллект обеспечит качество образования, на основании каких критериев и кем будут выработаны эти критерии? На основании исторического опыта можно утверждать, что реальная польза получения образования зачастую раскрывается не моментально после окончания учебного заведения, а имеет отложенный характер, отсюда и возникает вопрос вышеуказанных критериев. Например, указывается широкий доступ к «экспертным данным», геймификация или генеративный искусственный интеллект. Однако всё это количественные улучшения образовательного процесса, за которыми ожидается качественное улучшение, но без решения фундаментальных проблем рост качества, во-первых, не обязателен, а во-вторых, может оказаться сильно ниже, чем ожидается экспертами. К тому же остаётся под вопросом само понятие «качества» образования: «В эпоху ИИ принципиально важно понять, что главное в аудитории не научить давать ответы на вопросы, а ставить новые вопросы (задачи) на полученные ответы» [17, с. 58].
- Сможет ли искусственный интеллект обеспечить передачу культурных ценностей общества обучающимся? Исторически сложилось, что школа и университет являются важнейшими институтами передачи следующим поколениям ценностей общества, однако и без внедрения искусственного интеллекта с этим наблюдаются сложности: «Принимая основные положения классической традиции, мы фиксируем, что у ИИ нельзя научиться ни тому, что есть благая/счастливая жизнь, ни интеллектуальным (или иным) добродетелям» [17, с. 53]; «Диалог позволяет нравственно воспитывать школьников и развивать их потребности в знании, создавая ситуации применения. Он организует условия, защищающие неокрепшую детскую психику от травм и обеспечивающие самопознание, самовыражение, самореализацию учащих» [18, с. 67].

Таким образом, с данной категорией проблем прикладной искусственный интеллект вряд ли способен справиться, так как они касаются вопросов непосредственного взаимодействия между людьми на разных уровнях жизнедеятельности людей, психологическом и интеллектуальном, экономическом и в оценивании труда, культурном и т.д. В решении вопросов данной категории необходимы усилия разных социальных сил нашей страны. Вследствие того, что само образование выступает фундаментом существования социума и его культуры, современная ситуация требует исследований, публичного разбора этих проблем и достижения удовлетворительного консенсуса, на основании которого впоследствии стало бы возможным произвести комплекс реформ, а не фрагментарные изменения.

Российскому обществу необходимо задать следующие вопросы: во-первых, стремимся ли мы по-прежнему воспитывать всесторонне развитую личность, выступающую фундаментальным требованием системы образования от начала её существования, или в век информации и специализации знания мы перейдём к функциональному отношению к человеку, его знаниям и опыту, одобряя фрагментарное образование, делающее упор на узкую специализацию и материальную выгоду для человека и общества; во-вторых, следует ли обществу сохранить массовое общее образование, которое стало ценностью в России относительно недавно, около столетия назад, или же его нельзя считать эффективным инструментом и необходимо вернуться к частному, ограниченному, элитному образованию, что и наблюдается в современности в обществах западноевропейского культурного типа. Из ответов на эти вопросы «да, стремимся» и «да, следует сохранить» следует, что необходимо перейти к конкретным, но осторожным действиям, в противовес ситуации, сложившейся к настоящему времени. Отрицательный ответ можно выразить следующими высказываниями: «Суммируем перечисленные проблемы в следующем суждении: ранее школа готовила к жизни, высшее образование – к профессии. Сейчас нет ни того, ни другого» [17, с. 57].

Обсуждение и заключение

В результате, искусственный интеллект решает частные практические вопросы, позволяет оптимизировать отдельные несовершенства образовательной системы, модернизировать её фрагменты, однако эксплуатация данной интереснейшей технологии не решает фундаментальные проблемы образования, связанные в первую очередь с принципами и нормами человеческого общежития на современном этапе, теми ценностями, которые пассивно или активно закладываются в образователь-

ный процесс, а также с взаимодействием с детьми и молодёжью.

Наиболее известные философы с древности до современности стремились выработать, сформулировать некоторые универсальные законы человеческого бытия. Однако даже Марксисты, чью философию можно считать наиболее приближенной к созданию универсальных законов человеческого общежития, не сумели на основе теории составить практическое сообщество, способное на основании выработанных ими законов функционировать относительно длительный промежуток времени и быть при этом более-менее стабильным без привлечения стандартных для всех социальных систем инструментов, самым обычным из которых безусловно является аппарат насилия и принуждения. Ведь попытка создания такого сообщества на данный момент является одним из самых сложных и великих социальных экспериментов в истории человечества.

Искусственный интеллект – потрясающая технология, потенциально эффективный инструмент, способный качественно повлиять на процесс образования, однако он не способен справиться с основами человеческой природы и «человеческим фактором». Потенциальные благо и вред от взаимодействия человека и искусственного интеллекта в образовании, как обычно, заключается не столько в новой технологии, сколько в том, как российское общество и определённые обучающиеся и педагоги используют его: необходимо признать, что большинство представителей нашего вида обладают качествами, которые еще Платон и Аристотель оценивали отрицательно, а человечество мало изменилось фундаментально за последние тысячи лет.

Искусственный интеллект может в том числе быть использован во вред себе и другим, чтобы манипулировать, эксплуатировать или напрямую вредить. Это представляет особую степень угрозы в вопросах воспитания и образования, ведь в этих сферах происходит взаимодействие общества и его культуры с её потенциальными носителями, с людьми, которые еще не сформировали комплексный взгляд на мир и несут на себе печать отсутствия знания. Вследствие чего научному сообществу необходимо озаботиться обеспечением осознания как потенциального блага, так и потенциального вреда от эксплуатации технологий искусственного интеллекта в образовании. Философская антропология же, в свою очередь, вынуждена устремиться к этой проблеме и сделать все возможное, чтобы предупредить потенциальный вред. Будет ли это сделано в форме информационной грамотности в рамках социальных и технических наук, или очередной попытки создания более культурно просвещенного сообщества, пока что неизвестно. Так или иначе искусственный интеллект может стать могущественным инструмен-

том человеческого совершенствования или человеческой деструктивности.

Литература

1. Беликова Е.К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Философия и культура. – 2024. – № 1. – С. 1–11.
2. Букина Т.В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-sovremennoe-sostoyaniye-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Викторов А.В. Феномен искусственного интеллекта в философской традиции // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 7. – С. 117–120.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с. С ил. (Акад. пед. наук СССР).
5. Дубровина Л.А. Психолого-педагогическое взаимодействие субъектов образовательного процесса: учеб. пособие / Л.А. Дубровина, И.Р. Сорокина; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – 131 с. ISBN 978-5-9984-1067-3
6. Елшанский С.П. Школа будущего: может ли искусственный интеллект обеспечить когнитивную эффективность обучения? // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2021. – № 462. – С. 192–201.
7. Ивахненко Е. Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. – 2023. – № 4. – С. 9–22.
8. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения // Коменский Ян Амос. – М.: Юрайт, – 2024. – 441 с. (Антология мысли и слова) ISBN 978-5-534-09278-3
9. Константинова Л. В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. – 2023. – № 2. – С. 36–48.
10. Кортаева Е.В. Педагогическое взаимодействие: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Е.В. Кортаева. – Москва: Юрайт, 2019. – 223 с. – (Образовательный процесс). – ISBN 978-5-534-08443-6.
11. Корчажкина О.М. Искусственный интеллект в программе средней школы: введение в проблему // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2019. – № 3 (49). – С. 33–46.

12. Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – № 1. – С. 47–60.
13. Молчанова Г.Г. Цифровая трансформация образования и общества: возможности и сложности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 9–16.
14. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Жан Пиаже; [Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл.А. Лукова]. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 526, [1] с.; 20 см. – (Психология: классические труды); ISBN 5-7155-0694-8
15. Полосова Л.Б. Психологические проблемы педагогического взаимодействия педагогов и детей // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 6. – С. 203–206.
16. Проказина Н.В. EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – № 1. – С. 165–175.
17. Резаев А. В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. – 2024. – № 4. – С. 49–62.
18. Ромашова С.Н. Взаимодействие учителя и ученика: возможные пути сохранить психическое здоровье // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2010. – № 3. – С. 58–72.
19. Серегина Е.С. Аксиологические проблемы образования в современной науке // Изв. Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – № 2. – С. 172–175.
20. Скларова Н. Ю., Бродовская Е.В., Огнев А.С., Лукушин В.А. Эффекты и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в российскую систему школьного образования // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 3–1. – С. 146–160.
21. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – № 1. – С. 176–183.
22. Сулима И.И. Бытийное образование человека (герменевтическая концепция): монография / И.И. Сулима. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2023–326 с. ISBN 978-5-85219-902-7
23. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: В 3-х т. Т. 1. / сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль. – М.: Педагогика, 1979. – 560 с.
24. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. – 2023. – № 10. – С. 9–33.
25. Тодис Л. М., Виноградова Т.В., Андроничева А.С. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 3. – С. 78–81.
26. Ушинский К.Д. Собрание сочинений / К.Д. Ушинский; Ред. коллегия: А.М. Еголин (глав. ред.), Е.Н. Медынский и В.Я. Струминский; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. – Москва; Ленинград: Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952 (М.: Образцовая тип.). – 11 т.
27. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Юрген Хаберман; перевод с немецкого А.К. Судакова. – М.: Весь мир, 2022. – 878 с.: ил., табл.; 25 см.; ISBN 978-5-7777-0856-4
28. Хаджаров М.Х. Проблемы образования, влияющие на качество обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 2 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obrazovaniya-vliyayuschie-na-kachestvo-obucheniya> (дата обращения: 17.02.2025).
29. Шобонов Н. А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79–4. – С. 288–290.
30. Ярцева Е.Я. Интеграция искусственного интеллекта в образование // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanie> (дата обращения: 10.02.2025).

PERSPECTIVES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE EXPLOITATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS: TOWARDS A STATEMENT OF PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ISSUES

Semenchuk S.S.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

The article considers the prospects of integrating artificial intelligence systems into the educational process at two levels of the educational system of the Russian Federation from the perspective of philosophical anthropology. It is proposed to critically analyze the trends observed in the last decade about the prospects of interaction of humans and social institutions with artificial intelligence, analyzing both the potential benefits from the exploitation of this technology and the potential harms. As a result of the analysis, a conclusion is formulated about the need for a more comprehensive analysis of the introduction of such technology into social practice.

Keywords: artificial intelligence, human, education, philosophy, philosophical anthropology.

References

1. Belikova E.K. Basic issues of the philosophy of artificial intelligence // Philosophy and Culture. – 2024. – № 1. – С. 1–11.
2. Bukina, T.V. Artificial intelligence in education: current state and prospects of development // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (date of address: 10.02.2025).

3. Viktorov A.V. The phenomenon of artificial intelligence in the philosophical tradition // Socio-humanitarian knowledge. – 2023. – № 7. – С. 117–120.
4. Vygotsky L.S. Collected Works: In 6 vol. T. 1. Questions of theory and history of psychology / Edited by A.R. Luria, M.G. Yaroshevsky. – Moscow: Pedagogy, 1982. – 488 c. With illustration. (Acad. of Pedagogical Sciences of the USSR).
5. Dubrovina L.A. Psychological and pedagogical interaction of the subjects of the educational process: a textbook / L.A. Dubrovina, I.R. Sorokina; Vladimir State University named after A. G. and N.G. Stoletov. A. G. and N.G. Stoletov. – Vladimir: Izd-v VISU, 2019. – 131 c. ISBN 978-5-9984-1067-3
6. Elshansky S.P. School of the Future: Can Artificial Intelligence Provide Cognitive Efficiency of Learning? // Vestn. tom. gos. unct. – 2021. – № 462. – С. 192–201.
7. Ivakhnenko E. N., Nikolsky V.S. ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? // Higher Education in Russia. – 2023. – № 4. – С. 9–22.
8. Comenius J.A. Selected pedagogical works // Comenius Jan Amos. – M.: Yurait, – 2024. – 441 c. (Anthology of thought and word) ISBN 978-5-5-534-09278-3
9. Konstantinova L. V., Vorokhikhin V.V., Petrov A.M., Titova E.S., Shtykhno D.A. Generative artificial intelligence in education: discussions and forecasts // Open Education. – 2023. – № 2. – С. 36–48.
10. Korotayeva E. V.V. Pedagogical interaction: textbook for bachelor's and master's degree programs / E.V. Korotayeva. – Moscow: Yurait Publishing House, 2019. – 223 c. – (Educational process). – ISBN 978-5-534-08443-6.
11. Korchazhkina O.M. Artificial intelligence in the secondary school program: introduction to the problem // Vestnik MGPU. Series: Informatics and informatization of education. – 2019. – № 3 (49). – С. 33–46.
12. Machkhelyan G.G. Actual problems of restructuring the education system in modern Russia // Living standards of the population of the regions of Russia. – 2023. – № 1. – С. 47–60.
13. Molchanova G.G. Digital transformation of education and society: opportunities and difficulties // Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. – 2022. – № 1. – С. 9–16.
14. Piaget J. Speech and thinking of the child / Jean Piaget; [Composition, new ed. per. from Fr., comment. Val. A. Lukov, VI.A. Lukov]. – M.: Pedagogika-press, 1994. – 526, [1] p.; 20 cm. – (Psychology: classical works); ISBN 5-7155-0694-8
15. Polosova L.B. Psychological problems of pedagogical interaction between teachers and children // Pedagogical Education in Russia. – 2012. – № 6. – С. 203–206.
16. Prokazina N.V. EdTech in Sociological Education: Challenges and Opportunities, Risks and Solutions. Series: Sociology. – 2024. – № 1. – С. 165–175.
17. Rezaev A. V. V., Stepanov A.M., Tregubova N.D. Higher education in the era of artificial intelligence // Higher Education in Russia. – 2024. – № 4. – С. 49–62.
18. Romashova S.N. Interaction between teacher and student: possible ways to preserve mental health // Vestnik MGPU. Series: Pedagogy and Psychology. – 2010. – № 3. – С. 58–72.
19. Seregina E.S. Axiological problems of education in modern science // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2024. – № 2. – С. 172–175.
20. Sklyarova N. Y., Brodovskaya E.V., Ognev A.S., Lukushin V.A. Effects and prospects for the introduction of artificial intelligence technologies in the Russian system of school education // Teachers XXI century. – 2023. – № 3–1. – С. 146–160.
21. Subbotina M.V. Artificial intelligence and higher education – enemies or allies // Vestnik RUDN. Series: Sociology. – 2024. – № 1. – С. 176–183.
22. Sulima, I.I. Genesis human education (hermeneutic concept): monograph / I.I. Sulima. – Nizhny Novgorod: Mininsky University, 2023–326 p. ISBN 978-5-85219-902-7
23. Sukhomlinsky V.A. Selected Pedagogical Works: In 3 Vol. 1 / Compiled by O.S. Bogdanova. O.S. Bogdanova, V.Z. Smal. – Moscow: Pedagogy, 1979. – 560 c.
24. Sysoev P.V. Artificial Intelligence in Education: awareness, readiness and practice of application of artificial intelligence technologies in professional activity by higher school teachers // Higher Education in Russia. – 2023. – № 10. – С. 9–33.
25. Todis L. M., Vinogradova T.V., Andronicheva A.S. Modern problems of higher education in Russia and possible ways to solve them // Modern Pedagogical Education. – 2023. – № 3. – С. 78–81.
26. Ushinsky K.D. Collected Works / K.D. Ushinsky; Editorial Board: A.M. Egorin (chief ed.), E.N. Medynsky and V. Ya. Medynsky and V. Ya. Struminsky; Acad. of Pedagogical Sciences RSFSR. Institute of Theory and History of Pedagogy. – Moscow; Leningrad: Acad. of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1948–1952 (M.: Obraztsovaya Typ.). – 11 т.
27. Habermas J. Theory of Communicative Activity / Jurgen Habermas; translation from German by A.K. Sudakov. – Moscow: The Whole World, 2022. – 878 p.: ill., tabl.; 25 cm.; ISBN 978-5-7777-0856-4
28. Hajarov M.H. Problems of education affecting the quality of training // Professional Education in Russia and Abroad. 2024. № 2 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obrazovaniya-vliyayuschie-na-kachestvo-obucheniya> (date of address: 17.02.2025).
29. Shobonov N. A., Bulaeva M.N., Zinovieva S.A. Artificial Intelligence in Education // Problems of Modern Pedagogical Education. – 2023. – № 79–4. – С. 288–290.
30. Yartseva E.Я. Integration of artificial intelligence in education // Problems of modern pedagogical education. 2024. № 85–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanie> (date of reference: 10.02.2025).

К вопросу о логическом соотношении понятий «истинность» и «убедительность»

Сиверцев Евгений Юрьевич,

к.ф.н., доцент, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: Emden1914@yandex.ru

Орлова Татьяна Сергеевна,

преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица
E-mail: ots_prof3@mail.ru

В статье рассматриваются причины ошибок, возникающих при принятии решений в различных ситуациях. Одной из ключевых причин является ошибочное предположение о том, что убедительность информации всегда зависит от её истинности. Традиционно в методологической мысли считается, что истинное человеческое сознание *arguere* воспринимается как убедительное, однако исследование показывает, что это не так. Убедительность, обладая лингвopsихологической природой, не всегда зависит от рационально-эмпирических критериев истинности. Напротив, истинность, как один из факторов убедительности, представляет собой гносеологическую характеристику, не полностью определяющую феномен убедительности, но влияющую на её восприятие. Соответственно, возникает проблема соотношения факторов истинности, поддающихся фиксации, факторам убедительности, которые зафиксировать и учесть в принципе нельзя. Статья подчеркивает необходимость различения этих понятий для более глубокого понимания процесса принятия как коллективных, так и индивидуальных решений.

Ключевые слова: философия, логика, убедительность, истина, логическое отношение, лингвистика, психология, нарратив.

Традиционно считается, что между истинностью и убедительностью существует логическое отношение подчинения. Истинное высказывание с необходимостью является убедительным, а высказывание, представляющееся убедительным, далеко не всегда может успешно проходить процедуру объективной верификации, но может оказаться действительно истинным.

Тем не менее, характеристика логического отношения между истинностью и убедительностью как отношения подчинения совсем не так очевидна. Поиск логического соотношения категорий истинности и убедительности является предметом изучения в данной статье.

Если объём литературы, посвящённой истине, практически неисчерпаем (эту литературу и категорию истины как таковую мы рассмотрим ниже), то степень изученности убедительности значительно ниже. Точнее, об убедительности пишут много и охотно, но в литературе подобного рода, как правило, речь идёт прежде всего о том, какие существуют приёмы убеждения собеседника в правдоподобию любой информации [3, с. 115–116]; [8, с. 18–19], [15, с. 23–25]; [16]; [17, с. 56–58].

Таким образом, хотя, тема убедительности недостаточно глубоко изучена в академическом мире, работы, посвящённые убедительности, можно разделить на две большие группы

Первая группа – исследование места и роли базисных (неизменных, распространённых среди большинства) убеждений в структуре ценностно-смысловой сферы человека [7, с. 203–206], [11]. В таких исследованиях основное внимание уделяется процессам восприятия и преобразования социокультурного опыта, воспринимаемого отдельной личностью в процессе её социализации [18].

Вторая группа интеллектуальных конструкций, которые до некоторой степени касаются проблемы убедительности, имеет философско-лингвистический характер. Эти исследования выводят убедительность прежде всего из особенностей синтаксиса, семантики и прагматики. Как правило, в фокусе исследовательского внимания категории, обозначаемые при помощи терминов *нарративность* и *иллюкутивность*.

Нарративность имеет много значений, но для целей нашего исследования научный интерес представляет определение нарративности как способности влиять на миропонимание слушателя (читателя)» [2]. Автор термина «*narrative econom-*

ics» Роберт Шиллер (р. 1946) определяет его, как: «просто история или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа» [2, с. 53]. В речи нарративы применяются для разных целей: «они могут использоваться для стимулирования, заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому, что ... они развивают личный интерес» [2]. Нарратив, таким образом, представляет собой когнитивный инструмент, организующий в сознании данные опыта [8, с. 37].

Способность фразы к убеждению обозначается термином, введённым Джоном Остином – «иллокуция». В едином речевом акте Дж. Остин выделяет три уровня: локутивный акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт. Для проведения нашего исследования необходимо рассмотреть именно иллокутивный акт. Как полагает ученик Дж. Остина, Джон Сёрль, иллокутивный акт может иметь ещё и форму *ассертива*. Ассертив – высказывание, убеждающее говорящего и слушающего в истинности высказываемого. Причём убеждение достигается не за счёт связи с реальностью, а исключительно за счёт языковых средств. Отметим, что по поводу формы этих языковых средств единства среди исследователей не существует. Например, Т. Балльмер и В. Бренненштуль считают, что «классификация речевых актов строится на основании глаголов ...» [1, с. 45].

Анализ этих двух групп показывает следующее: убедительность – это феномен прежде всего психолингвистический. Убедительность какого-либо высказывания формируется по законам психологии и языкознания. Объективное положение вещей практически никак не влияет на степень убедительности высказывания о положении этих вещей.

В Древней Греции ученые и философы утверждали, что истина представляет собой соответствие наблюдаемой реальности нашим представлениям о ней, то есть совокупности словесных и логических конструкций, описывающих мир, которые мы передаем посредством слова, суждения, умозаключения и теории. Этот способ понимания принято называть классическим. Он был изложен в общем виде Аристотелем, а более поздние мыслители развили и уточнили его. В результате он попал в современные учебные пособия и преобладает в научной среде [13, с. 4]. Его сущность будет рассмотрена ниже.

Существует и другой взгляд, когерентный, истоки которого заложили представители так называемой элейской школы древнегреческой философии еще до Аристотеля, в конце V – начале IV века до н.э. Этот взгляд и по сей день остается достаточно распространенным: им руководствуются некоторые исследователи, а также люди, которые осознанно или неосознанно опираются

на него в повседневной практике, делают выводы и используют его для объяснения происходящего.

Третий подход, о котором сегодня идет речь, иногда называется конвенциональным. Он сформировался в учении скептиков, одной из школ древнегреческой философии. Представители этого направления сомневались во всем, и именно от них в наш язык пришло слово «скептицизм».

Скептики ставили под сомнение достоверность человеческих знаний и чувств, полагая, что правое не обязательно правое, а левое не обязательно левое. Они сомневались в том, что представления о верхе, низе, жизни и смерти соответствуют действительному положению вещей. Подобная система взглядов встречается и в наше время.

Следующий взгляд называют прагматическим. Сторонники этого подхода признают истинным лишь то, что способно принести практическую пользу. Они считают, что мнение или утверждение приобретают статус истины, если выгодны лично кому-то или обществу в целом, либо приносят результаты. Основы подобного взгляда сформировались в трудах древнегреческих софистов, которые сознательно называли белое черным, а добро злом. Они понимали, что это не отражает реальность, но стремились показать уязвимость логики и мышления, поскольку *любую мысль можно поставить под вопрос и доказать противоположное* [6]. Об этой проблеме речь тоже пойдет дальше.

Наконец, существует еще пятая концепция, пятая логика.

Постмодернистский подход к пониманию истины возник в XX веке в Европе и США, не будучи связанным с античной философией. Он обозначил новую культурную эпоху, получившую название постмодернизма или постмодерна. В философии и науке с ним коррелирует постструктуралистский метод, трактующий мир как совокупность знаков и символов, то есть определенный «текст». Если любое явление представлять в виде текста, то его возможно переписывать: удалять отдельные фрагменты, переименовывать некоторые детали и заменять одни смысловые элементы другими. Отсюда возникает идея о подвижной и непостоянной природе истины, способной менять свой облик [9, с. 59].

Классическая теория отождествляет мышление с объективной реальностью и глубоко укоренена в нашей повседневной логике. Мы применяем ее на практике, даже не задумываясь об этом. Каждое явление или предмет получают свое название, а произнесенное слово подразумевает специфическую часть действительности. Таким образом формируется система терминов, через которую мы упорядочиваем окружающий мир и даем ему определение.

Сотни лет не утихают споры о том, что именно обозначается понятием «соответствие». В чем состоит механизм соотнесения мысли с объектив-

ной реальностью? Возможно ли сравнивать субъективное, идеальное знание с материальными вещами? Когда мы называем предмет словом «карандаш» и держим в руках реальный объект, само слово, являясь идеальной конструкцией, каким образом способно полностью отражать этот объект? Дополнительно встает вопрос о языковых различиях: предмет остается прежним, но его название может меняться. На Земле зафиксировано около четырех с половиной тысяч языков. Как выявить, на каком из них сущность карандаша описывается наиболее точно? Может ли одно из наречий кичуо или аймара, либо язык хань или суахили, передавать эту сущность наиболее полно? Или, напротив, именно русское слово «карандаш» лучше всего выражает его наиболее значимые свойства?

Согласно этому подходу, речь идет всего лишь о согласовании слова с объектом, процессом, отношением или явлением. Тем не менее, при рассмотрении абстрактных утверждений возникают серьезные вопросы. Например, «энергия сохраняется» или «все имеет причину» – подобные высказывания могут одновременно охватывать все многообразие реальности и оставлять ее без конкретного описания. Возникает сомнение, насколько такие обобщенные формулировки соотносятся с реальными процессами.

Если мы говорим «все имеет причину», даже при условии, что понятие «причина» определено предельно четко, применять его ко всему, что происходит в мире, представляется весьма условным. Наконец, третья проблема, на которую указывают критики данного подхода, связана с однобокостью любых определений: каждое понятие освещает лишь одну сторону явления или процесса и не всегда отражает многообразие реальности, которое стремится объяснить теория.

Известно, что Фридрих Ницше выдвинул идею переоценки всех ценностей, предложив буквально изменить в нашей морали и этике знаки «плюс» и «минус» на противоположные. Он утверждал, что грубость и жестокость можно назвать силой и жизнеспособностью, а мелочность и подлость – живучестью и стойкостью. Антигуманное и античеловечное, по его мнению, вполне возможно охарактеризовать как жизненное и сильное. В рамках его философии все привычные ценности обрели новые значения, однако трудно утверждать, что сам Ницше безоговорочно разделял эти взгляды на практике [13, с. 4].

Несомненно, он осознавал наличие неких фундаментальных ценностей, которые невозможно игнорировать. Вместе с тем Ницше предпринял весьма удачную попытку показать относительность многих положений, принятых западной цивилизацией, затрагивая и религиозную сферу, и то, что обычно называют общечеловеческими ценностями: гуманизм, милосердие, великодушие. Он указал на то, что в определенных обстоятельствах

любая из этих ценностей способна перейти в свою противоположность. Добродетель может быть переосмыслена как зло, а злодеяние, напротив, может стать проявлением силы и принести пользу обществу.

При этом возникает вопрос о последствиях практического воплощения подобных идей. Каждый человек может понять их по-своему, поскольку система Ницше внутренне непротиворечива и допускает следование ей на практике. Чрезвычайную опасность представляет ситуация, в которой некий народ целиком принимает эту «перевернутую» систему ценностей и начинает реализовывать ее, не оглядываясь на традиционные нормы морали и этики.

Ницше продемонстрировал хрупкость оснований нашего мышления и кажущуюся устойчивость определенных стереотипов. Однако при рассмотрении когерентной теории часто обсуждаются ее уязвимые аспекты, поэтому полезно упомянуть и ее сильные стороны. Эта концепция не сформировалась на пустом месте: речь идет не только о Древней Греции, но и о более позднем периоде – XIX–XX вв. Она оказалась созвучна позитивистской традиции, зародившейся благодаря Огюсту Контю, французскому математику и основателю социологии. Продолжатели идей Конта – позитивисты, неопозитивисты и постпозитивисты – приняли значимую мысль, которая согласуется с когерентным пониманием истины: если предполагается, что истина должна входить в более широкую, возможно абсолютную, систему, то рано или поздно все человеческие знания могут быть сведены к единому, логически упорядоченному механизму. В рамках такого механизма вполне допустимо отвечать на любые вопросы, даже если речь идет не о глубоком фундаментальном уровне. Для повседневных нужд подобное объяснение зачастую оказывается вполне достаточным [12, с. 109].

Классическая теория подчеркивает соответствие мысли объективной реальности, стремясь к истине как абсолютному и универсальному знанию. В этом контексте истинность рассматривается как фундаментальная основа, обеспечивающая надежность и обоснованность убеждений.

Когерентная теория, напротив, акцентирует внимание на внутренней согласованности системы знаний, где истина определяется соответствием элементов системы друг другу. Здесь убедительность аргументации тесно связана с логической целостностью и непротиворечивостью представленных суждений, что делает убеждение эффективным в рамках данной системы.

Конвенциональная теория истины рассматривает истину как социально обусловленное соглашение, подчеркивая роль коллективных норм и соглашений в формировании истины. В этом случае убедительность может зависеть от принятия и согласия общества с определенными догма-

ми и стандартами, что позволяет истине приобретать субъективный характер.

Прагматическая теория истины связывает истинность с практической полезностью и результативностью. Здесь убеждение становится инструментом достижения целей и адаптации к изменяющимся условиям, где истинность определяется тем, насколько утверждение или теория способствуют практическому решению проблем.

Постмодернистский подход деконструирует традиционные представления об истине, подчеркивая ее относительность и изменчивость. В этом контексте убедительность может быть использована для манипулирования значениями и ценностями, демонстрируя гибкость и изменчивость истины в различных культурных и социальных контекстах.

Итак, соотношение понятий «истинность» и «убедительность» зависит от выбранной теоретической перспективы. В классическом подходе истинность служит основой для убедительности, обеспечивая объективное обоснование аргументов. Когерентная и конвенциональная теории подчеркивают внутреннюю согласованность и социальное принятие как ключевые факторы убедительности. Прагматическая теория связывает истинность с практической эффективностью убеждений, а постмодернистский подход демонстрирует, как убедительность может быть использована для переопределения и трансформации понятий истины.

Парадигм истинности высказывания тоже существует несколько. В первую очередь обратимся к парадигме эмпиризма. Во всей его полноте, от Демокрита до современных наследников позитивизма, убедительно то высказывание, которое соотносится с положением вещей внешнего мира; т.е. наиболее удачно кодирует воздействие внешнего мира на человеческое сознание. В соответствии с целями настоящего исследования сама процедура установления убедительности требует раскрытия в отдельном исследовании. Отметим, что, например, в конце XIX века эмпирическое понимание истины как соответствия высказывания положению вещей дополнилось пониманием истины как соответствия высказывания и результата действия в соответствии с ним – «прагматическая концепция истинности» Ч.С. Пирса и Дж. Дьюи. Тем не менее, заметно, что принципиального изменения понимания истины не произошло.

Следующая парадигма – рационализм в его традиционном виде: от Платона до Гегеля. С точки зрения рационализма истинным будет то высказывание, которое наиболее удачным образом соотносится с разумом. Это прежде всего высказывания математики, логики, теоретической физики, некоторых областей гуманитарного знания. Одним из позднейших вариантов рационалистического подхода к истине является «когерентная концепция истинности» (О. Нерат, М. Даммит, Н. Гудмен)

В современной эпистемологии рационализм и эмпиризм в их классическом виде практически отсутствуют. Скорее, можно говорить о некоей парадигме, сочетающей то и другое. Это применяемая прежде всего в науке доктрина единства эмпирического и теоретического уровней познания. Определённого названия эта парадигма пока не получила (применяются термины индуктивизм, физикализм, позитивизм и т.п.), но чаще всего она именуется научно-рационалистической [20]. В рамках этой концепции убедительно то высказывание, которое логически вытекает из чувственных данных, допускает своё дедуктивное развитие, порождающее чувственно проверяемые предположения и в итоге подтверждается чувственными данными. При этом набор данных, положивших начало дедукции и набор верифицирующих данных, естественно, не совпадают.

Разновидностями рационалистической парадигмы можно назвать метафизическую и теологическую парадигмы.

Предметом метафизической парадигмы являются в принципе не доступные чувственному созерцанию сущности. Высказывания о них должны предшествовать и ориентировать любое рассуждение о любом свойстве бытия (материального, социального, ментального).

В теологической парадигме речь также идёт о первоосновах бытия и о высказываниях о них, но особое внимание обращается на то, что высказывание *a priori* абсолютно убедительно. В рамках этой парадигмы извлекаются убедительные высказывания о сущем из различных источников, признанных той или иной конфессией «боговдохновенными» [4], [5].

Следующая концепция – интуитивизм. Истина сущего постигается не рациональными конструкциями и не эмпирическим исследованием. Люди ощущают убедительные высказывания «... как бы действующими на нас извне и принудительно» [19, с. 9]. Она переживается как единство высказывания и чувства его истинности.

Мистическая концепция во многом схожа с положениями интуитивизма. Наиболее существенное отличие – акцент на внутреннем состоянии субъекта: надо привести свою ментальность в такое состояние, когда сознание сможет пережить (или созерцать) истину во всём её объёме и всей её глубине. Например, буддийская школа йогачары (IV–VI вв. н.э.) видит постижение истины так: «В ходе своей практики йогин постигает природу, функции и корни сознания, конструирующего сансарическое бытие» [14, с. 147]. Убедительными, по сути, является небольшое количество высказываний, но они содержат понятия, объём которых почти не ограничен, а содержание относится к огромному количеству объектов.

Рассмотренные выше концепции убедительности и истинности не исчерпывают весь спектр со-

временных мнений на этот счёт, но для возвращения к поставленной в самом начале проблеме достаточны. Обратимся к проблеме логического соотношения понятий убедительности и истинности.

Они совершенно точно не находятся между собой в отношении подчинения: одно и то же высказывание может оказаться убедительным, но не истинным (геоцентрическая система устройства Солнечной системы), или истинным, но не убедительным (гелиоцентрическая система устройства Солнечной системы). Можно ли в этом случае говорить об отношении совпадения [10], [12]? Безусловно. В науке существует немало высказываний, которые считаются убедительными и истинными одновременно («Земля имеет атмосферу», «длительность астрономического года – 12 месяцев»). Можно ли в этом случае говорить об отношении пересечения (перекрещивания)? Скорее всего, нет. Если высказывание воспринимается как истинное и как убедительное, то это будет отношение совпадения. Может ли одно и то же высказывание восприниматься как истинное, но не убедительное или неистинное, но убедительное? Едва ли!

По нашему мнению, для логического отношения, в котором находятся истинность и убедительность, подходит такая характеристика, как *несовместимость*. Несовместимыми являются понятия, «объемы которых не совпадают ни полностью, ни частично» [10], [12].

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что при выборе какой-либо научной теории для её применения в практике она рациональным образом тестируется на истинность. Это тестирование не гарантирует удачного результата, не может учесть всех факторов, но оно всё же до некоторой степени предохраняет от совсем грубых ошибок. Возможно ли тестирование на факторы, делающие теорию *убедительной*? Возможно, но степень рационализации, которая возможна при отборе факторов убедительности, весьма низка, она уступает факторам, учитываемым при тестировании на истинность.

Литература

1. Василина В.Н. Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания / В.Н. Василина // Вестник МГЛУ. Серия 1 Филология. 2005. № 2 (18). С. 44–53.
2. Вольчик В.В. Нарративы и понимание экономических институтов. Terra Economicus, 2020, 18(2). С. 49–69.
3. Гольдштейн Н. Психология убеждения. 50 доказанных способов быть убедительным. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 224 с.
4. Гомонова Е.Н., Денисова Е.Г., Прокопьева Е.В. Теоретический анализ основных подходов к пониманию феномена убеждений личности // Материалы II Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии». Махачкала: Апробация, 2013. С. 91–97.
5. Денисова Е.Г., Сарелайнен А.И. Базисные убеждения как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2016. № 5. С. 34–43.
6. Кузина Е.Б. Доказательство как познавательно-коммуникативная процедура // РАЦИО. 2017. № 18(1). С. 68–82.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.
8. Маслов Е.С. Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. 116 с.
9. Муха О.Я. Критерии истинности и научности постмодернистского знания // Вестник ПСТГУ. 2012. № 39. С. 58–66.
10. Непряхин Н.Ю. Убеждай и побеждай. М.: Альпина Паблишер, 2021. 286 с.
11. Исаева В. Как добиваться своего с помощью НЛП. М.: Эксмо, 2022. 128 с.
12. Подвойский Д.Г. Предметно-методологическое самоопределение новой науки о человеческом обществе: Огюст Конт и его теория // Вестник РУДН. 2002. № 1. С. 100–115.
13. Потапова Н.А. «Переоценка прежних ценностей» в метафизике Ницше // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 3–6.
14. Степаненко Г. Н, Кузьмина Е.В. Логика: Конспект лекций / сост. Г.Н. Степаненко, Е.В. Кузьмина. Казань: Казанский университет, 2014. 78 с.
15. Торчинов А.С. Введение в буддизм. СПб.: Азбука, 2021. 352 с.
16. Трейси Б. Убеждение. Уверенное выступление в любой ситуации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 107 с.
17. Хроленко А.Т. Доказать нельзя, а убедить можно // Объективность и точность исследований в филологии. 2015. № 2. С. 59–68.
18. Чалдини Р. С., Гольдштейн М.Н. Психология убеждения. Важные мелочи, гарантирующие успех. СПб.: Питер, 2015. 211 с.
19. Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: Научная Библиотека, 2010. 128 с.
20. Штайнер Р. Истина и наука. СПб.: Балтика СПб, 1992. 96 с.

ON THE QUESTION OF THE LOGICAL RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “TRUTHFULNESS” AND “PERSUASIVENESS”

Sivertsev E.Yu., Orlova T.S.

Saint Petersburg State University, St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

The article discusses the causes of errors arising in decision-making in various situations. One of the key reasons is the erroneous assumption that the persuasiveness of information always depends on its truth. Traditionally, in methodological thought, it is assumed that true human consciousness apriori perceives true information as persuasive, but research shows that this is not the case. Persuasiveness, having a linguo-psychological nature, does not always depend on rational-empirical criteria of truth. On the contrary, truthfulness, as one of the factors of persuasiveness, is an epistemological characteristic that does not fully determine the phenomenon of persuasiveness, but influences its perception. Accordingly, the problem arises of correlation between the factors of truthfulness, which can be fixed, and the factors of persuasiveness, which cannot be fixed and taken into account in principle. The article emphasizes the need to distinguish these concepts for a deeper understanding of the process of making both collective and individual decisions.

Keywords: philosophy, logic, persuasiveness, truth, logical attitude, linguistics, psychology, narrative.

References

1. Vasilina V.N. Illocution as a communicative characteristic of an utterance / V.N. Vasilina // Bulletin of MSLU. Series 1 Philology. 2005. No. 2 (18). pp. 44–53.
2. Volchik V.V. Narratives and Understanding of Economic Institutions. *Terra Economicus*, 2020, 18(2). P. 49–69.
3. Goldstein N. Psychology of Persuasion. 50 Proven Ways to Be Persuasive. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 224 p.
4. Gomonova E.N., Denisova E.G., Prokopyeva E.V. Theoretical analysis of the main approaches to understanding the phenomenon of personality beliefs // Proceedings of the II International scientific and practical conference “Modern problems and prospects for the development of pedagogy and psychology”. Makhachkala: Approbation, 2013. Pp. 91–97.
5. Denisova E.G., Sarelainen A.I. Basic beliefs as a component of the value-semantic sphere of personality // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2016. No. 5. P. 34–43.
6. Kuzina E.B. Proof as a cognitive-communicative procedure // RATIO. 2017. No. 18(1). P. 68–82.
7. Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl, 2007. 511 p.
8. Maslov E.S. What is narrative? Kazan: Kazan University Publishing House, 2020. 116 p.
9. Mukha O. Ya. Criteria of truth and scientific nature of postmodernist knowledge // Bulletin of PSTGU. 2012. No. 39. P. 58–66.
10. Nepryakhin N. Yu. Convince and Win. Moscow: Alpina Publisher, 2021. 286 p.
11. Isaeva V. How to achieve your goals with the help of NLP. Moscow: Eksmo. 2022. 128 p.
12. Podvoisky D.G. Subject and methodological self-determination of the new science of human society: Auguste Comte and his theory // Bulletin of RUDN. 2002. No. 1. P. 100–115.
13. Potapova N.A. “Revaluation of Previous Values” in Nietzsche’s Metaphysics // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 2. P. 3–6.
14. Stepanenko G. N., Kuzmina E.V. Logic: Lecture Notes / Comp. G.N. Stepanenko, E.V. Kuzmina. Kazan: Kazan University, 2014. 78 p.
15. Torchinov A.S. Introduction to Buddhism. St. Petersburg, Azbuka, 2021. 352 p.
16. Tracy B. Persuasion. Confident performance in any situation. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. 107 p.
17. Khrolenko A.T. It is impossible to prove, but it is possible to convince // Objectivity and accuracy of research in philology. 2015. No. 2. P. 59–68.
18. Cialdini R.S., Goldstein M.N. Psychology of persuasion. Important little things that guarantee success. St. Petersburg: Piter, 2015. 211 p.
19. Chelpanov G.I. Textbook of logic. Moscow: Scientific Library, 2010. 128 p.
20. Steiner R. Truth and Science. St. Petersburg: Baltika SPb, 1992. 96 p.

Социальные функции старчества: философский взгляд

Денисов Андрей Анатольевич,

аспирант Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: andrey-pustinnik@yandex.ru

В статье рассмотрены социальные функции старчества как феномена православной культуры. Отмечается значимая роль, которую играло старчество в русской культуре и обществе в дореволюционный период, особенно в XIX – начале XX вв. Выделены такие социальные функции старчества, как регуляция и контроль поведения людей с точки зрения духовной нормы; формирование у людей социальных установок в процессе передачи им опыта веры; демонстрация истинной сути православия; помощь молодёжи в становлении и развитии личности; укрепление религиозного сообщества; межпоколенческая трансляция религиозных ценностей. Старчество раскрывается как социальный феномен, который способен оказывать значительное влияние на решение индивидуальных и общественных проблем на основе приобщения к духовному наследию православия.

Ключевые слова: старец, старчество, духовность, православие, социальные функции, общество.

Введение

Многие феномены, касающиеся религии, христианского поведения, праведной, духовной жизни, могут показаться сегодня архаическими, ушедшими в прошлое, однако такая их оценка является преждевременной. К числу таких феноменов относится и старчество, представляющее собой, с точки зрения истории культуры, «один из идеалов русского образа жизни, широкое явление православной жизни, связанное с духовным руководством со стороны старцев менее опытными в делах веры, а иногда и не имеющими даже начальных знаний об этой жизни людьми» [4, с. 464–465]. Старчество на Руси появилось в XIV в., а широкое распространение получило в XVIII–XIX вв. Н.А. Бердяев писал, что в старчестве в XIX в. пытались найти истинное православие [1, с. 281]. В.Н. Лосский характеризовал духовное руководство старцев как «харизматический дар», в котором иногда выражается соединение с Богом [6, с. 26]. По мнению П.А. Флоренского, старцы обладали «подлинной силой, основанной на опыте и опытном познании себя и других» [10, с. 625]. Современные исследователи изучают старчество как социокультурный феномен [8], как основу духовно-просветительской деятельности Церкви [2], выявляют педагогический потенциал старчества [3], рассматривают старчество как разновидность христианского подвига [9] и в других аспектах. Значение исследования феномена старчества возрастает в связи с теми духовными процессами, которые наблюдаются в современном обществе, нацеленностью современной России на возврат к традиционным, в том числе духовным ценностям.

Цель статьи – выявить социальные функции старчества, его значимость для общества на основе социально-философского анализа данного явления.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической основой работы является, предложенная К.С. Пигровым, реалистическая модель социальной реальности, в рамках которой общество рассматривается как отражение высшего бытия. При таком подходе такие религиозные феномены как старчество, несмотря на постулируемую связь с трансцендентным миром, могут активно проявляться в социальной жизни общества, так как она в рамках этой модели осмысливается как имеющая сакральный характер.

В ходе исследования использовались общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдения и описания, а также исторический метод. Исследование имеет междисциплинарный характер.

Результаты и обсуждение

Старчество сложилось в русской истории как полифункциональный феномен. Старец – это не просто монах, ушедший из мира и посвятивший себя Богу, это особая фигура, влияние которой было значимо как в православной обители, так и за её пределами. Зародившись в зарубежной православной культуре, старчество в России получило особенные черты, а старцы стали людьми, значимыми не только в духовном, но и в социальном контексте. Старчество в России стало «проявлением духовного учительства, реализовавшего в себе персонализм православной аскетики и несущего в себе опыт духовного делания» [5, с. 10]. Старцы демонстрировали обществу как личность, опираясь на традиционные для православия аскетические практики, может расширить свои духовные границы.

Старчество представляет собой духовное руководство новоначальными иноками или другими членами монашеской общины, а также всеми теми мирянами, которые нуждались в духовном наставнике. Духовное окормление паствы – это важнейшее назначение старчества. К психологическим его функциям можно отнести утешение, поддержку, духовное и душевное исцеление, которые получали люди от старцев. Важными функциями старчества мы также считаем социальные, которые при этом неотделимы от духовных и психологических, тесно переплетаются с ними.

Социальную природу имеют духовное руководство и передача духовного опыта, осуществляемые старцами, поскольку в результате у менее опытных в делах веры людей формируются социальные установки, которые определяют всю их дальнейшую жизнь. Н.О. Лосский полагал духовное руководство старцев социально действенным. По его мнению, официальная Церковь во второй половине XIX в. утратила значительную часть своего авторитета и могла оттолкнуть от себя истинно верующих, жаждущих чистоты духовной жизни. Но в глубине России сохранялась «настоящая христианская Церковь в лице почитаемых народом подвижников, живших в тиши монастырей, и особенно в лице старцев, к которым прибегали для поучения и утешения тысячи людей из всех слоев русского народа» [7, с. 248]. Старцы, таким образом, демонстрировали обществу, какими должны быть истинные христиане. В этом отношении старчество представляло собой зримый идеал человека и жизнеустройства общества. Люди, которые только приходили в Церковь, благодаря старцам, учились отличать истинное от наносного в церковной практике, многие его члены получали духов-

ную поддержку в сложные моменты жизни, когда под влиянием внешних обстоятельств были готовы отречься от веры. Многие из них несли полученные от старцев духовные знания в мир, передавали их людям, укрепляя тем самым положение Церкви, гармонизируя православную среду.

Основные социальные функции старчества состояли в регуляции и контроле социального поведения людей, в формировании устойчивых сообществ граждан, обладавших схожими религиозными взглядами, в сохранении и передаче религиозных ценностей подрастающему поколению и обществу в целом.

У старцев сформировалась значимая роль в обществе, они являлись медиаторами, которым удавалось сглаживать и преодолевать противоречия, которые возникали между различными социальными группами, Церковью и обществом, интеллигенцией и государством, церковной и светской культурами. Как отмечала А.Н. Першикова: «Старчество смогло перекодировать религиозные идеалы православной аскетики в дискурсах и «поведении» светской культуры, сделав их одной из важнейших составляющих отечественной культуры конца XIX – начала XX века. Именно через него, точнее через культуруфилософское переживание аскетического опыта, христианский и народный пласты отечественной культуры нашли общую точку пересечения с элитарной» [8, с. 3–4]. Таким образом, старчество является не только религиозным, но и социокультурным феноменом, транслируя социуму культурные установки, разрешая общественные проблемы и формируя представления о должном во взаимоотношениях между людьми.

Старцы оказывали влияние на мировоззрение людей, определяли их миропонимание. Это было особенно важно в конце XIX в. и на рубеже XIX–XX вв., когда в обществе под воздействием развития естественных наук начали появляться и укрепляться агностические и атеистические воззрения. В этот период у людей кардинально менялись условия общественного бытия, что неизбежно влекло за собой мировоззренческие изменения. Старцы выступали некими ориентирами, которые продолжали оставаться устойчивыми в условиях фрустрации общества. Церкви предстояло пережить сложные времена и защитить собственные идеалы и ценности. Старчество оказалось одним из важнейших институтов, который способствовал решению этой непростой задачи.

В прикладном плане старчество служило укреплению монастырской дисциплины (если старец обитал в монастыре), причём не при помощи запретов и страха, а на основе уважения к старцам, почтения к их жизненному опыту и мудрости. Старцы для монастырской братии, как и для широкого внемонастырского общества, были несомненным авторитетом; их слово имело силу закона в делах как духовных, так и обыденных, повседневных.

Старчество является социальным служением даже тогда, когда речь идёт о его духовной составляющей. Служение народу состоит уже в том, что старец демонстрирует пример иного, безгреховного бытия, к которому каждый человек может стремиться в своей жизни. Старец взаимодействует с миром и людьми в нём, не выходя из своего духовного состояния, не растворяясь в повседневной суете, но при этом находясь в мире. Старцы обретали положение вне сословия, для них уже не важны были социальные характеристики, привилегии, барьеры, и это тоже влияло на окружающий их социум, несколько размывая его границы, демонстрируя гуманный подход к человеку, в котором важна не его сословная страта, а его непопорочная личность.

Старцев воспринимали как особенных людей, изменивших свою природу, поднявшихся над падшим состоянием человека. Они стояли максимально близко к Богу, иначе ощущали действительность, обладали несколько иной системой ценностей, в которой материальная, «суетная» составляющая практически отсутствовала. В фигуре старцев не было амбивалентности, характерной для белого священника, отягощённого материальными проблемами.

Старцы были ближе к Богу, чем к миру, и именно поэтому к ним в обществе сложилось особое отношение. Они общались в избранном, монашеском кругу, однако нередко допускали к себе людей «из мира» с тем, чтобы наставить их в сложной ситуации. Встреча со старцем была для обычного человека волнующим духовным опытом, а беседа с ним, его советы оставались в памяти на всю жизнь и становились духовным руководством. Впрочем, для людей, никогда старцев не видевших, не беседовавших с ним, само их существование было социально значимым событием, играющим регулирующую роль.

Старцы репрезентируют в обществе традицию, что тоже является значимой социальной функцией старчества. Они передают следующим поколениям, потомкам опыт жития, бытия и веры, имеющий духовную природу и формирующий в обществе особое отношение к реалиям духовной жизни. Старчество одновременно выступает как социальная антинорма (не имеющая по определению широкого распространения, не применимая к социальной жизни широких слоёв населения), которая, несмотря на это, оказывает формирующее воздействие на норму. Духовные установки, принципы, правила, традиции старчества транслируются в мир как имеющие пусть и идеальное, но вполне прагматическое применение. Иначе говоря, каждый, оказавшийся под воздействием старчества, понимает, что транслируемые православными старцами идеалы никто в полной мере не сможет реализовать в мире. А вот принять основные духовные ценности старчества, стремиться к пости-

жению этого высшего уровня духовности вполне возможно.

Выводы

Старчество представляет собой национально-значимый культурный феномен, получивший в России специфическую реализацию, связанную с такими ключевыми чертами русской культуры, как духовность, нравственность, гуманность. У старчества множество функций, которые, по нашему мнению, делятся на духовные, психологические и социальные, при этом духовные и психологические также имеют социальные грани, поскольку так или иначе отражаются на жизни общества.

Основные социальные функции старчества состоят в том, что оно формирует прочные социальные установки у людей, не имеющих значительного опыта веры; демонстрирует истинную суть Церкви; способствует становлению личности молодёжи, укреплению социальной роли Церкви; регулирует и контролирует социальное поведение людей; укрепляет религиозные сообщества, участвует в сохранении и межпоколенческой трансляции религиозных ценностей.

Кроме того, социальную природу имеют и другие функции старчества – духовная и психологическая. Осуществляя духовное руководство над теми, кто в нём нуждается, оказывая им психологическую помощь, старец реализует социальную роль наставника, являющего социуму пример исполнения евангельских заповедей, направляющего и организующего духовную жизнь как членов монашеской общины, так и окормляемых им мирян.

Таким образом, старчество играет важную социальную роль в цивилизациях, исторически основанных на православных ценностях, в связи с чем изучение данного феномена сохраняет свою актуальность и должно быть продолжено в социально-философских исследованиях.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 310 с.
2. Богачев Е.Н. Старчество как основа духовно-просветительской деятельности Гефсиманского скита // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2018. – № 28. – С. 155–157.
3. Володченко И.С. Феномен старчества в истории церкви и его педагогический потенциал // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2020. – № 4 (18). – С. 101–109.
4. Громько М.М. Старчество // Русский народ. Этнографическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Гл. ред., сост. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. – С. 464–466.

5. Корнецова О.А. Феномен старчества в православной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / Пер. с фр. мон. Магдалины (В.А. Решиковой). – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. – 586 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
8. Першикова А.Н. Оптина пустынь как социокультурный феномен: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Москва, 2008. – 215 с.
9. Третьяков С.В. Феномен старчества как разновидность христианского подвига // Богословско-исторический сборник. – 2019. – № 4 (15). – С. 30–39.
10. Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. – М.: Мысль, 1996. – 877 с.

SOCIAL FUNCTIONS OF ELDERSHIP: A PHILOSOPHICAL VIEW

Denisov A.A.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines the social functions of eldership as a phenomenon of Orthodox culture. It notes the significant role that eldership played in Russian culture and society in the pre-revolutionary period, especially in the 19th – early 20th centuries. The following social functions of eldership are highlighted: regulation and control of people's behavior from the point of view of spiritual norms; formation of social attitudes in people in the process of transmitting the experience of faith to them; demonstration of the true essence of Ortho-

doxy; assistance to young people in the formation and development of personality; strengthening of the religious community; intergenerational transmission of religious values. Eldership is revealed as a social phenomenon that is capable of exerting a significant influence on the solution of individual and social problems based on familiarization with the spiritual heritage of Orthodoxy.

Keywords: elder, eldership, spirituality, Orthodoxy, social functions, society.

References

1. Berdyaev N.A. Russian idea. – St. Petersburg: Azbuka-classic, 2008. – 310 p.
2. Bogachev E.N. Eldership as the basis of spiritual and educational activities of the Gethsemane Skete // Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. – 2018. – No. 28. – Pp. 155–157.
3. Volochenko I.S. The phenomenon of eldership in the history of the church and its pedagogical potential // The Field of the Lord. Bulletin of the Penza Theological Seminary. – 2020. – No. 4 (18). – Pp. 101–109.
4. Gromiko M.M. Eldership // Russian people. Ethnographic Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 2 / Ed., compiled by O.A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2013. – Pp. 464–466.
5. Kornetsova O.A. The Phenomenon of Eldership in Orthodox Culture: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences: 24.00.01. – Rostov-on-Don, 2004. – 28 p.
6. Lossky V.N. Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology / Translated from French by Monk Magdalene (V.A. Reshchikova). – Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 2012. – 586 p.
7. Lossky N.O. Conditions of Absolute Good. – Moscow: Politizdat, 1991. – 367 p.
8. Pershikova A.N. Optina Pustyn as a socio-cultural phenomenon: dissertation ... candidate of cultural studies: 24.00.01. – Moscow, 2008. – 215 p.
9. Tretyakov S. The Phenomenon of Eldership as a Kind of Christian Feat // Theological and Historical Collection. – 2019. – No. 4 (15). – Pp. 30–39.
10. Florensky P.A., priest. Works: in 4 volumes. Vol. 2 / Comp. and general editors. Hegumen Andronicus (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, M.S. Trubacheva. – M.: Mysl, 1996. – 877 p.

Смена технологических укладов как фактор социальных трансформаций в динамике техногенной цивилизации

Зыщик Екатерина Борисовна,

к.ф.н., доцент, член-корр. Крымской академии наук, доцент кафедры философии, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
E-mail: femwolf@mail.ru

В статье представлена философская рефлексия истоков, содержания и социальных результатов технологического развития индустриального и постиндустриального этапов развития техногенной цивилизации. Подчеркивается, что цивилизационная динамика указанных периодов в значительной степени определяется такими важнейшими фундаментальными социокультурными ресурсами, как наука, техника и технологии. Особое внимание уделяется исследованию процесса технологизации, который раскрывается посредством базового теоретико-методологического инструмента – концепции технологических укладов, применяемой в социально-философском контексте. Утверждается, что смена технологических укладов конституирует важнейшие социальные трансформации в динамике техногенной цивилизации.

Концепция технологических укладов используется в специфическом теоретико-методологическом ракурсе современного социально-гуманитарного знания – в конвергенции с одной из популярных технологических парадигм – парадигме Промышленных революций.

Применение соответствующих теоретико-методологических инструментов обеспечило выявление цивилизационных технологических доминант, что, в свою очередь, позволило осуществить типологию и периодизацию техноукладов, а также раскрыть социокультурные основания, содержание и социальные последствия глубинных технологических трансформаций индустриального и постиндустриального этапов в развитии техногенной цивилизации. В результате исследования делается вывод о том, что смена технологических укладов является важнейшим фактором социальных трансформаций в динамике техногенного цивилизационного развития.

Ключевые слова: технологический уклад, промышленная (технологическая) революция, цивилизация, трансформация.

Введение

Последние несколько столетий цивилизационного развития принесли человечеству множество выдающихся открытий и достижений, которые, начиная с эпохи Просвещения, в социально-гуманитарном знании, в целом, и в философии – в частности, – мыслители часто обобщают в понятии прогресса. Более того, в европейской мыслительной культуре, начиная с указанного культурно-исторического периода, начинает складываться целая парадигма, основанная на представлении о прогрессе как важнейшем общественном идеале. Прогресс как ценность лёг в основу ценностно-мировоззренческой системы техногенной цивилизации, начиная с индустриального этапа её становления, то есть, с Первой промышленной революции и формирования первого технологического уклада.

Согласно философской концепции прогрессизма, совершенствование условий бытия человека конституируется успехами развития науки, техники и технологий, а также экономического роста и социальной организации. Вера в неизбежность данного просвещенческого идеала, возведённого в разряд фундаментальной ценности цивилизационного развития, была дополнена постулатами гуманизма и активизма и успешно сопровождала человечество на протяжении многих веков. И, хотя сегодня мы с очевидностью можем наблюдать «обратную сторону» (или побочный эффект?) заявленной прогрессистской модели общественного развития и родственных ей представлений в виде глобальных проблем, явлений антропологического кризиса, появления и расширения идей транс- и постгуманизма и их составляющих, всё же отрицать факт, значимость и неотвратимость научно-технологических и связанных с ними социально-экономических трансформаций в динамике общественного развития – это значит сидеть в оковах тьмы всем известной «платоновской пещеры», наблюдая за тенями, будучи не в силах увидеть свет, либо пребывать сегодня в плену некритического мышления, не способного дать рациональную характеристику и оценку происходящему.

Технологизация как социальная трансформация: теоретико-методологический ракурс исследования

Социальные трансформации как процесс структурных общественных перемен выступают одним

из ключевых признаков цивилизационного развития. Их интенсивность и движущие силы варьируются от эпохи к эпохе. Если в эпоху Нового времени важнейшие общественные преобразования происходили под воздействием научных открытий, в эпоху Просвещения – под влиянием технического роста в динамике промышленного переворота, то в современную эпоху они конституируются бурным технологическим прогрессом. Технологическое развитие является важнейшим фактором особой динамичности, многомерности, сложности, разнокачественности и глубинности социальных трансформаций.

Философская рефлексия над содержанием социальных трансформаций в цивилизационном масштабе позволяет выявить их типологию и основания. В вопросах типологии глобальных социальных систем с методологической точки зрения хорошо зарекомендовал себя циклический (цивилизационный) подход, который обеспечивает анализ разнообразных форм исторического процесса, и описывает развитие общества или отдельных его подсистем в качестве последовательности сменяющих друг друга и повторяющихся циклов, каждый из которых мыслится в качестве совокупности обратимых в течение определенного промежутка времени процессов и явлений, приводящих социальную систему в исходное или подобное ему состояние.

К примеру, уже в античной философии мы находим представления о цикличности общества и истории, далее эта идея встречается в философско-исторических концепциях циклического развития цивилизации Дж.Вико, А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Данилевского, в парадигме технологических волн цивилизационного развития Э. Тоффлера, в философии истории А.Ф. Лосева, во взглядах В.С. Стёпина о традиционном и техногенном типах цивилизационного развития и пр.

Что касается оснований, то здесь необходимо раскрыть фундаментальное ресурсное ядро, которое определяет характер и ход общественного развития. Даже беглый анализ философских и научных работ нескольких последних столетий (в том числе на уровне их названий и содержания), позволяет заключить, что было объектом их пристального внимания и анализа. Учёные Нового времени создавали знание о природе, открывая её закономерности (Г. Галилей, И. Ньютон, И. Кеплер, У. Гарвей, Р. Бойль). Философов этого периода не могли не интересовать вопросы знания и способов его получения (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Д. Локк, Т. Гоббс, Г. Лейбниц, Б. Спиноза) так как они выступали свидетелями гносеологической революции – зарождения системы знаний как таковой и приобретения ею социального статуса, а далее – превращения в цивилизационный вектор. Таким образом, можно заключить, что с XVII века ключевым ядром разноплановых масштабных социокультурных трансформаций была наука.

Двумя столетиями позже появляются первые работы о промышленной революции, и её результатах (А. Сен-Симон, Ф. Энгельс, Т. Твисс, А. Тойнби), также первых философствующих инженеров, развивается и подвергается разностороннему осмыслению техническое знание (Э. Гартиг, Фр. Рело, А. Ридлер, Э. Капп, А. Эспинас, Ф. Бон, П. Энгельмейер), в связи с чем можно заключить, что наука как ресурсное ядро цивилизации дополняется *техникой*. Начиная с XX века, философы заговорили на языке информационных (Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, Л. Флориди, Ф. Фукуяма, Ж. Элльюль), а с XXI века – био- и конвергентных технологий, клипового сознания, нейросетей и искусственного интеллекта, индустрии 4.0, анализируя их влияние на человека и общество, оценивая риски и предлагая форсайты и модели их применения (И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, О.Г. Басалаева, В.Г. Буданов, Д.И. Дубровский, Н.П. Лукина, Р. Курцвейл, Н. Бостром, Т.В. Черниговская, О.А. Габриелян, Ф.И. Гиренок, А.Д. Иоселиани В.А. Кутырёв, И.Э. Сулейменов, Б.Г. Юдин, П. Баофу, В.А. Лекторский, Т.Г. Лешкевич, В.Е. Мешков, Н.А. Ястреб, С.С. Хоружий В.А. Подорога, В.И. Аршинов, А.Г. Гачева, Л.П. Киященко, В.Г. Буданов, В.Г. Горохов, Ю.Ю. Петрунин, М.А. Рязанов, А.В. Савельев и др., Ф. Феррандо и др.) Так, современные учёные и философы своими исследованиями констатируют, что на сегодняшний день олицетворением фундаментальных перемен в среде существования человека становятся *технологии*.

Интенсивный рост технологий в динамике постиндустриального общества последних десятилетий не мог остаться незамеченным в исследовательской среде. Сегодня философское осмысление данного процесса получило особую популярность в рамках концепций информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ё. Масуда, М. Кастельс, Д. Мартин и др.), техногенной цивилизации (В.С. Стёпин), а также набирающей популярность технологической парадигмы социального развития (И.Ю. Алексеева, Ю.Ю. Петрунин, С.Ю. Глазьев, В.Г. Горохов, Н.Д. Кондратьев, Д.С. Львов, Г.Г. Малинецкий, А.В. Негодаев, К. Перес, Д. Рифкин, Г.Г. Фетисов, К. Шваб, Й. Шумпeter Б.Г. Юдин и др.), парадигмы промышленных революций (Л.Е. Гринин, Э. Хобсбаум, Д. Рифкин, К. Шваб, К. Шваб, Т. Маллере и др.) и концепции технологических укладов (В.М. Авербух, Л.Е. Гринин, Л.К. Гуриева, С.Ю. Глазьев, Н.Д. Кондратьев, Д.С. Львов, У. Ростоу, Б.А. Соловьёв, Г.Г. Фетисов и др.).

Внедрение технологий в производственные процессы, сферу услуг, быта и другие сферы жизни общества принято характеризовать в качестве технологизации. Технологизация как явление социальное имеет определённые этапы, динамику которых можно проследить в последовательной

смене технологических укладов, выступающей важнейшим трансформационным процессом цивилизационного развития.

За последние два с половиной столетия произошло поэтапное замещение технологических укладов, которое обеспечило не только производственные и технологические обновления, но способствовало фундаментальным изменениям в социальном бытии – общественном укладе и экономическом порядке техногенной цивилизации. Под воздействием роста технологий, меняющих саму среду нашего существования, изменился, безусловно, и сам человек, и социум. Процесс смены пяти технологических укладов происходил на фоне развёртывания западноевропейского типа рациональности в его классическом и неклассическом форматах, и воплотился в техногенном мироотношении, которое направило технологии на покорение и совершенствование природы. Формирующийся сегодня шестой технологический уклад отражает постнеклассическую парадигму рациональности, учитывающую человекообразные системы и объекты, и затрагивает саму природу человека – его тело, сознание, психику, разум, демонстрируя конвергентность человека и природы. Модификация природы в рамках биотехнологий, генной инженерии и нанотехнологий привела к осознанию того, что наша власть над природным миром усиливается. Говоря о трансформации природы человека, посредством, к примеру, редактирования генома, изменения телесности или когнитивных функций средствами биотехнологий, виртуализация сознания посредством цифровизации и подобные научно-технологические прорывные практики представляют собой вызовы привычному существованию людей, что становится очевидным уже даже на уровне обыденной, практической сферы жизни. Сама наука, а тем более техника и технологии не являются сферами ценностного сознания, так как их целями не является производство ценностей и мировоззренческих ориентиров, хотя они, зачастую, формируются в результате научно-технологического открытия в качестве дополнительного, «побочного продукта». Наука, техника и технологии детерминируют динамику цивилизации на протяжении нескольких столетий, во многом определяют ход социального развития. Однако, они ориентированы на порождение нового знания, инструментов и технологий, преобразование природной и социальной реальности на основе открытия закономерностей, а мировоззренческая оценка и этическая экспертиза инноваций, трансформирующих социум, в сферу их деятельности не входит. Вопрос о социальных последствиях и рисках научно-технологического развития выходит за рамки предметной и методологической области науки, техники и технологий. Влияние передовых результатов деятельности данных цивилизационных институтов на общество интен-

сивно растёт. Выявление, осмысление и оценка угроз и перспектив технологического развития цивилизации являются важнейшими актуальными исследовательскими и проектными задачами для современной философии, во всяком случае, – её практической составляющей.

Технологические уклады: периодизация, типология, специфика, динамика, социальные эффекты

Технологический уклад (далее – техноуклад) является важнейшим понятием популярной технологической парадигмы социального развития. Концепция технологических укладов сформировалась на стыке экономики и философии (социальной философии, философии науки и техники) и включает в себя теоретико-методологические аспекты концепций циклов мировой экономики и волнового развития производства Н. Кондратьева, стадий экономического роста У. Ростоу, инновационного развития экономики Й. Шумпетера и Г. Менша, технико-экономической парадигмы К. Переса, циклического развития цивилизации Дж. Вико, Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, теорий информационного и постиндустриального общества Д. Белла, Э. Тоффлера, Й. Масуды, М. Кастельса, П. Дракера, Ф. Фукуямы и др.

Техноуклад – это определенная совокупность унифицированных специализированных отраслей, осуществляющих замкнутый цикл воспроизводства (добыча и приобретение исходных ресурсов, их переработка и, в конечном счете, производство конечной продукции, удовлетворяющей реальные потребности общества). Любой технологический уклад характеризуется сопоставимым уровнем технологии в составляющих его отраслях, однородными ресурсами, пропорциональными трудовыми качествами, составляющими основу организационного функционирования, и общим научно-техническим потенциалом.

С философской точки зрения, технологический уклад представляет собой единую систему технологических и социально-экономических комплексов, которые формируются вокруг основного технологического ядра в результате научно-технических открытий. Эти открытия оказывают значительное влияние на развитие ключевых сфер общества и трансформируют его структуру.

Трансформации в технологических укладах проявляются через промышленные (технологические) революции, которые оказывали и продолжают оказывать влияние на долгосрочное развитие общества в глобальном масштабе. За последние несколько столетий, начиная с Первой промышленной революции, человечество прошло через формирование и последовательную смену нескольких техноукладов. В настоящее время современная цивилизация находится на грани Ше-

стого технологического уклада, который связан с Четвёртой промышленной революцией и включает в себя передовые технологии Индустрии 4.0. В российской науке также ведутся попытки предсказать появление Седьмого техноуклада и смоделировать его базовые черты.

Рассмотрим динамику техноукладов и охарактеризуем детерминируемые ею важнейшие социальные трансформации.

1. Технологический уклад (1770–1830) – это эпоха текстиля. Связан с началом *Первой промышленной революции* (конец XVIII – нач. XIX в.в.) [1], которая воплощалась в переходе от ручного труда к машинному, от мануфактурного к фабричному, т.е. промышленному производству.

Предпосылки: вплоть до XVII в. – Научной революции, а также зачатков Первой промышленной революции, важнейшими способами взаимодействия человека с природой были инструменты ручного труда, которым соответствовал домеханический уровень производства – ремесленный. В это время продолжала господствовать специфическая (традиционная) форма организации социальных практик – доиндустриальная. Социальная структура общества еще не отказалась от средневекового общественного уклада и была основана на сословиях. Общество развивалось медленно – в ритме естественных природных циклов в целях выживания. Оно характеризовалось упором в производстве на преобладание сельского хозяйства, низкими темпами социальной мобильности и развития, преобладанием ценностей коллективизма, патриархальным мировоззренческим укладом. Производственные успехи зависели в основном от индивидуальной квалификации и физической силы, поэтому процесс труда был индивидуализированным: крестьянин со своей семьёй обрабатывал земельный надел, а ремесленник трудился с немногочисленными подмастерьями в мастерской. Организация совместного ручного труда на мануфактуре не дала значительного увеличения производительности труда.

Важнейшими социокультурными предпосылками первого технологического уклада, равно как и Первой промышленной революции, явились научные и мировоззренческие результаты таких взаимосвязанных культурных явлений западноевропейской цивилизации, как научная революция и Просвещение.

Европейское Просвещение было многогранным феноменом, немыслимым без идей естественных прав и свобод, закона и реформ, справедливости и равенства, политической и религиозной терпимости и пр. Фундаментальным мировоззренческим основанием этих принципов и ценностей была вера в Прогресс, который возможно было обеспечить знаниями при помощи важнейшего инструмента – разума. А знаний к XVII веку было накоплено немало, благодаря чему именно

в это время в Европе начинает зарождаться научный разум, научное знание, происходит научная революция. До неё все используемые технологии имели ограниченные гносеологические основания. Изобретатели не всегда понимали, как и почему работает их изобретение. Таким образом, Просвещение и Научная революция стали мировоззренческой и гносеологической предпосылками первого техноуклада.

Социальные трансформации первого техноуклада: сознательное применение научных знаний, замена человеческой силы силами природы посредством массового внедрения механических устройств не только упростило и ускорило трудовые операции, но изменило социальные характеристики производственного процесса (труд стал с необходимостью коллективным, кооперативным, стало возможным применение женского и детского труда), трансформировало социальную структуру общества. Основанное на машинной кооперации фабричное производство создавало работников нового типа – наёмного, который становился элементом единого трудового коллектива, и предпринимателя, управляющего наёмным работником. Такая организация труда способствовала развитию промышленности, которая стала основной сферой занятости населения, а её главным фактором становился капитал. В формирующемся индустриальном обществе базовой структурой становится экономика, развивается серийное машинное производство и механизация, наука превращается в социальный институт, зарождается гражданское общество и массовая культура, формируются новые социальные классы, появляются новые рабочие места, диверсификация видов деятельности (рабочее время и часы досуга разделяются), утверждаются социальные права и свободы (образование, детские сады, профсоюзы), начинается процесс урбанизации, жизнь становится комфортнее.

2. Технологический уклад (1830–1880) – эпоха пара. Продолжает Первую промышленную революцию.

Социальные трансформации второго техноуклада: переход к новому укладу требовал модернизации общественного строя. Индустриализация привела к вытеснению ремесленников из производства, что способствовало росту безработицы; тяжёлые условия труда, женский и детский труд, жёсткое законодательство провоцировали массовые политические движения за права трудящихся. Для эффективного управления производством и социального роста в условиях технологических трансформаций данного уклада, нужна была сильная политическая власть, развитое образование и соответствующая правовая сфера. В результате, произошло разделение экономической и политической сфер, проведена парламентская реформа, введено бесплатное обучение в школах

и обязательное всеобщее образование, укрепилась частная собственность и гражданское право, установилась демократическая форма правления, утверждалась свободная конкуренция, т.е. создавались условия для развития экономики и общества – в целом.

3. Технологический уклад (1880–1930) – эпоха стали. Связан с наступлением *Второй промышленной революции*, (2 пол. XIX–XX века) [2], [3] начавшуюся с внедрения технологии выплавки высококачественной стали, и последующим распространением конвейерного производства.

Социальные трансформации третьего техноуклада: результатом третьего техноуклада стало дальнейшее развитие индустриального общества, которое выражалось в разделении труда и росту его производительности, повышении уровня конкуренции, развитии предпринимательства (появление крупных фирм и синдикатов, монополий и олигополий) и человеческого капитала – в целом, прогресса социальных систем управления, появлению средств массовой коммуникации, усилению урбанизации и улучшению условий жизнедеятельности. Достижения тяжёлого машиностроения, в частности – производство двигателей коренным образом изменили не только промышленную сферу, но и сферу транспорта, быт, а также военное дело. По словам Л.Е. Гринина, известного исследователя НИИ ВШЭ, ИВ РАН, уже в начале прошлого столетия теоретики прогнозировали мировую войну как «войну моторов», что, собственно, и случилось [4, с. 271]. Безусловно, ведущие технологии для любого государства всегда играют важнейшую роль в обеспечении обороны и военного дела, в целом, но достижения машиностроения середины прошлого столетия значительно технологизировали армии, что определяющим образом повлияло на ход и характер военных действий. Сегодня мы также можем наблюдать, как эффективно в процессе СВО работают новейшие технологии в военном деле, начиная от применения сверхмощных дальнобойных орудий ЗРВ, средств РЭБ и ПВО, например БПЛА, заканчивая гибридными – инфомационными формами и инструментами ведения войны.

4. Технологический уклад (1930–1970) – эпоха нефти и атома. Развивается в контексте развития *Второй промышленной революции*.

Социальные трансформации четвёртого техноуклада: атомная энергетика становится технически отработанным и экономически жизнеспособным источником энергии, что имеет далеко идущие социальные последствия не только в сфере экономики, но и в области государственного управления и мировой политики. Также в данный период на основе телефонной и радио- связи создаётся система глобальной коммуникации. Интенсивно развивается автодорожная инфраструктура, нефть становится главным энергоносителем

для всех видов транспорта, растёт производство продуктов народного потребления, происходит массовизация потребления продуктов длительного использования, начинают складываться транснациональные экономические отношения, на фоне дальнейшей монополизации капитализма происходит распространение олигополистических рыночных структур.

Таким образом, в результате четвёртого техноуклада возрастает ценность когнитивных человеческих способностей, продолжается экономическое и социальное развитие общества, в развивающемся производстве начинают учитывать экологический фактор [5, с. 46].

5. Технологический уклад (1970–2010) – эпоха информации, ИТР. Связан с наступлением *Третьей промышленной революции* (сер. XX – нач. XXI вв..) [6], которая знаменовала переход к возобновляемым источникам энергии. Данный уклад характеризуется компьютеризацией, автоматизацией и цифровизацией производства.

Социальные трансформации пятого техноуклада: стремительная технологизация и цифровизация приводит к цифровой трансформации всех аспектов жизнедеятельности человека, включая производственную и социальную сферы. Отсюда вытекает потребность в получении цифровых компетенций, возрастает роль цифровой грамотности человека, следовательно, возникает необходимость подготовки соответствующих кадров [7, с. 5].

Результатом данного техноуклада стали также такие факторы, как повышение роли информации и качества связи, развитие маркетинга и инфраструктуры, появление новаторства и креативной деятельности, рост скоростей связи и перемещений, создание единой сети крупных и мелких компаний посредством Интернета, глобализация, увеличение мобильности, мировой технологический обмен.

6. Технологический уклад (как отчасти прогнозируемое событие) – наноэпоха (2010–2060). Связан с наступлением Четвёртой промышленной революции (XXI в.) [8], несущей сверхсовременные технологии Индустрии 4.0. (high technology). Определяется как переход на управляемое системами ИИ в режиме реального времени и постоянном взаимодействии с внешней средой автоматизированное цифровое производство, выходящее за границы одного предприятия, с перспективой объединения в глобальную промышленную сеть Вещей и услуг.

Очевидно, ключевыми отраслями шестого техноуклада будут выступать нано- и биотехнологии, наноэнергетика, клеточная, молекулярная и ядерная технологии, биомиметика, нанобионика и нанотроника и прочие наноразмерные производства, инновации в области медицины – геновая инженерия и регенеративная медицина. Основным

фактором технологических инноваций выступают микроэлектронные компоненты, индустрия 4.0 обеспечивает индивидуализацию производства и потребления.

Социальные трансформации шестого техноуклада: значительное повышение качества жизни человека и животных, увеличение её продолжительности для людей на 15–20 лет. С точки зрения Сергея Глазьева, сегодня мы являемся наблюдателями «глобальной турбулентности», которую он характеризует в качестве «глубокого структурного кризиса, обусловленного синхронным замещением доминирующих технологических и мирохозяйственных укладов». Он подчёркивает, что ядром шестого техноуклада, выступает комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые революционизируют процессы глобальных трансформаций и задают новые технологические траектории для очередной длинной волны экономического роста. Смену укладов детерминирует технологическая революция, актуализирующая и увеличивающая эффективность основных направлений экономики. Параллельно с технологической революцией происходит социально-политическая революция. Она воплощается в смене «имперского» мирохозяйственного уклада на «интегральный», конституирующий замещение доминирующего американского экономического цикла азиатским, ориентированным на согласование различных экономических интересов с целью взаимного роста материального благосостояния [9, с. 93].

7. Технологический уклад (как гипотетическое, прогнозируемое событие) – эпоха метакогнитивных технологий, новой антропологии (постчеловека), постгуманизма и нанореволюций (2060-?)

Основные открытия и изобретения: альтернативная энергетика (водородная, космическая, распределённая).

Основной ресурс: метакогнитивные технологии.

Ядро: Индустрия 5.0. (цифровое моделирование, расширение киберфизических систем за счёт эффективного сотрудничества в цифровой экосистеме человек-машина-система, использование коботов – роботов-партнёров), технологии ИИ, нейронные сети, предиктивная аналитика.

Технологический способ производства: интеллектуальные системы, принимающие решение без человека, безлюдные технологии.

Достижения: унифицированные платформы управления данными и цифровое моделирование способны эффективно собирать, хранить и обрабатывать аналитическую информацию, создавать прототипы решений; технологии ИИ, машинного обучения и нейросетей помогут понимать и выполнять производственные задачи, выявлять потребительские предпочтения и интересы, а также

поддерживать производство необходимых продуктов и достигать ожидаемых результатов (к примеру, в образовании, науке). Высокотехнологичные инструменты в виде точных датчиков, приводов, 3D-сканеров и виртуальной рекламы трансформируют рынок услуг, персонализируя спрос, адаптируя пользовательский интерфейс продуктов и предложений к интересам их потребителей.

Прогнозы по социальным трансформациям седьмого техноуклада: предполагается, что в рамках данного техноуклада в сфере общественного труда принципы перманентного саморазвития будут выходить на первый план, а само общество будет выстраиваться на поддержке самообразования, развития творческого, гибкого мышления, которое сможет взаимодействовать с роботами. Такое взаимодействие повысит производительность труда, снизит производственные издержки, повысит качество продуктов и услуг, соответствующих текущим запросам рынка. Произойдёт трансформация общественных сфер: будут интегрироваться в единые системы экономические, научные, образовательные и политические структуры (технопарки и технополисы, государство и корпорации, организации науки и образования и проч.). Антропоморфизация высоких технологий – ИИ и нейросетей – может привести к тому, что многие виды деятельности, например, производственные, образовательные, исследовательские, смогут быть организованы без участия человека, что является довольно опасной идеей, таящей в себе риск конфликта человека и «умной машины».

Заключение

Динамика техногенной цивилизации в значительной степени определяется тремя важнейшими факторами – наукой, техникой и технологиями. В процессе ускоряющегося научно-технического и научно-технологического развития происходит формирование нового техноуклада. Технологические уклады детерминируют трансформацию большинства сфер жизни человека и общества (экономическую, политическую, социальную). Они представляют собой некие этапы технологизации как фундаментального процесса в динамике техногенной цивилизации.

Анализ последовательной смены технологических укладов показывает, что технологизация захватывает всё больше сфер общественной жизни, в связи с чем можно с уверенностью утверждать, что для успешного социального развития необходимо ориентироваться в ведущих технологических тенденциях, постоянно совершенствовать цифровые компетенции. Важно отметить, что возможности человечества по изобретению технологий пока превосходят способности адаптации к ним, не говоря уже об эффективном своевременном их применении и даже осмыслении. Не все технологические трансформации будут восприняты обще-

ством сразу, но неизбежность некоторых устоев и социальных систем пошатнётся. Например, система занятости. Исчезнут многие профессии, возникнут новые, с разными уровнями доходов, а это повлечёт за собой не только проблему социального неравенства, но и трудности неравного доступа: чем совершеннее технология, тем она дороже и сложнее для освоения как в производственном, так и в целом – в социальном аспектах. Это может стать основой для повышения конфликтности социального развития, поставит вопрос о легитимности технологизации, может повлечь за собой трансформации в законодательной сфере, и, что важнее – породит множество этических проблем. Развитие технологий не имеет границ, напротив, сама природа этого развития связана с выходом за их пределы, поэтому ускоренная цифровизация может стать фактором глобальных трансформаций в мировом геополитическом пространстве. Мы уже можем наблюдать элементы технологизации в этом аспекте – на примере гибридации войн, где применяются современные цифровые технологии и устройства.

Технологические трансформации происходят настолько быстро, что человечество не успевает их осмыслить, оценить и освоить во всей полноте. Это порождает множество открытых вопросов, главный из которых таков: а что нам с этим всем делать? Как нам жить? Иными словами, сегодня предельно остро встаёт проблема новой этики в условиях ускоряющейся технологизации. Эволюция техноукладов проходит на фоне развёртывания технологических революций. Важно отметить, что степень перехода стран мирового сообщества к технологическим укладам в процессе их смены неравномерна. Когда мы говорим о подобном переходе, то имеем ввиду ситуацию в целом, с учётом всех достижений человечества как цивилизационного субъекта. Прогнозирование перехода к Шестому и последующим технологическим укладам, к Четвертой промышленной революции, становится одной из популярных тем в социально-гуманитарном знании, немало внимания ей уделяется и в области естественных, и технических наук. Но она по-прежнему остаётся малоисследованной в проблемном поле современной философии.

Обобщив и подытожив сказанное выше, отметим, что смена технологических укладов с нашей точки зрения способствовала таким важнейшим социальным трансформациям.

1. Трансформация рынка труда вследствие внедрения новых технологий, способствующих автоматизации многих процессов и видов деятельности. Данное обстоятельство привело к росту безработицы в отдельных отраслях, а также появлению новых типов рабочих мест, требующих новых знаний, навыков и компетенций.

2. Изменение образа жизни: технологии меняют способы взаимодействия между людьми, доступ к информации, методы обучения, рабочие процессы, условия труда и отдыха, быта и проч.
3. Доступ к новым технологиям, знаниям и высококвалифицированным рабочим местам неравномерен и порождает усиление разрыва между богатыми и бедными общественными слоями, детерминируя социальное неравенство.
4. Развитие технологий оказывает воздействие на природу, что провоцирует экологические проблемы.
5. Технологизация влияет на сознание, мировоззрение и поведение людей, поднимая тем самым острые аксиологические и этические вопросы применения технологий.
6. Технологии постепенно приобретают человеческие качества (большие языковые модели [ChatGPT], чат-боты, поисковые системы с встроенным ИИ, «умная» клавиатура, гуманоидные медицинские роботы и проч.). Тенденция к антропоморфизации порождает различные проблемы взаимодействия человека и робота: социальную, аксиологическую, этическую, психологическую, правовую.

Социальные трансформации, которые несёт ускоренное научно-технологическое развитие, раскрывающееся в динамике технологических революций, детерминирующих смену технологических укладов, набирают темп и, очевидно, будут продолжать ускоряться, приобретая глубокий и масштабный характер, затрагивая все сферы жизни человека и всё больше влияя на его отношения с миром, самим собой, обществом и природой. В связи с этим, актуальность осмысления динамики, социальных последствий и перспектив научных, технических и технологических трендов современности в их философско-мировоззренческом измерении, безусловно, будет существенно возрастать.

С философской точки зрения можно утверждать, что основная проблема, требующая сегодняшнего пристального внимания и решения, в начальной фазе нынешнего техноуклада имеет социально-гуманитарный характер. Она объединяет в себе трудности выявления, анализа, оценки, управления, минимизации угроз и выявления приоритетов внедрения новейших для человека, общества и природы, технологий современного этапа технологического развития. Данную проблему можно решить совместными усилиями философов в рамках социально-гуманитарной экспертизы содержания и результатов, а также прогнозирования перспектив технологических революций и укладов с привлечением представителей различных сфер знания – учёных, инженеров, специалистов в области IT, медиков, политиков, обще-

ственных деятелей. Такая комплексная задача может быть решена на основе применения специфических мировоззренческих, концептуальных и методологических инструментов современной практической философии.

Литература

1. Хобсбаум Э.Х. Век революции. Европа 1789–1848 / Пер. с англ. Л.Д. Якуниной – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.
2. David S. Landes. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. – Cambridge University Press; 2nd edition, 2003. – 590 p.
3. Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии / Пер. с англ. № 93. Изд. 3., стереотип.: URSS, 2021. – 352 с.
4. Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке / под ред. Л.Е. Гринина. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. – 296 с.
5. Кухтина Е. К., Перерва О.Л. Развитие новых технологий в условиях смены технологических укладов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 43–49.
6. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Джереми Рифкин; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
7. Кузнецова И.Г. Трансформация человеческого капитала в контексте нового технологического уклада / И.Г. Кузнецова // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 449–456. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/325340> (дата обращения: 04.05.2023).
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – «Эксмо», 2016. (Top Business Awards). – 138 с.
9. Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. – С. 93–115.

CHANGE OF TECHNOLOGICAL STRUCTURES AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATION IN THE DYNAMICS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION

Zyshchik E.B.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The article presents a philosophical reflection on the origins, content and social results of technological development of the industrial and post-industrial stages of the development of technogenic civilization. It is emphasized that the civilizational dynamics of these periods are largely determined by the most important fundamental socio-cultural resources such as science, technology and technology. Particular attention is paid to the study of the process of technologization, which is revealed through a basic theoretical and methodological tool – the concept of technological structures, applied in a socio-philosophical context. It is argued that a change in technological structures constitutes the most important social transformations in the dynamics of technogenic civilization.

The concept of technological structures is used in a specific theoretical and methodological perspective of modern social and humanitarian knowledge – in convergence with one of the popular technological paradigms – the paradigm of the Industrial Revolutions.

The use of appropriate theoretical and methodological tools ensured the identification of civilizational technological dominants, which, in turn, made it possible to implement a typology and periodization of technological structures, as well as to reveal the sociocultural foundations, content and social consequences of deep technological transformations of the industrial and post-industrial stages in the development of technogenic civilization. As a result of the study, it is concluded that a change in technological structures is the most important factor in social transformations in the dynamics of technogenic civilizational development.

Keywords: technological structure, industrial (technological) revolution, civilization, transformation.

References

1. Hobsbawm E.X. Century of Revolution. Europe 1789–1848 / Translated from English by L.D. Yakunina – Rostov n / D: Phoenix Publishing House, 1999. – 480 p.
2. David S. Landes. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. – Cambridge University Press; 2nd edition, 2003. – 590 p.
3. Toynbee A. Industrial Revolution in England in the 18th Century / Translated from English. No. 93. Publ. 3., stereotype.: URSS, 2021. – 352 p.
4. Long Waves, Modern Economy and Prospects for Future Transformations in the 21st Century / edited by L.E. Grinin. – М.: Moscow editorial office of the publishing house “Uchitel”, 2019. – 296 p.
5. Kukhtina E.K., Pererva O.L. Development of new technologies in the context of changing technological patterns // Business. Education. Law. 2021. No. 2 (55). P. 43–49.
6. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How horizontal interactions are changing energy, the economy, and the world / Jeremy Rifkin; Transl. from English. – М.: Alpina non-fiction, 2014. – 410 p.
7. Kuznetsova, I.G. Transformation of human capital in the context of the new technological pattern / I.G. Kuznetsova // Professional education in the modern world. – 2022. – Vol. 12, No. 3. – P. 449–456. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/325340> (date of access: 04.05.2023).
8. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – Eksmo, 2016. (Top Business Awards). – 138 p.
9. Glazyev S. Yu. Global transformation through the prism of changing technological and world economic structures // AlterEconomics. 2022. Vol. 19. No. 1. – P. 93–115.

Образовательная политика классического утилитаризма: исторический и теоретический аспекты

Тылик Артем Юрьевич,

к.ф.н., директор ГАУ ДПО ЯНАО «Региональный институт развития образования»
E-mail: tay@riroyanao.ru

В статье рассматривается влияние дискурса философии классического утилитаризма на образовательную политику. В историческом аспекте показано, что тезисы Дж.С. Милля о гендерном равенстве в образовании строятся на ключевых аргументах утилитаристской этики и политической философии. *Цель исследования* – рассмотреть образовательную политику в свете социальной и политической философской трактовки гендерного равенства Дж.С. Милля. В теоретическом плане показано, что современная парадигма доказательной образовательной политики наследует философии образования утилитаризма. *Методология исследования* основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, обобщение, формально-логический метод.

По итогу проведенного исследования был сформулирован следующий вывод: распространенная трактовка утилитаристского подхода к образованию в духе реализации принципа экономического прагматизма на самом деле противоречит имплицитной философии образования классического утилитаризма. Выявленное противоречие может стать основанием для плодотворной современной дискуссии о целях образовательной политики.

Ключевые слова: утилитаризм, социальная философия, философия образования, утилитаризм в образовании, Дж.С. Милль.

Введение

Связь философских концепций с политикой в области образования представляется актуальным объектом исследования. Образовательная политика в последние десятилетия сама по себе привлекает внимание теоретиков. Появляется большое количество сравнительных работ по образовательной политике [2, 3, 6, 7, 8]. Часто эти работы имеют прикладную цель – выявление успешных политических практик, ведущих к повышению качества образования, которое, в свою очередь, рассматривается как непереносимое условие экономического роста в долгосрочной перспективе [9]. Методологический аппарат и эмпирическая база этих работ располагается преимущественно, в поле международных сравнительных исследований по оценке качества образования, таких как PISA [11]. Вместе с тем, философскому основанию образовательной политики уделяется существенно меньше внимания, несмотря на наличие работ в этой области [14]. В данной статье рассматривается влияние на образовательную политику аргументов и логики классического утилитаризма.

Результаты исследования

Современные взгляды на утилитаризм в философии образования удачно рассмотрены в статье Я.Н. Ярковой [12]. В публицистическом дискурсе под утилитаристской философией образования понимается преимущественно позиция *рационального прагматизма*, сводящаяся к тезису о том, что образование должно *приносить пользу*.

Следуя этой логике, образовательная политика в русле утилитаризма должна стремиться к максимально рациональному использованию имеющихся ресурсов для максимального возможного увеличения полезности образования (максимизация блага). При этом, что представляется значимым, польза образования повсеместно определяется в экономических терминах, через указание на роль когнитивных и профессиональных навыков населения в обеспечении устойчивого экономического роста, выраженного показателем ВВП [9].

В рамках данной статьи нам важно обосновать тезис о том, что философия классического утилитаризма уже в редакции Дж.С. Милля предлагает более сложный и глубокий подход к образователь-

ной политике, чем та рациональная схема, которая конституирует политику рационального экономического прагматизма.

Для решения поставленной задачи, необходимо рассмотреть ключевые положения, составляющие концепцию классического утилитаризма. После этого, на основе конкретной позиции Милля по вопросу гендерного равенства в образовании, в нашем исследовании артикулируются основные следствия классического утилитаризма для образовательной политики.

Ключевые положения классического утилитаризма

Как самостоятельное философское течение утилитаризм складывался на протяжении XVI–XIX вв. под влиянием фундаментальных работ И. Бентама и Дж.С. Милля [1, 5], а также их многочисленных интерпретаторов и последователей. Несмотря на непрекращающуюся критику, утилитаризм имел своих сторонников и в XX и XXI веках. В частности, в XX столетии утилитаризм получил свое оригинальное развитие в концепциях австрийской экономической школы (К. Менгер, Л. Мизес). В веке XXI утилитаризм обрел второе дыхание (не случайно и появление термина неоутилитаризм), что, в том числе, послужило славе Д. Пирса, философа-трансгуманиста, популярность которого вышла далеко за рамки академических кругов [4, 10]. Нельзя не отметить и то, что, один из наиболее цитируемый философ образования современности Р. Барроу является последовательным сторонником утилитаристских концепций [13].

Отправной точкой классического утилитаризма стало предложение И. Бентама оценивать нравственность любого поступка исключительно по его *последствиям* (консеквенциализм). Свою позицию И. Бентам противопоставил деонтологической этике, в рамках которой поступок может быть признан «плохим» или «хорошим», вне зависимости от его объективно фиксируемых последствий.

Следующий шаг утилитаризма состоял в предложении считать «хорошими» те формы поведения, поступки и, что важно, общественные институты, последствием которых является *польза*. Таким образом, согласно утилитаризму, моральная ценность поведения, поступка, общественного института определяется его *полезностью*.

Третий шаг утилитаризма заключался в определении полезности. По вопросу о том, что есть польза (благо) сами утилитаристы вели и продолжают вести продуктивный спор на протяжении уже нескольких столетий. Но классический ответ утилитаризма, вошедший во все хрестоматии, восходя в Бентаму, состоит, очевидно, в том, что безусловным благом для человека является *переживание счастья*. А значит, «хорошими» стоит признать те формы поведения, поступки и общественные институты, которые ведут к *увеличению счастья*.

Четвертый шаг утилитаризма состоит в раскрытии понятия «счастье». В своей исходной (классической) версии, утилитаризм тяготеет к гедонистическому определению счастья, трактуя это понятие как *удовольствие*, а именно существование свободное от страданий и богатое наслаждениями.

Пятый шаг утилитаризма представляет собой алгоритм, применимый для решения сложных задач, возникающих в практике как обывателя, так и общественного деятеля. Выбирая между альтернативными вариантами действия или альтернативными моделями общественного устройства необходимо провести своего рода калькуляцию всех негативных и позитивных последствий имеющихся альтернатив, после чего предпочесть тот вариант, который дает большее суммарное *количество счастья*: «наибольшее счастье наибольшего числа людей» [5, с. 60].

Утилитаризм и образовательная политики: исторический аспект

Образуя подлинный скелет утилитаризма, эти тезисы подверглись одной из самых ожесточенных критик в истории философской мысли. Возражения против утилитаризма составляют сегодня тома философской литературы разного уровня качества. Несмотря на это сложно спорить с прогрессивной ролью утилитаризма в истории западной мысли.

Однако прогрессивность логики утилитаризма невозможно оценить в отрыве от того культурно-исторического контекста, в котором она была изложена. В конце XVIII века тезисы Бентама прозвучали нетривиально и даже радикально в контексте доминирования традиционной нормативной этики, в рамках которой действие может быть признано «плохим» или «хорошим» в независимости от его объективно фиксируемых последствий. Требование при оценке действий (как индивидуальных, так и государственных) ориентироваться на фактический анализ их последствий, стало шагом к рационализации многих сторон общественной жизни Европы конца XVIII–XIX веков. Не случайно поэтому на протяжении XIX века сторонники утилитаризма нередко выступали с прогрессивной критикой традиционных общественных институтов и даже господствующих идеологий. Яркий тому пример – критика гендерного неравенства в образовании со стороны Милля, ярчайшего сторонника и популяризатора идей Бентама.

В работе «О подчинении женщины», написанной в соавторстве с супругой Г.Т. Милль [4], английский философ справедливо указывает на то, что известная власть мужчин над женщинами есть только *один из* нескольких потенциально возможных вариантов общественного устройства, наряду с равноправием полов и властью женщин над мужчинами. Отсюда возникает закономерный вопрос: что лежит в основании предпочтения одного вари-

анта двум другим, равновозможным? Обывательский и распространенный ответ на этот вопрос будет состоять в том, что власть мужчин над женщинами *естественна*, иначе говоря – представляет собой факт природы. Милля, очевидно, не устраивает подобный ответ. Английский философ указывает на многие случаи именованная «естественными» неравенств, возникших первоначально единственно на основе права сильного. Как известно, греческие авторы (включая и Аристотеля) считали естественным институт рабства, основываясь в том числе на представлениях о различной природе эллинов и варваров. Схожими аргументами апеллировали и американские землевладельцы, обосновывая естественность института рабовладения, современного Миллю. Есть ли способ оценки общественного устройства более рациональный, чем слепое доверие традиции, сформированной, зачастую, в те времена, когда право сильного было основным законом? Ответом на этот принципиальный вопрос и становится для Милля концепция утилитаризма. Как пишет английский автор, буквально воспроизводя ту логику, которая получила разработку уже в трудах Бентама, «всеобщее господство мужчин над женщинами имело бы некоторые основания только в том случае, если бы оно при самом своем начале явилось результатом добросовестного сравнения различных способов к управлению обществом, если бы, например, по применению всяких других способов к общественной организации (как господство женщин над мужчинами, равенство между двумя полами, всякие смешанные и отдельные случаи, которые только можно представить) было доказано положительным опытом, что к *обоюдному счастью и благосостоянию* [курсив наш] полов ведет всего лучше именно тот порядок, при котором женщины всецело становятся под ярмо мужчин, утрачивая всякое участие в общественных делах и легально повинуюсь – каждая в отдельности – тому мужчине, с которым она соединила свою участь» [4, с. 38]. В этом коротком пассаже Милля зашита вся политическая рациональность утилитаризма. Принимая решение по организации некоторой стороны общественной жизни, необходимо, во-первых, рассмотреть все возможные альтернативы, во-вторых, произвести расчет последствий каждого варианта, и, наконец, в-третьих, выбрать тот вариант, который приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей. Следовательно, и более частный вопрос о доступе женщин к образованию может быть решен только на основе аналогичной рациональной процедуры.

Простота этой логики во многом определила ее востребованность и популярность. Вместе с тем, если мы хотим ответить на вопрос, будет ли равенство женщин с мужчинами в доступе к образованию способствовать достижению большего счастья большего числа людей (в сравнении с ситуацией

неравенства), мы должны иметь по возможности непротиворечивую концепцию счастья.

Как уже было сказано выше, Бентам настаивал на отождествлении счастья и удовольствия (гедонизм). Указывая на четыре потенциально возможных источника удовольствия и страдания (физический, политический, религиозный, нравственный), Бентам не выделяет качественно различных типов удовольствия, предлагая исключительно количественный подход к его калькуляции. При этом, согласно английскому философу, «для лица, рассматриваемого само по себе, ценность удовольствия или страдания, рассматриваемых сами по себе, будет больше или меньше, смотря по следующим четырем обстоятельствам: 1) их интенсивности; 2) их продолжительности; 3) их несомненности или сомнительности; 4) их близости или отдаленности» [1, с. 19]. Уже на ранних этапах становления утилитаризма как полноценной моральной философии эта позиция вызывала ожесточенную критику. Строгое следование логике Бентама приводит к положению, при котором продолжительное удовольствие от застолья ставится выше краткосрочного удовольствия от сонета. Отсюда один шаг до вывода о более высокой ценности застолья как такового в сравнении с сонетом как таковым. Данный вывод вызывает интуитивное несогласие, вступая в противоречие со значимыми для нас культурными установками, что указывает на наличие проблем в логике утилитаризма. Отголоски этой критики звучат в программной работе Милля «Утилитаризм». Милль свидетельствует, что концепция Бентама «вызывает во многих умах стойкую неприязнь, в том числе в тех, чьи чувства и взгляды мы высоко ценим. Предположение о том, что у жизни нет (как они это представляют) более высокой конечной цели, чем удовольствие, т.е. нет лучшего и более благородного объекта для мечтаний и стремлений, – объявляется ими как нечто совершенно убогое и низкое; как доктрина представляющая ценность разве что для свиней, с которыми поначалу и сравнивали последователей Эпикура; и современные сторонники нашей доктрины то и дело становятся объектом столь вежливых сравнений со стороны их немецких, французских и английских оппонентов» [5, с. 45–46]. И хотя Милль относит эту критику на счет неверной интерпретации доктрины, именно она послужила стимулом к его авторской модификации классических положений Бентама.

Под напором критики Дж.С. Милль признает, что утилитаристам не удается снять указанное противоречие между строгими выводами их доктрины, с одной стороны, и имеющимися моральными интуициями, с другой, за счет одних только инсинуаций с различными вариантами количественного подсчета удовольствий, проистекающих из разных источников. Вместо этого Дж.С. Милль предлагает прямо признать, что некоторые удоволь-

ствия имеют большую ценность, чем другие, в зависимости от их характеристик, поддающихся количественной оценке (интенсивность, продолжительность, несомненность, близость). Данный тезис представляет собой существенное отступление от логических построений Бенета, что в полной мере осознается и самим философом, поскольку, как пишет Милль, «авторы-утилитаристы, как правило, ставят ментальные удовольствия выше телесных в основном за счет того, что они более долговечны, надежны, не требуют особых затрат и проч., т.е. скорее за счет сопутствующих преимуществ, чем благодаря их внутренней природе... Однако они могли бы занять и более высокие, если можно так выразиться, позиции, совершенно лишённые каких-либо внутренних противоречий. Например ... принять, что некоторые виды удовольствия являются более предпочтительными и ценными, чем другие» [5, с. 47–49].

Как видно уже из процитированного фрагмента, Милль, преимущественно, предлагает считать духовные (ментальные, интеллектуальные) удовольствия – высшими, тогда как физические – низшими. Очевидно, предложенная градация удовольствий требует обоснования. Как верно указывают современные исследователи, Дж.С. Милль выстраивает обоснование заявленной градации сразу на двух уровнях – эмпирическом и философском [11]. Стой лишь поправкой, что, как нам кажется, второй уровень точнее определяется как «мировоззренческий».

Эмпирическое обоснование Милля сводится к утверждению, что люди, имевшие возможность испытать удовольствия разных типов, всегда предпочитают одни удовольствия другим, что собственно и определяет их превосходство: «Если одному из двух удовольствий все или почти все, кто имел опыт получения обоих, отдавали решительное предпочтение, независимо от какого-либо чувства моральной обязанности его предпочитать, – значит, это более желательное удовольствие» [5, с. 49]. Этот аргумент строится, таким образом, на убежденности Милля в том, что просвещенный человек всегда поставит удовольствие от сонета на более высокую ступень в сравнении с удовольствием от застолья. Данный аргумент многократно подвергался критике, в том числе и современными авторами [12].

Представляется, что апелляция к эмпирическому аргументу необходима Миллю для того, чтобы рационализировать собственные нативные мировоззренческие позиции. Для Милля, как носителя христианской культурной традиции, умение человека наслаждаться духовными удовольствиями (к числу которых относится не только, к примеру, поэзия, но и дружба, забота о ближнем, благотворительность, познание) есть фундаментальное онтологическое отличие человека от животного. Предпочтение духовных удовольствий оказыва-

ется, таким образом, проявлением и раскрытием подлинной человеческой природы, содержащей в себе искру божественного творения. Вот почему, человек, удовлетворенный духовно, но страдающий физически, выше человека, удовлетворенного физически, но бедного духовно. Милль выражает эту идею ясно и лаконично: «лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей, недовольным Сократом, чем довольным глупцом» [5, с. 53–55]. Без учета качественного различия удовольствий, введенного Миллем, эта фраза кажется явным противоречием доктрине утилитаризма. Только различие удовольствий на «высшие» (по сути, человеческие) и «низшие» (по сути, животные) снимает видимое противоречие этой фразы с принципами доктрины.

В свете вышеизложенного становятся понятными теоретические основания, позволявшие Миллю осуществлять критику гендерного неравенства в доступе к образованию. Эти основания строятся на нескольких опорах.

Во-первых. Если забота политика – общественное устройство, способствующее наибольшему счастью наибольшего числа людей, политик, по Миллю, должен быть заинтересован в том, чтобы как можно большему количеству людей был доступен опыт высших удовольствий. Очевидно, однако, что опыт удовольствий, называемых Миллем «высшими», напрямую связан с *уровнем образованности человека*. И сегодня сложно не согласиться с тем, что опыт удовольствия, к примеру, от поэзии Манделштама, требует от реципиента высокого уровня начитанности и развитой читательской рефлексии. Таким образом, именно образование, в том числе формальное (школа, университет), открывает человеку возможность получения опыта высших удовольствий. А значит, именно образованный (просвещенный) человек есть тот концептуальный персонаж, который выступает в роли судии, предпочитая сонет застолью.

Следовательно, если мы принимаем позиции Дж. Милля, образование приобретает в наших глазах особый статус в сравнении со всеми общественными институтами. Открывая людям доступ к опыту высших удовольствий, образование становится своего рода *мультипликатором счастья*, соответственно, требует особого внимания и заботы от политика, действующего на основе принципов утилитаризма.

Во-вторых. Как верно отмечает У. Кимлика, прогрессивной чертой утилитаризма стал акцент на принципиальном равенстве всех «носителей удовольствия» [13]. Когда последовательный утилитарист говорит о «наибольшем счастье наибольшего числа людей», он, в строгом соответствии с этой формулой, снимает различия между мужчинами и женщинами, родовитыми и безродными, бедными и богатыми, считая удовольствия всех

за равновесные. Более того, он также устанавливает принципиальное равенство между своими собственными удовольствиями и удовольствиями любого другого. Так, если некоторое политическое решение уменьшает личное счастье политика, но увеличивает совокупное счастье всех людей, политик, согласно утилитаристской доктрине, должен считать такое решение правильным и морально оправданным (что в корне расходится с ложными представлениями об эгоистическом характере утилитаристской этики).

С учетом сказанного, вопрос о доступе женщин к образованию получает очевидное разрешение. Простая калькуляция счастья (понимаемого по Миллю) в общественных моделях, содержащих и не содержащих гендерную дискриминацию в доступе к образованию, ведет к выводу о правильности и моральной приемлемости модели, обеспечивающей равный доступ к образованию обоих полов. Совокупное счастье будет несомненно большим, если опыт высших удовольствий станет доступен 100% членов общества (мужчины и женщины), в сравнении с ситуацией доступности высших удовольствий только 50% (мужчины).

Образовательная политика классического утилитаризма: теоретический аспект

Таким образом, критика Миллем гендерного неравенства в образовании, значимая сама по себе, имеет более широкие теоретические следствия для образовательной политики.

Можно выделить по крайней мере три ключевых следствия.

1. *Необходимость рационального обоснования устройства образовательной системы.* Этический консеквенциализм Бентама/Милля, спроецированный на организацию образования, становится предтечей того, что сегодня принято называть «доказательной образовательной политикой». Согласно парадигмы доказательной образовательной политики, любое решение в области образования должно основываться на анализе его *последствий*. Не принимаются любые отсылки к самоочевидности тех или иных педагогических или управленческих решений. Любое решение проверяется практикой. Полезность решения устанавливается на основе объективно фиксируемых данных. Парадигма «доказательной образовательной политики» является на сегодняшний день устойчивой доминантой на программах подготовки по направлению «управление образованием», формируя мышление руководителей всех уровней [14].
2. *Приоритетное значение институтов образования в «хорошем» общественном устройстве.* Как было показано нами выше, логика классического утилитаризма в редакции Милля требует относиться к системе образования как к важнейшему общественному институту,

способному обеспечить «наибольшее счастье наибольшему числу людей». Открывая доступ к высшим удовольствиям, образование становится *мультипликатором счастья*. Это особая роль образования в развитии человеческого сообщества многократно подчеркивается самим Миллем в «Утилитаризме», в частности в следующих выражениях: «Все, что есть ценного в жизни, устроенной и понимаемой таким образом теми, кому посчастливилось преуспеть, заключается в понятии счастья. И такое существование уже в наши дни – счастливый удел многих, причем в течение значительной части жизни. Нынешнее жалкое состояние образования и социального обеспечения – единственное препятствие к тому, чтобы это было доступно всем» [5, с. 65]

3. *Неоспоримое равенство всех индивидов в доступе к образовательным институтам.* Важнейшей характеристикой философии образования Милля является невозможность обоснования любого рода дискриминаций в доступе к образованию. Поскольку образование, путем раскрытия высших человеческих способностей, открывает индивиду доступ к высшим удовольствиям, каждый рожденный, например, во имя наибольшего счастья наибольшего числа людей, должен в качестве естественного и неотчуждаемого права получить право на доступ к образованию.

Заключение

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Все проанализированные нами следствия строго выводимы из классической утилитаристской теории в редакции Дж.С. Милля. Тем интереснее тот факт, что в современных дискуссиях об образовании понятия «утилитаризм», «утилитаристская философия образования», «утилитаристский подход к образованию» зачастую связываются с иными тезисами и концептуальными схемами. Так, сведение «утилитаризма в образовании» к *экономической полезности* образовательных институтов, действительно имея некоторые основания в логике утилитаризма, тем не менее вступает в очевидное противоречие с классической концепцией Милля.
2. Согласно Миллю, образование помогает человеку открыть в себе высшие способности, в свою очередь открывающие доступ к высшим – подлинно человеческим – удовольствиям. Тем самым, образование выступает в качестве *мультипликатора счастья*. При ближайшем рассмотрении выясняется, что так поставленная цель образования безразлична к экономической рациональности. Дело в том,

что логика экономического прагматизма, делая акцент на классической утилитаристской категории «пользы», подспудно отказывается от принятой Миллем трактовки категорий «удовольствия» и «счастья». Иначе говоря, система образования, эффективно работающая на рост экономики (ВВП), может не отвечать утилитаристским критериям Милля. Это возможно, поскольку рост ВВП может быть обеспечен, к примеру, ростом сугубо материального («низшего», по Миллю) потребления без увеличения «объемов» высших – подлинно человеческих – удовольствий. Так, образовательная политика, основанная на экономическом прагматизме, может настаивать на исключении из учебного плана предметов эстетического цикла (очевидно, по Миллю, развивающих способность к получению высших удовольствий) в пользу профориентационных мероприятий, нацеленных на развитие промышленного производства. Ясно, однако, что узкопрофильное общее образование, нацеленное исключительно на удовлетворение потребностей рынка труда, противоречит имплицитной философии образования Милля, понимавшего образование скорее в аристократической греческой традиции, как практику «заботы о себе», чем как институт, обслуживающий спрос предприятий на рабочую силу.

3. Безусловно, в 20-х годах XXI века философия классического утилитаризма, сыгравшая свою роль в XVIII и XIX веках, не может лечь в основание рациональной образовательной политики. Тем не менее, внимательное рассмотрение имплицитной философии образования в теоретических построениях Милля способно и сегодня стать точкой порождения плодотворной дискуссии о внутренних и внешних целях общего образования. Это особенно актуально в контексте наметившегося глобального тренда на определение целей образовательных систем в духе одностороннего экономического прагматизма.

Литература

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
2. Исследование по сравнительному образованию: подходы и методы / под ред. М. Брэя, Б. Адамсона, М. Мейсона; пер. с англ. М.Л. Ваховского, И.В. Разнатовского; под науч. ред. Л.Ц. Ваховского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 472 с.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ВШЭ, 2010. 592 с.
4. Милль Дж. С. О подчинение женщины. М: РИПОЛ-классик, 2021. 304 с.
5. Милль Дж.С. Утилитаризм. Ростов-на-Дону. Донской издательский дом. 2013. 240 с.
6. Сидорова А.А. Доказательная образовательная политика: методологические основы // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 5. С. 3–20.
7. Сушенцова М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. № 1. С. 17–34.
8. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / пер. с англ. Александра Калинина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
9. Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 349 с.
10. Хвастунова Ю.В. Гедонистический императив и райская инженерия Дэвида Пирса как нравственно-религиозная основа современного трансгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 146–157.
11. Шляйхер А. Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века? М.: Издательство «Национальное образование», 2019. 336 с.
12. Яркова Е.Н. Утилитаризм как философия образования // Образование и наука. 2016. № 5. С. 11–24.
13. Barrow Robin. Plato, Utilitarianism and Education. London and New York: Routledge. Routledge. 1st edition. 2009. № 8. 224 p.
14. Winch C., Gingell J. Philosophy and Educational Policy: A Critical Introduction. Routledge. 2004. 202 p.

EDUCATIONAL POLICY OF CLASSICAL UTILITARIANISM: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS

Tylik A.Yu.

Regional Institute for Educational Development

The author examines the influence of the discourse of the philosophy of classical utilitarianism on educational policy. In the historical aspect, it is shown that J.S. Mill's theses on gender equality in education are based on the key arguments of utilitarian ethics and political philosophy. *The research goal* is to consider educational policy in the light of the social and political philosophical interpretation of gender equality by J.S. Mill. In theoretical terms, it is shown that the modern paradigm of evidence-based educational policy inherits the philosophy of education utilitarianism. *The research methodology* is based on a systematic approach and includes the methods of a general scientific group: analysis, synthesis, generalization, formal logical method.

Based on the research results, the following conclusion was formulated: the widespread interpretation of the utilitarian approach to ed-

ucation in the spirit of implementing the principle of economic pragmatism actually contradicts the implicit philosophy of education of classical utilitarianism. The revealed contradiction can become the basis for a fruitful modern discussion about the goals of educational policy.

Keywords: utilitarianism, social philosophy, philosophy of education, utilitarianism in education, J.S. Mill.

References

1. Bentham I. Introduction to the Foundations of Morality and Legislation. Moscow: ROSSPEN, 1998. 415 p.
2. Research in Comparative Education: Approaches and Methods / edited by M. Bray, B. Adamson, M. Mason; trans. from English by M.L. Vakhovsky, I.V. Raznatovsky; under scientific ed. by L. Ts. Vakhovsky; National Research University "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 472 p.
3. Kymlicka U. Modern Political Philosophy: Introduction / translated from English by S. Moiseev. Moscow: HSE, 2010. 592 p.
4. Mill J.S. On the Subordination of Women. Moscow: RIPOL-classic, 2021. 304 p.
5. Mill J.S. Utilitarianism. Rostov-on-Don. Donskoy Publishing House. 2013. 240 p.
6. Sidorova A.A. Evidence-Based Education Policy: Methodological Foundations // Public Administration. Electronic Bulletin. 2016. No. 5. Pp. 3–20.
7. Sushentsova M.S. Utilitarianism of I. Bentham and J.S. Mill: From Virtue to Rationality // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. 2017. No. 1. Pp. 17–34.
8. Sandel M. Justice. How to Do the Right Thing? / trans. from English by Alexander Kalinin. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 352 p.
9. Hanushek E., Wössmann L. Intellectual Capital in Different Countries of the World. Education and the Economic Theory of Growth / trans. from English by Yu. Kapturovsky; under scientific ed. A. Ryabov; Nat. Research University "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 349 p.
10. Khvastunova Yu.V. The Hedonistic Imperative and David Pierce's Paradise Engineering as a Moral and Religious Basis for Modern Transhumanism // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2020. No. 56. Pp. 146–157.
11. Schleicher A. World-Class Education. How to Build a School System of the 21st Century? Moscow: National Education Publishing House, 2019. 336 p.
12. Yarkova E.N. Utilitarianism as a Philosophy of Education // Education and Science. 2016. No. 5. P. 11–24.
13. Barrow Robin. Plato, Utilitarianism and Education. London and New York: Routledge. Routledge. 1st edition. 2009. No. 8. 224 p.
14. Winch C., Gingell J. Philosophy and Educational Policy: A Critical Introduction. Routledge. 2004. 202 p.

Онтогенез и филогенез сознания: анализ египетской культурно-исторической парадигмы

Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф,

аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: karimmax625@gmail.com

В статье рассматривается сознание как продукт биологической эволюции и как феномен, имеющий социальные основания. Сознание человека, сложная и многоуровневая система ментальных, социальных, и других процессов. Используя термин «онтогенез и филогенез сознания», ставим задачу рассмотреть природу сознания человека в обусловленности видовой и культурной эволюции человечества. Предлагаемая статья посвящена сравнительному анализу онтогенеза и филогенеза сознания, рассматривается влияние социальных и когнитивных детерминант на его формирование и эволюцию. В статье представлена модель взаимодействия биологических и культурных факторов в процессе онто- и филогенетического развития сознания, с использованием междисциплинарного подхода, объединяющего данные когнитивной науки, философии, антропологии и истории.

Ключевые слова: онтогенез, филогенез, сознание-мышление, западная философия.

Введение

Биогенетический закон развития живых организмов или закон Э. Геккеля, согласно которому, любой организм в своём эмбриональном развитии повторяет этапы развития вида: онтогенез есть быстрое и краткое повторение филогенеза. В статье этот закон рассматривается, как общенаучный закон эволюции сложных систем и поэтому может быть экстраполирован на область когнитивных процессов. Сознание человека, сложная и многоуровневая система ментальных, социальных, и других процессов. Используя термин «онтогенез и филогенез сознания», ставим задачу рассмотреть эволюцию сознания человека в обусловленности видовой и культурной эволюции человечества.

Д.И. Дубровский, подчеркивая многоаспектность сознания и необходимость рассматривать сознание в эволюционном ключе, отмечал: «Особенностью сознания по сравнению с животной психикой, является то, что психическое отображение и управление сами становятся объектами отображения и управления. Это создает характерное для человеческой СР «двойное» отображение и управление, постоянно совершающееся в контуре модальностей «Я» «не-Я»... возникает способность неограниченного производства информации об информации» [1, с. 19].

Онтогенез и филогенез сознания – это два взаимосвязанных, но различных аспекта изучения развития сознания. Филогенез рассматривает эволюцию сознания в историческом масштабе времени, от простейших форм жизни до человека, в то время как онтогенез фокусируется на развитии сознания в течение жизни отдельного индивида. Оба подхода неразрывно связаны и дополняют друг друга, позволяя построить более полную картину феномена сознания. Философские споры о филогенезе сознания вращаются вокруг определения самого понятия «сознание». Не существует единого, общепринятого определения, что затрудняет анализ его эволюции. Некоторые философы считают сознание уникальным свойством, свойственным только человеку (антропный подход), в то время как другие допускают наличие различных форм протосознания у животных.

Эволюционный подход, опирающийся на данные биологии и нейронауки, предполагает постепенное развитие сознания. На ранних этапах эволюции возникают простые формы сенсорной

обработки информации, затем – более сложные формы поведения, связанные с обучением и памятью.

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глубокое понимание эволюции сознания, как в индивидуальном (онтогенез), так и в видовом (филогенез) аспекте, является ключом к разрешению фундаментальных вопросов о природе человеческого познания и его месте в мире. Во-вторых, сопоставление западных и восточных философских традиций в интерпретации дихотомии «сознание-мышление» позволяет выявить культурно-специфические особенности когнитивных процессов и их отражения в мировоззрении.

«Сознание и есть способность осмыслить, а способность осмыслить – и есть сознание, – отмечает А.В. Смирнов, смысл имеет неалгоритмическую природу» [2, с. 75]. Автор показывает, что столь популярные в аналитической философии вычислительные модели сознания, в которых «деятельность сознания – это вычисление, плохая метафора, поскольку вычисления совершаются по алгоритмам, а смысл и осмысленность не таковы» [2, с. 76].

Западная философская традиция, особенно в рамках картезианской мысли, часто делает акцент на мышлении как на первичном и определяющем факторе познания. Сознание рассматривается как нечто, что сопровождает мышление, является его вместилищем. Рационализм, эмпиризм – все эти течения подчеркивают роль логического вывода, анализа, систематизации данных как основных способов достижения знания. Интуиция же часто рассматривается как вторичный, ненадежный источник познания, требующий рациональной верификации. Например, Декарт, ставя сомнение во главу угла, стремился к построению системы знания, основанной на логически безупречных дедуктивных выводах, минимизируя роль интуиции. Даже в эмпиризме, где опыт выступает основой познания, важна его систематическая обработка разумом, а не непосредственное восприятие.

Восточная философская традиция (возьмем в качестве примера буддизм и даосизм) предлагает другую модель соотношения сознания и мышления. Здесь сознание занимает более центральное место, а мышление рассматривается как лишь один из его аспектов, часто даже как препятствие на пути к постижению истины. Медитация, направленная на умиротворение ума и достижение состояния «пустоты» (шуньяты в буддизме), призвана не столько развивать логические способности, сколько расширять сознание и развивать интуицию. Интуиция в восточных традициях – не просто догадка, а способ прямого, непосредственного познания реальности, доступный через очищение сознания от «умственных помех». Например, дзен-буддизм использует коаны – парадоксаль-

ные загадки, направленные не на логическое решение, а на «просветление» через интуитивное осознание их глубинного смысла.

Исследование египетской культурно-исторической парадигмы вносит значительный вклад в понимание разнообразия форм сознания и его связи с социокультурным контекстом, выходя за рамки европоцентристского взгляда на проблему. Анализ онтогенеза сознания требует учета как биологических факторов (генетическая предрасположенность, нейрофизиологическое развитие), так и социальных факторов (традиции взаимодействия с окружающим миром, язык, культурные ценности). Развитие когнитивных способностей ребенка от перцептивного опыта к абстрактному мышлению – это сложный процесс, в котором сознание формируется в тесной взаимосвязи с развитием мозга и окружающей социальной среды. Филогенетический аспект затрагивает вопрос эволюции сознания в животном мире и возникновения самосознания у человека. Споры о том, обладают ли животные сознанием и в какой степени, остаются открытыми. Однако, сравнительный анализ когнитивных способностей разных видов животных, изучение их поведения и нейрофизиологических механизмов, позволяет выдвигать гипотезы об эволюционных этапах формирования сознания. Дихотомия «сознание-мышление» интерпретируется по-разному в западной и восточной философских традициях. Западноевропейская философия, начиная с античности, часто противопоставляет сознание как субъективный опыт мышлению как объективному процессу. Рационализм и эмпиризм представляют собой различные подходы к пониманию природы познания, акцентируя внимание либо на внутреннем, интуитивном опыте (рационализм), либо на внешнем, сенсорном опыте (эмпиризм). В восточных философских традициях (буддизм, даосизм, конфуцианство), граница между сознанием и мышлением более размыта. Сознание часто рассматривается как неотъемлемая часть целостного миропонимания, включающего в себя интуицию, созерцание и гармонию с окружающим миром. Центральным становится не анализ отдельных когнитивных процессов, а достижение состояния просветления или гармонии. Специфика египетской культурно-исторической парадигмы проявляется в особом понимании взаимосвязи между жизнью, смертью и загробным миром. Египетская цивилизация развивала сложные религиозно-мифологические системы, которые глубоко влияли на формирование сознания и самосознания египтян. Культ мертвых, вера в загробную жизнь, использование символов и ритуалов формировали специфическую картину мира, которая отражалась в их мировоззрении и поведении. Исследование египетских текстов (например, «Книги мертвых»), искусства и архитектуры позволяет реконструировать особенности

когнитивных процессов и систему значений египетской культуры. Сравнительное исследование западных и восточных философских традиций, а также изучение специфики неевропейских культурных парадигм, позволяют расширить наше понимание разнообразия форм сознания и его взаимосвязи с социальными и когнитивными детерминантами.

Центральной научной проблемой, поднимаемой в этом исследовании, является выявление взаимосвязи между эволюцией (филогенез) и индивидуальным развитием (онтогенез) сознания, а также определение роли культурных и исторических контекстов в формировании специфических моделей понимания и функционирования сознания. Особое внимание уделяется египетской культурно-исторической парадигме, позволяющей проиллюстрировать влияние специфических социальных структур и религиозно-мифологических представлений на формирование концептуализации сознания и его места в структуре мироздания. Традиционно, западная философия, особенно в рамках картезианской традиции, акцентировала внимание на дуализме «тело-душа», предполагая существование автономного, нематериального сознания. Это приводило к дихотомическому противопоставлению сознания и мышления, где мышление рассматривалось как инструмент или функция сознания, но не как его неотъемлемая часть. В восточных философских традициях (буддизм, даосизм) наблюдается иной подход, ориентированный на интеграцию сознания и всех аспектов бытия, отсутствует четкое разделение на «мыслящее» и «сознающее». Египетская цивилизация, со своей сложной системой верований, связанных с загробной жизнью и культом умерших, предлагает уникальную возможность для изучения влияния культурных представлений на формирование конкретных моделей понимания сознания. В древнеегипетской культуре концепция «ба» (душа) и «ка» (жизненная сила) представляет собой нетривиальное смешение биологических и сверхъестественных аспектов, что требует внимательного анализа в контексте современных когнитивных моделей. Исследование должно определить, в какой мере различия в понимании сознания обусловлены биологическими факторами (генетическими, нейрофизиологическими), а в какой – культурно-историческими и социальными детерминантами. Для решения этой задачи необходимо провести сравнительный анализ онтогенетических и филогенетических данных, используя методы когнитивной антропологии, исторической психологии и нейронаук.

Материалы и методы исследования

Данное исследование будет использовать сравнительный анализ онтогенеза и филогенеза сознания,

опираясь на широкий спектр источников и методов. В качестве эмпирической базы исследования будут использованы данные когнитивной психологии, нейробиологии, антропологии, лингвистики и истории философии. Для филогенетического анализа будут привлечены данные палеоантропологии, сравнительной психологии (исследования поведения животных), а также данные археологии и этнографии, позволяющие реконструировать эволюцию социальных структур и когнитивных способностей человека. Методологически исследование будет основываться на сравнительном анализе данных, полученных из различных источников. Для анализа дихотомии «сознание-мышление» в западной и восточной философских традициях будут использованы герменевтический и компаративный методы. Будет проведен анализ ключевых текстов философов, представляющих различные традиции (Платон, Аристотель, Кант, Гегель в западной традиции; Лао-Цзы, Конфуций, Будда в восточной традиции), с акцентом на их понимание природы сознания, его структуры и функций, а также на различия в концептуализации мышления и его взаимосвязи с сознанием. Особое внимание будет уделено критическому анализу концепций субъективности в этих традициях, а также изучению влияния языковых и культурных особенностей на формирование философских представлений о сознании. Специфика египетской культурно-исторической парадигмы будет исследована на основе анализа египетской мифологии, религии, искусства и письменных источников (папирусы, надписи на стенах и гробницах). В рамках данного анализа будет проведен анализ египетских представлений о душе, загробной жизни, божественном и человеческом сознании. Для выявления специфики египетского понимания сознания будут применены методы историко-культурного анализа и семиотического анализа. Для установления связей между социальными и когнитивными детерминантами развития сознания будет использован системный подход, позволяющий учитывать взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов. Будет построена модель, отражающая взаимосвязи между эволюцией мозга, развитием языка, формированием социальных структур и изменениями в характере и функциях сознания. В рамках этой модели будут рассмотрены возможные механизмы влияния социальных факторов (например, тип социальной организации, развитие технологий, религиозные и мифологические представления) на онтогенез и филогенез сознания.

Результаты исследования

Дихотомия «сознание-мышление» интерпретируется В.В. Чешевым в рамках системной организации психики. Сознание, по его мнению, представляет собой высший уровень интеграции психических процессов, осуществляющий регуляцию поведения

в сложных и непредсказуемых ситуациях [7, с. 75]. Мышление же является одним из инструментов познания, обеспечивающим его функционирование путем анализа информации, построения моделей мира и планирования действий. В этом смысле, западная философская традиция, с ее акцентом на рациональности и логике, сосредотачивается преимущественно на мышлении как основном инструменте познания и понимания мира. Восточные же философские традиции, такие как буддизм или даосизм, предлагают более интегративный подход, где сознание рассматривается в контексте единения с природой и космическим целым, а мышление является только одним из множества путей достижения просветления и гармонии. Египетская культурно-историческая парадигма представляет собой уникальный случай взаимодействия социальных, религиозных и когнитивных факторов в формировании специфической формы сознания. Мощная религиозная система Древнего Египта, с ее сложной мифологией и ритуальными практиками, определяла особенное восприятие мира и своего места в нем. В этом смысле, египетская модель демонстрирует сложное взаимодействие когнитивных и социальных факторов в онтогенезе и филогенезе сознания, представляя уникальный случай для сравнительного анализа. Подводя итог, можно сказать, что работа над проблемой онто- и филогенеза сознания требует междисциплинарного подхода и учета множества факторов, включая биологические, социальные и культурные. Взгляды В.В. Чешева позволяют сформировать фундаментальное понимание системной природы психики и роли экологических и социальных условий в формировании сознания и его разнообразия в различных культурно-исторических контекстах.

Египетская концепция души не является монолитной; она включает в себя несколько аспектов, взаимодействующих друг с другом и образующих целостную картину человеческого существа. Ключевым понятием является «ка» – жизненная сила, аспект души, оставляющий тело после смерти и способный к взаимодействию с миром живых. «Ка» питается жертвоприношениями, совершаемыми в храмах и у гробниц, что подчеркивает связь между миром живых и миром мертвых. В отличие от «ка», «ба» – это личностный аспект души, имеющий антропоморфную форму, способный посещать как мир живых, так и мир мертвых. «Ах» – это итоговое объединение всех аспектов души, достигаемое после успешного прохождения испытаний в загробном мире. Образ «аха» часто изображается в виде человека с поднятыми руками, символизирующего достижение целостности и вечности. Ещё одним важным аспектом является «шат», тень, связанная с физическим телом и исчезающая после смерти. Наконец, «иб» представляет собой сердце, оцениваемое богами на суде Осириса. Загробная жизнь в египетской мифоло-

гии не представляется как абстрактное понятие. Она представляет собой сложную систему перерождений, испытаний и воздаяний. После смерти душа отправлялась в подземный мир, Дуат, где ей предстояло пройти через множество препятствий и испытаний, часто олицетворяемых в образе богов и монстров. Кульминацией загробного путешествия являлся суд Осириса, где сердце усопшего взвешивалось против пера Маат, богини правды и справедливости. Если сердце было легче пера, душа получала право на вечную жизнь в Полях Иа-ру, райском саде, где правила вечная молодость и изобилие. В противоположном случае, душу пожирало чудовище Аммит. Божественное сознание в египтологии представлено пантеоном богов, каждый из которых обладает уникальными атрибутами и сферами влияния. В мифологии четко выражено понимание божественной энергии, которая пронизывает все сущее и управляет миром. Несмотря на многообразие богов, существовала идея о высшем божестве, Атуме или Ра, создателе вселенной. В этом смысле, египетская религия напоминает политеизм с элементами монотеистической традиции. Человеческое сознание, по словам Серл Дж., в египетской культуре рассматривается как нечто тесно связанное с телом и душой [4, с. 189]. Смерть не рассматривалась как полное прекращение существования, а как переход в другое состояние. Поэтому египтяне уделяли большое внимание ритуалам погребения и сохранению тела через мумификацию, что подчеркивает их убежденность в неразрывной связи души и тела. Искусство и символизм играли важную роль в понимании и передаче религиозных идей. Символика скарабея, например, связывалась с перерождением и вечной жизнью, в то время как анх символизировал жизнь и бессмертие. Сравнение египетской концепции сознания с аналогичными концепциями в других культурах выявляет как сходства, так и отличия. Например, концепция души присутствует в большинстве религиозных и философских систем, но ее интерпретация может значительно варьироваться. В отличие от многих монотеистических религий, египетская религия не представляет загробную жизнь как однозначное награждение или наказание, а как сложный процесс, зависящий от действий человека при жизни. В целом, изучение египетских представлений о сознании дает ценное понимание сложной взаимосвязи между религией, культурой и философией в древнем мире.

Анализ ключевых текстов западной (Платон, Аристотель, Кант, Гегель) и восточной (Лао-Цзы, Конфуций, Будда) философских традиций позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в понимании природы сознания, его структуры и функций. Западная традиция, по словам Черниковой И.В., начиная с Платона, фокусируется на проблеме субъекта, его познавательных

способностей и роли разума в структурировании опыта. Платон, противопоставляя мир идей миру чувственных вещей, помещает сознание в сферу рационального, способного постигать истину через диалектику. Аристотель, вводя понятие «энтелехия», рассматривает сознание как активный принцип организации живого, неотделимый от телесной субстанции. Кант, революционизируя гносеологию, утверждает априорность некоторых форм познания, делая акцент на активной роли субъекта в конструировании опыта. Гегель, развивая диалектический метод, рассматривает сознание как исторически развивающийся процесс самосознания, достигающий своей кульминации в абсолютном знании [5, с. 32]. В восточной философии акцент смещается на опыт, интуицию и единство человека с космосом. Лао-Цзы, описывая Дао, предполагает состояние бессознательного единства с космическим порядком, где индивидуальное сознание растворяется в универсальной гармонии. Конфуцианство подчеркивает важность социальной гармонии и морального самосовершенствования, рассматривая сознание как инструмент для достижения этих целей. Буддизм фокусируется на преодолении иллюзии «я», на пути к нирване, где индивидуальное сознание угасает, достигая состояния просветления. Дихотомия «сознание-мышление» предстает по-разному. Западная философия склонна к их разделению, рассматривая мышление как функцию сознания, способную к абстрактному и логическому оперированию. Восточная традиция часто унифицирует эти понятия, подчеркивая интуитивное понимание реальности и неразрывную связь между мыслью и опытом. Египетская культурно-историческая парадигма вносит свой уникальный вклад. Египетская мифология и религиозные представления отражают сложные отношения между жизнью и смертью, телом и душой, земным и загробным мирами. Концепция «ка» и «ба» указывает на разные аспекты сознания, первый связан с жизненной силой, второй – с индивидуальностью и личностью. Понимание сознания в Древнем Египте тесно связано с практиками магии и религиозными ритуалами, что отличается от преимущественно рационального подхода западной философии. Влияние языковых и культурных особенностей на формирование философских представлений о сознании неоспоримо. Структура языка, его метафоры и концептуальные рамки определяют способности понимания мира и своего места в нем. Различные языковые системы могут предлагать разные онтологические и эпистемологические модели, влияющие на конструирование философских представлений о сознании. В заключение, сравнительный анализ онтогенеза и филогенеза сознания, исходя из различных философских традиций и культурных контекстов, показывает сложность и многомерность этой проблемы.

Рассмотрим предлагаемую модель. Эволюция мозга, обусловленная естественным отбором, является фундаментальной основой. Увеличение размера и сложности мозга, особенно неокортекса, коррелирует с развитием когнитивных способностей, включая абстрактное мышление, планирование и социальную когницию. Развитие языка, в свою очередь, стало мощным катализатором когнитивной эволюции, обеспечивая передачу информации, накопление знаний и формирование сложных социальных структур. Язык позволил создавать и передавать культурные артефакты, влияющие на онтогенез сознания – через воспитание, образование и социализацию. Развитие социальных структур, от небольших групп охотников-собирателей до сложных цивилизаций, создало новые экологические ниши и селективные давления, которые, в свою очередь, формировали сознание, адаптируя его к специфическим требованиям среды. В рамках западной философской традиции дихотомия «сознание-мышление» часто трактуется как различие между субъективным опытом и объективным анализом. Сознание рассматривается как поток переживаний, а мышление – как рациональное, логическое осмысление мира. Как отмечала, Черникова И.В., картезианское разделение *res cogitans* и *res extensa* нашло отражение в психологических теориях, акцентирующих роль рациональности и индивидуального познания [6, с. 103]. В противовес этому, восточные философские традиции, такие как буддизм и даосизм, часто подчеркивают единство сознания и мышления, рассматривая их как взаимопроницающие аспекты единой реальности. Особое внимание уделяется состоянию осознанности, медитации и достижению просветления, что предполагает интеграцию когнитивных и эмоциональных процессов, а не их противопоставление. Египетская культурно-историческая парадигма представляет собой особый случай. Развитая цивилизация со сложной социальной иерархией, религиозными верованиями, ориентированными на загробную жизнь, и высоким уровнем технологического развития, Египет демонстрирует интересное взаимодействие между социальными факторами и формированием сознания. Религиозные представления о душе, загробной жизни, богах и мифологических сюжетах глубоко интегрировались в повседневную жизнь египтян, определяя их ценности, моральные нормы и мировоззрение. Монументальное искусство, культ мёртвых и пирамиды свидетельствуют о коллективном сознании, направленном на сохранение социального порядка и продолжение жизни в потустороннем мире. Данная культурная матрица формировала специфический тип онтогенеза сознания, отличающийся от западных и восточных моделей. Влияние социальных факторов на филогенез и онтогенез сознания многогранно. Тип социальной органи-

зации – от охотничьих обществ до сложных государств – формирует разные формы социального взаимодействия, системы коммуникации и социальные роли, что влияет на развитие когнитивных способностей и социальной когниции. Как отмечала Лягошина Т.В., развитие технологий – от изготовления орудий труда до современных информационных технологий – предоставляет новые возможности для обработки информации, влияя на скорость и способность к обучению [3, с. 112]. Религиозные и мифологические представления формируют мировоззрение, систему ценностей и моральные нормы, что определяет интерпретацию реальности и самосознание человека. Все эти факторы взаимодействуют в сложной динамике, формируя разнообразие форм сознания и его эволюцию.

Выводы

Представленный анализ онтогенеза и филогенеза сознания, проведенный сквозь призму взаимодействия социальных и когнитивных детерминант, выявил сложную и многогранную картину развития субъективного опыта. Дихотомия «сознание-мышление», традиционно акцентируемая западной философской традицией, в контексте сравнения с восточными концепциями, демонстрирует принципиальные различия в понимании природы ментальной активности. Западная философия, ориентированная на субъект-объектную модель познания, часто позиционирует сознание как привилегированный инструмент аналитического мышления, отделяя его от «низших» форм когнитивной деятельности. В то время как восточные философские системы, такие как буддизм и даосизм, подчеркивают неразрывную связь сознания и тела, концентрируясь на практиках саморегуляции и достижении гармонии с окружающим миром, рассматривая мышление как лишь один из множества аспектов сознательно-го опыта. В этих традициях часто отсутствует четкое разделение между сознанием и бессознательным, а сам понятийный аппарат ориентирован на интеграцию субъекта и объекта, преодоление дуализма. Египетская культурно-историческая парадигма представляет особый интерес, поскольку сочетает элементы как западного, так и восточного подходов. С одной стороны, египетская цивилизация разработала сложную систему письменности и абстрактного мышления, свидетельствующую о развитии когнитивного аппарата. С другой стороны, религиозные и мифологические представления Древнего Египта подчеркивают значение духовности, реинкарнации и связи человека с божественным, что сближает её с восточными традициями. Анализ египетских текстов, изобразительного искусства и археологических находок позволяет предположить наличие специфической модели онтогенеза сознания, отличающейся от западных и восточных парадигм как

в терминах формирования когнитивных способностей, так и в отношении к роли социальных институтов и религиозных верований.

Литература

1. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке. М. Канон+.2009. С. 16–41.
2. Осознать смысл, осмыслить сознание: разум и Другая Рациональность. М.: Сафра, 2023. – 360 с.
3. Лягошина Т.В. Большие языковые модели: влияние на публичный дискурс и общество в целом // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 111–124.
4. Серл Дж. Сознание, язык и общество: философия в реальном мире. М.: Идея-Пресс, 1998. 256 с.
5. Черникова И.В. Логиновская Ю.В. Сознание в когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 32–43.
6. Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 103–112.
7. Чешев В.В. Действительно ли основание всему начала нравственные? // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). С. 75–91.

ONTOGENESIS AND PHYLOGENY OF CONSCIOUSNESS: AN ANALYSIS OF THE EGYPTIAN CULTURAL AND HISTORICAL PARADIGM

Hussein K.H.A.

National Research Tomsk State University

The article considers consciousness as a product of biological evolution and as a phenomenon with social foundations. Human consciousness is a complex and multilevel system of mental, social, and other processes. Using the term “ontogenesis and phylogeny of consciousness”, we set the task to consider the nature of human consciousness in the conditioning of the species and cultural evolution of mankind. The proposed article is devoted to a comparative analysis of the ontogenesis and phylogeny of consciousness, examines the influence of social and cognitive determinants on its formation and evolution. The article presents a model of the interaction of biological and cultural factors in the process of the ontogenetic and phylogenetic development of consciousness, using an interdisciplinary approach combining data from cognitive science, philosophy, anthropology and history.

Keywords: ontogenesis, phylogeny, consciousness-thinking, Western philosophy.

References

1. Dubrovsky D.I. The problem of consciousness: the experience of reviewing the main issues and theoretical difficulties // The problem of consciousness in philosophy and science. M. Canon+.2009. pp. 16–41.
2. To realize the meaning, to comprehend consciousness: reason and Other Rationality. M.: Sadra LLC, 2023. 360 p.

3. Lyagoshina T.V. Big language models: impact on public discourse and society as a whole // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics. 2024. No. 79. С. 111–124.
4. Searle J. Consciousness, language and society: philosophy in the real world. Moscow: Idea Press, 1998. 256 p.
5. Chernikova I.V., Loginovskaya Yu.V. Consciousness in cognitive science // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2020. No. 53. pp. 32–43.
6. Chernikova I.V., Chernikova D.V. The problem of consciousness in philosophy and cognitive science // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No. 4. pp. 103–112.
7. Cheshev V.V. Is there really a moral foundation for everything? // Ideas and ideals. 2017. No. 2 (32). pp. 75–91.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логика формирования, ценностный смысл и практический путь изучения истории партии и воспитания членов партии в новую эпоху**Лю Айхуа,**докторант, Институт марксизма Хэйлунцзянского университета
E-mail: liudw668@sina.com

Изучение истории партии для членов партии является политическим преимуществом и прекрасной традицией Коммунистической партии Китая. Поскольку социализм с китайской спецификой вступил в новую эру, партия и государство включили изучение истории партии для членов партии в важные программы. В статье дается подробное объяснение логики, ценностного значения и практического пути изучения истории партии и образования членов партии в новую эпоху.

Ключевые слова: Новая эра; члены партии; партийно-историческое образование.

Высококвалифицированная команда членов партии и кадровых работников является необходимым условием для обеспечения правильной реализации линии и политики партии. Политическое преимущество Коммунистической партии Китая заключается в том, что она знакомит членов партии с историей партии и повышает общий уровень подготовки членов партии. После 18-го Национального съезда партии Центральный комитет партии, ядром которого является Си Цзиньпин, воспользовался развитием и изменениями ситуации внутри страны и за рубежом, энергично выступил за укрепление изучения истории партии и образования среди большинства членов партии и кадрового состава и заложил фундаментальную основу для дальнейшего развития партии. большинству членов партии необходимо проводить обучение по истории партии.

Генеративная логика изучения истории партии и образования членов партии в новую эпоху

Появление любой идеологической теории – это “отражение исторического процесса в абстрактной, теоретической и последовательной форме.” [1.С.32] Теория изучения истории партии и воспитания членов партии в новую эпоху формировалась и развивалась на основе наследования выдающихся идеологических и культурных достижений в стране и за рубежом.

Теоретическое происхождение: наследование идей классиков марксизма о воспитании членов партии и истории партии

Маркс и Энгельс прямо не объясняли историческое образование членов партии, но их общее обсуждение исторического образования дало важную информацию о том, как коммунисты осуществляли историческое образование. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что коммунисты должны уделять внимание истории и изучать ее. “Мы знаем только одну-единственную науку, то есть историческую науку.” [2.С.650] Пролетарские политические партии должны понимать не только процесс развития человеческого общества, но и историю пролетарских политических партий и историю развития марк-

сизма. Второе – объяснить, что принцип исторического образования для коммунистов заключается в формировании марксистского взгляда на историю, и необходимо исследовать источники мыслей людей и мотивы политических изменений в каждый период. Третье – указать на то, что целью исторического образования коммунистов является повышение политического сознания пролетариата, его зрелости в политической борьбе против буржуазии и достижение истинного и полного освобождения.

После победы советско-российской революции Ленин считал укрепление образования в области истории партии главным приоритетом строительства советской власти. Ленин не только придавал большое значение пропаганде и публикации классических марксистских работ, но и уделял большое внимание роли партийных школ и различных учебных курсов в изучении истории партии и образовании. Учитывая потребности советского революционного строительства, Сталин также предложил обратить внимание на образовательную роль учебников истории партии для членов партии и кадрового состава. В 1938 году был опубликован «Краткий курс партийной истории Коммунистической партии Китая (КПК)». Это авторитетное учебное пособие по истории партии, специально разработанное для советских партийцев и кадровых работников и обеспечивающее фундаментальную основу для изучения истории партии советскими партийцами и кадровыми работниками. Он также предложил создать авторитетное учреждение по изучению истории партии, чтобы повысить эффективность обучения членов партии. Главной задачей марксистско-ленинского научно-исследовательского института, созданного в ноябре 1931 года, является сбор и систематизация духовного наследия Маркса, Энгельса и других великих людей, а также изучение истории Коммунистической партии Китая (КПК) и основных проблем Международного коммунистического движения.

Историческая логика: использование передовых концепций исторического образования китайской нации

Китайская нация – единственная нация среди четырех древних цивилизаций мира, которая не пережила исторического перелома. За свою долгую историю, насчитывающую более 5000 лет, она сформировала уникальную концепцию и модель образования по древнекитайской истории.

1. Придавайте большое значение изучению истории. Истоки исторического образования китайской нации восходят к сказкам и различным легендам древности. Династия Чжоу была династией, которая правила дольше всех в древнекитайском обществе. Это не имеет ничего общего со способностью Чжоу Тяньцзы практиковать “основанное на истории” историческое образование для правящих кругов, объединяйте людей и широкую общественность различными способами

и органично сочетайте идею исторической оценки и практики с реальностью. После основания империи Цинь феодальное общество на протяжении более чем двух тысяч лет также продолжало традицию культивирования официальной семейной истории. Целью исторического образования являются дети чиновников и ученые.

2. Различные формы исторического образования. Династия Ся создала прецедент для подготовки чиновников запаса в Древнем Китае и основала специализированные школы для обучения аристократического класса истории. Во времена династии Западная Чжоу историческое образование контролировалось правительством, и появились “китаеведение” и “изучение поселений”. После правления династии Хань официальные исследования развились в две формы: центральную и местную. Начиная с династий Суй и Тан и до конца правления династии Цин, создание и внедрение имперской экзаменационной системы позволило многим студентам усердно готовиться к таким известным историческим трудам, как «Исторические хроники» и «Книга Хань», а также унаследовать многовековую историю и культуру Китая.

3. Учебники истории и чтения по истории имеют свои особенности. Среди всех этнических групп мира степень развития китайской историографии и богатство исторических трудов не имеют аналогов в мире. Например, труды по хронологической истории «Чунь цю», «Цзычжи Тунцзянь» и др.; труды по хронологической истории «Исторические записи», «Книга Хань» и другие двадцать четыре исторических труда; исторические обзоры «Теория Сун» и так далее.

Коммунистическая партия Китая всегда придерживалась позиции “древние времена для использования в настоящем, используя суть и удаляя шлаки” в отношении выдающегося исторического и культурного наследия Китая. На основе критического изучения теории и практического опыта образования по древней китайской истории в сочетании с изменившимися характеристиками «таймс», это положило начало новой эре в обучении членов партии истории партии.

Практическая основа: использование богатого опыта изучения истории партии и воспитания членов партии в Коммунистической партии Китая

Как обучающаяся марксистская политическая партия, Коммунистическая партия Китая изучила множество эффективных методов и путей изучения истории партии и накопила много ценного опыта за время своего столетнего пути.

1. Всегда прилагайте неустанные усилия для изучения и просвещения членов партии по вопросам истории партии в качестве стратегической задачи. Обсуждая вопросы обучения членов партии истории партии, Мао Цзэдун глубоко подчеркнул, что обучение членов партии и кадрового состава

истории партии связано с подъемом и падением революционного строительства в Китае. Это необходимо для того, чтобы дать возможность большинству членов партии осознать реальную ситуацию в китайском обществе, понять законы развития. изучайте историю и опирайтесь на историческую мудрость – это необходимое условие победы китайской революции.

В новый период реформ и открытости, а также всестороннего строительства социалистической модернизации Дэн Сяопин сосредоточился на новых ситуациях и новых проблемах и считал, что усиление обучения членов партии истории партии является неизбежным требованием для укрепления руководства Коммунистической партией Китая, и руководил большинством членов партии, чтобы члены и кадры правильно понимали историю партии, а также на основе обобщения истории и открытия нового пути к социализму с китайской спецификой, он твердо верил в социализм и посвятил себя великой практике социалистической модернизации.

После окончания холодной войны, столкнувшись со сложной и суровой международной обстановкой, а также с новыми ситуациями и проблемами, возникшими после реформы и открытости, Цзян Цзэминь далее отметил, что «обучение членов партии современной китайской истории, новейшей истории и национальным условиям» может постоянно улучшать положение партии повышать уровень руководства и управляемости, а также постоянно повышать боевую эффективность партии и ее возможности по борьбе с коррупцией и противодействию переменам.»

В трудной и обременительной новой ситуации всестороннего построения благополучного общества и ускорения социалистической модернизации, Ху Цзиньтао также неоднократно подчеркивал, что только уделяя больше внимания использованию китайской истории, особенно «истории китайской революции, можно воспитать кадры и общество в целом люди» [3], только тогда мы сможем понять и ухватить общую тенденцию исторического развития, создать прочную национальную сплоченность, усилить чувство исторической инициативы, «улучшить способность управлять страной и управлять народами, а также лучше объединять и вести народ за собой для создания новой ситуации в деле социализма с Китайские особенности.» [4.С.145]

2. Создавать различные типы колледжей и университетов для изучения истории партии и повышения квалификации членов партии. Партийная школа берет на себя особую ответственность за изучение истории партии и просвещение членов партии. Коммунистическая партия Китая придает большое значение тому, чтобы в полной мере использовать преимущества партийных школ на всех уровнях. Самой ранней партийной шко-

лой, основанной в Аньюане, была партийная школа, основанная в 1924 году. После прибытия Красной Армии в Северную Шэньси в Ваяопу была создана знаменитая партийная школа Центрального комитета Коммунистической партии Китая, предназначенная главным образом для систематического изучения истории партии старшими руководящими кадрами партии. Партия также учредила различные колледжи и университеты для изучения истории партии. Во время Войны за независимость и войны сопротивления партия последовательно учредила Университет Красной армии, антияпонский военно-политический университет и Объединенный университет Северного Китая. Китай является основным предметом изучения большинства членов партии.

3. Проводить революционные памятные мероприятия с целью углубления знаний и просвещения членов партии в области истории партии. «Памятные мероприятия – это своего рода политическая церемония и своего рода политический символ». Как правило, они посвящены важным историческим личностям или крупным историческим событиям, которые обладают большой привлекательностью и силой политической мобилизации. Проведение различных памятных мероприятий является важной возможностью для поощрения членов партии, кадрового состава и общественности к осознанному изучению истории партии. Благодаря красочным и разнообразным формам памятных мероприятий, они в полной мере продемонстрировали великие достижения Коммунистической партии Китая в руководстве народом в революционном процессе и позволили славному образу Коммунистической партии Китая глубоко укорениться в сердцах людей, благодаря чему члены партии и широкие массы получили образование. о патриотизме и революционном героизме, что в значительной степени способствовало углублению изучения истории партии и ее воспитания.

Богатый опыт, накопленный Коммунистической партией Китая в области обучения членов партии истории партии в различные исторические периоды строительства китайской революции, обеспечил практическую основу для углубленного развития обучения членов партии истории партии в новую эпоху.

Ценность и значение изучения истории партии и образования для членов партии в новую эпоху

Выдающиеся члены партии и руководящие кадры являются основой дела построения социализма с китайской спецификой в новую эпоху, и нормализация изучения и просвещения по истории партии имеет большое практическое и далеко идущее стратегическое значение.

1. Это помогает постичь законы истории и понять координаты современной китайской истории.

История действительно свидетельствует о становлении и эволюции страны, о возвышении и падении чести и позора. Если понимание китайской истории, особенно истории Китая с новейших времен, будет слишком поверхностным, будет трудно полностью понять современную социальную ситуацию в Китае и путь развития, выбранный китайским народом.

В наше время, из-за порабощения и издевательств западных держав, партия пришла в упадок. Партия провела народ через трудности и добилась революционной победы, установила социалистическую систему, в которой народ является хозяином, и проложила путь для строительства социализма с китайской спецификой в новый период истории партии – это яркая интерпретация этих знаковых событий.

Благодаря углубленному изучению истории партии большинство членов партии могут полностью осознать историческую неизбежность и осознанность выбора китайским народом марксизма, Коммунистической партии Китая, пути социализма, реформ и открытости, а также осознать историческое происхождение и развитие контекст “реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации” после того, как социализм с китайской спецификой вступит в новую эру.

Благодаря углубленному изучению истории партии большинство членов партии могут полностью осознать историческую неизбежность и историческую осознанность выбора китайским народом марксизма, Коммунистической партии Китая, пути социализма, реформ и открытости. После того, как социализм с китайскими особенностями вступит в новую эпоху, Китайское общество станет более демократичным, новая эра, “Осознание исторического происхождения и контекста развития китайской мечты о великом возрождении китайской нации” [5.С.61], усиление исторической инициативы и исторического сознания и постоянное продвижение великого дела партии, ведущей народ, по спасению страны, омоложению страны, обогащению страны и становлению могущественная страна.

2. Полезно извлекать уроки из исторического опыта и содействовать модернизации национальной системы управления и потенциала в области государственного управления. Модернизация – это общее желание людей со всего мира с новейших времен, и модернизация национального управления включена в модернизацию. Содействие модернизации национального управления на самом деле заключается в достижении сбалансированной адаптации зрелых систем и переломных возможностей управления, а также в преобразовании институциональных преимуществ в эффективность управления. Содействие модернизации национального управления – задача непростая, на нее будут влиять различные институ-

циональные факторы в системе, и она будет проходить долгий и сложный процесс проб, ошибок и обновления системы.[6.С.3]

В процессе руководства народом в революции, строительстве и реформах Коммунистическая партия Китая также активно изучает современную модель государственного управления, соответствующую национальным условиям Китая, накопила богатый опыт и добилась значительных результатов. Однако из-за сложных социальных и исторических причин и влияния меняющейся международной и внутренней ситуации Коммунистическая партия Китая “по-прежнему имеет много недостатков в национальной системе управления и управленческих возможностях, и есть много областей, которые необходимо срочно улучшить”. [7.С.91]

Большинство членов партии и кадровых работников “глубоко изучили и усвоили мудрость и методы управления страной” [8.С.114], из истории партии, что поможет “повысить теоретическую осведомленность и практическую осознанность в продвижении модернизации национальной системы управления и возможностей управления” [8.С.115], а также всесторонне повысить способность Коммунистической партии Китая управлять страной и управлять народным хозяйством.

3. Это поможет большинству членов партии укрепить свои высокие идеалы и убеждения и повысить их общий духовный уровень. “Если у человека нет духа, он не устоит, а если у страны нет духа, он не будет сильным.” [9.С.101] Только духовно богатая и могущественная нация может выстоять и смело двигаться вперед в потоке истории.

- Уметь очищать источник от оригинала, быть твердым в идеалах и убеждениях. Со времени реформ и открытости Китайской Народной Республики тенденция исторического нигилизма, которая когда-то была скрытой, усилилась. Хотя феномен публичного отрицания марксистского взгляда на историю, клеветы на китайскую революционную историю и очернения героев и деятелей значительно сократился, он приобрел новые формы. Интернет, например, характеризуется более скрытыми выражениями, фрагментированными повествованиями и ежедневным проникновением, что чрезвычайно сбивает с толку и разрушает. Энергично укреплять изучение истории партии членами партии и кадрами по всей партии, чтобы они могли глубоко понять, почему Коммунистическая партия Китая может, почему марксизм работает и почему социализм с китайской спецификой хорош, и постоянно повышать уверенность в себе на дороге, теоретическую уверенность в себе, институциональную уверенность в себе и культурную уверенность в себе.
- Может усилить великий дух и улучшить духовный стиль большинства членов партии. В про-

цессе руководства народом в ходе демократической революции и участия в строительстве социалистической революции партия создала глубоко проникновенную революционную культуру и передовую социалистическую культуру и сформировала великую духовную линию Коммунистической партии Китая, представленную духом Долгого похода и духом Яньяня. Они являются основой основных ценностей социализма в новую эпоху. Углубленные просветительские мероприятия по партийной истории членов партии в новую эпоху должны позволить большинству членов партии и кадрового состава вновь пережить “великую историю партии, ведущей народ в революции” [10], взрастить в своих сердцах хаоранскую праведность, повысить партийную культуру членов партии и кадрового состава, а также развивать патристические чувства для укрепления духовной сферы.

Пути и меры по изучению истории партии и просвещению членов партии в новую эпоху

Изучение и просвещение по истории партии – это систематический и долгосрочный проект по воспитанию души. Начиная с 18-го Национального съезда партии, обучение членов партии истории партии проводилось организованно и позволило достичь замечательных результатов в незаметном изучении истории и понимании, изучении истории и повышении доверия, обучении истории и Чондэ, а также изучение истории и практика.

Усилить разработку и стратегическое планирование на высшем уровне

1. Укрепить руководящую роль членов партии в изучении истории партии и организации просветительской работы. Партийное руководство является самым большим преимуществом социалистической системы с китайской спецификой. Начиная с 18-го Национального съезда партии, Генеральный секретарь Си Цзиньпин дал много важных указаний членам партии по изучению истории партии посредством выступлений, документов и т.д., что требует наличия партийных комитетов (партийных групп) на всех уровнях. Уровни должны взять на себя ведущую роль в принятии на себя основных обязанностей, а главные руководители должны сделать все возможное для создания руководящего органа для координации изучения истории партии. Под централизованным и единым руководством Центрального комитета партии ведущие департаменты на всех уровнях придают большое значение изучению и просвещению по партийной истории членов и предоставлять всесторонние гарантии для учебы и просвещения членов партии.

2. Последовательно издавались различные правила и предписания для изучения и просве-

щения членов партии по партийной истории. Центральный комитет партии полностью мобилизовался и сосредоточился на изучении истории партии и воспитании членов партии. Центральный организационный отдел, Центральный отдел пропаганды, Министерство образования и другие функциональные подразделения на всех уровнях разрабатывали различные правила и предписания в соответствии с реальными потребностями и осуществляли целенаправленную, плановую и стратегическую деятельность, организация и осуществление, которые заложили институциональную гарантию нормализации и долгосрочного изучения истории партии членами партии и в значительной степени способствовали углубленному изучению истории партии и образованию членов партии по всей партии.

3. Постоянно укреплять формирование команды талантливых специалистов для обучения членов партии истории партии. Как основная идеологическая конструкция образования по истории партии, оно должно продвигаться командой профессионалов высокого уровня. Команда талантов в области истории партии несет важную миссию и большую ответственность за пропаганду, распространение и внедрение инноваций в основную идеологию. После 18-го Национального съезда партии команда специалистов по истории партии постоянно укреплялась. Появилось большое количество академических лидеров в области истории партии и партийного строительства с сильными деловыми способностями, а также был создан эффективный эшелон специалистов по истории партии и партийному строительству. Переведено и опубликовано большое количество шедевров партийной истории высокого уровня, которые заложили глубокую теоретическую основу и гарантировали преподавателям продвижение изучения партийной истории и просвещение членов партии в новую эпоху.

Использовать гибкие и разнообразные методы изучения истории партии и воспитания

Правильный метод работы или обучения может способствовать быстрому и эффективному выполнению учебных заданий или конкретных задач и повысить эффективность работы и обучения. Учитывая важность изучения истории партии для членов партии и кадрового состава в новую эпоху, Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что необходимо пропагандировать превосходный стиль марксизма, придерживаться классификации и руководящих принципов, разъяснять требования и задачи в области обучения, поощрять инновации в содержании, формах и методах обучения, а также повысить актуальность и эффективность.

1. Сочетание идеологической обработки и эвристических методов. Обучение членов партии истории партии в рамках аудиторного обучения

является распространенной формой идеологической обработки. Этот метод позволяет большинству членов партии и кадровых работников быстро усвоить основные теории истории партии, распознать основную тему и основной характер истории партии, а также правильно оценить основные события, важных людей и важные периоды в истории партии и сформировать правильное представление об истории партии. Эвристическое обучение истории партии позволяет преподавателям динамично изучать историю партии и гибко применять ее на практике посредством активного руководства, а также проводит углубленные обсуждения гибких и разнообразных методов, таких как тематическое обучение, сменные классы, обучение на месте и конкурсы дебатов, чтобы повысить привлекательность изучения истории партии и просвещение членов партии, а также повышение способности членов партии и кадровых работников использовать партийную мысль и теорию для решения сложных реальных проблем.

2. Сочетание теории и практики. История Коммунистической партии Китая – это не только история теоретических инноваций в китаизации марксизма, но и история практической борьбы за использование достижений марксистской теории китаизации для руководства китайской революцией, строительством и реформами. В процессе изучения истории партии большинство членов партии и кадровых работников должны “сочетать изучение истории партии с обобщением опыта, наблюдением за действительностью и продвижением работы, чтобы превратить эффективность обучения в мотивацию и результативность работы” [11]. С одной стороны, усвоить это в сердце и постоянно углублять знания, понимание “трех законов” из истории партии и осознание общей тенденции исторического развития; с другой стороны, необходимо усвоить их на практике, повысить осведомленность государственных служащих и любовь народа, сосредоточить внимание на нерешенных проблемах, стоящих перед развитием партии. Партию и страну в новую эпоху, а также эффективно решать проблемы обеспечения средств к существованию людей, которые беспокоят широкие слои населения, и повышать у людей чувство выгоды и счастья.

3. Сочетание регулярного обучения и централизованного образования. Являясь крупнейшей и влиятельной на международном уровне партией с наибольшим числом членов, Коммунистическая партия Китая имеет богатую историю и написала плодотворные трактаты по истории Коммунистической партии Китая. Нелегко овладеть сутью истории партии. Партийные организации по всему миру также предоставляют различные высококачественные услуги, качественные образовательные ресурсы по истории партии в сочетании с реальной ситуацией, чтобы повысить инициативу

и сознательность образованных людей в изучении истории партии. Коммунистическая партия Китая также уделяет внимание проведению централизованного внутрипартийного обучения по истории партии на основных исторических этапах, в важных исторических узлах, на важных фестивалях и юбилеях, с тем чтобы большинство членов партии и кадровых работников еще больше развивали характер партии и ее способность управлять и укреплять свои позиции. Передовые конструкции были значительно усилены.

Проводить красочные мероприятия по изучению истории партии и просвещению

Являясь единством формы и содержания деятельности, носитель – это подтверждение темы в живой, эффективной и красочной форме. Обучение членов партии истории партии в новую эпоху также зависит от определенного носителя, который будет продвигаться упорядоченным образом.

1. В полной мере реализовать роль главной позиции и основного канала распространения новостей в средствах массовой информации и различных университетах. Являясь основными средствами массовой информации и важными носителями информации в китайском обществе, партийная газета и партийный журнал несут священную ответственность за изучение истории партии и просвещение. В последние годы национальные газеты и журналы, такие как «Жэньминь Жибао» и «Хунци манускрипт», опубликовали большое количество теоретических статей высокого уровня по изучению истории партии, с тем чтобы большинство членов партии и кадровых работников получили сильное идеологическое образование. Различные колледжи и университеты, представленные партийными школами, также проводят различные формы преподавания истории партии для членов партии и руководящих кадров. Выставки, специальные исследования, лекции и т.д. Список можно продолжать, что значительно повышает историческое сознание членов партии и руководящих кадров, позволяя им лучше понимать общую ситуацию.

2. Используйте ресурсы red для проведения яркого обучения членов партии истории партии. Красные ресурсы относятся к революционным местам, мемориалам и достопримечательным местам, созданным Коммунистической партией Китая в революционную эпоху. Духовное ядро, содержащееся в этих красных ресурсах, заложено в крови и душе Коммунистической партии Китая и выполняет важную образовательную функцию. Партийные организации всех уровней активно приглашают большинство членов партии посетить Революционный музей, Мемориальный зал мучеников, Музей истории Коммунистической партии Китая, родной город великого человека и бывшее место революции, а также другие базы патрио-

тического воспитания и восхищаются ими. члены партии и кадры были очищены и духовно усовершенствованы, а эффективность изучения истории партии и воспитания повысилась.

3. Используйте новые медиа, такие как Weibo и WeChat, для расширения каналов изучения истории партии и просвещения членов партии. С ростом развития интернет-технологий новые МЕДИА и средства самообслуживания широко используются в различных сферах общественного производства и жизни, а привычки и образ жизни людей претерпели серьезные изменения. Изучение партийной истории и просвещение членов партии в новую эпоху также сочетаются с реальностью, используя онлайн-платформы, такие как веб-сайты по истории партии, онлайн-мемориалы, Weibo, WeChat, короткие видеоролики и мобильные клиенты, что в полной мере реализует мощные функции радиации и образования, которые предоставляют новые медиа, представленная сеть Learning Powerhouse Network и сеть «Проповедь дома», а также постоянное совершенствование методов мобилизации, организационных форм и моделей оценки изучения истории партии и образования членов партии, которые значительно повысили интерес большинства членов партии к изучению истории партии и образованию в области самоидентификации.

Литература

1. Избранные труды Маркса и Энгельса. / Том 2. Пекин: Народное издательство, 1995.
2. Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. / Том 1. Пекин: Народное издательство, 1982.
3. Ху Цзиньтао. Выступление на 33-м коллективном заседании Политбюро ЦК КПСС 16-го созыва. «Жэньминь Жибао», 26–07–2006.
4. Выдержки из исторических рассуждений Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао о Коммунистической партии Китая. / Пекин: Центральное литературное издательство, 2021.
5. Дин Цзюньпин, Сюй Чунтао. Введение в теорию исторического образования Си Цзиньпина. // Исследование по марксистской теории, 2016 (03).
6. Цзинь Тайцзюнь, Лу Бинь. О потенциале национального управления и его модернизации. // Журнал Западно-Китайского педагогического университета, 2022 (05).
7. Си Цзиньпин рассказывает об управлении страной. / Том 1. Пекин: Издательство иностранных языков, 2018.
8. Ми Тин. Ценностный подтекст, значительные преимущества и практические требования изучения «Четырех исторических дисциплин» и образования в области национального управления. // Введение в теорию, 2021 (04).
9. Си Цзиньпин говорит об управлении страной. / Том 14. Пекин: Издательство иностранных языков, 2022.
10. Исследуя и направляя практическую деятельность партии в области массового образования в провинции Хэбэй, Си Цзиньпин подчеркнул: необходимо полностью мобилизовать энтузиазм кадров и масс для обеспечения того, чтобы практические мероприятия в области образования проводились хорошо и успешно. «Жэньминь жибао», 13–07–2013.
11. Си Цзиньпин. Выступление на конференции по изучению истории партии и мобилизации образования. // В поисках истины, 2021 (07).

FORMATION LOGIC, VALUE MEANING, AND PRACTICAL PATH OF STUDYING PARTY HISTORY AND EDUCATING PARTY MEMBERS IN THE NEW ERA

Liu Aihua
Heilongjiang University

Studying Party history for Party members is a political advantage and a fine tradition of the Communist Party of China. Since socialism with Chinese characteristics has entered a new era, the Party and the state have included studying Party history for Party members in important programs. This paper provides a detailed explanation of the logic, value meaning, and practical path of studying Party history and educating Party members in the new era.

Keywords: New Era; Party Members; Party History Education

References

1. Selected Works of Marx and Engels. / Volume 2. Beijing: People's Publishing House, 1995.
2. Complete Works of Marx and Engels. / Volume 1. Beijing: People's Publishing House, 1982.
3. Hu Jintao. Speech at the 33rd Collective Meeting of the Politburo of the 16th Central Committee of the CPSU. «Renmin Ribao», 07/26/2006.
4. Excerpts from Historical Reflections of Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao on the Communist Party of China. / Beijing: Central Literary Publishing House, 2021.
5. Ding Junping, Xu Chongtao. Introduction to Xi Jinping's Theory of Historical Education. // Research on Marxist Theory, 2016 (03).
6. Jin Taijun, Lu Bin. On the Potential of National Governance and Its Modernization. // Journal of West China Normal University, 2022 (05).
7. Xi Jinping Talks About Governance of the Country. / Volume 1. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2018.
8. Mi Ting. The Value Implications, Significant Advantages, and Practical Requirements of Studying the «Four Historical Disciplines» and National Governance Education. // Introduction to Theory, 2021 (04).
9. Xi Jinping Talks about Governance. / Volume 14. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2022.
10. In researching and guiding the Party's practical work in mass education in Hebei Province, Xi Jinping stressed that it is necessary to fully mobilize the enthusiasm of the cadres and the masses to ensure that the practical work in education is carried out well and successfully. People's Daily, 13–07–2013.
11. Xi Jinping. Speech at the Conference on Studying Party History and Mobilizing Education. // In Search of Truth, 2021 (07).

Технологии и забота: новые возможности и вызовы

Саликов Рауль Ринатович,

аспирант, кафедра «Философия», Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
E-mail: raulsalikov25@gmail.com

Статья посвящена исследованию современной практики заботы о себе в контексте развития системы здравоохранения. Статья начинается с определения основного различия между современными практиками заботы о себе в античности и в современном мире. Далее дается краткое описание взаимосвязи концепции заботы о себе и системы здравоохранения. В статье описаны самые актуальные способы применения информационно-коммуникационных технологий в медицине: телемедицина, дистанционный мониторинг, применение искусственного интеллекта и прочее. В заключительной части статьи обобщаются данные о положительных и негативных аспектах применения современных технологий в системе здравоохранения в разрезе практики заботы о себе. Удобство и простота использования, удаленный мониторинг и консультации, повышение медицинской грамотности через онлайн-сервисы – все эти, на первый взгляд, положительные моменты, могут иметь такие негативные последствия, как дегуманизация заботы о пациентах и социальная изоляция некоторых категорий граждан. Статья призывает к разумному внедрению и использованию современных информационно-коммуникационных технологий в систему здравоохранения, так как они могут «обезличить» и дегуманизировать заботу о пациентах.

Ключевые слова: забота о себе, забота о здоровье, система здравоохранения, информационно-коммуникационные технологии, телемедицина, дистанционный мониторинг, дегуманизация, социальная изоляция.

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная медицина переживает технологическую революцию. Появление телемедицины, носимых датчиков, искусственного интеллекта в диагностике и лечении, больших данных в анализе медицинской информации – все это кардинально меняет систему здравоохранения. Однако, эти изменения требуют философского осмысления их влияния на понимание здоровья, болезни и самой практики заботы о себе.

Цель исследования: изучить положительные и негативные аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий в системе здравоохранения на практики заботы о себе.

Задачи:

- изучить сущность философии заботы о себе в современном мире;
- выявить взаимосвязь практики заботы о себе и системы здравоохранения;
- рассмотреть основные методы применения современных технологий в системе здравоохранения;
- обобщить данные о влиянии применения информационно-коммуникационных технологий на практики заботы о себе;
- сделать вывод о применении современных технологий в системе здравоохранения во взаимосвязи с практиками заботы о себе.

Методология исследования: постановка цели и постановка задач исследования; анализ и синтез научной литературы по теме исследования; обобщение изученной информации и формирование выводов.

Практика заботы о себе, которая зародилась во времена античности, с течением времени изменялась, трансформировалась, расширяя понятие о себе. Сегодня забота о себе включает в себя множество аспектов и способов. Важнейшими из них являются: здоровье, внешний вид, стиль жизни. Все чаще понятие заботы о себе коррелирует с такими понятиями, как йога, фитнес, правильное питание. Создание привлекательной внешней оболочки зачастую ставится выше создания гармоничного и развитого духа. В этом проявляется достаточно значимое отличие современной практики заботы о себе от античной: сегодня основной целью является удовлетворение личных желаний, а в период античности – это было гармоничное развитие тела и духа, причем не в масштабах одной личности, а всего социума. Основными духовными практиками сегодня являются: медитация, йога, осознанное поведение. Данные практи-

ки могут использоваться не только для стабилизации физического состояния, но и на духовное развитие [12].

Концепция заботы о себе в контексте системы здравоохранения предполагает создание среды, в которой люди имеют необходимые знания, навыки и поддержку со стороны работников здравоохранения (медиков, фармацевтических работников) для того, чтобы осознанно и самостоятельно принимать решения, связанные со своим здоровьем [9].

Забота каждой отдельной личности о своем здоровье тесно взаимосвязана с благополучием всего общества. Чем больше людей ведут здоровый образ жизни, проводят профилактические мероприятия против заболеваний, во время обращаются в лечебные учреждения – тем меньше становится случаев тяжелых заболеваний, снижается нагрузка на всю систему здравоохранения [8].

Некоторые аспекты, которые могут способствовать внедрению концепции заботы о себе в систему здравоохранения, следующие.

- Доступность и актуальность медицинской информации, которая транслируется в массы компетентными органами и лицами, лежит в основе повышения медицинской грамотности личности. Обеспечение доступа к такой информации – важное условие просвещения населения по вопросам ранней диагностики, профилактики и лечения заболеваний [8, 9].
- Расширение консультативного функционала фармацевтов. Это поможет повысить безопасность тех, кто не всегда консультируется с медицинским работником по вопросам лечения, и вовлечь пациентов в процесс поддержания здоровья [9].
- Использование цифровых технологий. Гаджеты и мобильные приложения позволяют контролировать своё состояние и собирать данные о физическом и психическом состоянии, а также обращаться к интернет-источникам и социальным сетям [1].

Проведем анализ влияния информационных и коммуникационных технологий, а также медицинских технологий на практики заботы. Это позволит выявить как положительные, так и негативные аспекты взаимосвязи заботы о себе в сфере сохранения здоровья и технологий.

Изучим ключевые понятия, которые необходимо знать для дальнейшего исследования. Все чаще в современной системе здравоохранения мы слышим такой термин, как «телемедицина». Данный вид услуги по сохранению жизни и здоровья пациента применяется, когда критическим фактором является расстояние между врачом и больным. Работники здравоохранения используют различные информационно-коммуникационные технологии, чтобы решать следующие задачи: обмен информацией между ведомствами и отдельными

работниками; между работниками и пациентами для проведения диагностики, лечения и профилактики различных болезней и травм. Кроме этого, информационно-коммуникационные технологии применяются для непрерывного образования медицинских работников, для проведения различных исследований и сбора обратной связи в системе здравоохранения [3].

Важно отметить, что такой вид связи между пациентом и врачом, должен осуществляться на основе уже пройденного очного посещения лечебного учреждения. То есть только повторная консультация должна осуществляться через онлайн-консультацию. С использованием видеосвязи или телефонного звонка в рамках телемедицины пациент имеет возможность связаться с врачом и рассказать об изменениях в своем состоянии, о новых или, наоборот, исчезнувших симптомах. На основе этих данных врач дает дальнейшие предписания. Это позволяет пациенту соблюдать рекомендации, вести контроль своего состояния на протяжении всего этапа болезни [11].

Одной из разновидностей телемедицины является телемониторинг или дистанционный мониторинг здоровья [14]. Данная телемедицинская услуга позволяет контролировать состояние пациента с помощью специализированных портативных устройств. Обычно данные медицинские устройства позволяют фиксировать и анализировать различные параметры и биосигналы пациента. Через специальные сервисы пациенты могут быть на связи с врачами посредством аудио и видеосвязи, вести переписку, отправлять при необходимости фото и видеофайлы.

В первую очередь, дистанционный мониторинг подходит людям, которые должны находиться под постоянным наблюдением. Считывание их показателей специальными устройствами в обычной жизни позволяют сформировать значительную базу о состоянии пациента. В периоды изменения его эмоциональных, физических и психологических состояний можно получить гораздо больше необходимой информации, чем на обычном очном приеме.

Кроме мониторинга состояния пациента и онлайн-консультаций, применение информационно-коммуникационных технологий в сфере здравоохранения позволяет повышать грамотность людей относительно имеющихся у них заболеваний. Это является дополнительным терапевтическим средством, так как позволяет пациентам получить необходимую информацию о своем заболевании, о методах контроля своего состояния, об образе жизни, который необходимо соблюдать, о мерах профилактики. Это позволяет человеку в должной мере заботиться о своем здоровье и о себе, адаптироваться к заболеванию.

Развитие не только медикаментозных методов, но и озвученных дистанционных средств,

основанных на применении информационно-коммуникационных технологий позволяет повысить качество жизни населения, сформировать у людей эффективные паттерны поведения в сфере заботы о себе и своем здоровье [2]. В глобальных масштабах использование телемедицины может повысить и экономическую эффективность работы системы здравоохранения [4, 5, 6]. Практика заботы о себе, основанная на сохранении своего здоровья, может быть более осознанной и эффективной, когда барьеры между врачом и пациентом минимизированы с использованием дистанционных средств медицины [7].

Назовем еще несколько примеров использования информационно-коммуникационных технологий в сфере медицины.

1. Использование высокоточных роботов в проведении сложных операций. Проведение хирургических вмешательств с помощью роботизированных технологий позволяет повысить их точность и безопасность.

2. Анализ медицинских данных и прогнозирование с использованием искусственного интеллекта. Кроме этого, искусственный интеллект помогает диагностировать заболевания, составлять план лечения, оптимизировать различные медицинские процессы.

3. Система электронных медицинских записей позволяет структурировать, обрабатывать и хранить множество медицинских данных в электронном формате. Такой вид хранения данных обеспечивает быструю их передачу между ведомствами и специалистами. Значительно упрощает поиск необходимых данных о том или ином пациенте.

4. Для дистанционного мониторинга, о котором мы уже говорили, используются не только портативные устройства, но и различные мобильные приложения. Они позволяют производить пациентами эффективный самоконтроль. Обычно такие устройства фиксируют уровень физической активности, показатели артериального давления, уровень сатурации, стресса, сахара в крови.

Перечисленные технологии направлены в первую очередь на улучшение качества предоставляемых услуг учреждениями здравоохранения. Доступность и эффективность медицинских услуг позволяет людям заботиться о своем здоровье и благополучии [10].

Несмотря на существенные преимущества, которые были выделены выше, исследователи, в том числе зарубежные – М. Гуннес, И.С. Лё и Дж. Калсет, обеспокоены переходом медицины в онлайн-формат. Они отмечают, что повсеместное применение информационно-коммуникационных технологий ведет к минимизации «живых» контактов, что приводит к дегуманизации отношений и социальной изоляции пациентов [13].

Исходя из сказанного выше, мы можем отметить, что влияние информационно-коммуникационных

технологий на практики заботы о себе имеет как положительные, так и негативные аспекты.

Положительные аспекты

- Дистанционный мониторинг состояния здоровья. Позволяет контролировать ключевые жизненно важные функции организма.
- Телемедицина. Даёт возможность проконсультироваться онлайн с врачом без визита в поликлинику или больницу.
- Повышение информированности населения. Пациенты могут активно управлять своим заболеванием благодаря онлайн-порталам, на которых легко просматривать свои медицинские данные.

Негативные аспекты

- Дегуманизация заботы. Дистанционные технологии создают дистанцию между медицинскими работниками и пациентами, что может препятствовать оказанию помощи традиционным способом (лицом к лицу).
- Социальная изоляция. Цифровые технологии помогают врачу наладить контакт с пациентом на расстоянии, но могут препятствовать установлению более тесных взаимоотношений, находясь рядом с пациентом.

Практическая значимость статьи раскрывается в том, что сегодня эти идеи особо актуальны для психологии, психотерапии и современной философии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что идеи античной философии заботы о себе могут быть адаптированы для применения в современных практиках психологии и личностного роста.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания античной философии и её актуальности в современных философских дискуссиях.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что данная статья, рассматривающая философские аспекты практики заботы о себе в контексте технологических изменений в здравоохранении, является чрезвычайно актуальной, поскольку способствует критическому осмыслению как возможностей, так и вызовов цифровой трансформации медицины и разработке ответственных и этических подходов к заботе о себе в современном мире.

Литература

1. Богомяглова Е. «Доверяй, но проверяй»: практики заботы о здоровье в условиях цифровизи-

- зации здравоохранения / Е. Богомягова // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20. № 2. С. 215–230.
2. Васильков В.Г., Сафронов А.И. Телекоммуникационные технологии и развитие службы медицины критических состояний // Информационные технологии. 2000. № 6. С. 48–50.
 3. Всемирная организация здравоохранения. Телемедицина. Возможности и развитие в государствах-членах. 2012. Т. 2. С. 9.
 4. Инглис С., Кларк Р., Макалистер Ф. Структурированная поддержка по телефону или телемониторинг программ для пациентов с хронической сердечной недостаточностью // Кокрановская база данных систематических обзоров. 2010. Вып. 8.
 5. Казаков В.Н., Владимирский А.В., Дорохова Е.Т. Телемедицина в практике семейного врача // Украинский журнал телемедицины. 2005. № 3(2). С. 124–130.
 6. Лебедева Г.С., Симакова О.В., Мухина Ю.Ю. Информационные технологии в медицине (Тематический научный сборник). Москва: Радиотехника, 2010. 152 с.
 7. Лямина Н.П., Котельникова Е.В., Наливаева А.В., Карпова Э.С. Информационно-коммуникационные технологии в медицине: современные тренды // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3.
 8. Международный день заботы о себе // Здоровый Хабаровск. Режим доступа: <https://xn-80aaccdhusn7aaftr1dzf.xn-p1ai/activity/mezhdunarodnyj-den-zaboty-o-sebe/> (дата обращения: 01.02.2025).
 9. Международный день заботы о себе: каждый сам в ответе за свое здоровье // Журнал «Стратегия». Режим доступа: <https://strategyjournal.ru/rossiya-i-mir/mezhdunarodnyj-den-zaboty-o-sebe-kazhdyj-sam-v-otvete-za-svoe-zdorove/> (дата обращения: 01.02.2025).
 10. Сертасова О.В. Развитие телемедицины: новые возможности и тенденции в медицинской индустрии // Экономика и социум: современные модели развития. 2024. Т. 14, № 2. С. 113–128.
 11. Тарасова Т.В. Телемедицина в современной системе здравоохранения // Молодой ученый. 2022. № 1 (396). С. 43–44.
 12. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. Москва: Издательство Наука, 1996. 269 с. (дата обращения: 01.02.2025).
 13. Gunnes M., Løe I.C. & Kalseth J. Exploring the impact of information and communication technologies on loneliness and social isolation in community-dwelling older adults: a scoping review of reviews. *BMC Geriatr* 24, 215 (2024).
 14. Remote patient monitoring (RPM). Режим доступа: <https://www.techtarget.com/searchhealthit/definition/remote-patient-monitoring-RPM/> (дата обращения: 01.02.2025).

TECHNOLOGY AND CARE: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Salikov R.R.

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova

The article is devoted to the study of modern self-care practices in the context of the development of the healthcare system. The article begins by defining the main difference between modern self-care practices in antiquity and in the modern world. The following is a brief description of the relationship between the concept of self-care and the healthcare system. The article describes the most relevant ways of using information and communication technologies in medicine: telemedicine, remote monitoring, the use of artificial intelligence, and more. The final part of the article summarizes the data on the positive and negative aspects of the use of modern technologies in the healthcare system in the context of self-care practices. Convenience and ease of use, remote monitoring and consultations, improving medical literacy through online services – all these, at first glance, positive aspects, can have such negative consequences as dehumanization of patient care and social isolation of some patients.

Keywords: self-care, health care, healthcare system, information and communication technologies, telemedicine, remote monitoring, dehumanization, social isolation.

References

1. Bogomyagkova E. "Trust, but verify": health care practices in the context of digitalization of health care / E. Bogomyagkova // Journal of Social Policy Studies. – 2022. – Vol. 20. No. 2. P. 215–230.
2. Vasilkov V.G., Safronov A.I. Telecommunication technologies and the development of critical care services // Information technologies. 2000. No. 6. P. 48–50.
3. World Health Organization. Telemedicine. Opportunities and development in Member States. 2012. Vol. 2. P. 9.
4. Inglis S., Clarke R., McAllister F. Structured telephone support or telemonitoring programs for patients with chronic heart failure // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2010. Iss. 8.
5. Kazakov V.N., Vladzimirsky A.V., Dorokhova E.T. Telemedicine in the practice of a family doctor // Ukrainian journal of telemedicine. 2005. No. 3(2). P. 124–130.
6. Lebedeva G.S., Simakova O.V., Mukhina Yu.Yu. Information technologies in medicine (Thematic scientific collection). Moscow: Radio Engineering, 2010. 152 p.
7. Lyamina N.P., Kotelnikova E.V., Nalivaeva A.V., Karpova E.S. Information and communication technologies in medicine: modern trends // Modern problems of science and education. 2016. No. 3.
8. International Day of Self-Care // Healthy Khabarovsk. Access mode: <https://xn-80aaccdhusn7aaftr1dzf.xn-p1ai/activity/mezhdunarodnyj-den-zaboty-o-sebe/> (date accessed: 01.02.2025).
9. International Self-Care Day: Everyone is Responsible for Their Own Health // Strategy Magazine. Access mode: <https://strategyjournal.ru/rossiya-i-mir/mezhdunarodnyj-den-zaboty-o-sebe-kazhdyj-sam-v-otvete-za-svoe-zdorove/> (date accessed: 01.02.2025).
10. Sertakova O.V. Development of telemedicine: new opportunities and trends in the medical industry // Economy and society: modern development models. 2024. Vol. 14, No. 2. Pp. 113–128.
11. Tarasova T.V. Telemedicine in the modern health care system // Young scientist. 2022. No. 1 (396). Pp. 43–44.
12. Jung K.G. The structure of the psyche and the process of individuation. Moscow: Nauka Publishing House, 1996. 269 p. (date accessed: 01.02.2025).
13. Gunnes M., Løe I.C. & Kalseth J. Exploring the impact of information and communication technologies on loneliness and social isolation in community-dwelling older adults: a scoping review of reviews. *BMC Geriatr* 24, 215 (2024).
14. Remote patient monitoring (RPM). Access mode: <https://www.techtarget.com/searchhealthit/definition/remote-patient-monitoring-RPM/> (accessed: 01.02.2025).

Применение больших данных в финансовом секторе: теоретический анализ

Черненко Федор Олегович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Пушкарев Алексей Борисович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Колузанов Филипп Эдуардович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Внедрение в финансовый сектор технологии больших данных (Big Data) нацелено на повышение эффективности работы банков и других финансовых организаций, улучшение бизнес-процессов, снижение финансовых, кредитных, рыночных и других рисков. С одной стороны, данные цели действительно достигаются за счет использования голосовых и виртуальных помощников, технологии аутентификации, автоматического обзвона клиентов по поводу кредитной задолженности, усовершенствованного кредитного скоринга, компьютерного зрения, data-driven маркетинга и т.д. С другой же стороны, в настоящий момент еще не созданы все необходимые условия для более активного внедрения технологий больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения. Это обусловлено несколькими причинами: недостаточной разработанностью законодательной базы относительно инновационных технологий и их применения в финансовой сфере; высоким уровнем монополизации рынка из-за недостатка финансовых средств и ресурсов у небольших банков; киберугрозами в виде кражи персональных данных и финансовых средств банковских клиентов; несформированностью отечественного рынка программного обеспечения. В связи с этим в статье выделен ряд условий, способствующих развитию технологий: повышение доступности и качества данных, то есть предоставление банкам и другим участникам финансового рынка доступа к государственным базам данных, а также внедрение технологии Открытых API; развитие и повышение доступности инфраструктуры и программного обеспечения для разработки решений в области больших данных и искусственного интеллекта; развитие научной базы в области обработки и использования больших данных и искусственного интеллекта; развитие профессиональных компетенций у специалистов ИТ-сферы в области больших данных; преодоление высокого уровня монополизации рынка и поддержка небольших региональных банков.

Ключевые слова: большие данные, машинное обучение, искусственный интеллект, финансовый сектор, финансовые организации.

Введение

Современные технологии проникают во все сферы экономики. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», одной из национальных целей развития страны является цифровая трансформация экономики [14]. Благодаря высокой востребованности финансовых услуг и насыщенности рынка банки являются наиболее восприимчивыми к цифровизации и активно внедряют технологии больших технологий, а также необходимых для их обработки, анализа и использования технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Использование цифровых технологий и внедрение платформенных решений дает банкам значительные преимущества: позволяет сократить затраты на рутинные бизнес-процессы, понизить кредитный риск за счет осуществления более глубокого кредитного скоринга, создать новые ценности для клиентов и пр. На макроуровне цифровые технологии обеспечивают доступность финансовых услуг для жителей отдаленных регионов, способствуют развитию финансового сектора и конкуренции на рынке. В то же время цифровизация и применение технологии больших данных связана с рядом проблем и рисков, которые требуют в первую очередь теоретического осмысления. В этом контексте интерес представляют условия, необходимые для развития и распространения технологии больших данных в финансовом секторе.

Определение больших данных и искусственного интеллекта

Согласно определению, представленному в докладе Банка России, большие данные – это «информационный ресурс, удовлетворяющий критериям большого объема содержащейся информации, большой скорости ее обработки и большого разнообразия данных, который требует эффективных, экономичных и инновационных форм обработки информации и в результате позволяет улучшить анализ данных, принятие решений и автоматизацию процессов» [2, с. 3]. В национальном стандарте стандарте ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546–2021 представлено похожее определение понятия больших данных: «это большие массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые

требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа» [6]. Другие исследователи полагают, что большие данные представляют собой совокупность специальных подходов, инструментов и методов обработки неструктурированных данных, имеющих настолько большой вес, что это не позволяет использовать традиционные или «ручные» способы [8].

Иными словами, большие данные представляют собой значительные массивы неструктурированной информации, получаемой из различных источников (интернет и социальные сети, приложения, записи с камер видеонаблюдения, данные о платежах и переводах и пр.), которые необходимо обрабатывать с помощью специальных методов для последующего использования.

Использование больших данных возможно только при условии их обработки с помощью специализированных методов, в частности, машинного обучения и нейросетей, которые входят в состав технологий искусственного интеллекта.

Несмотря на то что искусственный интеллект применяется в различных областях человеческой деятельности, до сих пор среди исследователей нет единого мнения по поводу интерпретации данного понятия. Это объясняется разнообразием сфер, задач и целей использования ИИ. Д. Кастро и Дж. Нью полагают, что искусственный интеллект представляет собой отдельную область компьютерных наук, целью которой является создание машин и систем, способных к выполнению операций, аналогичных человеческому обучению [16]. Похожее определение предлагают Э. Рич, К. Найт и Ш.Б. Нейр, утверждая, что искусственный интеллект нацелен на формирование способности у компьютеров выполнять функции, которые выполняет человек [17]. А. Гурко считает, что основным назначением искусственного интеллекта является выполнение интеллектуальных задач [7].

Искусственный интеллект – это технология, способная к обучению на основе больших данных и определенных алгоритмов. К основным технологиям ИИ относятся машинное обучение (Machine Learning, ML) и глубокое обучение (Deep Learning) на основе искусственных нейронных сетей (Artificial Neural Networks).

Машинное обучение представляет собой технологию, которая с помощью математических моделей и данных помогает компьютерам обучаться без непосредственных инструкций со стороны человека. На данный момент эта технология является самой востребованной технологией ИИ – около 90% методов ИИ основаны на методах машинного обучения [5]. Глубокое обучение представляет собой вид машинного обучения на основе искусственных нейронных сетей, что позволяет имитировать процесс человеческого мышления.

Область применения больших данных и необходимых для их обработки технологий искусственно-

го интеллекта охватывает многочисленные сферы и отрасли. Так, в области государственного управления они применяются для анализа состояния здравоохранения, занятости, уровня экономической стабильности, борьбы с преступностью и пр., что позволяет принимать более взвешенные и эффективные решения. Кроме того, большие данные активно используются налоговыми органами при обработке представленных в электронном виде деклараций, счетов-фактур и т.д. [15]. В здравоохранении использование аналитики больших данных позволяет повышать качество медицинских услуг, снижать операционные и организационные затраты, предоставлять возможности персонализированного лечения и пр. [10]. В сфере промышленности анализ больших данных дает возможность оптимизировать бизнес-процессы, снизить риск несчастных случаев на производстве, прогнозировать изменения в производственных процессах [1].

Использование больших данных и искусственного интеллекта в финансовом секторе

Вопрос применения больших данных в финансовом секторе, как и во множестве других отраслей и сфер, является логичной закономерностью технического и научного прогресса последних десятилетий. В данной сфере обработка и использование больших данных позволяет финансовым учреждениям повышать эффективность своей деятельности, увеличивать точность кредитного скоринга, разрабатывать персонализированные предложения и продукты для своих клиентов, с большей точностью прогнозировать платежеспособность заемщиков на основании истории их платежей, покупок и пр.

Эксперты прогнозируют, что мировой рынок ИИ-решений в 2023–2030 гг. вырастет со 196,6 млрд до 1,8 трл долл. США, а экономического эффект от применения в различных отраслях составит 25 трл долл. США [18]. В России развитие технологий искусственного интеллекта является одним из приоритетных направлений развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. [3]. При этом ведущую роль в регулировании развития данного направления играет Банк России, придерживающийся риск-ориентированного подхода, то есть подхода, основанного на определении и устранении барьеров внедрения ИИ, минимизации рисков от использования этих технологий.

На данный момент около 31% организаций из различных отраслей экономики России используют технологии ИИ, при этом финансовый сектор занимает лидирующее положение – технологии ИИ применяют более 55% участников финансового рынка.

Кроме того, в финансовом секторе активно применяются методы машинного обучения, что обусловлено широким спектром задач, которые выполняют данные методы:

- задача регрессии, то есть прогнозирование на основе данных. Ярким примером решения данной задачи в финансовой сфере является кредитный скоринг на основе истории обращения в финансовые организации, подачи налоговых деклараций, места работы, возраста, уровня дохода и пр.;
- задача классификации – формирование класса данных на основе определенных признаков. Примером ее решения является классификация ценных бумаг по предполагаемой доходности;
- задача кластеризации – это распределение данных по группам на основании наличия общих признаков. К примеру, это может быть сегментирование клиентов по месту проживания, паттернам поведения, потребностям, интересам, полу, возрасту и пр.;
- задача выявления аномалий – как следует из самого названия задачи, это выявление нарушений, отклонений, искажений в данных. В финансовом секторе примером решения этой задачи является выявление мошеннических схем и действий, которые в основном отличны от тех действий, которые осуществляют клиенты банка. Благодаря своевременному решению задачи выявления аномалий сотрудники службы безопасности финансовых организаций могут своевременно остановить подозрительные транзакции, выявить несанкционированный доступ в личный кабинет, связаться с клиентом и таким образом, предотвратить хищение денежных средств или личных данных пользователей.

Ключевыми направлениями использования глубокого обучения в финансовом секторе являются следующие:

- компьютерное зрение (Computer Vision), нацеленное на распознавание и извлечение информации из данных, имеющих визуальные формы (жесты, лица, изображения). Примером использования компьютерного зрения является распознавание информации на бумажных носителях;
- обработка естественного языка (Natural Language Processing) позволяет компьютерам понимать и генерировать текстовую информацию – это чат-боты, генерация текстового контента и пр.;
- распознавание и синтез речи (Automatic Speech Recognition & Text-To-Speech) – направлено на распознавание и цифровое преобразование человеческой речи. В финансовом секторе это функциональное направление нашло свое отражение в создании голосовых и виртуальных

помощников, речевой аналитики, аутентификации, автоматизации обзвонів клиентов по поводу кредитной задолженности.

Рассмотрим как российские финансовые учреждения внедряют технологии обработки больших данных в свою деятельность на примере ПАО «Сбербанк». ПАО «Сбербанк», являясь лидирующим банком в стране, занимается активной разработкой собственных цифровых технологий на платформе компании СберТех. Компания разработала собственные технологии хранения и обработки данных и за счет применения инновационных подходов добилась высокой производительности на внутреннем аналитическом хранилище. На данный момент одним из наиболее инновационных решений ПАО «Сбербанк» является графовая платформа, которая объединяет возможности методов графовой аналитики, которая позволяет осуществлять анализ не только объектов и их характеристик, но также связей с другими объектами, и технологии больших данных [12]. Графовая аналитика ПАО «Сбербанк» дает возможность формировать портрет клиента банка «360 градусов», оптимизировать поставки, маркетинговые стратегии и таргетинг, предоставляя клиентам предложения на основе истории их обращения не только в ПАО «Сбербанк», но также другие финансовые учреждения, истории их покупок, посещения сайтов в интернете и т.д.

Для реализации всех возможностей технологий в целях решения различных бизнес-задач СберТех создал технологическую платформу, не имеющую аналогов в России и представляющую собой 100% российскую разработку, не имеющую в своем составе импортных технологий. Ядро платформы составляет написанная с нуля графовая база данных FastGraph, а также технологии стека Hadoop. На 2023 г. Единый граф клиентских связей создавал данные различных видов из 15 источников, при этом сервис горизонтально масштабируется, а потому количество источников и данных постоянно растет.

Стоит также отметить проект чековой аналитики ПАО «Сбербанк», который заключается в обработке больших данных, сформированных из истории покупок клиентов банка [11]. Решение о запуске проекта было вызвано стремлением получить более детализированную информацию о транзакциях клиентов, что позволяет глубже понять клиента и его жизненную ситуацию, потребности, интересы и привычки. Сложность в реализации проекта изначально заключалась в том, что необработанные чеки содержат большое количество ненужной и искаженной информации. С помощью модели на основе искусственного интеллекта сотрудники ПАО «Сбербанк» смогли с согласия клиентов обрабатывать и извлекать из чеков ценные данные. Аналитика чеков – это один из крупнейших проектов обработки больших данных на рын-

ке банковских услуг, так как согласие на подключение аналитики чеков дали 90% пользователей мобильного приложения «СберБанк Онлайн» – это более 70 млн человек. Аналитика чеков полезна не только банку, но также самим клиентам. Она дает им возможность более детально анализировать структуру своих расходов и управлять семейным бюджетом.

Для обеспечения кибербезопасности ПАО «Сбербанк» и его клиентов на данный момент используется более 100 моделей искусственного интеллекта, в том числе основанных на больших данных. Фундаментом этих моделей является Платформа кибербезопасности. Ежедневно в компании обрабатывается около 500 млрд событий в сфере кибербезопасности, что позволяет быстро выявлять угрозы и вовремя их предотвращать [13].

Благодаря искусственному интеллекту в 2024 г. стало меньше нападений на офисы ПАО «Сбербанк». Это стало возможным за счет того, что ИИ позволяет прогнозировать потенциальные угрозы и своевременно принимать меры по их предотвращению [9]. Кроме того, ИИ позволяет повышать безопасность и в других областях. К примеру, на данный момент искусственный интеллект активно внедряется в работу инкассации и службы безопасности.

В целом, искусственный интеллект внедрен в 85% процессов банка, а прибыль от его применения в 2024 г. прогнозировалась в размере 400–500 млрд руб. [9]. ИИ меняет бизнес-процессы банка: ускоряет срок выдачи кредита от нескольких недель до нескольких минут, постепенно повышает эффективность работы банка, защищает данные клиентов, осуществляет кредитный скоринг.

Условия развития технологий больших данных на российском финансовом рынке

Внедрение технологий обработки и аналитики больших данных ведет к повышению эффективности отдельных бизнес-процессов и деятельности организаций в целом. Финансовый сектор является наиболее активным во внедрении подобных технологий, однако на данный момент существует ряд значимых барьеров, которые замедляют и затрудняют этот процесс. Во-первых, это нормативные пробелы в регулировании цифровых технологий в России. Темпы разработки и совершенствования нормативно-правовой базы регулирования цифровых технологий, в том числе в области использования больших данных, отстают от темпов развития данных технологий. Это приводит к тому, что полноценное использование технологий обработки больших данных в этих условиях не представляется возможным. К примеру, в законе нет упоминания правил использования такой технологии, как роботы-коллекторы, которые на основе данных

о задолженности банковских клиентов производят автоматический обзвон.

Во-вторых, на рынке финансовых цифровых технологий наблюдается высокий уровень монополизации из-за того, что разработка данных технологий требует значительных финансовых и технических средств, которые есть только у крупных рыночных игроков. В-третьих, из-за недостаточно высокого уровня обеспечения информационной безопасности до сих пор в банках происходят утечки персональных данных клиентов. К примеру, в октябре 2023 г. были похищены данные 1 млн клиентов МТС Банка, которые содержали имена, номера телефонов, ИНН и пр. В-четвертых, такие технологии, как технологии обработки больших данных, быстро устаревают, что требует постоянных инвестиций для их обновления и разработки новых решений. Кроме того, в 2022 г. российские финансовые организации и сотрудничающие с ними отечественные ИТ-компании столкнулись с проблемой ухода зарубежных компаний с российского рынка и отзывом технологических решений.

Основными условиями развития технологий больших данных и искусственного интеллекта являются следующие.

1. Повышение доступности и качества данных – это включает в себя предоставление доступа финансовых организаций и других участников финансового рынка к государственным базам данных, развитие механизмов обработки персональных данных и внедрение технологии Открытых API. Наиболее востребованными для финансовых учреждений являются данные Госуслуг, ФНС России, Социального фонда, МВД и пр. Данные, получаемые из этих источников, повышают эффективность кредитного скоринга и оценки платежеспособности клиентов. В то же время эти сведения содержат персональные данные и данные, представляющие собой банковскую, налоговую тайну, а потому необходима детальная проработка регулятором процесса предоставления и использования данных.

2. Развитие и повышение доступности инфраструктуры и программного обеспечения для разработки решений в области больших данных и искусственного интеллекта – это условие включает в себя формирование отечественной вычислительной инфраструктуры, использование общедоступного программного обеспечения и развитие отечественного программного обеспечения. Ввиду того, что разработка современных моделей ИИ и методов обработки больших данных требует значительных финансовых вложений, а также кадровых ресурсов, со стороны государства должны формироваться соответствующие кластеры ИИ, которые будут выступать в качестве центров по привлечению специалистов в области ИТ, инвестиций и инноваций.

Одной из важнейших целей в области ФинТеха в России в последние годы является развитие отечественного ПО и решений в области ИИ. При этом главным барьером в ее достижении является высокая стоимость разработок – в 2022 г. на фоне геополитических потрясений стоимость разработки ПО и ИТ-систем на базе искусственного интеллекта и больших данных повысилась на 30–40% [5].

3. Развитие научной базы в области обработки и использования больших данных и искусственного интеллекта. На данный момент Россия и ее финансовый сектор в частности обладают значительным потенциалом для развития технологий ИИ и больших данных. При этом необходима научная основа в виде различного рода исследований и работ в данной области.

4. Развитие профессиональных компетенций – с ростом востребованности в ИИ-технологиях растет и востребованность в высококвалифицированных кадрах. При этом до сих пор в стране наблюдается недостаток специалистов именно в области работы с ИИ и большими данными [4].

5. Развитие конкуренции – для активного развития рынка технологий больших данных в финансовом секторе должны быть предоставлены равные права и возможности для компаний разного размера. В настоящее время средние и небольшие финансовые организации инвестируют в ИИ и большие данные в 500 раз меньше, чем крупные игроки, что создает значительный дисбаланс на рынке.

Заключение

Цифровизация и внедрение технологий больших данных является системным фактором значительной трансформации финансового сектора в условиях высокой конкуренции. Благодаря новым технологиям меняются бизнес-модели взаимодействия финансовых организаций с потребителями, повышается эффективность бизнес-процессов, снижаются издержки, растет эффективность функционирования финансового сектора.

Обеспечивая банки и других участников финансового рынка несомненными преимуществами, применение технологий Big Data в то же время имеют и недостатки: недостаточная разработанность законодательной базы относительно инновационных технологий и их применения в финансовой сфере; высокий уровень монополизации рынка из-за недостатка финансовых средств и ресурсов у небольших банков; киберугрозы и кибератаки в виде кражи персональных данных и финансовых средств банковских клиентов; несформированность отечественного рынка программно-обеспечения.

Для того чтобы технологии больших данных более активно развивались в финансовом секторе, необходимо создание специальных условий: по-

вышение доступности и качества данных, то есть предоставление банкам и другим участникам финансового рынка доступа к государственным базам данных, а также внедрение технологии Открытых API; развитие и повышение доступности инфраструктуры и программного обеспечения для разработки решений в области больших данных и искусственного интеллекта; развитие научной базы в области обработки и использования больших данных и искусственного интеллекта; развитие профессиональных компетенций у специалистов ИТ-сферы в области больших данных; преодоление высокого уровня монополизации рынка и поддержка небольших региональных банков.

Соблюдение этих условий позволит преодолеть имеющиеся на данный момент недостатки и риски применения технологий больших данных и будет способствовать развитию финансовой доступности, доверия между участниками рынка, обеспечению здоровой конкуренции и стабильности финансового сектора.

Литература

1. Баймухаммедов Д., Тыллануров Ы., Ходжадурдыев Х., Какабаев Ч. Цифровая трансформация в промышленности: роль интернета вещей, облачных технологий и больших данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3–2 (90). С. 15–18. doi: 10.24412/2500-1000-2024-3-2-15-18.
2. Банк России. Использование больших данных в финансовом секторе и риски финансовой стабильности, Москва, 2021. – 32 с.
3. Банк России. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов. – М., 2023. – 65 с.
4. Банк России. Применение технологий искусственного интеллекта на финансовом рынке. Доклад для общественных консультаций. – М., 2023. – 52 с.
5. Банк России. Применении искусственного интеллекта на финансовом рынке. – М., 2023. – 52 с.
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь. – М.: Стандартиформ, 2021. – 11 с.
7. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
8. Звонова Е. А., Глебова А. Г. Мировой финансовый рынок и Россия. – М.: КНОРУС, 2021. – 340 с.
9. Искусственный интеллект в Сбербанке [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Искусственный_интеллект_в_Сбербанке (дата обращения: 12.02.2025).

10. Панов А.И. Использование аналитики больших данных в здравоохранении // Экономика и качество систем связи. 2023. № 3 (29). С. 21–30.
11. Сбер: анализ чеков для идеального понимания клиентов, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cio.osp.ru/articles/040322-Sber-analiz-chekov-dlya-idealnogo-ponimaniya-klientov> (дата обращения: 12.02.2025).
12. Сбер: графовая аналитика на больших данных, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cio.osp.ru/articles/100423-Sber-grafovaya-analitika-na-bolshih-dannyh> (дата обращения: 12.02.2025).
13. Сбербанк (информационная безопасность) [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Сбербанк\(информационная_безопасность\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Сбербанк(информационная_безопасность)) (дата обращения: 12.02.2025).
14. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.02.2025).
15. Шевцова И. В., Днепровская Н.В. Специфика производства и использования больших данных в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. 39–60. doi:10.17323/1999-5431-2024-0-1-39-60.
16. Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence. – Washington, DC, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
17. Rich E., Knight K., Nair S.B. Artificial Intelligence. – New Delhi, 2009. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> (дата обращения: 12.02.2025).
18. The Economic Potential of Generative AI: The next productivity frontier. McKinsey. 2023. – 68 p.

APPLICATION OF BIG DATA IN THE FINANCIAL SECTOR: A THEORETICAL ANALYSIS

Chernenkov F.O., Pushkarev A.B., Koluzanov Ph.E.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The introduction of big data technology into the financial sector is aimed at improving the efficiency of banks and other financial institutions, improving business processes, and reducing financial, credit, market, and other risks. On the one hand, these goals are actually achieved through the use of voice and virtual assistants, authentication technology, automatic customer calls about credit debt, advanced credit scoring, computer vision, data-driven marketing, etc. On the other hand, at the moment, all the necessary conditions have not yet been created for more active implementation of big data technologies, artificial intelligence and machine learning. This is due to several reasons: insufficient development of the legislative framework regarding innovative technologies and their application in the financial sector; high level of market monopolization due to lack of funds and resources from small banks; cyber threats in the form

of theft of personal data and financial resources of banking customers; the lack of formation of the domestic software market. In this regard. The article highlights a number of conditions that contribute to the development of technologies: increasing the availability and quality of data, that is, providing banks and other financial market participants with access to government databases, as well as the introduction of Open API technology; developing and increasing the availability of infrastructure and software for developing solutions in the field of big data and artificial intelligence.; development of a scientific base in the field of processing and using big data and artificial intelligence; development of professional competencies of IT specialists in the field of big data; overcoming the high level of market monopolization and support for small regional banks.

Keywords: big data, machine learning, artificial intelligence, financial sector, financial organizations.

References

1. Baimukhammadov D., Tyllanurov Y., Khodjadurdyev H., Kakabayev Ch. Digital transformation in industry: the role of the Internet of things, cloud technologies and big data // International journal of humanitarian and natural sciences. 2024. No. 3–2 (90). P. 15–18. doi:10.24412/2500-1000-2024-3-2-15-18.
2. Bank of Russia. Use of big data in the financial sector and risks of financial stability, Moscow, 2021. – 32 p.
3. Bank of Russia. Main directions of development of financial technologies for the period 2025–2027. – Moscow, 2023. – 65 p.
4. Bank of Russia. Application of artificial intelligence technologies in the financial market. Report for public consultations. – M., 2023. – 52 p.
5. Bank of Russia. Application of artificial intelligence in the financial market. – M., 2023. – 52 p.
6. GOST R ISO/IEC 20546–2021. National standard of the Russian Federation. Information technology. Big data. Review and dictionary. – M.: Standartinform, 2021. – 11 p.
7. Gurko A. Artificial intelligence and copyright: a look into the future // Intellectual property. Copyright and related rights. 2017. No. 12. Pp. 7–18.
8. Zvonova E. A., Glebova A.G. Global financial market and Russia. – M.: KNORUS, 2021. – 340 p.
9. Artificial intelligence in Sberbank [Electronic resource]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Изклассенный_интелителер_в_Сбербанке (date of access: 12.02.2025).
10. Panov A.I. Use of big data analytics in healthcare // Economy and quality of communication systems. 2023. No. 3 (29). P. 21–30.
11. Sber: receipt analysis for an ideal understanding of clients, 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://cio.osp.ru/articles/040322-Sber-analiz-chekov-dlya-idealnogo-ponimaniya-klientov> (date of access: 12.02.2025).
12. Sber: graph analytics on big data, 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://cio.osp.ru/articles/100423-Sber-grafovaya-analitika-na-bolshih-dannyh> (date of access: 12.02.2025).
13. Sberbank (information security) [Electronic resource]. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Сбербанк\(исключение_на_12.02.2025\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Сбербанк(исключение_на_12.02.2025)).
14. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (date of access: 12.02.2025).
15. Shevtsova I. V., Dneprovskaya N.V. Specifics of production and use of big data in public administration // Issues of public and municipal administration. 2024. No. 1. 39–60. doi: 10.17323/1999-5431-2024-0-1-39-60.
16. Castro D., New J. The Promise of Artificial Intelligence. – Washington, DC, 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (date of access: 10.02.2025).
17. Rich E., Knight K., Nair S.B. Artificial Intelligence. – New Delhi, 2009. [Electronic resource] – URL: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> (accessed: 12.02.2025).
18. The Economic Potential of Generative AI: The next productivity frontier. McKinsey. 2023. – 68 p.

